

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

5

1954

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ВОПРОСЫ
ФИЛОСОФИИ

·ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

5

1 9 5 4

За творческую разработку вопросов диалектического материализма

Возникновение философии диалектического материализма в 40-х годах прошлого столетия было величайшим событием в истории человеческого мышления, в освободительной борьбе рабочего класса. Мы с полным правом говорим об этом событии как о подлинной революции, давшей человечеству научное мировоззрение и вооружившей пролетариат могучим философским оружием в борьбе за революционное преобразование мира.

Распространив диалектический материализм на общественную жизнь, основоположники марксизма Маркс и Энгельс совершили переворот в понимании одного из самых трудных и запутанных до них вопросов — вопроса о том, как живет и развивается общество, каковы законы и движущие силы его развития. Благодаря диалектическому и историческому материализму социализм из утопии, мечты превратился в науку. Диалектический материализм и научный коммунизм — неразрывно связанные между собой стороны единого всепобеждающего марксистского учения, вылитого, по выражению Ленина, из одного куска стали.

За то и ненавидят враги рабочего класса и всех трудящихся марксистскую философию, что она является инструментом теоретического обоснования объективной неизбежности гибели капитализма и победы коммунизма, что из нее сам собой вытекает пролетарский социализм. Идеологи современной империалистической буржуазии, а также защитники и пособники буржуазии из лагеря правых социалистов не могут скрыть своего страха перед растущим влиянием марксистско-ленинского учения в целом и философии марксизма-ленинизма в частности. Под знаменем этого учения более 900 миллионов людей, сбросивших уже с себя цепи рабства, строят свободную жизнь. Под этим знаменем борются миллионы людей в странах, где еще господствует капитал. Есть над чем призадуматься апологетам буржуазии!

Не удивительно, что ныне, как никогда, весь фронт идеологических защитников капитализма — от папской «академии» Ватикана до «философов» правого социализма — ополчается против марксистско-ленинского учения, пытаясь парализовать его влияние. Сознывая растущее банкротство буржуазной философии, идеологи капитализма предпринимают судорожные попытки противопоставить марксизму и его философии систему взглядов, которая могла бы соперничать с неуклонно растущим влиянием великих идей коммунизма.

Но что может дать современная буржуазная идеология трудящимся людям, стонущим под прессом монополистического капитала? В буржуазных странах в изобилии возникают различные философские системки и школки, но какими бы новыми, замысловатыми наименованиями они ни прикрывались, им не затушевать того факта, что империализм означает для человечества новые войны, новые опустошающие экономические кризисы, безработицу, нищету и т. д. Никакие псевдофилософские теории не могут надолго скрыть от трудящихся антинародную, звериную сущность

империализма. Жизнь учит людей видеть правду, а правда на стороне лагеря мира, демократии и социализма.

Конечно, было бы грубой и опасной ошибкой хоть сколько-нибудь недооценивать возможностей воздействия буржуазной идеологии на сознание масс в капиталистических странах. Нельзя забывать, что и мы не застрахованы от проникновения в нашу страну влияний буржуазной идеологии, пытающейся подогреть пережитки капитализма в сознании советских людей. Нельзя ни на минуту ослаблять борьбы с «философией» империализма, отравляющей своим гниением окружающую атмосферу.

Огромная честь выпала нам, работникам в области философии, как и работникам в других областях коммунистической идеологии, — быть пропагандистами великого мировоззрения марксизма-ленинизма, того мировоззрения, под знаменем которого все лучшее, что есть в современном человечестве, борется и побеждает. Но эта честь обязывает ко многому. Она требует неустанной и систематической работы, направленной на дальнейшее творческое развитие и совершенствование философской теории марксизма, его метода.

* * *

Диалектический материализм — творчески развивающаяся наука. Маркс и Энгельс, разработав в середине прошлого столетия основные положения диалектического материализма, не успокоились на этом. На протяжении всей своей деятельности они развивали, двигали вперед марксистскую философскую науку. Они не смотрели на нее как на законченное, неразвивающееся учение, которое остается лишь как догму заучить. Признавая диалектический материализм великим орудием познания и революционного действия, они требовали понимания того, что в процессе применения этого орудия к живой, изменяющейся жизни оно само должно совершенствоваться, оттачиваться, улучшаться.

Хорошо известно указание Энгельса о том, что с каждым крупным открытием науки, составляющим эпоху в истории человеческих знаний, философский материализм неизбежно принимает новый вид, новую форму. Это не значит, конечно, что новые открытия науки требуют отмены каких-либо принципов диалектического материализма. Это лишь означает, что, будучи орудием исследования развивающейся и изменяющейся действительности, инструментом отыскания новых истин, диалектический материализм сам впитывает новейшие достижения науки, обогащается ими, творчески развивается. Точно так же развивается и обогащается диалектический материализм, принимая новый вид в связи с коренными изменениями, совершающимися в развитии общества.

Наиболее общие законы развития, которые исследует диалектический материализм, не могут иметь и никогда не имеют какой-то одинаковой и стандартной формы проявления в разных исторических условиях. Одно дело, например, — диалектика развития в условиях капитализма и другое дело — диалектика развития в условиях социализма. Не учитывать этого — значит изменять диалектике, превращать ее в метафизику. Но это обстоятельство и требует дальнейшего развития самого метода марксизма и понимания всей опасности подхода к нему как к окаменевшей догме.

Таким образом, в процессе роста и развития науки, в процессе исследования новых, изменившихся условий, новых данных общественной практики, в процессе непосредственной деятельности по преобразованию общества раскрываются новые грани, новые возможности, новые стороны диалектического материализма, что позволяет ему быть вечно живым и неиссякаемым источником, могущественным инструментом познания и революционного действия.

Именно это имел в виду Ленин, когда он в своем замечательном определении диалектики, данном в «Философских тетрадах», указывал, что она есть *«живое, многостороннее (при вечно увеличивающемся*

числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности...» (стр. 330. 1947). Эти новые стороны и оттенки не выдумываются человеком, а порождаются самой исторически развивающейся действительностью, растущим богатством практических отношений общества к природе.

Отсюда следует вывод принципиального значения: творческое развитие диалектического материализма, как и философии марксизма в целом, возможно лишь на основе единства теории и практики, на основе обобщения реальной, развивающейся жизни, новых данных естествознания. Было бы нелепостью думать, что обогащать и двигать вперед марксистскую диалектику, теорию познания, логику можно в отрыве от естествознания, от общественной практики, высасывая «философские проблемы» из пальца. Нет ничего более чуждого марксизму-ленинизму, чем такое понимание задачи развития философской науки. Марксизм всегда связывал и связывает философию с живыми запросами практики и науки.

Вся история развития диалектического материализма с момента его возникновения демонстрирует эту истину как нельзя лучше. Работая над созданием новой, подлинно научной политической экономии, Маркс не просто применял диалектический метод к анализу капиталистического способа производства. Задача исследования экономики буржуазного общества поставила перед ним целый ряд новых вопросов теории познания, метода, без решения которых невозможно было достигнуть цели. Таковы были вопросы о пути познания, о соотношении абстрактного и конкретного, логического и исторического, сущности и явления в познании и другие. Известно, что блестящее решение этих вопросов Маркс дал в специальном разделе своей книги «К критике политической экономии», посвященном методу политической экономии. Этот небольшой раздел содержит огромное богатство идей в области теории познания диалектического материализма.

Но особенно важной вехой в развитии и разработке диалектического материализма явился основной труд Маркса, детище всей его жизни — «Капитал». Ленин назвал «Капитал» марксистской логикой, логикой с маленькой буквы, то есть марксистским методом, воплощенным в плоть и кровь конкретного анализа буржуазной формации.

Указывая, что в этом труде разработана диалектика, логика и теория познания диалектического материализма, Ленин требовал максимально использовать все то ценное, что сделано здесь Марксом, для дальнейшего обогащения диалектического материализма. К сожалению, это чрезвычайно важное указание Ленина до сих пор плохо выполняется.

Известно, какое внимание к разработке вопросов диалектического материализма постоянно проявлял Энгельс. Особенно большой вклад внес Энгельс в философское обобщение современного ему естествознания. Такие его произведения, как «Анти-Дюринг», «Диалектика природы», «Людвиг-Фейербах» и другие, дают нам яркий образец тесной связи философии и науки, активного влияния философии на ход естествознания.

Энгельс придал диалектическому материализму тот вид, который полностью соответствовал уровню развития естествознания того периода. Его известные классические определения ряда вопросов диалектического материализма, сохранившие все свое значение по настоящее время, целиком основываются на достижениях современной ему науки.

Но Энгельс не только делал из открытий и достижений науки определенные выводы для марксистской философии, осуществляя жизненно важную для диалектического материализма связь между философией и естествознанием. Для нас, работников философии, поучительнейшим примером должно служить то, как Энгельс, используя великую познавательную силу диалектического материализма, силу материалистической диалектики, разоблачал чуждые естествознанию и задерживающие его развитие идеалистические и метафизические воззрения на природу,

отстаивал передовые взгляды, истолковывал и исправлял их с позиций марксистской философии. Энгельс дал естествознанию руководящие философские идеи по многим важным вопросам, сумел определить направление развития ряда областей науки на целые десятилетия вперед. Таковы, например, его оценка силы и недостатков учения Дарвина и указания, по какой линии должна идти дальнейшая разработка вопросов о происхождении и развитии видов, его положения о сложности атома, о специфике жизни как формы движения материи, его критика теории тепловой смерти вселенной, критика метафизической теории Вирхова и многие другие.

После смерти Энгельса естествознание вступило в период нового подъема. Такая область естествознания, как физика, переживала настоящую революцию. Установившиеся понятия терпели крушение, происходила ломка старых взглядов на вопросы строения материи. На этой основе возник глубокий кризис в физике. В этот период с колоссальной силой дала о себе знать необходимость тесного союза диалектического материализма — единственно научной философии — с естествознанием. Что было бы, если бы философия диалектического материализма была оторвана от практики, от хода развития естествознания, если бы она догматически подходила к собственным положениям, не видя необходимости постоянного творческого совершенствования своих принципов на основе новых достижений науки?

Ответ на этот вопрос совершенно ясен. Новый крупнейший этап в развитии естествознания, имеющий трудно оценимое значение для дальнейшего развития и углубления научного мировоззрения человечества, не получил бы необходимого философского освещения, диалектической оценки; разброд и идеалистические шатания естествоиспытателей, вызванные ломкой привычных взглядов, усилились бы; новейшие идеалистические школы махизма, энергетизма и т. д., паразитировавшие на трудностях роста науки, не были бы разоблачены.

С другой стороны, сама философия диалектического материализма понесла бы большой урон, ибо без философского обобщения новейшей революции в естествознании невозможно было бы придать марксистской философии тот вид, ту форму, которая воплотила бы новые достижения науки, невозможно было бы поднять диалектический материализм на новую ступень.

Если марксистская философия блестяще справилась с труднейшей задачей теоретического обобщения новых достижений науки, то этим она целиком обязана продолжателю Маркса и Энгельса, величайшему мыслителю и вождю пролетарской революции В. И. Ленину, всей своей творческой деятельностью положившему начало нового, ленинского этапа в развитии диалектического материализма. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин дал гениальный анализ революции в физике, разгромил реакционные поползновения махизма использовать эту революцию в целях укрепления позиций идеализма, придал новый вид диалектическому материализму, соответствующий новому уровню развития науки. «Материализм и эмпириокритицизм» останется вечно живым примером той плодотворной, руководящей роли, которую играет философия диалектического материализма в развитии науки. Ленинское произведение вооружает естествоиспытателей в их исследовании природы на длительный период.

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин развил теоретические основы Коммунистической партии, вооружил политический авангард рабочего класса знанием путей завоевания социализма.

На всем протяжении своей деятельности Ленин уделял исключительное внимание разработке вопросов диалектического материализма, постоянно, во всех своих трудах совершенствовал метод марксизма. Огромное значение в этом отношении имеют «Философские тетради» Ленина,

в которых дана разработка и намечен путь дальнейшего развития ряда важнейших проблем диалектического материализма.

Попутно следует отметить недопустимость того шараханья, которое проявляют иные философы в оценке значения «Философских тетрадей». Было бы грубейшей и непростительной ошибкой на том основании, что содержание «Философских тетрадей» составляют конспекты и записи, сделанные Лениным для себя, и что, следовательно, необходимо с умением использовать те или иные положения, высказанные в них, не видеть огромного философского богатства, заключенного в этом ленинском труде.

«Философские тетради» служат еще одним свидетельством того, какое огромное значение Ленин придавал разработке вопросов диалектического материализма. Знаменательно, что Ленин работал над ними в один из сложных и переломных моментов русского и мирового рабочего движения — в момент возникновения первой мировой империалистической войны. Именно в этот период Ленин с неутомимой энергией берется за изучение и исследование вопросов материалистической диалектики. Эту работу Ленин целиком подчиняет возникшим в годы мировой войны новым задачам рабочего движения и Коммунистической партии. Во всестороннем анализе диалектики Ленин ищет и находит правильный способ подхода, верный угол зрения в решении практических задач революционного движения. Недаром Ленин называл диалектику душой марксизма, коренным теоретическим основанием марксизма.

Не требуется особых усилий, чтобы увидеть тесную связь между исследованием диалектики в «Философских тетрадях» и ленинским анализом империализма. Положение Ленина, высказанное во фрагменте «К вопросу о диалектике», что учение о единстве противоположностей есть суть диалектики, явилось методологической основой гениального анализа противоречий империализма. В эти годы Ленин создает новую теорию социалистической революции, вооружившую русский рабочий класс в борьбе за победу социализма в нашей стране.

Незадолго до смерти Ленин написал статью «О значении воинствующего материализма», которая вместе с «Философскими тетрадями» и поныне служит программой деятельности в области марксистской философии.

Огромную заботу о дальнейшем развитии диалектического материализма постоянно проявлял ученик и продолжатель дела В. И. Ленина И. В. Сталин, а также и другие ученики и соратники Ленина. И. В. Сталину принадлежит классическая работа «О диалектическом и историческом материализме», в которой с замечательной ясностью и простотой сформулированы основные положения марксистского диалектического метода, материалистической теории, исторического материализма, показано их значение для деятельности Коммунистической партии. Громадную роль для дальнейшего развития теории познания диалектического материализма, для разработки проблемы мышления и языка имеет работа И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Неистощимым кладом марксистско-ленинской мудрости являются решения Коммунистической партии, недавно изданные в двух томах. Эти решения являются марксистской теорией, марксистской философией в действии. Их изучение имеет огромное значение для разработки вопросов диалектического и исторического материализма, ибо они служат примером и образцом применения метода марксизма-ленинизма при решении сложнейших вопросов стратегии, тактики, политики Коммунистической партии.

Партия всегда стояла на страже чистоты философии диалектического материализма, давая отпор всем попыткам исказить ее, протащить в нее чуждые ленинизму идеи. Партия разоблачила антиленинские группки меньшевистствующих идеалистов, механистов. По инициативе ЦК Комму-

нистической партии была организована в 1947 году философская дискуссия, сыгравшая важную роль в дальнейшем развитии всех сторон марксистской философской науки, в том числе и диалектического материализма. Во всем этом находит свое выражение то огромное значение, которое придает партия творческому развитию марксистско-ленинской философии, ее метода и теории познания, служащих в руках партии острейшим инструментом борьбы за коммунизм.

* * *

Как же мы, философы, работаем над проблемами диалектического материализма? Каково положение на этом важнейшем участке нашей философской науки?

Несомненно, после философской дискуссии 1947 года имеются некоторые достижения и в этой области. Была проделана определенная работа по популяризации диалектического материализма, велась борьба по разоблачению новейших идеалистических течений буржуазной философии, обсуждались философские вопросы естествознания. Однако все это крайне недостаточно перед лицом задач, стоящих в области дальнейшей разработки диалектического материализма, в свете требований, предъявляемых к философам коммунистическим строительством, развитием науки.

Следует признать со всей прямотой, что работаем мы еще плохо, что разработка проблем диалектического материализма является одним из наиболее запущенных и отсталых участков.

В передовой статье журнала «Коммунист» № 14, 1954 г., «За творческое изучение марксистско-ленинской теории» совершенно справедливо указывается на серьезные недостатки в разработке нашими философами проблемы марксистско-ленинской диалектики в целом, в том числе вопросов диалектической логики, категорий материалистической диалектики, проблем теории познания.

Именно слабой работой и пассивностью в этой области нужно объяснить ряд существенных ошибок, имевших место в пропагандистской практике и литературе по ряду важных теоретических вопросов. Чем, например, как не беззаботным отношением к вопросам диалектического материализма можно объяснить волюнтаристские ошибки в трактовке объективных экономических законов, действующих при социализме? За эти ошибки несут ответственность в первую очередь философы. За все время у нас не появилось ни одной монографии, ни одной серьезной работы по такому важному вопросу, как учение диалектического материализма о законе.

Разве не запущенностью и не слабой разработкой вопросов диалектического материализма объясняется та путаница, которая долго имела у нас место по вопросу о противоречиях в развитии социалистического способа производства, когда отрицалось действие общего закона единства и борьбы противоположностей в применении к производительным силам и производственным отношениям социалистического общества? Здесь сказался коренной недостаток нашей философской работы, заключающийся в слабой связи с практикой коммунистического строительства.

Отрицание закономерности возникновения противоречий между двумя сторонами социалистического способа производства объясняется в значительной мере неразработанностью вопроса о том, как действует эта общая социологическая закономерность в новых исторических условиях после победы социализма. Полагалось, что признание закономерности противоречий между производительными силами и производственными отношениями влечет за собой чуть ли не признание неотвратимости конфликта между ними при социализме, подобно тому, как это имеет место в буржуазном обществе. В этом и сказался отрыв от социалистической практики, которая существенно модифицирует действие общего закона в

новых условиях, не доводя противоречия до превращения в противоположность, до конфликта.

В этой путанице проявилась и слабость разработки коренных вопросов диалектического метода. Мы много цитируем известные слова Ленина о том, что единство и борьба противоположностей есть «ядро» диалектики, но нет еще ни одной научной монографии, посвященной этому большому и интереснейшему вопросу. Понятие «противоречия» нередко рассматривается у нас как некое однородное, нерасчлененное, статическое, между тем как в жизни противоречия развиваются, имеют свои различные ступени и стадии развития, различную степень напряженности, нарастания, в силу чего следует отличать такие, например, понятия, как «различие», «противоречие», «противоположность» и т. д. Как показал И. В. Сталин в работе «Экономические проблемы социализма в СССР», учет многогранности противоречий имеет важнейшее значение для понимания того, что в отличие от капитализма при социализме уже не существует противоположности между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, а сохраняется лишь существенное различие между ними, которое при коммунизме превратится в простое, несущественное различие.

Эти примеры показывают, насколько тесна связь между, казалось бы, «абстрактными» проблемами метода и теории познания и актуальными вопросами практики коммунистического строительства.

Только отсутствием должного внимания к изучению и исследованию вопросов диалектического материализма следует объяснить путаницу и недоразумения, возникшие в связи с термином «единство противоположностей». В этой путанице повинна и редакция нашего журнала. Отрицание понятия «единство противоположностей» породило неправильные представления, будто между противоположными сторонами целого нет единства, тогда как без такого единства и взаимосвязи нет и не может быть и борьбы противоположностей, развития. В «Философских тетрадях» Ленин уделил огромное внимание разработке этого вопроса, он употребляет здесь понятие «единство противоположностей». Разумеется, это не значит, что для выражения внутренней связи двух сторон противоречия нельзя применять и другие понятия. Энгельс, например, говорил о «взаимопроникновении противоположностей», Маркс — о «взаимных противоположностях» и т. д. Но вполне законным философским понятием является и «единство противоположностей», если, конечно, не трактовать понятие единства в смысле примирения противоположностей.

Работники философии несут свою немалую долю вины за возникновение и распространение пресловутой «теории бесконфликтности». В ряде философских статей пропагандировалась чуждая ленинизму идея о том, будто в условиях советского социалистического общества старое сменяется новым «беспрепятственно», будто старое, отжившее свой век, не является оковами развития и т. п. Подобные взгляды опять-таки объясняются отсутствием должного внимания философов к исследованию вопроса о том, как действуют и преодолеваются противоречия в условиях социализма.

Нельзя, правда, сказать, что у нас мало статей на эту тему. Но большинство из них страдает тем недостатком, что в них преимущественно перечисляется и нагромождается масса противоречий, среди которых фигурирует немало и выдуманных, нереальных противоречий. В то же время отсутствует разработка теории этого вопроса.

Партия раскрыла ошибочность и вредность «теории бесконфликтности», потребовав от писателей, драматургов подвергать беспощадной критике отрицательные явления нашей действительности, смело вскрывать реальные конфликты между новым и старым в ходе нашего развития. Коммунистическая партия на всех этапах социалистического строительства призвала безбоязненно выявлять противоречия развития советского общества, ибо без знания этих противоречий нельзя успешно бо-

роться за их преодоление. На философской дискуссии 1947 года философам был брошен упрек в том, что они из трусости не говорят об этих противоречиях. Философы могут и должны — в этом их элементарный долг — дать исследования о сущности конфликтов в условиях социалистического общества, помочь писателям разобраться в этом вопросе и предостеречь их от ошибок, имевших место в ряде произведений.

В нашей стране, где ликвидированы эксплуататорские классы, нет и не может быть при правильной политике конфликтов между классами. В этом состоит величайшее преимущество социалистического государства перед государствами капиталистическими, раздираемыми непримиримыми противоречиями и конфликтами. Но у нас могут быть и имеют место конфликты между передовыми и отсталыми элементами общества, между обществом в целом и отдельными людьми или небольшими группами людей, сознание которых еще сильно заражено пережитками капитализма, — бюрократами, националистами, расточителями народного добра, подхалимами, карьеристами и т. д.

Однако необходимо учитывать, что правильно показать такого рода конфликты возможно лишь при условии раскрытия не одной только стороны противоречия — отрицательной, тормозящей развитие, но и другой его стороны — положительной, борющейся против первой и побеждающей, закономерно занимающей в нашей действительности ведущее место, поддерживаемой всем авторитетом, всей мощью Советского государства и партии. Попытки же изображать конфликты односторонне, показывать лишь отрицательное, чужды духу диалектики и представляют собой ту же теорию бесконфликтности, только наизнанку.

Эти вопросы имеют актуальное значение в связи с предстоящим вторым Всесоюзным съездом писателей, который явится выдающимся событием на нашем идеологическом фронте, в развитии советской социалистической культуры. Советские писатели выполняют ответственную роль инженеров человеческих душ. Они дали ряд замечательных произведений, высоко ценимых народом. Задачи, стоящие перед ними, трудны и ответственны. Философы должны помочь советской художественной литературе в разработке ряда важных теоретических вопросов социалистического реализма, в овладении марксистским мировоззрением, являющимся для писателей могучей силой правдивого отражения нашей действительности.

М. Горький учил советских писателей, что главная задача социалистического реализма — возбуждение революционного миропонимания. В решении этой задачи советской литературы могут и должны оказать большую помощь писателям философы. Это тем более необходимо, что, как показывают ошибки, допущенные журналом «Новый мир», до сих пор в трактовке важнейших проблем советской литературы допускаются еще не совместимые с философией марксизма субъективистские, формалистические тенденции.

Не чем иным, как запущенностью в разработке вопросов диалектического материализма объясняется и нейтралитет философов, проходящих мимо той борьбы мнений, которая происходит в ряде областей естествознания. Мы еще мало и плохо помогаем исследователям природы в философском осмысливании актуальных вопросов естествознания, не всегда еще осуществляем тот союз диалектического материализма и естествознания, о котором так ярко говорил В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» и который имеет жизненно важное значение для обеих сторон.

Показателен в этом отношении следующий факт. Как известно, в последнее время развернулась дискуссия среди биологов по вопросу о видообразовании. Такая дискуссия по одному из коренных вопросов биологической науки, несомненно, полезна. В центре внимания спорящих сторон стоят такие вопросы, как, например, вопрос о том, как по-

нимать процессы качественных превращений, претерпеваемых видами, каковы формы качественных изменений и переходов от одних видов к другим. Дискутируются вопросы о скачках, о природе скачков в органическом мире, о внутривидовых и межвидовых противоречиях и ряд других.

Понятно, что философы, вооруженные методом диалектического материализма, могли бы и должны были бы оказать большую помощь биологам. Это тем более необходимо, что дискуссия выявила явно неправильные точки зрения по некоторым философским вопросам, в частности, в трактовке вопроса о сущности качественных изменений, скачков в живой природе. Одна сторона сбивается на отождествление качественных изменений, скачков в органическом мире лишь с одной их формой — формой медленных, постепенных изменений, объявляя всякие иные формы «недиалектическими». Другая сторона, напротив, провозглашает «метафизическим, эволюционизмом» всякую мысль о постепенности качественных изменений в живой природе, считая единственно диалектической лишь форму сравнительно быстрых изменений. Ни та, ни другая сторона не допускает мысли о многообразии форм качественных изменений в природе.

Конечно, философия не может заменить конкретного биологического анализа, который единственно может и должен показать характер тех или иных форм качественных переходов в мире растений и животных. Но несомненно, что участие философов в дискуссии было бы благотворным для решения волнующих вопросов биологической науки. Молчание же и позиция нейтралитета, занятая ими, недопустимы. Следует в этой связи сказать и о пассивности в этом вопросе нашего журнала, не высказавшегося по существу ведущейся дискуссии.

Недопустимым пробелом в нашей работе является слабое внимание к вопросам теории познания диалектического материализма. Между тем проблемы теории познания стоят в центре современного развития науки. Нужно иметь в виду, что в течение многих десятилетий, и особенно в наше время, идеалисты свою борьбу против диалектического материализма ведут прежде всего по линии гносеологии. Ленин отметил этот факт в «Материализме и эмпириокритицизме», указав, что идеалистическая философия специализируется на гносеологии. Путем гносеологической обработки данных науки современная буржуазная философия пытается гальванизировать труп идеализма, сбить с толку естествоиспытателей, оттолкнуть их от единственно научной, материалистической теории познания.

Это обязывает нас, марксистов, к систематическому разоблачению современной идеалистической гносеологии, современных форм агностицизма, к глубокой разработке на новом материале науки и на опыте общественной жизни теории познания диалектического материализма.

Одним из серьезных проявлений отставания в разработке вопросов диалектического материализма является и тот факт, что до сих пор у нас нет полноценного учебника по диалектическому материализму. Главная вина здесь ложится на Институт философии Академии наук СССР. Только недавно Институт подготовил и издал книгу «Диалектический материализм». Это пособие окажет изучающим диалектический материализм известную помощь. Но, как показывает обсуждение этой книги на многих кафедрах высших учебных заведений, она страдает еще серьезными недостатками и не может заменить полноценного учебника по диалектическому материализму. Пора, давно пора коллективу Института философии снабдить наконец таким учебником нашу учащуюся молодежь, многочисленные кадры советской интеллигенции.

Таким образом, даже беглый анализ состояния дел в области разработки вопросов диалектического материализма показывает явное отставание этого важнейшего участка философской науки. В чем же причина этого отставания?

Немаловажное место среди причин, быть может, даже главное, занимает тот распространенный среди части работников философии взгляд, будто исследование проблем диалектического материализма «неактуально», будто эти проблемы имеют «отвлеченный», «абстрактный» характер, мало связаны с насущными задачами социалистического строительства. Трудно представить себе более нелепое и вредное понимание, чем подобная, с позволения сказать, точка зрения. Надо покончить раз навсегда с такого рода недомыслием. Нечего доказывать, что как бы «отвлеченно» ни звучали те или иные проблемы диалектического материализма — будь это проблема исторического и логического или проблема анализа и синтеза, абстрактного и конкретного, индукции и дедукции в процессе познания и т. д., — все они актуальны в доподлинном смысле этого слова, ибо вооружают наши кадры умением правильно подходить к явлениям действительности, а следовательно, и правильно строить свою практическую деятельность.

Очевидно, только умалением значения разработки вопросов диалектического материализма со стороны философских учреждений, кафедр диалектического и исторического материализма высших учебных заведений можно объяснить следующие красноречивые факты. Из 24 докторских диссертаций, защищенных за период 1948—1952 годов, только 3 посвящены вопросам диалектического материализма. Но даже эти 3 диссертации до сих пор не увидели света, не были изданы. Еще хуже обстоит дело с кандидатскими диссертациями. Из 554 кандидатских диссертаций по философии, защищенных с 1948 по 1953 год, на темы диалектического материализма написана всего 41 диссертация. Ясно, что только отсутствием руководства и должной ориентировки аспирантов в выборе тем со стороны кафедр и ученых советов учебных заведений можно объяснить такое невнимание к проблемам диалектического материализма.

Кроме того, надо указать, что этим немногим диссертациям, посвященным проблемам диалектического материализма, присущ тот существенный недостаток, что они исследуют очень узкий круг тем, мало внимания уделяют разработке проблем теории познания и логики диалектического материализма. Здесь сказывается имеющееся кое у кого неправильное представление о предмете диалектического материализма, недооценка того, что марксистская философия, будучи учением о наиболее общих законах развития действительности, есть вместе с тем и единственно научная теория познания, логика научного мышления и исследования.

Не более отрадную картину мы имеем и в области печатной продукции. Нельзя назвать ни одной научной монографии по проблемам диалектического материализма, которая бы появилась, скажем, за последние три — четыре года. Только поразительной беззаботностью насчет изучения вопросов диалектического материализма объясняется тот факт, что из шести томов «Философских записок», изданных в течение восьми лет (1946—1953) Институтом философии, нет ни одного сборника, посвященного вопросам диалектического материализма. Очень мало статей по этим вопросам в «Вестнике Московского университета», в «Ученых записках», издаваемых Академией общественных наук и другими учебными заведениями. Seriously повинен в этом и журнал «Вопросы философии», печатающий мало статей по проблемам марксистского метода, марксистской теории познания, логики и другим вопросам диалектического материализма.

Редко публикуются в печати кандидатские диссертации по вопросам диалектического материализма, что, впрочем, имеет место и по другим разделам марксистской философской науки. Это можно объяснить в значительной мере недостаточно строгим подходом к оценке диссертаций при защите, наличием среди них слабых работ. Вместе с тем этот факт говорит

о равнодушном отношении кафедр и ученых советов учебных заведений к судьбе диссертаций после защиты. Нередко при защите выносятся решения об опубликовании интересных и ценных диссертаций, но эти решения не выполняются.

Большую роль в печатной пропаганде диалектического материализма может и должно выполнять Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, его философский отдел. Однако за пять лет Общество издало всего лишь 10 лекций по вопросам диалектического материализма, не используя тех огромных возможностей, которые у него имеются.

Важной причиной отставания в разработке диалектического материализма является и то, что Институт философии АН СССР в лице его сектора диалектического материализма, а также местные институты философии не стали еще в подлинном смысле слова организаторами и вдохновителями работы в этой области. Они не сконцентрировали у себя лучшие силы, занимающиеся исследованием проблем диалектического материализма.

Мало инициативы в научной разработке вопросов диалектического материализма проявляют и философские кафедры высших учебных заведений. Если же такая инициатива иногда и имеет место, то нередко на ее пути возникают бюрократические препятствия. Так, философские кафедры Ярославской областной партийной школы и Педагогического института совместными силами подготовили к изданию сборник статей, посвященных одному из малоработанных вопросов — о категориях диалектического материализма. Но против издания этого сборника в областном издательстве ополчился заместитель начальника Главиздата Министерства культуры СССР тов. Ляшенко, заявивший, что такого рода предприятие не под силу «местам», что-де только в Москве это возможно.

Подобные методы «руководства» изданием философской литературы должны быть пресечены в корне. Необходимо всячески поощрять и поддерживать инициативу философских кафедр учебных заведений, которые могут и должны внести свой вклад в изучение и исследование актуальных вопросов диалектического материализма. Крупный недостаток философских кафедр состоит как раз в том, что свою учебную работу они не связывают с исследованием научных проблем философии, а это неизбежно приводит к снижению уровня учебной работы.

Большим злом, тормозящим смелую научную разработку вопросов диалектического материализма, является все еще не изжитый догматизм как в определении круга подлежащих исследованию проблем, так и в подходе к их решению. Вопросы диалектического метода и материалистической теории не исследуются еще во всей их сложности и многогранности, в статьях и брошюрах еще немало цитатничества. Нередко разъяснение огромного значения диалектического материализма для общественной практики подменяется проповедью узкого «практицизма», сведением теории к сумме примеров. У нас мало творческих споров, дискуссий по актуальным вопросам диалектического материализма. Все еще существует боязнь обмена мнениями, борьбы мнений по философским вопросам.

Таким образом, причины отставания научной работы в области диалектического материализма объясняются отсутствием необходимого внимания к ней со стороны философских учреждений и кафедр, догматизмом, боязнью смело и остро ставить новые вопросы. Важной причиной отставания является также и то, что мы недостаточно глубоко изучаем ленинское философское наследие, плохо выполняем ленинские указания, имеющие первостепенное значение для дальнейшего развития диалектического материализма. Задача заключается в том, чтобы решительно преодолеть это недопустимое отставание и в ближайшее время добиться подъема научного исследования проблем диалектического материализма.

* * *

По каким же линиям должна вестись работа? Каковы существенные вопросы диалектического материализма, ждущие своей разработки?

На первый план здесь выдвигается задача разработки и исследования вопроса о том, какие новые формы проявления и действия приобретают общие диалектические закономерности развития в новых условиях, в условиях советского социалистического общества, а также стран народной демократии. Изучение этого вопроса имеет огромное значение для вооружения кадров строителей коммунизма знанием путей успешной практической деятельности. Необходимо также напомнить указание Ленина о важности разработки диалектики на опыте новейшей истории капитализма и революционного движения.

Марксизм-ленинизм требует понимания того, что общие законы развития не имеют одинакового выражения в любых исторических условиях, что в разных условиях они проявляются и действуют по-разному. Нельзя ни на минуту забывать известное указание Энгельса, что диалектический материализм есть метод не доказательства готовых истин, а метод исследования, требующий конкретного анализа конкретной исторической обстановки.

Нет ни одной общей диалектической закономерности развития, которая бы в условиях социализма действовала так же, как при господстве антагонистических эксплуататорских формаций. Это относится в равной мере и к таким законам, как развитие путем борьбы противоположностей, переход количественных изменений в качественные, и ко всем другим.

Марксизм, далее, требует учитывать, что, кроме общих законов, действующих хотя и в разных проявлениях во всех формациях, существуют и специфические законы, характеризующие сущность каждой особой формации. Насущной необходимостью в связи с этим является разработка в научных монографиях и статьях вопросов о марксистском понимании законов, об объективном характере законов, об общих и специфических законах, об особом характере действия экономических законов при социализме, которые в отличие от экономических законов капитализма утрачивают стихийный характер. От кадров строителей коммунизма требуется овладение объективными законами и сознательное применение их в своей практической деятельности.

Особое внимание нужно обратить на исследование характера противоречий в социалистическом обществе в отличие от противоречий буржуазного общества, покончить с той путаницей, которая еще имеется в этом вопросе. Успех в разработке данной важной философской проблемы, имеющей колоссальное практическое значение, в решающей степени зависит от того, насколько тесно научное исследование связано с изучением процессов реальной жизни. Это, разумеется, относится и к разработке всех других философских вопросов.

Советская экономика вступила в новую фазу своего подъема и всестороннего развития. Решения последних пленумов ЦК КПСС наметили крупные мероприятия по преодолению отставания отраслей производства продуктов народного потребления и сельского хозяйства, указали пути дальнейшего развития социалистической экономики. Только внимательное изучение этих решений и реальных экономических процессов может привести к плодотворным философским обобщениям.

Коммунистическая партия придает огромное значение такой форме борьбы нового против старого в советском обществе, как критика и самокритика. Критика и самокритика являются серьезным методом выявления и преодоления противоречий развития. И несмотря на то, что мы, философы, много говорим об этой новой форме борьбы и преодоления противоречий в советском обществе, мы не дали еще ни одной научной философской монографии по данному вопросу, имеющему большое значение для понимания новых форм действия общих диалектических закономерностей

в условиях социализма. Разработка этого вопроса имеет также огромное значение для коммунистического воспитания, для борьбы с пережитками капитализма в сознании людей.

В пропаганде и разработке научно-исследовательских проблем диалектического материализма недостаточно подчеркивается материалистический подход к анализу закономерностей развития нашего общества. Отсюда нередко проистекает ошибочная трактовка ряда актуальных вопросов коммунистического строительства, заключающаяся в непонимании решающей роли материальных условий при решении тех или иных вопросов общественного развития, в перепрыгивании через не изжитые еще этапы развития, в голом теоретизировании, оторванном от реальной практики. Именно в силу методологической слабости, недостаточного умения материалистически анализировать актуальные вопросы коммунистического строительства часть пропагандистов рассматривала вопрос о продуктообмене как вопрос сегодняшнего дня, недооценивала огромные, не исчерпанные еще возможности колхозной формы собственности и т. д.

Необходимо на лучших образцах материалистического подхода классиков марксизма-ленинизма к явлениям общественной жизни, на примере решений Коммунистической партии воспитывать наши кадры в духе умения трезво, реалистически анализировать положение дел. Ярким примером такого глубокого и трезвого материалистического анализа являются решения сентябрьского, февральско-мартовского и июньского Пленумов ЦК КПСС.

Изучение вопросов о специфике действия и проявления общих диалектических закономерностей в условиях социалистического общества тесно связано с разработкой теоретических проблем марксистско-ленинского метода, проблем теории познания. Недостаточная разработанность ряда сторон диалектического метода и теории познания, как мы это показали на примере вопроса о противоречиях между производительными силами и производственными отношениями при социализме, служит препятствием на пути анализа актуальных проблем коммунистического строительства.

Необходимо преодолеть тот недостаток, что усилия философов до сих пор обычно направлялись на изучение лишь четырех черт диалектического метода или трех черт материалистической теории. Нужно учесть, что в работе И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме» преследовалась задача раскрыть в доступной форме лишь основные черты материалистической диалектики, материалистической теории объяснения мира и теории познания. Указанные в этой работе четыре черты диалектики не исчерпывают всего богатства, всей многогранности марксистского метода.

В статье «О значении воинствующего материализма» Ленин требовал разрабатывать все стороны диалектики. В «Философских тетрадах» дан набросок шестнадцати элементов диалектики. Ленин включает в эти элементы ряд категорий материалистической диалектики. Категории Ленин называл опорными, «узловыми» пунктами познания. Таковы, например, важнейшие категории диалектического материализма — содержание и форма, причинность, случайность и необходимость, сущность и явление, возможность и действительность и ряд других. Многие из этих категорий нашли свою глубокую разработку в трудах Ленина и Сталина.

Между тем за последние годы категории диалектики почти не изучались, не исследовались. Более того, среди части философов распространилось нелепое, в корне ошибочное мнение, будто заниматься разработкой категорий диалектической логики и исследованием диалектической логики в целом не следует во избежание опасности впасть в «гегельянство» и схоластику. Этот пробел нашел свое отражение и в программах по философии для высших учебных заведений. Такое обеднение материалистической диалектики ничем не оправдано. Задача заключается в том, чтобы

диалектику разрабатывать и изучать во всей ее сложности и многосторонности. Необходимо в ближайшее время дать ряд монографий и статей по категориям диалектики, раскрыв все их значение для познания и практической деятельности.

Материалистическая диалектика есть цельная и живая, творчески развивающаяся наука. Именно за непонимание этого упрекал Ленин Плеханова, указывая, что Плеханов сводит диалектику к сумме примеров и не обращает внимания на разработку ее как философской науки. Упрек Ленина в адрес Плеханова нужно понимать не в том смысле, что примеры при изложении философских вопросов не нужны. Без примеров не может обойтись и не обходится ни одна наука. Смысл упрека Ленина именно в том, что Плеханов, приводя ряд примеров, ограничивался иллюстрацией отдельных положений диалектики и не разрабатывал ее как научную систему законов, категорий, понятий, отражающих объективный мир и дающих в наши руки могучий инструмент познания и революционной практики.

Ленин ставил задачу разработать структуру материалистической диалектики как науки, в которой все элементы диалектики, все ее законы и категории были бы исследованы и развиты как единое, связанное целое.

Ленин критиковал Плеханова также и за то, что тот не понимал диалектики как логики и теории познания. Между тем без этой стороны (Ленин называл это «сутью» дела) нет диалектики как философской науки.

До сих пор еще недостаточно учитываются глубокий смысл ленинского указания о единстве диалектики, логики и теории познания и те задачи в разработке вопросов диалектического материализма, которые вытекают из этого указания. Ленинское положение о единстве диалектики, логики и теории познания означает, что марксизм преодолел разрыв между законами объективного мира и законами познания, между содержанием и формой познания, между реальным миром и логическим мышлением — разрыв, характерный для идеалистической философии. Диалектика, дающая единственно верное учение о наиболее общих объективных законах развития действительности, есть вместе с тем единственно научная теория познания и логика. Но если это так — а это несомненно так, — то перед нами встает задача исследования и разработки во всей полноте не только объективной диалектики, но и диалектики логического мышления, диалектики познания.

В «Философских тетрадах» В. И. Ленина содержится неисчерпаемое богатство мыслей и идей по этим вопросам. В своих заметках Ленин набрасывает грандиозную программу разработки марксистской диалектической логики, намечает пути ее исследования, указывает те области знания, на основе которых должна разрабатываться теория познания диалектического материализма.

Неоценимое руководящее значение для дальнейшей разработки этих вопросов имеют содержащиеся в «Философских тетрадах» указания о том, что для построения правильной, диалектико-материалистической теории познания необходимо проследить историю отдельных наук, изучить историю умственного развития ребенка, животных, развития языка и т. д., исследовать соотношение между историческим ходом познания и законами мышления, диалектическую природу понятий, суждений, умозаключений и т. д.

Каждое из этих указаний Ленина составляет предмет для философских монографий по диалектическому материализму. Пора взяться за решение этой большой и трудной, но чрезвычайно важной задачи. Еще на философской дискуссии было указано, что мы задержались на популяризаторской работе. Нет нужды доказывать, что популярные работы по диалектическому материализму и впредь нужны, что, более того, нужно всячески усилить эту работу, ибо она не удовлетворяет огромных за-

просов советских людей, с жадностью изучающих философию марксизма-ленинизма.

Вместе с тем необходимо всерьез заняться разработкой сложных и актуальных научно-исследовательских проблем диалектического материализма. В философии, как и в любой науке, недопустимы боязнь и трусость перед большими и сложными вопросами. Нужно дерзать, не останавливаясь перед несомненными трудностями, возникающими на этом пути. Актуальность такой работы видна, помимо прочего, хотя бы из тех споров, которые ведутся по поводу того, куда отнести ту или иную категорию, какова логика, или, как говорил Энгельс, субординация, последовательность расположения категорий. Ясно, что ответ на этот и подобные ему вопросы может дать лишь разработка системы марксистской диалектической логики.

Из сферы нашего внимания почти совершенно выпали такие важные вопросы диалектической логики и теории познания, как соотношение исторического и логического, абстрактного и конкретного, сущности и явления в процессе познания. Мы не разрабатываем такие способы и методы познания, как анализ и синтез, индукция и дедукция. А ведь все это имеет важное значение для понимания процесса, путей и способов познания, а следовательно, и успешного практического действия. Разработка этих вопросов логики и теории познания вооружит нашу учащуюся молодежь, наши кадры знанием того, как познается окружающий нас мир. Она имеет огромное значение для ученых, исследующих природу.

Ленин предупреждал нас не упрощать процесс отражения объективной действительности в человеческой голове и указывал на необходимость исследования всей сложности и противоречивости этого отражения. Это и есть проблема изучения диалектики и логики познания. За это изучение нужно взяться со всей страстью.

Большие задачи стоят перед философами, занимающимися проблемами диалектического материализма, в связи с необходимостью обобщения новых данных естествознания и учета достижений науки для дальнейшего творческого развития марксистской философии. Ход развития естествознания за время, прошедшее после выхода книги «Материализм и эмпириокритицизм», целиком подтвердил прогноз Ленина, что современное естествознание рождает диалектический материализм. Это чрезвычайно сложный и мучительный путь, особенно в капиталистических странах, где господствует буржуазная идеология, философский идеализм в многочисленных его разновидностях.

Но процесс рождения диалектического материализма в естествознании идет неуклонно и неотвратно, ибо, как еще отметил Энгельс, диалектика является абсолютной необходимостью для естествоиспытателя. Пример деятельности таких выдающихся ученых, как П. Ланжевен, Ф. Жолио-Кюри, Дж. Бернал и другие, ярко это подтверждает. По признанию Ланжевена, он сумел понять историю физики за последние десятилетия лишь благодаря диалектическому материализму. В четвертом номере нашего журнала напечатана статья известного французского физика Луи де Бройля, выступившего против мутной волны индетерминизма в физике.

Советские ученые, сознательно овладевающие мировоззрением диалектического материализма, добиваются больших успехов в своей работе. Однако не следует забывать, что и здесь процесс овладения марксистским методом сложен, что и в советской науке сказываются еще пережитки идеалистических и метафизических взглядов, что и она не застрахована от влияния идеалистической философии, которое нужно всячески преодолевать.

В связи с этим перед философами в этой области стоит задача двоякого рода. Во-первых, необходимо последовательно и систематически вести решительную борьбу против идеалистической экспансии в естествознании,

против буржуазной философии, стремящейся использовать достижения науки и техники в целях защиты и гальванизации идеализма. Но эту борьбу нужно вести уметь. Не нужно забывать, что те или иные достижения естествознания формулируются и выражаются многими зарубежными учеными нередко в идеалистической форме; это объясняется господством в капиталистических странах идеалистической философии. Поэтому было бы чуждым духу марксизма-ленинизма под видом борьбы с идеализмом выбрасывать и то ценное, что завоевано наукой. Такая тенденция имела место в отдельных статьях проводившейся на страницах нашего журнала дискуссии по вопросам теории относительности. И в данном случае необходимо руководствоваться мудрым указанием В. И. Ленина, что при оценке тех или иных теорий естественных наук необходимо отсекал мертвое, гнилое и сохранять ценное, объясняя его с позиций диалектического материализма.

Во-вторых, философы должны оказать большую помощь ученым в трактовке ряда понятий и теорий, выдвигаемых развитием современной науки. Например, перед физиками стоит трудная задача — дать в свете современных представлений анализ таких понятий, как масса, энергия, заряд, пространство и время, динамическая и статистическая закономерность, прерывное и непрерывное, и многих других. Уже одно перечисление этих понятий показывает, что без помощи философии диалектического материализма решить эту задачу невозможно. При этом следует помнить, что речь идет не о том, что философы должны решать конкретные физические или иные задачи, что они должны подменять работу ученых. Как метко определил проф. Бернал, диалектика, диалектический материализм выполняет лишь стратегическую задачу, указывая ученым пути и методы правильного подхода к решению стоящих перед ними вопросов, помогая им правильно осмыслить свою работу с позиций единственно научной философии.

Вместе с тем нужно со всей силой подчеркнуть, что сами советские естествоиспытатели — физики, биологи, химики, астрономы и другие — могут и должны смелее и решительнее связывать философию с естествознанием, давать философские обобщения современных открытий науки. За годы Советской власти наши ученые прошли большую школу овладения единственно научным мировоззрением — диалектическим материализмом. Значительное количество ученых, с успехом действующих ныне на поприще науки, вышло из стен советских учебных заведений, уделяющих большое внимание изучению философии марксизма-ленинизма. Следовательно, наши ученые в достаточной мере вооружены для того, чтобы со знанием дела решать философские проблемы современного естествознания.

Выдающийся советский ученый С. И. Вавилов, всегда проявлявший огромное внимание к философским проблемам естествознания и сделавший много для философского анализа новых данных науки, справедливо упрекал наших естествоиспытателей в отсутствии необходимого интереса к этой стороне дела. Указывая на огромные задачи в области методологии физики, он говорил, что это работа, «которую в основном физики не могут перепоручить философам, а обязаны выполнить сами, а лучше всего — в тесном сотрудничестве с философами».

Современные достижения естествознания требуют от философов продолжать большую работу и по линии углубления ряда философских понятий, категорий, положений с целью дальнейшего развития диалектического материализма. Необходимо, например, на базе достижений науки дать монографические исследования о материи, о видах материи, о материи и движении, о формах движения материи, о пространстве и времени, о материи и сознании и т. д. Конечно, эта работа требует серьезного и углубленного изучения философами естествознания.

Нельзя требовать, чтобы каждый философ знал все сложные и чрез-

вычайно дифференцированные отрасли естествознания. Но можно и должно требовать, чтобы философы специализировались в тех или иных областях науки. Нельзя мириться с имеющим еще у нас место дилетантизмом при философском рассмотрении вопросов естествознания. Анализ тематики диссертаций, защищаемых в учебных и исследовательских учреждениях, показывает, что мы еще мало ориентируем нашу философскую молодежь на специализацию в отдельных областях естествознания. У нас все еще мало философов, изучающих физику, биологию, космологию, математику и т. д. Необходимо активнее и смелее выдвигать молодежь, оканчивающую естественно-научные учебные заведения, в философскую аспирантуру. Надо помнить, что без устранения этого недочета в нашей работе мы не справимся с трудными задачами философского обобщения новейших данных естествознания.

Наконец, следует указать и на задачу разработки вопросов, связанных с пропагандой марксистского атеизма, с борьбой против религии и суеверий. В статье «О задачах воинствующего материализма» Ленин поставил эту задачу на один из первых планов. Мы, философы, плохо выполняем важное указание Ленина. Философия диалектического материализма дает нам мощное оружие для борьбы против религиозных предрассудков, против религиозного дурмана. Задача здесь сводится не только к популярному разъяснению этих вопросов, но и к постановке исследовательских проблем марксистско-ленинского атеизма.

* * *

Сказанное выше, разумеется, не исчерпывает всех задач в области дальнейшей разработки диалектического материализма. Но и этого достаточно, чтобы понять всю сложность и трудность, всю ответственность задач, стоящих перед нами. Партия учит нас не бояться сложных и трудных теоретических задач и дает нам пример их творческого решения. В процессе исследования сложных теоретических вопросов не исключены те или иные ошибки. Однако было бы чуждым духу большевизма на этом основании отстраняться от самой постановки и решения этих вопросов. Ошибки могут и должны исправляться на основе развертывания творческих, плодотворных дискуссий, путем товарищеского обмена мнениями. Журнал «Вопросы философии» охотно предоставит свои страницы для такого рода дискуссий и товарищеского обмена мнениями по актуальным проблемам диалектического материализма.

Итак, за серьезную и смелую творческую разработку вопросов диалектического материализма!

Научное и религиозное мировоззрение

I

Мировоззрение есть система взглядов, в которых человек выражает свое отношение к окружающей его действительности, к явлениям природы и общественной жизни. В антагонистическом обществе всякое мировоззрение выражает взгляды определенного класса, основой которых являются его экономические интересы.

Маркс и Энгельс, идеологи передового, рабочего класса, создали научное мировоззрение — диалектический и исторический материализм. Будучи теоретической основой идеологии пролетариата, диалектический материализм исходит из объективных закономерностей развития природы и общества, полностью учитывает данные науки. Диалектический и исторический материализм вооружает исследователей единственно плодотворным методом познания законов природы и общества, подлинно научным подходом к явлениям природы и общества. Маркс и Энгельс, применяя этот метод, вскрыли противоречия капитализма и указали пролетариату путь выхода из капиталистического рабства.

Вскрывая объективную закономерность развития природы и общества, идеи марксизма выражают стремления самого революционного класса капиталистического общества — рабочего класса, интересы которого полностью соответствуют интересам всех трудящихся.

Мировоззрение марксизма, развивающееся в ожесточенной борьбе против отживших, реакционных идей и представлений, в том числе и против религиозного мировоззрения, исходит из достижений научной, теоретической мысли предшествовавшего периода. «Как особая область разделения труда,— говорит Энгельс,— философия каждой эпохи располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит» (К. Маркс и Ф. Энгельс «Избранные письма», стр. 430).

Научное, материалистическое мировоззрение формировалось и развивалось в многовековой борьбе с идеализмом. Известно, что главным вопросом, определяющим разделение мыслителей на два лагеря, служит вопрос о том, что является основой мироздания, источником всего сущего — дух или материя? Борьба двух лагерей в философии — материализма и идеализма — отражает в конечном счете борьбу классов и партий в классовом обществе. Сторонники материалистического мировоззрения, как правило, были всегда в лагере прогрессивных классов, были связаны с наукой, с передовыми научными взглядами, опирались на естествознание, обогащали его великими открытиями. Признавая основой всего беспредельного, вечно развивающегося мира природу, материю, философы-материалисты направляли ученых-естествоиспытателей на исследование явлений природы. Многие материалисты сами были крупными исследователями в области естествознания: Демокрит и Лукреций Кар, Бэкон и Декарт, Ломоносов и Герцен, Дидро и Ламетри, Писарев и Сеченов и

многие другие определяли направление развития современного им естествознания.

Диалектический материализм непримиримо враждебен всем разновидностям антинаучного, религиозно-идеалистического мировоззрения. Диалектический материализм представляет собой, как писал В. И. Ленин, «цельное мирозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета» (Соч. Т. 19, стр. 3).

Будучи единственно верным выражением объективных потребностей поступательного развития общества, учением и знаменем миллионных трудящихся масс, направляемых своим испытанным авангардом — рабочими партиями, идеи марксизма-ленинизма по своей мобилизующей, организующей и преобразующей силе не имеют себе равных во всей предшествовавшей истории человечества. Наиболее ярким показателем этого являются всемирно-исторические победы, одержанные народами нашей Родины, руководствующимися марксистско-ленинским мировоззрением.

Для мировоззрения империалистической буржуазии, обреченного класса, характерен пессимизм. Научное, марксистское мировоззрение отличается глубоким революционным оптимизмом, жизнеутверждающей верой в прогресс общества. «Философия «мировой скорби» не наша философия, — писал И. В. Сталин. — Пусть скорбят отходящие и отживающие» (Соч. Т. 6, стр. 273).

Именно тем, что марксистское мировоззрение поднимает к творческой, созидательной деятельности миллионы людей, и определяется его огромная общественно-преобразующая сила, его действенная роль в формировании духовного облика нового человека, в борьбе прогрессивных сил всего человечества за мир и демократию. Идеи марксизма вооружают трудящихся несравненным оружием общественного преобразования.

Религиозное, идеалистическое мировоззрение прямо противоположно научному мировоззрению. Оно представляет собой фантастическое, иллюзорное, превратное отражение мира в сознании верующих. Религия есть тот же идеализм, его проявление в наиболее примитивной форме. Религия и идеализм — близнецы. Исторически идеализм вырос из религии.

Основоположник объективного идеализма, крупнейший идеалист древнего мира Платон учил, что видимый мир есть только мир явлений, а сущность вещей заключается в идеях. Для каждого видимого нами предмета важно-де не то, что предмет представляет собой, а то, какова в нем душа, идея. Человек должен думать, заботиться прежде всего о душе, ибо тело — это только брэнная оболочка души. Догматы церкви, особенно христианской, прямо списаны с философии Платона и его последователей. Современные реакционные философы в капиталистических странах всячески пропагандируют идеализм и религию. В Америке за последние несколько лет издано несколько тысяч книг, посвященных философу средневековья, мракобесу Фоме Аквинскому. Суть философии последнего выражается одним тезисом: «божье — богу, кесарево — кесарю». Такая философия разоружает людей в их борьбе против эксплуатации и насилия и отдаст народ на милость угнетателей.

Высшей формой объективного идеализма, как известно, является идеализм Гегеля. Хотя диалектика, разработанная Гегелем, сыграла огромную роль в развитии научного мировоззрения, идеалистическая философская система Гегеля смыкается с религией и направлена против научного, материалистического мировоззрения. Защитники религиозного мировоззрения берут из философии Гегеля то, что сродни мистике или уводит от насущных вопросов действительности в область абстракции. Не случайно гегелевскую философскую систему в противоположность его методу называли «служанкой богословия». Эта система имеет определенную классовую направленность. Гегель откровенно писал: «Предметы, которые она (философия. — *Ред.*) изучает, правда, те же, что и

предметы, трактуемые религией...» Или: «Философия и есть учение, которое должно освободить человека от бесконечного множества конечных целей и намерений и сделать его равнодушным к ним, так чтобы ему и впрямь было все равно, есть ли подобные вещи или их нет» (Соч. Т. I, стр. 17 и 151). Архимандрит Гавриил (Казанский), подвизавшийся в области фальсификации русской философии и духовного воспитания юношества, так излагал учение Гегеля: «Основное начало гегелевской методы есть положение: из нашей мысли развить понятие о божестве, а в сем понятии понятие о всех вещах».

Идеализм прямо смыкается с религией, и без глубокого раскрытия этой связи нельзя считать действенной критику идеализма и агностицизма. Нельзя назвать воинствующим материалистом ученого, не выступающего в своих лекциях, статьях, книгах с критикой религиозного мировоззрения, не вскрывающего органической связи идеализма с религией.

«...Всякая религия,— пишет Энгельс,— является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения... Но вскоре, наряду с силами природы, выступают также и общественные силы,— силы, которые противостоят человеку и так же чужды и первоначально так же необъяснимы для него, как и силы природы, и подобно последним господствуют над ними с той же кажущейся естественной необходимостью» («Анти-Дюринг», стр. 299).

Религиозная идеология реакционна по своему существу. Она всегда служила интересам эксплуататоров и использовалась ими как средство одурманивания народных масс.

Характеризуя социальную сущность религии, В. И. Ленин писал: «Религия есть опиум народа, — это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе о религии. Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса» (Соч. Т. 15, стр. 371—372). В капиталистических странах религиозные организации являются идеологической опорой государства. Церковь располагает мощным аппаратом для идеологической обработки масс. Но главной причиной широкого распространения религиозной идеологии при капитализме, как указывает Ленин, является социальная придавленность трудящихся масс.

В статье «Об отношении рабочей партии к религии» В. И. Ленин писал: «Почему держится религия в отсталых слоях городского пролетариата, в широких слоях полупролетариата, а также в массе крестьянства? По невежеству народа, отвечает буржуазный прогрессист, радикал или буржуазный материалист... Такой взгляд есть поверхностное, буржуазно-ограниченное культурничество. Такой взгляд недостаточно глубоко, не материалистически, а идеалистически объясняет корни религии. В современных капиталистических странах это — корни, главным образом, *социальные*. Социальная придавленность трудящихся масс, кажущаяся полная беспомощность их перед слепыми силами капитализма, который причиняет ежедневно и ежечасно в тысячу раз больше самых ужасных страданий, самых диких мучений рядовым рабочим людям, чем всякие из ряда вон выходящие события вроде войн, землетрясений и т. д., — вот в чем самый глубокий современный корень религии. «Страх создал богов». Страх перед слепой силой капитала, которая слепа, ибо не может быть предусмотрена массами народа, которая на каждом шагу жизни пролетария и мелкого хозяйчика грозит принести ему и приносит «внезапное», «неожиданное», «случайное» разорение, гибель, превраще-

ние в нищего, в паупера, в проститутку, голодную смерть,— вот тот *корень* современной религии, который прежде всего и больше всего должен иметь в виду материалист, если он не хочет оставаться материалистом приговорительного класса» (Соч. Т. 15, стр. 374—375).

Выдающиеся материалисты домарковского периода подвергли основательной критике религию и доказали, что человек создал бога по образу и подобию своему. Однако старые материалисты не могли научно решить вопрос о сущности, о социальных корнях религии. Только марксизм дал научное решение этого вопроса. Критикуя взгляды Фейербаха на религию, Маркс писал: «Фейербах исходит из факта религиозного самоотчуждения, из удвоения мира на религиозный, воображаемый мир и действительный мир. И он занят тем, что сводит религиозный мир к его земной основе. Он не замечает, что после выполнения этой работы главное-то остается еще не сделанным. А именно, то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как некое самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы. Следовательно, последняя, во-первых, сама должна быть понята в своем противоречии, а затем практически революционизирована путем устранения этого противоречия. Следовательно, после того как, например, в земной семье найдена разгадка тайны святого семейства, земная семья должна сама быть подвергнута теоретической критике и практически революционно преобразована» (К. Маркс и Ф. Энгельс «Избранные произведения». Т. II, стр. 384).

Марксизм отверг утверждение представителей религиозного мировоззрения, будто общественная жизнь есть отражение религиозных верований, религиозных представлений. Марксизм доказал, что, наоборот, религиозные верования и представления являются отражением условий материальной жизни общества, но в иллюзорной, фантастической форме.

С возникновением классового общества и государства изменяются и религиозные представления людей. Когда появились могучие властители государств, то и богов люди стали представлять себе всемогущими, стоящими высоко над людьми. Возникновению царя на земле соответствовало появление царя на небе. Понятие о «едином боге», контролирующем и подчиняющем себе многочисленные явления природы, указывает Энгельс, «есть только копия единого восточного деспота, который видимо или действительно объединяет сталкивающихся в своих интересах людей» (Соч. Т. XXI, стр. 45).

Наибольшее распространение среди народов получили религии христианская, магометанская (ислам) и буддийская. При изучении, например, христианства можно видеть, как изменяется религия в связи с изменениями экономического базиса и всего общественного строя.

Религия — это одна из наиболее реакционных идеологических форм. Передаваясь из поколения в поколение, она сковывает сознание трудящихся. Религия в капиталистических странах служит орудием социального гнета, а церковь представляет часть аппарата, служащего закреплению трудящихся масс. Империалистическая реакция во всех странах капитала все более активизирует религиозные организации, направляет их на борьбу против демократических и социалистических устремлений народных масс, против коммунизма. Например, католическая церковь во главе с папой римским всюду поддерживает самые реакционные режимы. Католическая церковь все больше и больше разоблачает себя перед всем миром как орудие империалистической реакции.

Реакционную роль играют и другие религии, ибо все они требуют от верующих смирения, покорности, безропотного подчинения эксплуататорам. Они отвлекают трудящихся от революционной борьбы за действительное улучшение своей жизни, засоряя их сознание выдумками о «загробной жизни», о «царстве небесном». В основном содержание всех религиозных учений сводится к следующему: всё на земле от бога и всё

для бога; человек создан богом и существует для того, чтобы исполнять веления бога и прославлять божественную премудрость; земное существование временно, а следовательно, о нем особенно заботиться не следует, человек должен думать о существовании своей души в вечности. Совершенно ясно, почему господствующие классы поддерживают такое мировоззрение: оно приучает людей безропотно сносить все муки эксплуатации, обещая взамен земного гнета блаженство на небе. Понятно, почему рабочий класс, класс — преобразователь общества, не может безразлично относиться к религиозному мировоззрению, обрекающему трудящихся на вечное капиталистическое рабство, на непротivление злу эксплуатации, на пассивное выжидание будущего блаженства в загробной жизни.

Религия и наука взаимно исключают друг друга. Наука — это объективные знания о природе и обществе, о законах их развития. Вооружая человека действительным знанием, наука утверждает его власть над природой и общественными явлениями, расширяет его кругозор, поднимает уверенность в своих силах, в силах человеческого разума. Религия, давая фантастическое, превратное представление о мире, усыпляет разум, подавляет творческие способности, ослабляет волю людей в борьбе с силами природы, волю угнетенных в борьбе с угнетателями. Религия — это путы, сковывающие людей. Она враждебна народу, трудящимся.

II

В советском обществе нет условий для господства враждебного науке религиозного мировоззрения. С победой социализма, с ростом благосостояния народа, с развитием в стране культуры и образования основные массы народа отошли от религии. Коммунистическая партия Советского Союза ведет огромную воспитательную работу среди рабочих и крестьян, непрерывно заботится о повышении культуры всей советской интеллигенции. СССР стал страной всеобщей грамотности и непрерывно растущей культурности всего населения. В системе народного образования нашей страны больше учащихся, чем во всех капиталистических государствах Европы.

Ярким показателем преобразующей силы марксистского мировоззрения, важнейшим итогом многогранной деятельности нашей партии является выросший в социалистическом обществе новый, советский человек, с новой идеологией и моралью. Горячая любовь к социалистической Родине, к Советскому государству, к родной Коммунистической партии, социалистический интернационализм, уважение к правам и интересам всех, больших и малых, народов — все это стало неотъемлемыми чертами советского человека. Советских людей характеризует сознательное отношение к труду, бережливое отношение к общественной, социалистической собственности, смелость в преодолении всех преград на пути к поставленной цели, честность, правдивость, революционная бдительность.

Эти благородные черты воспитывает в советских людях Коммунистическая партия, руководствуясь революционным, научным, материалистическим мировоззрением. Передовые идеи нашего времени, идеи марксизма-ленинизма, служат важнейшим орудием в борьбе за построение коммунизма. Наша партия и Советское государство исходят из того, что чем выше идейное воспитание наших кадров, их марксистско-ленинская сознательность, тем успешнее выполняются задачи коммунистического строительства. Решить грандиозные задачи, стоящие перед страной, возможно только при условии мощного подъема всей идеологической, воспитательной работы. Коммунизм предполагает высокую сознательность всех членов общества, воспитание народа в духе коммунистической морали, преодоление пережитков старого в сознании людей, в том числе и религиозных.

Религиозное сознание не мобилизует людей на перестройку мира. Необходима серьезная, глубокая и настойчивая воспитательная работа

среди той части населения, которая все еще находится под влиянием религиозных воззрений. Однако среди наших идеологических работников сложилось неправильное представление, будто в советском обществе вести борьбу против религиозного мировоззрения нет необходимости: этот пережиток исчезнет-де сам собой, с победой нового строя. В наших статьях, книгах, учебниках по философии подвергаются критике идеалистические течения, но очень плохо разоблачается религиозный идеализм, охватывающий своим влиянием миллионы людей. В этом своеобразно проявился отрыв теории от практики, от жизни.

Ярким выражением отрыва в этом отношении теории от практики является, например, книга «Диалектический материализм», вышедшая в 1953 году. В ней не оказалось места для критики религиозного мировоззрения, для пропаганды атеизма. Редакция журнала «Вопросы философии» за последние годы также не уделяла внимания этой важной задаче. А между тем серьезная разработка проблем теории познания, развернутая критика идеализма и агностицизма не могут обойтись в современных условиях без глубокой, аргументированной атеистической пропаганды.

Разве основной тезис научного мировоззрения не гласит, что единство мира заключается в его материальности, что существующий материальный мир не имеет пределов ни во времени, ни в пространстве, что нет в мире ничего, кроме познаваемой человеком материи — единственного источника всего сущего во всех его проявлениях? К сожалению, у нас при разработке этой важнейшей темы в отдельных брошюрах, в сборниках («О диалектическом материализме» и др.) смазывается антирелигиозное содержание этой проблемы, притупляется ее атеистическое острие и тема разрабатывается лишь в плоскости разъяснения того, как устроен мир, каковы его закономерности. Мы не научились еще ясно, убедительно показывать читателю, опираясь на новейшие данные естествознания, что духовное есть свойство материального и неотделимо от него, что дух есть продукт исторического развития материального мира, функция высокоорганизованной материи, возникшая на определенной ступени развития материальной действительности. Мы не научились еще ясно, убедительно раскрывать перед читателем причины возникновения религиозных верований, их гносеологические и классовые корни, тот факт, что религия возникла лишь на определенном этапе истории человеческого общества, и т. п.

Все величие научного мировоззрения, не оставляющего места ни для каких богов, наглядно раскрывается в противопоставлении науки и религии. Достижения науки — свидетельство могущества человеческого сознания, его духовных способностей, способности человека стать господином мира. Религия отрывает духовное от его материального субстрата, превращает дух в некий абсолют, в первоисточник всего, в господина над человеком, который якобы обречен на подчинение некоему божественному предопределению.

Из истории общественной мысли известно, что идеализм во всех его разновидностях постоянно смыкался с религией и в борьбе с передовым мировоззрением всегда служил вместе с религией опорой реакционных классов. Религиозно-идеалистическое мировоззрение, объявляя первопричиной всего дух, абсолютную идею, внушая, что материальное бытие человека не имеет значения, постоянно проповедует мистику, упование на потустороннюю жизнь, мракобесие, задерживает развитие познания, развитие научного самосознания человека.

В нашей стране Советским государством обеспечивается свобода совести, свобода религиозного вероисповедания. Статья 124-я Конституции СССР гласит: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». Эта статья Основного закона

СССР последовательно и неукоснительно проводится в жизнь. Коммунистическая партия и Советское правительство не допускают никаких отклонений, никаких нарушений этой статьи, обеспечивая за всеми гражданами СССР полное право на свободу вероисповедания.

Однако свобода вероисповедания, как учил нас великий Ленин, не только не ограничивает свободу распространения научного атеизма, а предполагает ее. Партия пролетариата не безразлично относится к тому или иному мировоззрению, она кровно заинтересована в победе научного мировоззрения над религиозным. В статье «Социализм и религия» Ленин писал: «По отношению к партии социалистического пролетариата религия не есть частное дело. Партия наша есть союз сознательных, передовых борцов за освобождение рабочего класса. Такой союз не может и не должен безразлично относиться к бессознательности, темноте или мракобесничеству в виде религиозных верований. Мы требуем полного отделения церкви от государства, чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом. Но мы основали свой союз, РСДРП, между прочим, именно для такой борьбы против всякого религиозного одурачения рабочих. Для нас же идейная борьба не частное, а общепартийное, общепролетарское дело» (Соч. Т. 10, стр. 67—68).

К вопросам атеистической пропаганды В. И. Ленин обращался неоднократно. Как известно, в марте 1922 года в статье «О значении воинствующего материализма» Ленин выдвинул как одну из важнейших задач пропаганду атеизма. Философский журнал, говорил Ленин, должен быть органом воинствующего атеизма, должен вести неутомимую атеистическую пропаганду. Без этого журнал не может стать органом научной философской мысли. Ленин прямо связывал воинствующий материализм с атеизмом.

В этой статье Ленин выдвинул перед философами целую программу пропаганды атеизма, включая и перевод и реферирование всей атеистической литературы, выходящей на всех языках, издание боевой атеистической литературы французских материалистов XVIII века. Ленин настойчиво советовал издавать книги и брошюры, разоблачающие с помощью фактов, жизненных примеров связь религиозных учреждений и религиозной пропаганды с классовыми интересами и классовыми организациями буржуазии.

Для более успешной борьбы с религиозным мировоззрением, для подъема научной философской мысли, для укрепления связи философии с практикой В. И. Ленин считал необходимым установить прочный союз воинствующих материалистов с естествоиспытателями. Ленин указывал, что такой союз необходим как для философов, так и для естествоиспытателей. Естествоиспытатель, вооруженный философией диалектического материализма, говорил Ленин, сможет лучше понять закономерности развития природы, уяснить себе весь вред буржуазных антинаучных теорий. Естествоиспытатели, овладевшие диалектическим материализмом, сумеют противостоять влиянию «модных философских шатаний в сторону идеализма». «...Без солидного философского обоснования,— писал Ленин,— никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания. Чтобы выдержать эту борьбу и провести ее до конца с полным успехом, естествоиспытатель должен быть современным материалистом, сознательным сторонником того материализма, который представлен Марксом, то есть должен быть диалектическим материалистом» (Соч. Т. 33, стр. 207).

Призывы Ленина имели огромное значение для развития научного, материалистического мировоззрения в нашей стране. Однако многое из ленинского завещания еще предстоит выполнить. Нельзя признать удовлетворительным нынешнее состояние научно-исследовательской работы в

области атеизма. За последние пять лет на философских кафедрах, в Институте философии и, как уже отмечено, в журнале «Вопросы философии» не разрабатывались проблемы атеизма. Ни в Институте философии, ни на философских факультетах и отделениях учебных заведений не разработано за последние пять лет ни одной темы, не защищено ни одной кандидатской или докторской диссертации по проблемам атеизма.

Устранился от пропаганды атеизма и философский отдел Общества по распространению политических и научных знаний. Отошли от пропаганды атеизма наши естествоиспытатели. Наши научные кадры должны до конца уяснить себе, что глубоко аргументированная, научно обоснованная пропаганда атеизма — одна из важнейших задач на идеологическом фронте. И поэтому передовой советский ученый-естествоиспытатель, будь то биолог, физиолог, физик, химик или астроном, не может не связывать свои печатные или устные выступления с борьбой за передовое, научное мировоззрение.

Пассивно-созерцательное отношение к религии исходит часто из ложного представления, будто с развитием культуры религия отмирает сама собой. Пассивное отношение к религиозной идеологии несовместимо с воинствующим материализмом. Вместе с тем необходимо помнить, что Ленин категорически предостерегал от авантюризма в критике религии. Ленин вслед за Энгельсом высмеял абсурдную идею Дюринга о запрещении религии в социалистическом обществе, осудил бланкистов за «их шумливое провозглашение войны религии», считая, что «такое объявление войны есть лучший способ оживить интерес к религии и затруднить действительное отмирание религии» (Соч. Т. 15, стр. 372).

Мы не должны забывать, что господствующая в буржуазных странах идеология проникает через всевозможные каналы и в сознание советских людей. Наша задача — всемерно парировать вражеские удары, разоблачать лживость буржуазного мировоззрения, в том числе и религиозного.

Причины живучести религиозных верований, религиозных пережитков в нашей стране, во-первых, в ослаблении внимания со стороны партийных и всевозможных идеологических организаций к вопросам пропаганды атеизма и, во-вторых, в активизации церковных организаций, приспособляющихся к новым условиям. Задача состоит в том, чтобы устранить первую причину и тем самым противостоять действию второй.

Представители религиозных мировоззрений пытаются найти опору для религии якобы в необходимости ее для поддержания морали, нравственности. Но данные науки, опирающиеся на всю историю человечества, подтверждают, что основы морали коренятся в материальной жизни общества. С изменением условий существования, с изменением общественных отношений изменяются и нормы поведения, отношения людей друг к другу и к обществу, изменяется нравственность. Нормы нравственного поведения не нуждаются в опоре на несуществующий потусторонний мир, на совершенно ложные догматы религии.

Религиозная мораль, проповедующая равенство эксплуатируемых и эксплуататоров, — это оружие, используемое эксплуататорскими классами. Только наша, коммунистическая мораль насаждает подлинную любовь и уважение человека к человеку. Пропаганда идей коммунистической морали, ее противоположности морали религиозной — важная задача работников философского фронта в их борьбе за торжество научного атеизма.

Великая созидательная роль Советского государства

А. И. СОБОЛЕВ

Испытанным оружием в руках советского народа в борьбе за коммунизм, зорким защитником его интересов является могучее социалистическое государство, созданное народом под руководством Коммунистической партии.

В то время как капиталистическое государство, осуществляющее диктатуру буржуазии, обслуживает эксплуататоров и является средством угнетения и порабощения народных масс, Советское государство, осуществляющее диктатуру пролетариата, является орудием раскрепощения трудящихся, средством построения подлинно свободной, счастливой жизни.

Советское государство выдержало суровые исторические испытания, закалилось в борьбе с внутренними и внешними врагами. В результате коренных преобразований в общественной жизни произошли серьезные изменения в содержании работы Советского государства. Существо этих изменений состоит в том, что с каждым шагом вперед по пути к коммунизму все большее значение приобретает созидательная, преобразующая деятельность Советского государства, становится все более многогранной его хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа.

Хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная функция Советского государства, непрерывно расширяясь и обогащаясь, превратилась ныне в основную его внутреннюю функцию; она и впредь будет развиваться и совершенствоваться, подготавливая условия для возникновения в будущем — когда коммунизм победит окончательно и отомрет государство — особого аппарата управления народным хозяйством.

Возникшая во второй фазе развития Советского государства функция охраны социалистической собственности от расхитителей ставит перед собой не только карательные, но и воспитательные цели. Назначение этой функции — укреплять социалистическую экономику, карать злоумышленников, посягающих на основу основ нашего процветания — социалистическую собственность, содействовать воспитанию у всех граждан страны бережливого отношения к народному добру.

В связи с образованием лагеря демократии и социализма созидательная деятельность Советского государства распространяется ныне и на его внешнюю функцию. Важной стороной внешнеполитической деятельности Советского государства является оказание всесторонней помощи странам народной демократии в строительстве новой жизни.

Вся огромная работа Советского государства по строительству коммунизма есть единый процесс, который включает в себя политическую деятельность, направленную на дальнейшее укрепление союза рабочего класса и крестьянства, дружбы народов СССР, развитие социалистического демократизма; хозяйственно-организаторскую деятельность по со-

зданию экономических основ коммунизма; культурно-воспитательную деятельность, имеющую целью обеспечить культурный рост общества, создать изобилие духовных благ; деятельность по охране социалистической собственности и, наконец, внешнюю деятельность, назначение которой — создать благоприятные международные условия для строительства коммунизма. Ни одна из сторон работы Советского государства не имела и не может иметь самодовлеющего значения — все они не только неразрывно связаны между собой, но и взаимодействуют, взаимопроникают одна в другую.

Советское государство — выразитель воли народа

Источник могущества Советского государства — в его народном характере. Созидательная, преобразующая сила этого государства коренится в творческой роли народных масс, великого движущего фактора исторического процесса.

Народные массы всегда являлись творцами истории. Однако конкретная роль народных масс на различных этапах исторического развития существенно меняется. В рабовладельческом, феодальном и в капиталистическом обществах народ не имеет простора для своего творчества, будучи поработен экономически, угнетен политически, придавлен духовно.

Капитализм, превративший миллионы людей в машину, делающую деньги, подавляет в народе его творческие, созидательные устремления. При капитализме народ, создавая колоссальные богатства, увеличивает свою нищету. Труд, создавший человека и по сути своей являющийся источником радости, стал при капитализме тяжелым и ненавистным бременем; то, чем нужно гордиться, стало проклятием.

В культурном отношении народ, являющийся неиссякаемым источником духовных ценностей, обречен эксплуататорскими классами на невежество и духовное прозябание.

Капитализм углубляет классовую рознь, порождает межнациональную борьбу. Буржуазия посылает миллионы людей истреблять друг друга в кровопролитных войнах и наживает на крови трудящихся несметные богатства. В условиях буржуазного строя высшее проявление созидательной деятельности народа — это разрушительная борьба против капитализма, против его экономических, политических и идейных устоев.

При социализме коренным образом меняется содержание деятельности народа, размах ее, меняется и сам народ. Советский народ — это новая историческая общность людей, подобной которой еще не было в истории человечества. Нерушимую экономическую основу деятельности всех советских людей составляет общественная собственность на средства производства, которая исключает эксплуатацию человека человеком, уничтожает классовую обособленность и источник национальной розни, объединяет всех советских людей в братскую семью. Социалистическая система хозяйства — это единая для всех социальных групп материальная основа общественной жизни. Советский народ сплочен морально-политическим единством и дружбой народов. Мировоззрением советских людей является марксизм-ленинизм.

Творец материальных благ и их единственный хозяин, владелец всех средств производства и потребления, воспитанный в духе беззаветной любви к социалистической Родине и верности делу коммунизма, полный жизненных сил и оптимизма, — таков экономический, политический и духовный облик советского народа. Лучшие черты и качества трудящихся, выработанные ими в многовековой борьбе с эксплуататорами: неисчерпаемая сила созидания, колоссальная воля и целеустремленность, великое мужество и предельная скромность — все это наполнилось социалистическим содержанием и воплотилось ныне в советском народе, кото-

рый являет собой великий пример для всех угнетенных в их освободительной борьбе.

Социализм раскрепостил творческие силы народа, создал все условия для постоянного и непосредственного воздействия народных масс на ход общественного развития.

Выразителем воли советского народа, организатором его преобразующей деятельности является могучее социалистическое государство. Оно мобилизует творческую активность народа, придает ей научно обоснованный, целенаправленный характер, аккумулирует гигантскую энергию народа и в концентрированном виде направляет ее на решение великих задач строительства коммунизма.

Руководящая роль в Советском государстве принадлежит Коммунистической партии, передовому, организованному отряду рабочего класса и всего советского народа.

В своей деятельности партия выражает коренные интересы и чаяния советского народа. Забота о благе народа — высший закон для партии. Советский народ тесно и нерушимо сплотился вокруг партии. Сила Коммунистической партии — в ее связях с народом, сила народа — в руководстве партии.

Коммунистическая партия, вооруженная марксистско-ленинской теорией, всегда исходит из требований объективных законов общественного развития. Она мудро и уверенно ведет народ к коммунизму, ясно указывает ему цель, формулирует задачи, выдвигаемые объективным ходом общественного развития, указывает пути их разрешения, способы преодоления трудностей. Коммунистическая партия — концентрированная воля народа, его коллективный разум.

Несокрушимая воля партии, знание ею объективных законов общественного развития, способность организовать массы и направить их усилия на решение коренных задач — основа выдающихся достижений Советского государства.

Советское государство — форма политической организации масс

В условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму Советское государство призвано обеспечить организацию народных масс для решения коренных задач строительства коммунизма, ликвидации всех классовых различий, создания бесклассового, коммунистического общества.

Когда в стране были эксплуататорские классы, Советское государство подавляло всякие их попытки реставрировать капиталистические порядки. Внешне, отмечал И. В. Сталин, Советское государство этим напоминало предыдущие государства. Но это — именно внешнее сходство. По существу внутриполитическая деятельность Советского государства отлична от внутриполитической деятельности любого эксплуататорского государства. Это отличие не только в том, что Советское государство, ограждая и защищая интересы народа, большинства населения, подавляло меньшинство, кучку эксплуататорских элементов, но и в том, что оно впервые в истории явилось органом политического сплочения и объединения народных масс, оружием их организации.

В условиях диктатуры пролетариата действительным содержанием функции подавления, ее внутренней сущностью является раскрепощение большинства. Подавление эксплуататоров осуществляется на основе политической активности масс, непрерывного развития и расширения социалистического демократизма, укрепления народовластия. Характеризуя особенности Советов, Ленин указывал, что они являются «аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может поднимать, воспитать, обучать и вести за собой *всю гигантскую массу* этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории» (Соч. Т. 26, стр. 79).

В. И. Ленин, рассматривая задачи советской власти по строительству нового общества, специально выделил многогранную область политической деятельности.

В. И. Ленин писал: «а) в области политической: развить Советскую республику.

Преимущество Советов («Просвещение», стр. 13—14); (шесть пунктов);

распространение советской конституции, *по мере* прекращения сопротивления эксплуататоров, на *все* население;

федерация наций, как переход к *сознательному* и более тесному единству трудящихся, научившихся *добровольно* подниматься выше национальной розни;

обязательно беспощадное подавление сопротивления эксплуататоров; нормы «общей» (т. е. буржуазной) демократии подчиняются этой цели, уступают ей:

«Свободы» и демократия *не* для всех, а *для* трудящихся и эксплуатируемых масс в интересах их освобождения от эксплуатации; беспощадное подавление эксплуататоров;

центр тяжести передвигается от формального признания свобод (как было при буржуазном парламентаризме) к фактическому обеспечению пользования свободами со стороны трудящихся, свергающих эксплуататоров, например, от признания свободы собраний к передаче всех лучших зал и помещений рабочим, от признания свободы слова к передаче всех лучших типографий в руки рабочих и т. д.

Краткий перечень этих «свобод» из старой программы-минимум.

(Вооружение рабочих и разоружение буржуазии).

Переход *через* Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения все большего числа граждан, а затем и *поголовно* всех граждан к непосредственному и *ежедневному* несению своей доли тягот по управлению государством» (Соч. Т. 27, стр. 130).

Некоторые наши философы, занимающиеся проблемами государства, и специалисты в области права, начетнически восприняв марксистско-ленинское положение о необходимости подавлять в переходный период эксплуататорские классы, фактически всю внутриполитическую деятельность Советского государства в тот период сводили к подавлению, к насилию, подчеркивая, правда, что подавлялось меньшинство в интересах большинства. Между тем подавление меньшинства было только одной стороной внутриполитической деятельности Советов. Эта деятельность носила всегда и созидательный характер, была направлена на всемерную организацию и активизацию масс, чего буржуазные государства не могли и не могут делать по самой своей природе. Забвение этого важнейшего ленинского положения приводило к одностороннему и потому искаженному освещению внутриполитической деятельности Советов.

Порочность такого одностороннего подхода к освещению роли Советского государства с особой ясностью сказалась при анализе содержания его деятельности в условиях перехода от социализма к коммунизму. Начетнически комментируя известное положение, что победа социализма в СССР и ликвидация эксплуататорских классов привели к отпадению функции подавления, некоторые горе-теоретики фактически отрицают внутриполитическую деятельность Советского государства на современном этапе.

Советское государство осуществляло подавление эксплуататорских элементов на основе всемерного укрепления политических устоев социалистического общества — союза рабочего класса и крестьянства, дружбы народов, социалистического демократизма. Спрашивается: ведет ли ликвидация эксплуататорских классов к прекращению этой стороны внутриполитической деятельности Советского государства? Конечно, нет.

Советское государство с момента своего возникновения уделяло и уделяет первостепенное внимание укреплению союза рабочего класса и крестьянства, являющегося стержнем социалистического строя. Рожденный в совместной борьбе против эксплуататоров, укрепившийся в ходе социалистического строительства, союз рабочего класса и крестьянства прошел суровые исторические испытания, показал свою великую жизненную силу.

Рабочий класс и крестьянство имеют общие жизненные интересы в развитии социалистического общественного и государственного строя и общую цель — построение коммунизма. В то же время у каждого класса есть свои, специфические интересы. Советское государство учитывает в своей политике как общие интересы рабочего класса и крестьянства, так и специфические интересы этих классов.

Примером того, как партия и правительство сочетают в своей политике удовлетворение общих и специфических интересов классов нашей страны, являются решения сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов ЦК КПСС и другие решения партии и правительства. В частности, на основе глубокого изучения экономической жизни деревни партия и правительство установили, что практика, существовавшая до 1953 года в области налогового обложения колхозников, обязательных поставок с личного хозяйства колхозников, заготовительных и закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, сдаваемую колхозами, не отвечала потребностям развития сельского хозяйства и всей экономики страны, не создавала необходимой материальной заинтересованности колхозников в увеличении производства сельскохозяйственных продуктов, ущемляла интересы колхозников. Естественно, что все это имело прямое отношение к союзу рабочего класса и крестьянства.

Интересы коммунистического строительства, задачи создания изобилия предметов потребления настоятельно требовали скорейшего устранения обнаружившихся недостатков. В этих целях был значительно уменьшен сельскохозяйственный налог, изменена система обязательных поставок с личного хозяйства колхозников и снижены нормы этих поставок, повышены заготовительные и закупочные цены на сдаваемую колхозами и колхозниками сельскохозяйственную продукцию, ликвидированы все нарушения погектарного исчисления норм поставок колхозами и т. д.

Партия и правительство оказывают возрастающую помощь колхозам через МТС, расширяют механизацию колхозного производства, усиливают агротехническую и зооветеринарную помощь колхозам. Выдающимся событием является создание в МТС постоянных кадров механизаторов, мощного отряда рабочего класса в деревне, непосредственно помогающего колхозникам бороться за изобилие сельскохозяйственной продукции.

Все эти мероприятия содействуют серьезному расширению сельскохозяйственного производства, соответствуют интересам крестьянства и всего советского народа, еще более упрочивают союз рабочего класса и крестьянства.

Первостепенное место в деятельности Советского государства занимает дальнейшее укрепление дружбы народов. Дружба народов СССР, родившаяся в их общей борьбе против царско-помещичьего и капиталистического гнета, скрепленная кровью, пролитой в отечественных войнах, сцементированная совместным созидательным трудом и взаимной помощью, выдержала суровое испытание и показала свою могучую силу.

Советское государство обеспечило действительное политическое равенство всех наций нашей страны, больших и малых, добилось ликвидации экономического и культурного неравенства. Во всех союзных и автономных республиках создана передовая, социалистическая экономика. Каждая нация при поддержке всех других наций страны под руководством

Коммунистической партии создала и развивает свою культуру — национальную по форме, социалистическую по содержанию.

Нерушимая дружба народов, братское сотрудничество между ними являются основой могущества и непобедимости нашего многонационального социалистического государства. Различного рода буржуазно-националистические элементы, служащие империалистам, всячески пытались и пытаются поссорить народы, посеять зерна сомнений и недоверия. Советское государство решительно пресекает грязные поползновения буржуазно-националистических элементов.

Ярким проявлением дружбы народов, заботы Советского государства об укреплении этой дружбы явилось празднование трехсотлетнего юбилея воссоединения Украины с Россией, которое носило подлинно народный характер.

Предметом особой заботы Советского государства являются всемерное развитие и укрепление социалистического демократизма, все более широкое привлечение трудящихся к решению государственных задач, развертывание самокритики и особенно критики снизу, решительная борьба со всеми проявлениями бюрократизма и волокиты, укрепление социалистической законности.

Расширение социалистического демократизма имеет целью дальнейшую активизацию народных масс, выполнение ленинского завета о привлечении всех граждан страны к участию в решении государственных дел.

В нашей стране осуществляется подлинное, ничем не ограниченное народовластие. Трудящиеся СССР избирают все органы управления и сами непосредственно участвуют в решении государственных дел. Свыше полутора миллионов рабочих, колхозников, работников умственного труда являются депутатами местных Советов. Многие миллионы трудящихся-активистов входят в состав различных комиссий при Советах, подготавливают решение важных вопросов. В одной только Москве в работе постоянных комиссий городского и районных Советов принимают участие около 10 тысяч активистов. Избранники народа — депутаты Верховного Совета СССР, верховных Советов союзных и автономных республик, краевых и областных Советов по поручению народа и от его имени решают государственные вопросы в масштабе страны, республики, области.

Государственные дела в СССР вершат рабочие от станка, колхозники, звеньевые, бригадиры, комбайнеры и трактористы, председатели колхозов, директора промышленных предприятий, МТС, совхозов, инженеры, учителя, писатели, ученые, работники искусств, врачи, представители Советской Армии, партийные, советские и профсоюзные работники.

Большое влияние на решение государственных задач оказывают трудящиеся через свои массовые организации — профсоюзные, комсомольские и т. д. Советское правительство систематически советуется с представителями трудящихся по самым различным вопросам. В последнее время по инициативе Советского правительства в Кремле были проведены совещания работников МТС, совхозов, передовиков колхозного производства Российской Федерации, на которых совместно с руководителями партии и правительства обсуждались важнейшие вопросы развития сельскохозяйственного производства.

Весьма эффективным методом реального участия народа в управлении страной является критика и самокритика. У нас созданы самые широкие возможности для развертывания критики и самокритики на предприятиях, в колхозах, совхозах, в учебных и научно-исследовательских заведениях.

Развитие социалистического демократизма неразрывно связано с дальнейшим укреплением социалистической законности. Социалистическая законность обеспечивает правопорядок, необходимый для строительства коммунизма, воспитывает чувство неразрывной общности государства и народа, зорко стоит на страже как интересов государства, так и

всех демократических прав и свобод каждого советского человека, записанных в Конституции СССР.

Все эти факты свидетельствуют о серьезных изменениях в содержании внутриполитической деятельности Советского государства. Если в первой фазе главным в этой деятельности была организация масс на решение созидательных задач в сочетании с подавлением вражеского сопротивления, то в настоящее время центральное место занимает организация и мобилизация масс на борьбу за коммунизм. Всемирное развитие внутриполитической деятельности государства, расширение его работы по организации и дальнейшей активизации масс подготавливают политические предпосылки для победы коммунизма.

Советское государство — орудие создания материально-производственной базы коммунизма

Важнейшей составной частью всей работы Советского государства в процессе перехода от социализма к коммунизму является его хозяйственно-организаторская деятельность.

При оценке этой деятельности в ряде книг и статей допускались ошибки двоякого рода.

С одной стороны, утверждали, что государство, руководя развитием хозяйства, творит экономические законы, является их источником. Подобная, по сути субъективно-идеалистическая, точка зрения лишала экономическую политику Советского государства всякой научной основы, открывала простор для прожектерства, вела к авантюризму.

С другой стороны, имела место теория самотека в оценке действий экономических законов. Некоторые философы и экономисты уповали на автоматическое осуществление этих законов, утверждали, что они будто бы сами по себе, стихийно обеспечивают решение всех вопросов общественного развития, победу коммунизма. Подобная установка ориентировала на пассивно- созерцательное отношение к действительности, приводила к недооценке активной, сознательной деятельности советского человека, к отрицанию исторической роли Советского государства, его организующего значения в борьбе за коммунизм.

Преодоление ошибочных, антинаучных взглядов было неременным условием дальнейшего улучшения всей деятельности Советского государства. Марксизм-ленинизм учит, что объективные экономические законы социализма определяют необходимость и создают возможность построения материально-производственной базы коммунизма. Чтобы эту возможность превратить в действительность, необходима напряженная организаторская, преобразующая работа социалистического государства, руководимого Коммунистической партией.

Назначение хозяйственно-организаторской деятельности Советского государства в современных условиях состоит в том, чтобы в соответствии с объективными экономическими законами социализма организовать непрерывное, планомерное развитие социалистического производства с преимущественным ростом производства средств производства, обеспечить быстрый рост производительности труда и на этой основе создать достаток, а затем изобилие предметов потребления.

В соответствии с требованиями закона планомерного, пропорционального развития хозяйства Советское государство планирует развитие промышленности, транспорта, сельского хозяйства, торговли, устанавливает пропорции между отраслями народного хозяйства, ликвидирует возникающие диспропорции.

До недавнего времени основное внимание Советского государства было сосредоточено на форсированном развитии тяжелой промышленности как основы основ социалистической экономики. Без развития тяжелой промышленности было бы невозможно построить социализм, от-

стоять независимость страны, обеспечить повышение жизненного уровня трудящихся.

В тяжелую промышленность были вложены крупные средства, что позволило добиться невиданных в истории человечества темпов индустриального развития, создать в рекордно короткие сроки мощную угольную, металлургическую, машиностроительную, энергетическую, химическую и другие отрасли промышленности. За последние 28 лет производство средств производства в СССР увеличилось в 55 раз. В 1953 году в нашей стране было выплавлено стали 38 миллионов тонн, добыто угля 320 миллионов тонн, нефти — 52 миллиона тонн, выработано электроэнергии 133 миллиарда киловатт-часов.

Одновременно с развитием тяжелой промышленности развивались и отрасли народного хозяйства, производящие предметы потребления, однако темпы этого роста были значительно ниже, и за тот же срок производство предметов народного потребления возросло только в 12 раз.

Такое соотношение темпов роста производства средств производства и предметов потребления, вызванное объективными условиями социалистического строительства в нашей стране, было экономически оправдано. В настоящее время, когда достигнуты нужные результаты в развитии тяжелой промышленности, сохранение прежнего соотношения в темпах развития производства средств производства и производства предметов потребления противоречило бы требованиям объективных экономических законов, таило бы в себе угрозу задержки темпов развития всего народного хозяйства. Возникла объективная возможность ускоренного развития производства предметов народного потребления наряду с быстрым ростом производства средств производства.

Ускоренное развитие легкой, пищевой промышленности и сельского хозяйства вовсе не означает нарушения примата производства средств производства перед производством средств потребления. Советское государство и впредь будет заботиться об укреплении тяжелой промышленности, без чего невозможно развитие народного хозяйства, его расширенное воспроизводство, рост обороноспособности страны.

Капиталовложения в легкую промышленность значительно увеличиваются. Во втором полугодии 1953 года они были почти в полтора раза больше, чем в первом полугодии, и в целом составили 7,6 миллиарда рублей. В истекшем году было введено в действие около 300 новых промышленных предприятий по производству товаров народного потребления. В 1954 году капиталовложения в легкую и пищевую промышленность составят 14 миллиардов рублей. В результате значительно увеличивается выпуск шелковых и шерстяных тканей, обуви, готовой одежды и других предметов народного потребления. Задания пятой пятилетки по производству предметов народного потребления будут выполнены в четыре года.

В последнее время обнаружилось несоответствие между ростом городского населения, потребностями легкой и пищевой промышленности в сырье, с одной стороны, и производством сельскохозяйственной продукции — с другой. Сельское хозяйство не удовлетворяет в полной мере возросшие потребности страны в зерне, серьезно отстает животноводство, овощеводство, картофелеводство. Это создало затруднения для развития всего общественного производства.

Вскрыв реально существующие противоречия, партия и правительство наметили конкретные меры для ускоренного развития производительных сил в сельском хозяйстве, для крутого подъема сельскохозяйственного производства. Серьезно увеличены расходы на развитие сельского хозяйства, прежде всего капиталовложения. Уже в 1953 году расходы на сельское хозяйство составили 52,3 миллиарда рублей, в том числе капитальные вложения около 12 миллиардов. В 1954 году общие расходы на сельское хозяйство составят 74,4 миллиарда рублей, в том числе капи-

тальные вложения 21 миллиард рублей, или почти на 80% больше, чем в 1953 году.

Советское государство направляет усилия тружеников деревни на увеличение продуктивности сельского хозяйства, добивается комплексной механизации основных работ в земледелии и животноводстве, освоения целинных и залежных земель.

Решающее значение в развитии социалистического производства, в создании достатка, а затем изобилия предметов потребления, в улучшении благосостояния народа играет непрерывный рост производительности труда, обеспечивающий неуклонное повышение массы общественного продукта, сокращение издержек производства и обращения на единицу продукции.

Советское государство всегда проявляло исключительную заботу о повышении производительности труда. В настоящее время в силу ряда объективных экономических факторов вопрос этот приобрел особую остроту.

Долгое время наша промышленность росла преимущественно за счет увеличения численности рабочего класса, ряды которого пополнялись выходцами из деревни, где благодаря быстро растущей механизации сельского хозяйства высвобождались и будут высвобождаться трудовые ресурсы.

Развернувшаяся в настоящее время борьба за крутой подъем сельского хозяйства, за увеличение производства зерна, молока, мяса, овощей, картофеля и других продуктов ставит, однако, определенные рамки использованию трудовых ресурсов деревни в промышленности. Более того, возникла необходимость в посылке квалифицированной рабочей силы из города в сельское хозяйство. В частности, значительное количество квалифицированной рабочей силы было послано из города на освоение целинных земель.

В первые годы индустриализации ряды рабочего класса пополнялись также за счет не работавшего ранее городского населения (безработные, свободные члены семьи и т. д.). Безработица у нас давно ликвидирована. Значительная масса не работавших членов семьи вовлечена в производство. Оставшаяся часть, как правило, занята домашним хозяйством и не может служить солидным резервом рабочей силы.

Полностью сохранил свое значение такой источник увеличения численности работающих, как естественный прирост населения, но он по вполне понятным причинам ограничен и, конечно, не может обеспечить рост объема производства, необходимый для коммунизма.

Далее, оснащение промышленности и сельского хозяйства первоклассной техникой, наличие высококвалифицированных кадров рабочих — все это создало колоссальные возможности для быстрого роста производительности труда, что позволяет в огромных масштабах увеличить общественное производство. Между тем новая техника используется очень часто далеко не полностью.

Особенно большие резервы для увеличения производительности труда имеются в угольной, металлургической, лесной, машиностроительной и ряде других отраслей промышленности. Угольная промышленность оснащена первоклассными механизмами, позволяющими значительно увеличить добычу угля, но на некоторых шахтах они используются совершенно неудовлетворительно. Например, в 1953 году угольные комбайны использовались в среднем только на 60%, углепогрузочные машины — на 50% и т. д. На многих предприятиях черной металлургии подсобных рабочих было больше, чем основных, и механизация подсобных работ позволит усилить производительность труда, высвободить значительное количество рабочих. Огромные перспективы роста производства открывает скоростное резание металлов. До войны средняя скорость резания металла варьировалась в пределах 30—70 метров в минуту, в настоящее время

она значительно выше, но почти на всех машиностроительных заводах далеко еще отстает от показателей новаторов. Передовые рабочие довели скорость резания до 1 000—1 500 метров в минуту, а с применением новейшего типа резцов скорость резания металлов превысила 2 тысячи метров в минуту. Токари, применяющие силовой метод резания, ускорили обработку деталей в 15—20 раз. Таким образом, правильное использование новейшей техники таит в себе колоссальные резервы роста производства.

Наконец, успех развернувшегося экономического соревнования между СССР и капиталистическими странами в значительной степени определяется уровнем производительности труда. Для того, чтобы экономически обогнать развитые капиталистические страны, необходимо не только расширение масштабов социалистического производства за счет строительства новых предприятий, но и такой бурный рост производительности труда, который обеспечил бы в этой области полное превосходство социализма над капитализмом. Коммунизм, указывал Ленин, призван создать производительность труда, неизмеримо более высокую, чем создал капитализм.

Из сказанного ясно, почему борьба за повышение производительности труда является одной из важнейших сторон хозяйственной деятельности партии и правительства.

Всемерно развивая производительные силы промышленности и сельского хозяйства, Советское государство одновременно успешно решает сложные вопросы совершенствования производственных отношений, ликвидирует возникающие экономические трудности и обеспечивает разрешение назревших противоречий.

В послевоенное время обнаружилось противоречие между уровнем механизации сельского хозяйства и масштабами производства в мелких колхозах. Первокласная техника, направленная в сельское хозяйство, использовалась в мелких колхозах малоэффективно. Для ликвидации этого противоречия по инициативе партии и правительства на добровольных началах было проведено укрупнение мелких колхозов путем их объединения. Укрупнение колхозов не меняет сущности кооперативно-колхозного производства, групповой собственности, но значительно расширяет возможности колхозного строя, открывает новые горизонты для развития производительных сил в деревне. Об этом свидетельствует опыт многих колхозов страны. Например, известный в настоящее время по всей стране передовой колхоз имени Молстова, Раменского района, Московской области, возникший в результате объединения четырех экономически слабых сельхозартелей, добился выдающихся успехов в развитии общественного хозяйства.

В последующее время партия и правительство вскрыли противоречия между возможностями колхозного производства и его продуктивностью. Партия и правительство поставили задачу полностью использовать возможности колхозного строя и наметили крупные мероприятия, направленные на крутой подъем производительных сил сельского хозяйства.

Среди них первостепенное значение имеет укрепление МТС. Помимо создания постоянных механизаторских кадров, улучшается снабжение техникой, посланы в МТС высококвалифицированные руководящие инженерно-технические работники, агрономы, зоотехники. Отныне МТС являются не только технической базой колхозного строя, но и организаторами колхозного производства. Они стали центром агрономического и зоотехнического руководства. Опираясь на МТС, райкомы развертывают политическую работу среди колхозников. Несомненно, МТС будут расти как культурные центры. Наконец, с помощью МТС существенно расширяется механизация всех работ, особенно увеличивается механизация овощеводства, картофелеводства, животноводства.

Принципиальное экономическое и политическое значение этих меро-

приятый в том, что они ведут к усилению роли общенародной собственности в колхозном производстве, к укреплению союза рабочего класса и крестьянства, к усилению руководящей роли рабочего класса.

Хозяйственно-организаторская деятельность Советского государства имеет не только внутреннее, но и огромное международное значение. Она является одним из решающих факторов в состязании социализма с капитализмом. Ее успехи означают увеличение могущества и авторитета Советского Союза и неизбежно ведут к изменению соотношения сил в международном масштабе в пользу социализма, против капитализма, что ослабляет и расшатывает позиции империалистических стран.

Культурно-воспитательная работа Советского государства

Построение коммунизма предполагает не только создание материальных условий, но и культурное перевоспитание общества, преодоление многовековых традиций и навыков эксплуататорского строя.

Для полной идеологической победы над капитализмом необходима длительная, упорная, терпеливая, гибкая работа Советского государства по ликвидации пережитков капитализма в сознании людей, по распространению знаний и материалистического мировоззрения, по культивированию советского патриотизма, дружбы народов и повышению идейности каждого советского гражданина.

Величайшим завоеванием Советского государства является создание новой культуры — социалистической по содержанию, национальной по форме. Советская культура — это передовая, подлинно прогрессивная культура. Все силы советской науки, техники, искусства направлены на удовлетворение высоких жизненных требований человека.

Буржуазная культура, проникнутая идеями человеконенавистничества, духовно растлевает и морально опустошает людей, культивирует у них звериные нравы. Советская культура — это культура социалистического гуманизма, она возвышает и облагораживает людей, указывает человечеству путь к счастью.

Мобилизуя народные массы на борьбу за построение коммунизма, Советское государство непрерывно расширяет и совершенствует свою культурно-воспитательную деятельность, имеющую колоссальное значение не только в нашем движении к коммунизму, но и для всего человечества. Переход от капитализма к коммунизму представляет собой не только радикальную ломку социальных отношений, но и самую великую по своим масштабам и содержанию революцию в духовной области. Эта революция кладет начало процессу формирования качественно нового человека — коммунистического человека, который по своему моральному облику, по своему отношению к обществу, по мировоззрению, по всей своей общественной сущности коренным образом отличается от людей буржуазного мира.

Наше государство уже проделало колоссальную воспитательную работу. Буржуазная идеология, буржуазное мировоззрение, буржуазная мораль и право в нашей стране разгромлены, и советские люди всей своей жизнью — в труде и в боях, на работе и дома — демонстрируют духовный облик нового человека. Однако с пережитками капитализма в отношении к труду и собственности, в области идеологии, в быту далеко еще не покончено. В нашей стране еще имеются и лодыри и расхитители общественного добра. Часть людей находится в тенетах религиозных воззрений, что мешает им стать сознательными строителями коммунизма. Не преодолен еще такой вредный пережиток проклятого прошлого, как пьянство.

Коммунистическое общество несовместимо со всеми этими пережитками. Поэтому борьба за неуклонное повышение сознательности советских людей, их идейного уровня, их политической бдительности в отноше-

нии агентуры вражеского окружения, усиление работы по завершению процесса формирования человека коммунистического общества есть одна из важнейших задач Советского государства. Чтобы справиться с решением этой задачи, необходимо поднять культурно-воспитательную работу в стране на новую ступень, ликвидировав имеющиеся серьезные недостатки в этой области.

Важнейший недостаток агитационно-массовой, воспитательной работы в том, что она во многих случаях строится в отрыве от потребностей материальной жизни. Некоторые пропагандисты, скатившись к субъективизму, абсолютизируют роль идей, предают забвению коренное положение исторического материализма о первичности общественного бытия и вторичности общественного сознания, фактически недооценивают важность создания материально-производственной базы коммунизма. На практике это нашло свое выражение прежде всего в игнорировании ленинского указания о необходимости исходить во всей работе из принципа сочетания материальной заинтересованности трудящихся в развитии производства с ростом сознательной активности в борьбе за коммунизм.

Многие наши воспитательные органы работают в отрыве от конкретных задач коммунистического строительства. Такая работа лишена целеустремленности, носит отвлеченный, поверхностный характер, ограничивается, как правило, призывами общего характера, не указывает место и роль каждого труженика в решении очередных задач, не раскрывает колоссальные возможности советского строя.

До сих пор серьезными недостатками страдает массово-политическая работа в ряде колхозов страны. Во многих колхозах агитация ограничивается общими призывами строить коммунизм, создавать изобилие предметов потребления, а конкретные задачи перед колхозниками не ставятся, имеющиеся резервы увеличения производства сельскохозяйственных продуктов не вскрываются.

Весьма серьезный недостаток воспитательной работы состоит, далее, в том, что многие работники, увлекшись разговорами об успехах и достижениях советского народа, забыли о нерешенных задачах, стали лакировщиками действительности, оказались неспособными помочь советским людям находить пути преодоления имеющихся недостатков. Известно, что в ряде произведений литературы и искусства игнорировались трудности, не раскрывались перспективы развития, а жизнь колхозов и колхозников изображалась как сплошной праздник. Такие произведения наносили серьезный ущерб воспитанию советских людей в духе борьбы за преодоление недостатков, за дальнейшее продвижение вперед.

Партия и правительство настойчиво борются за повышение идейного уровня и действенности воспитательной работы, за ее тесную, органическую связь с конкретными задачами общественного развития.

Воспитательная работа призвана, во-первых, раскрыть во всей полноте величие наших успехов, вызывая тем самым у советских людей чувство законной гордости за свою Родину, за партию; во-вторых, мобилизовать советских людей на решение конкретных задач, стоящих перед отдельным заводом, колхозом, перед всем народом; вскрывать трудности и определять пути их преодоления, помогать находить и использовать все возможности; в-третьих, освещать перспективу нашего развития, цель движения, внедрять веру в свои силы, уверенность в торжестве нашего дела — дела коммунизма. Только неразрывная связь и взаимопроникновение всех этих трех сторон делают воспитательную работу боевой, целеустремленной, действенной.

Развертываемая в настоящее время партией и правительством борьба за решительное улучшение качества всей воспитательной работы, за серьезное расширение ее размаха поднимет уровень культурно-воспитательной деятельности государства на новую ступень, приведет к ускорению темпов коммунистического развития.

Совершенствование советского аппарата

В настоящее время, когда партия ведет борьбу за быстрое преодоление отставания сельского хозяйства, за крутой подъем производства предметов потребления, за неуклонное повышение во всех областях производительности труда, за повышение культурного уровня трудящихся, приобретает особую важность вопрос об улучшении деятельности государственного аппарата, о последовательном проведении в жизнь ленинских принципов его работы. Эффективность созидательной, преобразующей деятельности Советского государства зависит от ряда факторов.

Прежде всего от объективных экономических условий. Созданная в нашей стране передовая, социалистическая система хозяйства открыла безграничный простор развитию производительных сил, создала необходимые материальные условия для осуществления великого исторического перехода от социализма к коммунизму.

Успех зависит, далее, от правильной политической линии. Наше государство руководствуется правильной политической линией, выработанной Коммунистической партией. Мудрая политика КПСС, основанная на знании объективных законов общественного развития, отражающая коренные интересы трудящихся, прошла суровую историческую проверку на всех этапах развития советского общества.

Первостепенное значение в осуществлении стоящих перед нами задач имеет активная поддержка политической линии народом. Наш народ деятельно поддерживает политику партии и государства, считает ее своей политикой, полон желания претворить ее в жизнь. Морально-политическое единство советского общества — яркое выражение поддержки народом политики партии и государства.

Наконец, успех борьбы государства за решение назревших задач коммунистического строительства зависит от уровня организаторской работы, от квалифицированности руководства народным хозяйством и культурой. Деятельность ЦК нашей партии и Советского правительства — образец научного руководства. У нас много примеров высококвалифицированного, оперативного руководства хозяйством и культурой. Однако в ряде областей и районов организационное руководство значительно отстает от уровня политического руководства. В результате на многих предприятиях, в МТС, совхозах и колхозах колоссальные возможности увеличения производства остаются неиспользованными.

Почему на многих предприятиях лесной промышленности при быстром росте механизации производительность труда остается еще очень низкой, иногда ниже довоенной? По какой причине урожайность зерновых в Ростовской области ниже, чем урожайность в Ставропольском крае, хотя почвенно-географические условия и степень механизации одинаковы? Почему Курская область из года в год собирала урожай свеклы с гектара значительно меньший, чем соседняя, Харьковская? На эти вопросы есть только один ответ: причины всего этого кроются в серьезных недостатках в руководстве хозяйством.

Партия учит, что основным содержанием всей деятельности государственного аппарата является живая организаторская работа на предприятиях, в колхозах, совхозах, в учреждениях, настойчивая, энергичная борьба за претворение в жизнь политики партии и правительства. От всех звеньев государственного аппарата сейчас больше, чем когда бы то ни было, требуется подлинная оперативность, исключая всякие проявления бюрократизма, правильный подбор кадров по политическим и деловым принципам, их расстановка с учетом знаний, опыта, возможностей каждого работника, строжайший контроль за работой, систематическая проверка исполнения.

Главным недостатком работы многих государственных органов является канцелярско-бюрократический метод руководства, в корне противо-

речащий требованиям партии. Как известно, вопиющие факты бюрократических методов руководства были вскрыты в союзных министерствах сельского хозяйства и совхозов. Достаточно сказать, что за 11 месяцев 1953 года из Министерства сельского хозяйства СССР было послано на места 3 846 приказов, 2 330 циркуляров, 856 тысяч разных писем, 67 300 телеграмм, на что ежедневно расходовалось в среднем 23 пуда бумаги. Многие директивы являлись бесплодным, кабинетным творчеством. Например, заместитель начальника главка лесного хозяйства и полезащитного лесоразведения тов. Кондаков утвердил и направил всем управлениям лесного хозяйства схему доклада об итогах работы лесхозов за 1953 год. Эта схема содержит 20 страниц убогого текста. Кондаков требует дать подробный ответ на огромное количество вопросов, причем целесообразность многих из них весьма сомнительна. Какое, например, значение для руководства хозяйством имеют вопросы о количестве шишкосушилок, амбаров для хранения шишек, о их состоянии и объеме, о наличии тары (бутылей и ящиков), о количестве обнаруженных случаев нарушения правил сенокошения, пастбы скота и т. д. Эта директива была механически заслана и в такие области, как Кзыл-Ордынская, Херсонская, где леса, как известно, нет.

Канцелярско-бюрократические методы руководства применяют и многие областные управления. Яркие образцы пустого сочинительства и кабинетного бумаготворчества были вскрыты во Владимирском управлении сельского хозяйства. Так, в декабре 1953 года управление направило в Юрьев-Польскую МТС письмо с требованием срочно представить сведения о ходе подготовки к весеннему севу по 281 вопросу. Через четыре дня в МТС было послано новое письмо, на этот раз на 10 страницах, требовавшее ответа уже по 925 показателям. Управление сельского хозяйства интересовало, например, такие вопросы: сколько проведено заседаний правления колхозов в среднем на один колхоз (раздельно по годам) за последние пять лет; сколько приходится сбруи в среднем на одну рабочую лошадь за последние пять лет.

Для составления справок, докладных, резолюций, решений, директив, телеграмм, ответов и т. п. квалифицированным работникам приходится отвлекаться от оперативной работы по руководству промышленностью, транспортом, сельским хозяйством, культурным строительством, что серьезно снижает уровень работы аппарата и наносит большой ущерб народному хозяйству. Бюрократические извращения в работе государственного аппарата подрывают государственную дисциплину, сдерживают творчество масс, порождают волокиту, безответственность, несовместимые с природой Советского государства.

У нас не перевелись еще, к сожалению, болтуны и верхогляды, которые плохо знают хозяйство, но любят давать общие установки, произносить длинные речи, зачастую написанные другими работниками. Багаж таких работников — общие декларации, пышные фразы, громкие слова. Многие руководители не изучают по-настоящему хозяйство, чужаются живого дела, и вполне понятно, что они не могут организовать использование резервов, обеспечить мобилизацию народа на создание обилия предметов потребления. У нас есть еще такие работники, которые не хотят учиться, относятся к учебе барски-пренебрежительно. Не зная сельскохозяйственного производства, они не желают по-настоящему овладевать агротехническими знаниями.

Последовательная борьба с формально-бюрократическими методами руководства требует строжайшего соблюдения и дальнейшего развития демократического централизма, разработанного Лениным. Демократический централизм, являющийся коренным принципом организации и деятельности социалистического государства, позволяет сочетать подлинный централизм управления по главным общегосударственным вопросам, строжайшую дисциплину и организованность, единство руководства в масшта-

бе страны с местной самодеятельностью, с развитием инициативы низовых работников, с использованием творческой инициативы и активности народных масс.

Подчеркивая огромное значение принципа демократического централизма, Ленин предупреждал вместе с тем против опасности бюрократизации этого принципа. «Демократический централизм,— писал он,— не только не исключает местного самоуправления с *автономией* областей, отличающихся особыми хозяйственными и бытовыми условиями, особым национальным составом населения и т. п., а, напротив, необходимо требует и того и другого» (Соч. Т. 20, стр. 29).

Нарушение принципа демократического централизма, выражающееся в излишней централизации хозяйственного руководства, сковывает самодеятельность низовых органов власти, снижает их оперативность, ведет к излишней переписке, к безответственности и безинициативности работников, готовых по самому незначительному поводу обращаться в руководящие органы.

Важной особенностью работы нашего аппарата является правильное сочетание коллегиальности и единоначалия. Сущность этих методов работы В. И. Ленин выразил в краткой фразе: обсуждение сообща, а ответственность единолично. Коллегиальность позволяет привлечь к обсуждению большое число работников, учесть и обобщить опыт масс, найти наиболее правильное решение, повышает качество руководства. Персональная ответственность предупреждает обезличку, обеспечивает правильную организацию и проверку исполнения.

Совершенствование работы государственного аппарата В. И. Ленин рассматривал как задачу первостепенной важности. Определяя содержание работы Рабкрин, Владимир Ильич в своих статьях «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше» требовал прежде всего выработки наиболее эффективных методов управления, наиболее целесообразных форм построения аппарата.

В современных условиях коренное улучшение работы всех звеньев государственного аппарата является тем рычагом, при помощи которого можно привести в действие гигантские резервы, таящиеся в недрах нашей экономики, поднять отстающие и посредственно работающие промышленные предприятия, МТС, колхозы, совхозы до уровня передовых и тем самым резко двинуть вперед все отрасли социалистического народного хозяйства, все участки нашего великого коммунистического строительства.

В послевоенное время еще более развилась и существенно обогатилась внешняя функция Советского государства, его деятельность на международной арене. Оказывая помощь трудящимся стран народной демократии, Советское государство содействует укреплению лагеря мира, демократии и социализма, добивается дальнейшего изменения в соотношении сил в пользу социализма, в ущерб капитализму. Все это служит делу мира, существенно улучшает международные условия для построения коммунизма в нашей стране. Изложение вопроса о внешнеполитической деятельности Советского государства в современных условиях должно явиться предметом специальной статьи.

* * *

С каждым годом мужает и крепнет Советское государство, растут его силы и авторитет, укрепляются и расширяются его связи с народом.

Непрерывно растущая мощь Советского государства, правильность политики и руководства Коммунистической партии, великое единение партии, правительства и народа — животворный источник всех наших побед, гарантия торжества коммунизма.

Китайская Народная Республика на путях к социализму

А. Н. НАУМОВ

Победа народной революции в Китае, пятую годовщину которой отметил ныне весь лагерь мира, демократии и социализма, является крупнейшим событием в освободительной борьбе народов после Великой Октябрьской социалистической революции и разгрома фашизма во второй мировой войне. Шестисотмиллионный народ, составляющий четверть человечества, освободился от гнета иноземных колонизаторов и внутренней реакции и уверенно встал на путь самостоятельного развития.

Победа китайского народа нанесла сокрушительный удар по всей колониальной системе империализма, подняла на новую ступень национально-освободительное движение угнетенных народов Азии и бассейна Тихого океана. Она явилась высшим выражением тех исторических перемен, которые произошли в Азии под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и победы Советского Союза во второй мировой войне.

Китайская Народная Республика играет выдающуюся роль в лагере мира, демократии и социализма, возглавляемом Советским Союзом. С образованием Китайской Народной Республики появилась новая великая держава, которая последовательно отстаивает дело укрепления международной безопасности. О возросшем международном престиже Китайской Народной Республики и ее выдающихся заслугах в борьбе за ослабление международной напряженности ярко свидетельствуют итоги Женевского совещания.

За пять лет, прошедших со времени образования Китайской Народной Республики, китайский народ, возглавляемый Коммунистической партией, осуществил коренные демократические преобразования в экономике и политической жизни страны, восстановил разрушенное войной хозяйство и, начиная с 1953 года, приступил к осуществлению первого пятилетнего плана подъема и реконструкции хозяйства страны.

Победа народной революции открыла китайскому народу путь к социализму, и ныне Китайская Народная Республика постепенно осуществляет социалистические преобразования. Период, переживаемый Китаем с 1949 года, — это переходный период от экономики полуфеодальной и полуколониальной в прошлом страны к социалистической экономике.

1. Особенности переходного периода в Китае

В. И. Ленин еще до победы Великой Октябрьской социалистической революции указывал, что все нации придут к социализму не совсем одинаково, что каждая нация внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни (см. Соч. Т. 23, стр. 58). В. И. Ленин предвидел, что особенно много своеобразия принесут революции в странах Азии. «Нашим евро-

пейским мещанам и не снится,— писал В. И. Ленин в одной из своих последних работ,— что дальнейшие революции в неизмеримо более богатых населением и неизмеримо более отличающихся разнообразием социальных условий странах Востока будут преподносить им, несомненно, больше своеобразия, чем русская революция» (Соч. Т. 33, стр. 439).

В. И. Ленин поставил перед коммунистами стран Востока задачу творческого развития марксистской теории применительно к конкретным условиям колониальных и зависимых стран. «Здесь перед вами стоит задача,— говорил В. И. Ленин, обращаясь к коммунистам Востока,— которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекommунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков» (Соч. Т. 30, стр. 140).

Коммунистическая партия Китая всегда строила свою деятельность, исходя из того, что китайская революция должна пройти через два основных этапа: первый этап — буржуазно-демократическая революция, второй этап — социалистическая революция. Это коренное положение стратегии Коммунистической партии Китая сформулировано в важнейших партийных документах КПК, в трудах товарища Мао Цзэ-дуна.

В известном учебном пособии компартии Китая «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая», написанном в 1939 году товарищем Мао Цзэ-дуном совместно с группой товарищей, подчеркивается, что «руководимое Коммунистической партией Китая революционное движение в целом является единым революционным движением, охватывающим и этап демократической революции и этап социалистической революции. Это — два различных по своему характеру революционных процесса, и только завершив первый из них, можно взяться за завершение второго. Демократическая революция является необходимой подготовкой к социалистической революции, а социалистическая революция — неизбежным направлением развития демократической революции... Только поняв различие между демократической и социалистической революциями и в то же время уяснив существующую между ними связь, можно правильно руководить революцией в Китае» (Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 3, стр. 180—181).

Основным содержанием развернувшейся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции революционной борьбы китайского народа было решение задач антифеодальной и антиимпериалистической революции. В 1949 году эта многолетняя героическая борьба китайского народа завершилась победой народной революции, направленной против империализма, феодализма и бюрократического капитала.

Народная революция в Китае победила в 1949 году как революция буржуазно-демократического типа при гегемонии пролетариата и по своему содержанию сразу же вышла за рамки обычной буржуазно-демократической революции. Народная революция в Китае победила под руководством пролетариата и его авангарда — Коммунистической партии, будучи составной частью мировой пролетарской социалистической революции. Она явилась буржуазно-демократической революцией нового типа, неизбежно перерастающей в революцию социалистическую.

В результате победы народной революции в Китае утвердилась новая, революционная власть — демократическая диктатура народа, основанная на союзе рабочих и крестьян и руководимая рабочим классом. Перед китайским народом открылась возможность не только завершения демократической революции, но и осуществления социалистической революции путем постепенного проведения социалистических преобразований. Эта особенность развития Китая законодательно закреплена в новой Консти-

туции Китайской Народной Республики. «Строй народной демократии в Китайской Народной Республике, то есть строй новой демократии,— говорится в Конституции,— обеспечивает для нашей страны возможность мирным путем ликвидировать эксплуатацию и нищету и построить процветающее и счастливое социалистическое общество.

Период от создания Китайской Народной Республики до построения социалистического общества есть переходный период».

Ряд особенностей предшествовавшего тридцатилетнего периода революционной борьбы китайского народа подготовил и облегчил такой путь развития Китайской Народной Республики.

Во-первых, китайская революция развивалась в период общего кризиса капитализма, в условиях существования Советского Союза, опираясь на поддержку и сочувствие народов СССР. И. В. Сталин указывал еще в 1926 году, что революционный опыт и помощь Советского Союза не могут не облегчить борьбы китайского пролетариата против империализма и против феодально-средневековых пережитков в Китае (см. Соч. Т. 8, стр. 359). Существование и помощь Советского Союза являются важнейшей предпосылкой, обеспечивающей возможность развития Китая не по капиталистическому, а по социалистическому пути.

Во-вторых, в ходе демократической революции в Китае утвердились безусловная гегемония рабочего класса и безраздельное руководство Коммунистической партии.

В-третьих, победившая в Китае демократическая революция была направлена не только против империализма и феодализма, но и против бюрократического капитала. Демократическая революция полностью ликвидировала экономические и политические позиции крупной китайской буржуазии, носившей монополистический, компрадорский характер, тесно связанной с иностранными империалистами и классом помещиков. Этот акт демократической революции заключал в себе важный элемент перерастания ее в революцию социалистическую. Национализация предприятий, банков, транспорта, средств связи, принадлежавших бюрократическому капиталу, привела к созданию в экономике Китайской Народной Республики государственного социалистического сектора.

В-четвертых, за более чем двадцатилетний период (1927—1949 годы) компартия, рабочие и крестьяне Китая приобрели огромный опыт государственного и экономического строительства в районах народной власти. В начале 30-х годов красные районы Китая охватывали территорию с населением в 50 миллионов человек. Обширные освобожденные районы, население которых к 1945 году достигло около 100 миллионов, были созданы в период войны с японскими захватчиками. На освобожденные районы опиралась народно-освободительная армия в период войны против гоминдановских банд. На территории освобожденных районов проводились коренные демократические преобразования. В этих районах складывались еще до победы революции в масштабе всей страны некоторые элементы перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Коммунистическая партия Китая в своей политике исходит из того, что экономика старого Китая была экономикой полуфеодальной, полукOLONиальной и колониальной. Вторжение иностранных колонизаторов и порабощение ими страны превратило Китай в полукOLONию, а после захвата Дунбэя (Маньчжурии) и некоторых других районов японскими империалистами значительная часть территории Китая превратилась в японскую колонию. Экономический базис полуфеодального и полукOLONиального Китая отличался тем, что основа натурального хозяйства феодальной эпохи была разрушена. Но основная форма феодальной эксплуатации — эксплуатация крестьян помещиками — не только сохранялась в Китае вплоть до победы народной революции, но в сочетании с компрадорской и ростовщической эксплуатацией занимала господствующее положение в

экономической жизни старого Китая. Национальный капитализм получил некоторое развитие и стал играть довольно значительную роль в политической и культурной жизни страны. Однако он все же был слаб, не превратился в основной общественно-экономический уклад старого Китая; китайский крупный капитал, как уже отмечено, был в той или иной мере связан с иностранным империализмом и помещиками внутри страны.

Развитие старого Китая определялось действием основного экономического закона современного монополистического капитализма — закона максимальной прибыли. Монополии Соединенных Штатов Америки и других империалистических держав обеспечивали себе получение максимальных прибылей также путем закабаления и систематического ограбления китайского народа. Иностранные империалисты были кровно заинтересованы в сохранении феодальных и полуфеодальных форм эксплуатации китайского крестьянства. Империалистический гнет и господство феодальных пережитков определили крайнюю экономическую и политическую отсталость старого Китая, обрекали на прозябание и деградацию производительные силы великой страны. Объективный экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил требовал ликвидации старых производственных отношений полуфеодального и полуколониального Китая, освобождения Китая от гнета иностранных империалистов, ликвидации феодальных порядков и создания новых производственных отношений, таких, которые бы обеспечивали полное, всестороннее и быстрое развитие производительных сил Китая.

Хотя капиталистические производственные отношения и являются более прогрессивными по сравнению с производственными отношениями старого Китая, но в современных условиях, в условиях общего кризиса капитализма, капиталистический путь развития не может спасти производительных сил Китая от прозябания и упадка. На путях буржуазного развития Китай не мог бы обеспечить себе подлинную независимость от гнета иностранных империалистических монополий: он неизбежно оставался бы в сфере действия основного экономического закона современного монополистического капитализма, его экономика сохранила бы полуколониальный характер. Между тем существование Советского Союза и других стран социалистического лагеря создало для китайского народа, как уже отмечено, возможность избежать развития по пути капиталистического рабства, обеспечивает необходимые объективные предпосылки для некапиталистического развития Китая. Эту возможность, закономерность некапиталистического развития отсталых стран открыл В. И. Ленин. «...С помощью пролетариата передовых стран,— учит В. И. Ленин,— отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» (Соч. Т. 31, стр. 219).

Одним из важнейших условий успешного развития Китая по некапиталистическому, то есть по социалистическому, пути явился распад единого мирового рынка и создание нового мирового рынка стран социалистического лагеря.

В результате того, что после второй мировой войны страны демократического лагеря экономически сомкнулись и наладили экономическое сотрудничество и взаимопомощь, китайский народ стал получать во все возрастающих масштабах максимально дешевую и технически первоклассную помощь со стороны Советского Союза и других стран демократического лагеря, помощь, которая позволяет решить труднейшие задачи социалистической индустриализации Китая.

«...Наша страна,— говорится в докладе тов. Лю Шао-ци о проекте Конституции Китайской Народной Республики,— может пойти лишь по пути социализма — единственно светлomu пути. И не может не пойти,

ибо этого требует неизбежный закон исторического развития нашей страны!» («Правда» от 18 сентября 1954 года).

Этими объективными закономерностями определяются особенности развития Китая после победы революции и политика Коммунистической партии в переходный период. Переходный период в Китае — это переход к социализму не от капиталистической экономики с большим или меньшим количеством остатков и пережитков феодализма, как было в Советском Союзе и сейчас происходит в европейских странах народной демократии, а от экономики полуколониальной и полуфеодальной, минуя стадию развитой капиталистической экономики.

2. Начальный этап переходного периода в Китае

Начальная фаза переходного периода в Китае охватывает отрезок времени с октября 1949 года по 1952 год включительно. Основное содержание начального этапа переходного периода составляли завершение демократической революции и восстановление хозяйства, разрушенного длительными войнами. Эти задачи осуществлялись в рамках некапиталистического развития Китая. Их разрешение сопровождалось созданием и ростом некоторых социалистических элементов экономики и ограничением капиталистических элементов.

За эти годы китайский народ проделал огромную работу по укреплению народно-демократического государства, являющегося главным орудием постепенного осуществления социалистических преобразований в Китае. Как в центре, так и на местах были созданы органы народной власти. Путем созыва конференции представителей всех слоев населения к управлению государством были привлечены широкие массы трудящихся, которые на собственном опыте глубоко поняли, что Собрания народных представителей являются лучшей политической организационной формой управления государством в Китае.

Опираясь на активную поддержку всего китайского народа, народная власть развернула решительную борьбу против подрывной деятельности гоминдановского охвоста и агентов иностранных империалистических разведок. На всей территории страны укрепился революционный порядок, был ликвидирован политический бандитизм.

Отличительной особенностью кампании по подавлению контрреволюционной деятельности был ее всенародный характер. В первой половине 1951 года в кампании по разоблачению контрреволюционных агентов участвовало 80% населения страны. В результате по остаткам контрреволюционных элементов был нанесен сокрушительный удар.

Важную роль в укреплении народно-демократического государства сыграла национальная политика Коммунистической партии и правительства Китайской Народной Республики, обеспечившая свободное развитие всех национальностей Китая.

Политические успехи китайского народа, укрепление народно-демократического государства создали решающие предпосылки для осуществления коренных социально-экономических преобразований в Китае.

Опираясь на государственную власть, китайский народ осуществил важнейшие демократические преобразования в промышленности. Органы народной власти конфисковали предприятия, принадлежавшие японским империалистам и бюрократическому капиталу. В руки народного государства перешли крупная промышленность, транспорт, средства связи, банки.

Поскольку китайская революция победила в 1949 году как революция демократическая, она не была направлена против национальной буржуазии. Наоборот, победа демократической революции открыла широкие возможности для деятельности национальной (преимущественно средней) буржуазии, которую американский империализм и гоминдановский режим

обрекали на разорение. Но деятельность частных предприятий с самого начала регулировалась и контролировалась народным государством.

Народное правительство проводило политику ограничения капиталистического сектора экономики в различных сферах его деятельности путем налоговой политики, политики в области рыночных цен и условий труда, создавало новые государственные предприятия, основало тысячи и десятки тысяч потребительских кооперативов и государственных магазинов, чтобы прекратить спекуляцию частных торговцев. Часть капиталистических торгово-промышленных предприятий была поставлена на рельсы государственного капитализма посредством превращения их в смешанные — государственно-частные — предприятия.

Революционные преобразования, проведенные в промышленности после провозглашения Китайской Народной Республики, коренным образом изменили положение рабочего класса. На предприятиях государственного сектора отсутствует эксплуатация, рабочие стали хозяевами производства. На частных предприятиях права рабочих охраняются соответствующими законами. Правительство издало законы о сокращении рабочего дня, обеспечении охраны труда на предприятиях и т. д. Важнейшим завоеванием рабочего класса Китая является введение впервые в истории Китая социального страхования.

Историческим завоеванием китайской революции является аграрная реформа, ликвидировавшая помещичью собственность на землю. Аграрная революция составила основу и содержание демократической революции в Китае. Ликвидация помещичьего землевладения осуществлялась в старых освобожденных районах еще в период гражданской войны 1946—1949 годов (Дунбэй, Северный Китай). На основе закона о земельной реформе, изданного в 1950 году, аграрная реформа была к весне 1953 года завершена на всей территории КНР (исключая некоторые районы, населенные национальными меньшинствами, где проведение реформы было отсрочено). В результате аграрной реформы 300 миллионов крестьян безвозмездно получили 47 миллионов гектаров помещичьей земли. Реформа освободила крестьян от ежегодных арендных платежей помещикам в размере 50 миллионов тонн (около 3 миллиардов пудов) зерна.

Аграрная реформа значительно подняла материальное благосостояние крестьянства Китая, столетиями прозябавшего в чудовищной нищете. Подъем сельскохозяйственного производства в результате аграрной реформы создал важные экономические предпосылки для перехода к постепенной индустриализации страны. Вместе с тем ликвидация помещичьего землевладения, укрепление в результате аграрной реформы государства народной демократии создали необходимые условия и для постепенных социалистических преобразований в сельском хозяйстве Китая.

Великие революционные преобразования, осуществленные в результате победы народно-демократической революции, изменили облик страны. Экономический базис полукOLONиального и полуфеодального Китая навсегда ушел в прошлое. В стране появился государственный сектор народного хозяйства, социалистический по своему характеру, играющий руководящую роль в экономической жизни Китая. Важной составной частью народного хозяйства стал кооперативный сектор. К кооперативному сектору относятся кооперативы, основанные на коллективной собственности трудящихся и носящие социалистический характер (коллективные хозяйства, где обобществлены земля и орудия производства), а также кооперативы, основанные на частичной коллективной собственности трудящихся (большинство современных сельскохозяйственных кооперативов в Китае), носящие полусоциалистический характер. Частичная коллективная собственность трудящихся является переходной формой, подводящей крестьян и кустарей — единоличников — к коллективной собственности. Вместе с тем в КНР раз-

виваются сектор государственного капитализма, в котором сотрудничают государственный и частный капитал, частнокапиталистический сектор и сектор индивидуальных хозяйств крестьян и кустарей, который занимает еще преобладающее положение. Экономика Китайской Народной Республики имеет характерный для переходного периода многоукладный характер.

Победа народной революции и коренные преобразования в области промышленности и сельского хозяйства позволили китайскому народу в кратчайший срок восстановить хозяйство, разрушенное войной.

Нужно учесть, что начиная с 1937 года Китай был арендой самой разрушительной в его истории войны. Война, господство гоминдановских реакционеров привели экономику страны к полному развалу, отбросили еще больше назад и без того отсталый в экономическом отношении Китай. В полный упадок пришло сельское хозяйство — основа китайской экономики. К 1949 году поголовье скота сократилось на 16%, а количество сельскохозяйственных орудий — на 30% по сравнению с довоенным уровнем, сбор зерновых упал до 74,6%, а производство хлопка — до 52% довоенного уровня (см. «Экономические успехи Нового Китая за три года», стр. 52—53. Пекин. 1953). Резко сократилось промышленное производство. В 1949 году производство чугуна составляло 11%, стали — 18%, угля — 45%, цемента — 31%, хлопчатобумажных тканей — 73% по сравнению с высшими показателями, достигнутыми Китаем в прошлом. В целом промышленная продукция сократилась на 50% (см. там же, стр. 40 и 45). Господство гоминдановцев привело к невиданной инфляции, цены выросли в тысячи раз, нормальная торговля была парализована.

Народно-демократический строй, обеспечивший некапиталистический путь развития Китая, позволил решить труднейшую задачу восстановления хозяйства страны в кратчайший срок. Восстанавливая свое хозяйство, китайский народ опирался на всестороннюю братскую помощь великого Советского Союза и других стран демократического лагеря.

Состоявшийся в июне 1950 года третий Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Китая поставил перед партией и трудящимися задачу — добиться коренного улучшения финансового и экономического положения страны.

Эта труднейшая задача была осуществлена в кратчайшие сроки. Освобожденные от феодального и империалистического гнета, рабочие и крестьяне Китая развернули кипучую созидательную деятельность. Благодаря героизму рабочего класса восстановление промышленности шло очень высокими темпами. Если взять уровень производства промышленности в 1949 году за 100, то в 1952 году производство чугуна составило 764%, стали — 846%, проката — 848%, электроэнергии — 164%, угля — 202%, нефти — 358%, хлопчатобумажных тканей — 287% и т. д. (см. «Сообщение Государственного статистического управления при Центральном Народном правительстве о ходе работ по восстановлению и развитию народного хозяйства за 1952 год»). В результате этих успехов уже в 1952 году по всем видам промышленной продукции (исключая добычу угля) был не только достигнут, но и значительно превзойден самый высокий уровень производства, достигнутый когда-либо в прошлом.

Еще в восстановительный период началось строительство целого ряда новых предприятий. Так, в 1952 году были построены и введены в эксплуатацию Фусиньская электростанция, Харбинская льнопрядильная фабрика, Первая государственная текстильная фабрика на Северо-Западе и др. Начато строительство Аньшаньского завода крупного проката, Ань-

шаньского завода по производству цельнометаллических труб, Тайюаньского завода тяжелого машиностроения и других предприятий.

Аграрная реформа создала условия для быстрого восстановления и подъема сельскохозяйственного производства. В 1952 году сбор зерновых в Китае на 45% превысил уровень 1949 года и на 17% — максимальный довоенный уровень, а сбор хлопка соответственно увеличился на 191%, превысив довоенный уровень на 52%.

Общая стоимость промышленной и сельскохозяйственной продукции Китая составила в 1952 году 170% по сравнению с 1949 годом, причем стоимость продукции современной промышленности увеличилась в 2,6 раза. В стране развернулась огромная работа по строительству ирригационных сооружений.

Успешное восстановление народного хозяйства Китая обеспечило значительный подъем материального благосостояния трудящихся города и деревни. За первые три года существования Китайской Народной Республики реальная заработная плата рабочих увеличилась по всей стране на 60—120%.

Успехи восстановительного периода сопровождались важными изменениями в структуре экономики Китая. Заметно возросла доля промышленного производства в экономике страны. Если в 1949 году на долю современной промышленности (без кустарной) приходилось 17% общей продукции всего народного хозяйства Китая, то в 1952 году доля современной промышленности составляла уже 28%, а в 1954 году она составит примерно 33%. Повысился удельный вес социалистического сектора промышленности. Об этом наглядно свидетельствует следующая таблица, показывающая изменение удельного веса различных секторов в промышленном производстве страны (включая кустарное производство):

	1949 г.	1952 г.
Государственный сектор	33,9%	50%
Сектор государственного капитализма	2,4%	5%
Кооперативный сектор	1,0%	3%
Частнокапиталистический сектор	62,7%	42%

Из этих данных видно, что при восстановлении промышленного производства быстрыми темпами росла государственная и кооперативная промышленность, до известной степени развилась государственно-капиталистическая промышленность и соответственно снизился удельный вес частнокапиталистической промышленности.

Изменилось соотношение между легкой и тяжелой промышленностью. Удельный вес производства средств производства по отношению ко всей промышленности, составлявший в 1949 году 28,8%, достигнет в 1954 году 42,3%.

Одновременно с коренными преобразованиями в экономической и политической жизни Китая огромные изменения произошли в культурной жизни страны. Империалистический и феодальный гнет в прошлом обрекал китайский народ на бескультурье и отсталость. До победы народной революции свыше 80% населения Китая было неграмотным. Господствовали средневековые нравы и обычаи. Иностранные империалисты и внутренняя реакция душили национальную культуру великого народа, стремились отравить его сознание. В гоминдановском Китае активно насаждалась враждебная народу феодальная и колониальная идеология.

Невозможно было осуществить коренные социально-экономические и политические преобразования без решительного подъема культурного и политического уровня широчайших слоев народа. Поэтому культурное строительство и идеологическая работа приобрели в народном Китае особо важное, первостепенное значение. Важнейшей задачей стала борьба за подъем народного образования, ликвидацию неграмотности. Значительно расширилось количество начальных и средних школ. В начальных школах

в настоящее время насчитывается более 55 миллионов учащихся — на 135% больше, чем до освобождения страны. В 1953 году число учащихся средних школ увеличилось более чем на 158% по сравнению с 1949 годом. Впервые в истории Китая двери школ были широко раскрыты для детей рабочих и крестьян. Так, уже в 1952 году 80% всех учащихся начальных школ и 60% учащихся средних школ составляли дети рабочих и крестьян. Широкие возможности для ликвидации неграмотности и получения образования открыты перед взрослыми рабочими и крестьянами. Около 3 миллионов человек обучается в вечерних школах для рабочих и служащих. Около 50 миллионов человек занимается в крестьянских школах. Миллионы рабочих и крестьян уже успешно ликвидировали свою неграмотность. Для получения рабочими среднего образования в Китае созданы специальные учебные заведения по типу советских рабфаков.

В народном Китае резко увеличилось количество газет, тиражи книг, расширяется радиовещание. Созданы многие сотни клубов, дворцов культуры, библиотек, которые ведут огромную воспитательную работу в широких массах рабочих и крестьян. Используя советский опыт, передовые представители китайской интеллигенции создали Всекитайское общество по распространению научных и технических знаний. Оно помогает трудящимся овладевать научными и техническими знаниями, необходимыми для активного участия в экономическом строительстве государства, ведет пропаганду материалистического понимания явлений природы, разоблачает суеверия. Китайский народ освобождается от влияния феодальной морали и феодальных пережитков в быту. Огромное значение имело издание Народным правительством нового Закона о браке и широкая пропаганда его среди трудящихся.

В народном Китае созданы условия для расцвета литературы и искусства. За последние годы китайские писатели выпустили десятки книг, получивших признание народа; успешно развивается молодая кинематография. Проведенные в последние годы смотр оперного искусства и фестиваль народной музыки и танца способствовали дальнейшему развитию традиционной китайской оперы, широкому развертыванию художественной самодетельности масс.

Изменения, происшедшие в культурной жизни Китая после образования Китайской Народной Республики, показывают, что в стране совершается подлинная культурная революция. К культуре и образованию впервые в истории Китая приобщаются многомиллионные народные массы. «Сейчас уже прошло то время, когда китайцев считали нецивилизованной нацией,— говорил Мао Цзэ-дун.— Мы выйдем на мировую арену, как нация, обладающая высокой культурой».

Происходящая в Китае культурная революция привела к изменению содержания и характера культурной жизни страны. Но старое не уходит без борьбы. В условиях Китая, где основные кадры интеллигенции, вышедшие из буржуазной и мелкобуржуазной среды, были воспитаны в духе старой идеологии, особенно остро стоят задачи борьбы против влияния феодальной и буржуазной идеологии. Коммунистическая партия Китая всегда уделяла исключительное внимание идеологической работе, работе с интеллигенцией.

Приведенные данные показывают, что в 1949—1952 годах в Китае происходило не обычное восстановление хозяйства, разрушенного войной. Восстановление народного хозяйства сопровождалось важными качественными изменениями, свидетельствовавшими о том, что Китай вступил на социалистический путь развития. Этим самым были созданы необходимые предпосылки для перехода к развернутому пл а н о в о м у экономическому строительству, к решению исторической задачи индустриализации Китая.

Важнейшие изменения за эти годы произошли в соотношении классовых сил в стране. В результате аграрной реформы был

ликвидирован главный эксплуататорский класс старого Китая — класс помещиков.

Осуществление демократических преобразований и восстановление народного хозяйства привели к значительному укреплению и усилению руководящей роли рабочего класса в современном китайском обществе. Многократно возросла политическая и производственная активность рабочего класса. Десятки тысяч рабочих были выдвинуты на руководящие должности в государственном аппарате и в промышленности. Рабочий класс выдвинул выдающихся новаторов производства, отличников и героев труда.

Проведенная под руководством рабочего класса аграрная реформа укрепила союз рабочих и крестьян Китая. Рост товарооборота, расширение экономических связей между городом и деревней способствовали, в свою очередь, дальнейшему упрочению этого союза. Можно без преувеличения сказать, что основным социально-экономическим и политическим итогом развития Китая в 1949—1952 годах явилось укрепление союза рабочих и крестьян, руководимого рабочим классом, как основного условия развития Китая к социализму.

Освобожденное от феодального гнета помещиков, крестьянство стало активным строителем нового Китая. Не желая, чтобы на место помещичьей кабалы пришла новая, кулацкая кабала, крестьяне, руководимые рабочим классом, развернули массовое движение за создание бригад трудовой взаимопомощи, которыми к концу 1952 года было охвачено более 200 миллионов крестьян (около 40% крестьянских дворов страны).

Важным социальным итогом развития Китая в 1949—1952 годах является ослабление политических и экономических позиций класса капиталистов. Как уже отмечалось, в результате победы народной революции и реформ, проведенных в промышленности, был ликвидирован монополистический, бюрократический капитал. Вместе с тем народная власть разрешала и поощряла полезную для государства деятельность частных предпринимателей в границах, установленных Общей программой Народного Политического Консультативного Совета Китая.

В первые годы существования народной власти национальная буржуазия, не имевшая сильных политических позиций в народном государстве, рассчитывала, опираясь на свои экономические позиции, в условиях огромного преобладания мелкотоварного производства в экономике Китая, выйти из-под контроля народного государства, добиться свободы спекулятивной деятельности, повернуть Китайскую Народную Республику на капиталистический путь развития. Национальная буржуазия развернула бешеное наступление на экономическом фронте, встав на путь систематического нарушения законов, уклонения от уплаты налогов и т. д. Буржуазия стремилась разложить и подкупить отдельные звенья государственного аппарата. Одновременно шло наступление буржуазии на идеологическом фронте.

Но это наступление буржуазии было отбито благодаря бдительности и правильной политике Коммунистической партии, поднявшей народные массы на борьбу против антинародных поползновений национальной буржуазии.

Коммунистическая партия Китая предвидела возможность активизации национальной буржуазии после победы народной революции, ее попыток подчинить себе неустойчивую часть коммунистов. Еще на Втором пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Китая в марте 1949 года Мао Цзэ-дун предупреждал коммунистов: «Буржуазия при помощи лести может овладеть слабыми среди нас. Возможно, окажутся такие коммунисты, которые раньше не склонялись перед вооруженным врагом и в борьбе с ним заслужили звание героев, а сейчас не смогут

устоять перед теми, которые атакуют их путем соблазнов, и неминуемо потерпят поражение».

В 1951 году по инициативе Коммунистической партии в Китае начались два массовых народных движения: «Саньфань» — «Против трех злоупотреблений» (хищение, расточительство и бюрократизм) — и «Уфань» — «Против пяти злоупотреблений» (взяточничество, уклонение от уплаты налогов, кража государственных средств, недобросовестное выполнение правительственных заказов и хищение в правительственных учреждениях секретных экономических сведений).

В этих движениях участвовали миллионы рабочих. Государственный аппарат был очищен от разложившихся, подпавших под влияние буржуазии элементов. При активном участии рабочих была проверена деятельность 450 тысяч частных промышленных и коммерческих предприятий. Выяснилось, что на 76% из них осуществлялись различные незаконные сделки. Наиболее злостные нарушители законов были наказаны по приговорам специальных трибуналов. Остальных заставили возместить государству незаконно приобретенное, сполна выплатить все налоги и возместить другой ущерб, причиненный интересам народного государства.

Проведя народные движения против «трех» и «пяти» злоупотреблений, китайский народ, и в первую очередь рабочий класс, нанес сокрушающий удар по антинародным тенденциям и устремлениям национальной буржуазии. В результате этих народных движений выросло классовое сознание рабочих и служащих, усилился государственный контроль за деятельностью частных предпринимателей. Буржуазия еще раз почувствовала руководящую роль и силу народного государства.

Одновременно Коммунистическая партия своевременно усилила борьбу против буржуазной идеологии. Важное значение в этой борьбе имела резкая критика Центральным Комитетом КПК порочного кинофильма «Жизнь У Сюня».

Фильм этот был выпущен в конце 1950 года шанхайской частной киностудией. В картине «Жизнь У Сюня» восхвалялся прислужник феодальной реакции конца XIX века У Сюнь, который, прикидываясь другом народа, на деле выступал против вооруженной борьбы крестьян и толкал их на путь примирения с господствующими классами. В фильме искусно превозносился буржуазный индивидуализм. Газета «Женьминьжибао» в передовой статье разоблачила этот порочный фильм. Была развернута дискуссия, продолжавшаяся четыре месяца, в ходе которой получили решительный отпор атаки буржуазной идеологии на литературу и искусство. По всей стране была развернута критика ошибочных взглядов в литературном творчестве. На основе этого в 1952 году возникло широкое движение за идеологическое перевоспитание работников литературы и искусства и других отрядов интеллигенции. На втором Всекитайском съезде работников литературы и искусства подчеркивалось, что развенчание кинофильма «Жизнь У Сюня» — большая победа рабочего класса на идеологическом фронте, которая способствовала дальнейшему укреплению руководящих позиций идеологии рабочего класса в литературе и искусстве.

Победа китайского народа в борьбе против «трех» и «пяти» злоупотреблений, отражение наступления буржуазии на идеологическом фронте означали, что рабочий класс успешно отбил попытку буржуазии помешать развитию Китая по социалистическому пути.

Осуществив в 1949—1952 годах коренные демократические преобразования, успешно восстановив народное хозяйство страны, рабочие и крестьяне Китая создали необходимые политические, экономические и культурные предпосылки для некапиталистического развития своей родины, создали прочные предпосылки для последовательного осуществления социалистических преобразований.

Для того чтобы в полном объеме оценить историческое значение этих

великих достижений китайского народа, необходимо учитывать, что мирная созидательная работа трудящихся Китая осуществлялась в условиях империалистической агрессии США против корейского и китайского народов, а также против других народов Азии. Не прерывая своего мирного созидательного труда, китайский народ пришел на помощь корейскому народу, поднялся на борьбу против американской агрессии. Корейская Народно-освободительная армия и китайские народные добровольцы нанесли поражение армиям американского империализма в Корее, похоронили захватнические планы американских монополий, добились прекращения кровопролития в Корее. Мирнолюбивые народы с благодарностью признают историческую заслугу китайского народа, который плечом к плечу с патриотами Кореи отстоял дело мира на Востоке и в немалой мере охладил пыл агрессоров, стремящихся развязать новую мировую войну. «Своей героической борьбой на полях Кореи,— говорил товарищ Г. М. Маленков,— славные корейские и китайские патриоты нанесли весьма ощутительный удар по далеко идущим планам реакционных сил, направленным на то, чтобы подавить прогрессивное движение народов Азии и бассейна Тихого океана по пути национальной свободы и независимости» (газета «Правда» от 20 сентября 1953 года).

Экономические и политические успехи, достигнутые народными массами Китая в 1949—1952 годах, закрепили положение Китая как великой мировой державы.

3. Первый пятилетний план Китайской Народной Республики

С 1953 года Китайская Народная Республика вступила в новый этап своего развития. Успешно разрешив задачи восстановительного периода, китайский народ перешел к плановому экономическому строительству. Накануне этого, когда особенно остро встал вопрос о перспективах дальнейшего развития страны, Политбюро ЦК КПК дало развернутое определение генеральной линии партии в переходный период.

«От создания Китайской Народной Республики,— отмечал тов. Мао Цзэ-дун,— до завершения в основном социалистических преобразований — это переходный период. Генеральная линия и центральные задачи партии в этот переходный период состоят в том, чтобы в течение довольно продолжительного времени постепенно осуществить социалистическую индустриализацию страны, постепенно осуществить социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и частной торговли и промышленности.

Эта генеральная линия является маяком, освещающим всю нашу работу. Вести какую бы то ни было работу в отрыве от нее — значит совершить ошибку правого уклона или левого уклона».

В соответствии с генеральной линией Коммунистической партии разрабатывается первый пятилетний план Китайской Народной Республики на 1953—1957 годы. В окончательном виде первый пятилетний план КНР будет утвержден Общеитайской партийной конференцией.

Основная задача первого пятилетнего плана КНР состоит в том, чтобы сосредоточить главные силы в первую очередь на развитии тяжелой промышленности с целью создания базы для индустриализации страны и современной государственной обороны и в соответствии с этим готовить кадры, необходимые для строительства, развивать все виды транспорта и связи, легкую промышленность, сельское хозяйство, расширять торговлю, постепенно осуществлять кооперирование сельского хозяйства и кустарной промышленности, перестраивать частные промышленные и торговые предприятия, а также надлежащим образом повышать роль индивидуальных крестьянских хозяйств, кустарей, частной промышленности и торговли в народном хозяйстве. Все это направлено на непрерывное повышение материального и культурного уровня жизни народа на базе неуклонного роста производства.

В ходе выполнения первого пятилетнего плана в Китае получают большое развитие черная и цветная металлургия, машиностроение, угольная, нефтяная, электроэнергетическая и оборонная промышленность. В результате выполнения первого пятилетнего плана Китай будет иметь свою собственную независимую промышленность, будет своими силами производить различные машины, станки, точные приборы, автомашины, тракторы и многое другое, необходимое для обеспечения экономической независимости, успешного строительства социализма и обороны страны. Выполнение первого пятилетнего плана явится важным шагом по пути социалистической индустриализации Китая.

«Индустриализация страны,— говорилось в передовой центрального органа КПК «Женьминьжибао» от 1 января 1953 года,— это заветная мечта китайского народа, вынашиваемая им в течение последних ста лет, это основная гарантия от империалистической кабалы и нищенской жизни».

Итоги 1953 года показывают, что китайский народ успешно осуществляет разработанные Коммунистической партией планы индустриализации страны. В 1953 году объем промышленного производства вырос по сравнению с 1952 годом на 33%, в том числе по государственному сектору на 40%. За год полностью или частично вступили в строй 35 крупных промышленных объектов.

Осуществление первого пятилетнего плана будет крупным успехом в деле строительства социализма в Китае. Уже сейчас государственный сектор является руководящей силой национальной экономики Китая и материальной основой для проведения социалистических преобразований. Выполнение пятилетнего плана значительно усилит удельный вес и руководящую роль государственного социалистического сектора в экономике Китайской Народной Республики.

Экономическое развитие страны требует не только подъема промышленности, но и соответственного развития сельского хозяйства. Однако мелкое, разрозненное и отсталое единоличное хозяйство ограничивает развитие производительных сил в сельском хозяйстве. «Противоречие между единоличным хозяйством и социалистической индустриализацией с каждым днем становится все очевиднее,— говорится в постановлении Центрального Комитета Коммунистической партии Китая о развитии сельскохозяйственной производственной кооперации от 16 декабря 1953 года.— Мелкое сельскохозяйственное производство все более показывает, что оно не может удовлетворить требования широких крестьянских масс, касающиеся улучшения их жизни; оно не может также удовлетворить требования, связанные с развитием всего народного хозяйства».

Опираясь на опыт и инициативу миллионных масс крестьянства, Коммунистическая партия Китая нашла своеобразные, соответствующие условиям китайской деревни формы организации крестьян, которые обеспечивают постепенные социалистические преобразования в сельском хозяйстве.

Еще в начале 30-х годов в красных районах Китая крестьянство стало создавать «товарищества трудовой взаимопомощи» и «бригады по вспашке земли», основанные на частной единоличной собственности на землю. Еще больший размах движение за трудовую взаимопомощь приняло в освобожденных районах в период войны против японских захватчиков. «Эти формы коллективной взаимопомощи найдены самими народными массами» (Мао Цзэ-дун. Избранные произведения. Т. 4, стр. 288).

Бригады взаимопомощи внесли большой вклад в дело победы Народно-освободительной армии Китая. После победы народной революции открылся новый этап в движении за трудовую взаимопомощь. Бригады взаимопомощи сыграли важную роль в подъеме сельскохозяйственного производства, они позволили крестьянству полностью воспользоваться

плодами аграрной реформы. Преимущества бригад трудовой взаимопомощи подвели крестьян к мысли о создании более высоких форм взаимопомощи — производственных трудовых кооперативов. Кроме того, после победы революции в Китае начали создаваться опытно-показательные государственные хозяйства — госхозы.

В настоящее время в Китае широко распространены три основных типа взаимопомощи и кооперирования в сельском хозяйстве: 1) временные бригады трудовой взаимопомощи, 2) постоянные бригады трудовой взаимопомощи, 3) сельскохозяйственные производственные кооперативы.

Вступая в кооператив, крестьяне вносят в качестве вступительного пая свою землю, которая используется по единому плану. Но, поскольку право частной собственности на землю сохраняется, члены кооператива после отчислений из урожая в общественный фонд и на покрытие расходов кооператива получают определенную часть урожая, пропорционально внесенному при вступлении в кооператив земельному паю, а часть урожая распределяется между ними в соответствии с количеством и качеством затраченного труда.

Современные сельскохозяйственные производственные кооперативы в Китае не являются еще вполне развитой социалистической формой хозяйства, так как основные средства производства, используемые ими, остаются в частной собственности членов кооператива. Но они служат важнейшей и основной переходной формой социалистического преобразования сельского хозяйства Китая.

В китайской деревне развернулась борьба между двумя путями развития сельского хозяйства — капиталистическим и социалистическим. В постановлении ЦК КПК от 16 декабря 1953 года подчеркивается, что по мере восстановления и дальнейшего роста сельского хозяйства борьба эта все более обостряется.

Политика, выработанная Коммунистической партией Китая, заключается в том, «чтобы, настойчиво и вместе с тем осторожно применяя разнообразные, приемлемые для крестьян переходные формы, направить производственную активность крестьянского индивидуального хозяйства на путь развития взаимопомощи и кооперации, преодолеть таким образом стихийные капиталистические тенденции, основой которых являются индивидуальные хозяйства, и постепенно перейти к социализму» («Постановление ЦК КПК о развитии сельскохозяйственной производственной кооперации»).

Обобщая опыт, накопленный партией и крестьянством, компартия Китая считает, что путь постепенного объединения крестьян идет через простые временные и постоянные бригады взаимопомощи к сельскохозяйственным производственным кооперативам, особенностью которых является объединение земли на пашевых началах, единое ведение хозяйства и наличие сравнительно больших фондов общественного имущества, а затем к высшей форме сельскохозяйственной производственной кооперации, основанной на коллективной собственности крестьян, имеющей социалистический характер (то есть к колхозу).

По мере осуществления пятилетнего плана сельскохозяйственные кооперативы начинают играть серьезную роль. В августе текущего года количество сельскохозяйственных производственных кооперативов достигло ста тысяч. Предполагается, что в весенней посевной кампании 1955 года число их превысит 500 тысяч. В них будет объединено более десяти миллионов крестьянских дворов. Одновременно с ростом кооперативов увеличивается число групп трудовой взаимопомощи. В них уже состоит 60% всех крестьянских хозяйств страны.

Предполагается, что к 1957 году — последнему году первой пятилетки — в сельскохозяйственных производственных кооперативах будет объединено свыше половины всех крестьянских дворов и пахотных земель.

В Северном, Северо-Восточном Китае и других ранее освобожденных районах производственные кооперативы станут основной формой сельскохозяйственного производства. В течение второй пятилетки будет в основном завершено кооперирование сельского хозяйства Китая.

В дальнейшем, по мере укрепления сельскохозяйственных производственных кооперативов, доля вознаграждения за землю и средства производства будет по добровольному желанию членов кооператива постепенно уменьшаться, а доля вознаграждения за труд увеличиваться, вплоть до полного добровольного отказа от вознаграждения за паевые взносы и перехода к распределению доходов только по труду. Такое превращение будет означать переход от сельскохозяйственных производственных кооперативов полусоциалистического типа к кооперативам социалистического типа. В Китае имеется уже более двухсот кооперативов такого типа.

Государство оказывает большую материальную помощь кооперативам, предоставляет им кредиты, снабжает сельскохозяйственными орудиями и удобрениями. Вместе с тем Народное правительство и Коммунистическая партия заботятся об использовании тех возможностей, которыми располагает единоличное хозяйство.

Генеральная линия Коммунистической партии, выражением которой является первый пятилетний план, предусматривает также постепенное социалистическое преобразование кустарной промышленности и частной промышленности и торговли.

Естественно, что с переходом к плановому строительству и осуществлению социалистической индустриализации Китая неизбежно обостряются противоречия между социалистическим и частнособственническим сектором, занимающим ныне значительные позиции в промышленности и торговле. Интересы социалистической индустриализации страны, коренные интересы всего китайского народа требуют включения частнокапиталистических предприятий в систему государственного планирования и превращения их в социалистические. Но в условиях Китая для народного государства неприемлем путь прямой экспроприации собственности национальной буржуазии, ибо, во-первых, народная революция победила в Китае как революция антифеодалная и антиимпериалистическая, в которой наряду с рабочим классом и крестьянством сыграли известную революционную роль и мелкая буржуазия города и национальная буржуазия, принявшие руководство рабочего класса и участвующие в едином фронте китайского народа; во-вторых, в условиях крайней слабости промышленного развития Китая предпринимательская деятельность национальной буржуазии, контролируемая народной властью, играет еще известную положительную роль в развитии китайской экономики.

По мере осуществления социалистической индустриализации страны, предусматривающей быстрый рост государственного социалистического сектора, удельный вес частных предприятий будет неуклонно сокращаться. Кроме того, частные предприятия преобразовываются в смешанные, государственно-капиталистические предприятия и все более полно включаются в систему государственного планирования. А в дальнейшем они постепенно будут преобразованы в социалистические предприятия.

Политика постепенного преобразования частнокапиталистических предприятий в социалистические неизбежно приводит к обострению классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Это обстоятельство учитывается Конституцией КНР. «Мы дадим капиталистам необходимое время для того, чтобы они под руководством государства и рабочего класса постепенно приняли преобразования,— заявил товарищ Лю Шао-ци в докладе о проекте Конституции КНР на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей.— Безусловно, здесь неизбежна борьба... Уже сейчас часть капиталистов совершает различные противозаконные действия, а некоторые из них даже сопротивляются

социалистическим преобразованиям. Поэтому проект Конституции определяет: «Государство запрещает всякие незаконные действия капиталистов, наносящие вред общественным интересам, дезорганизирующие экономику общества и подрывающие государственные хозяйственные планы».

Но и в настоящее время остается в силе политика союза с национальной буржуазией. В Конституции Китайской Народной Республики подчеркивается, что единый народно-демократический фронт и в дальнейшем будет играть свою роль в мобилизации и сплочении народа на выполнение основных задач государства в переходный период и на борьбу против внутренних и внешних врагов. Он представляет собой еще более широкое по сравнению с союзом рабочих и крестьян объединение, основанное на союзе рабочих и крестьян, своего рода союз трудящихся с нетрудящимися, с которыми возможно сотрудничать. Однако, как это было и на предшествовавших этапах революции, политика союза с национальной буржуазией не исключает, а, наоборот, включает в себя борьбу против антинародных устремлений и тенденций национальной буржуазии. Представителям национальной буржуазии приходится учитывать, что ныне возможно избрать только один из двух путей: либо дать империализму снова поработить себя, либо построить социализм. Они понимают, что в народном Китае уважается их собственность, они получают установленную законом прибыль, а в колониальных и полуколониальных странах Азии представители национальной (средней и мелкой) буржуазии беспощадно разоряются и уничтожаются империалистическими монополиями и крупным компрадорским капиталом. Поэтому и на нынешнем этапе развития китайской революции основные группы национальной буржуазии продолжают сотрудничество с народно-демократической властью в Китае. В свою очередь, рабочий класс, возглавляющий неуклонно укрепляющийся союз рабочих и крестьян, располагает достаточно прочными позициями в экономике и политической жизни страны для того, чтобы успешно направлять развитие хозяйства, использовать сотрудничество с национальной буржуазией и пресекать ее антинародные устремления и тенденции.

Одной из важнейших задач первой китайской пятилетки является подготовка кадров специалистов для народного хозяйства. Народное правительство принимает меры по расширению высшего образования в стране. К концу 1953 года в Китае работало 201 высшее учебное заведение. Для подготовки кадров из национальных меньшинств в Пекине открыт Центральный институт национальных меньшинств, семь институтов национальных меньшинств работают в других районах. Более 90% преподавателей высших учебных заведений прошли специальные курсы политической подготовки. В текущем 1954 году значительно расширен прием в высшие учебные заведения. Центральный Комитет КПК вынес специальное постановление, в котором обращает внимание всех партийных организаций на необходимость выполнить план набора в вузы. Постановление ЦК требует, чтобы все выпускники средних школ продолжили свое образование. Предполагается также направить в вузы несколько тысяч молодых работников партийных и государственных органов, а также рабочих, окончивших в свое время школы профессионального обучения.

Активно включились в работу по выполнению первого пятилетнего плана ученые Китая. Руководство всей научно-исследовательской работой в новом Китае осуществляет Академия наук, в состав которой входят 36 научно-исследовательских учреждений, разрабатывающих актуальные вопросы, связанные с осуществлением пятилетки.

Культурное строительство народного Китая ведется на основе тесного сотрудничества с Советским Союзом, под благотворным влиянием самой передовой в мире советской культуры. С каждым днем крепнущие советско-китайские культурные связи являются одним из решающих условий дальнейшего развертывания и успехов культурной революции, происходящей в Китае.

Вся идеологическая работа Коммунистической партии Китая подчинена решению основных задач социалистического строительства, дальнейшему укреплению народно-демократического государства. Новые задачи требуют значительно поднять идеологический и теоретический уровень партийных кадров. В апреле 1953 года была опубликована «Директива ЦК КПК о теоретической учебе партийных кадров в 1953—1954 годах», которая требует от ведущих кадровых работников систематического изучения основных положений, касающихся осуществления индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и построения социализма в СССР. Партийные кадры изучают 9—12-ю главы книги «История ВКП(б). Краткий курс», произведения В. И. Ленина и И. В. Сталина, работы Г. М. Маленкова, В. М. Молотова и В. В. Куйбышева.

Одновременно партия ведет опротную агитационную и пропагандистскую работу в массах, вооружает народные массы ясным пониманием перспектив социалистического строительства.

Первый пятилетний план, успешно осуществляемый рабочими и крестьянами Китая под руководством Коммунистической партии, является ярким свидетельством того, что китайский народ прочно стал на путь строительства социализма.

Этот новый, социалистический путь стал возможен для китайского народа благодаря тому, что народная революция вырвала Китай из системы империалистического рабства и превратила великую страну в составную часть лагеря социализма и демократии, возглавляемого Советским Союзом. Осуществляя социалистическую индустриализацию, китайский народ опирается на всестороннюю экономическую, политическую и культурную помощь и поддержку Советского Союза и стран народной демократии, на неуклонно крепнущую нерушимую дружбу народов Китая и СССР.

Важнейшим условием успешного выполнения пятилетнего плана КНР является советско-китайское соглашение, по которому правительство СССР согласилось систематически оказывать экономическую и техническую помощь Китаю в строительстве и реконструкции 91 нового предприятия и 50 ныне строящихся и реконструируемых предприятий. До конца 1959 года Советский Союз окажет помощь Китаю в строительстве и реконструкции 141 крупнейшего промышленного объекта (металлургические комбинаты, автозаводы, тракторные заводы и т. д.). Помощь Советского Союза включает: выбор места для строительства предприятий, проектирование, поставку оборудования, инструктаж в строительстве, монтаж оборудования и пуск предприятий в ход, а также освоение производства новой продукции и безвозмездную передачу технологических материалов, необходимых для производства новых видов продукции. В целях оказания помощи в подготовке кадров на заводы Советского Союза будут посланы китайские рабочие и технический персонал. Одновременно Советский Союз будет продолжать посылку советских специалистов для работы в Китае.

С вступлением в действие этих предприятий выпуск важнейших видов продукции в Китае будет примерно соответствовать уровню промышленного производства, достигнутому в Советском Союзе к 1932 году.

Как отмечается в телеграмме председателя Центрального народного правительства КНР Мао Цзэ-дуна председателю Совета Министров СССР Г. М. Маленкову, «в ходе переговоров Советское Правительство, основываясь на своем богатом опыте более чем 30-летнего великого социалистического строительства, внесло ряд принципиальных и конкретных советов в отношении задач пятилетнего плана нашей страны. Эти советы помогут нам избежать многих ошибок и многих извилистых путей в деле экономического строительства в Китае» (газета «Правда» от 18 сентября 1953 года).

Чувства всего советского народа выразили руководители КПСС и

Советского правительства, написав в книге отзывов выставки промышленности и сельского хозяйства КНР в Москве 4 августа 1953 года: «Можете быть уверены, дорогие товарищи, что в великом деле социалистического преобразования народного Китая всегда обеспечены дружба и активная поддержка народов Советского Союза, его Коммунистической партии и Советского правительства»

4. Конституция КНР — конституция строительства социализма

Экономические и политические успехи, достигнутые китайским народом под руководством Коммунистической партии, способствовали дальнейшему росту политической активности народных масс, создали предпосылки для дальнейшей демократизации политической жизни страны и укрепления народно-демократического строя. В 1953 году по предложению Коммунистической партии, поддержанному другими партиями и организациями, правительство КНР приняло постановление провести по всей стране выборы, созвать местные собрания народных представителей всех ступеней и Всекитайское собрание народных представителей. В мае 1954 года завершились первые в истории Китая всеобщие, подлинно демократические выборы. В ходе выборов по всей стране было избрано 5 669 114 депутатов низовых собраний народных представителей, 17,3% которых составляют женщины. Народ единодушно одобрил политику Коммунистической партии. Выборы происходили под лозунгом «Пойдем по пути социализма». После окончания выборов состоялись сессии Собраний народных представителей уездов, городов и провинций. Собрания народных представителей провинций избрали депутатов Всекитайского собрания народных представителей.

Выдающимся событием в жизни китайского народа явилась первая сессия Всекитайского собрания народных представителей, принявшая 20 сентября 1954 года Конституцию Китайской Народной Республики.

Конституция Китайской Народной Республики законодательно закрепляет результаты победы народной революции и успехи в мирном строительстве. Построение социализма, являющееся сегодня целью китайского народа, выражено в Конституции в форме закона.

В Конституции четко определен классовый характер народно-демократического государства в Китае как государства, руководимого рабочим классом и основанного на союзе рабочих и крестьян. Конституция определяет общественный строй и существующие в настоящее время формы собственности, указывая вместе с тем пути преобразования частной собственности на средства производства в собственность социалистическую. Государство, говорится в Конституции, «постепенно заменяет собственность капиталистов общенародной собственностью».

Новая Конституция гарантирует китайскому народу великие права, завоеванные в долгой и упорной борьбе. Граждане Китая имеют право на труд, на отдых, на образование, на получение материальной помощи в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. Конституция гарантирует широкие демократические права и свободы китайского народа и всех народов КНР.

Всенародное обсуждение проекта Конституции, в котором приняло участие более 150 миллионов человек, единодушное одобрение Конституции депутатами Всекитайского собрания народных представителей ярко продемонстрировали непреклонное стремление всего китайского народа идти по пути социализма. Новая Конституция стала конституцией сплочения шестисотмиллионного народа Китая для строительства социализма. Вдохновляющим примером для китайского народа является великий Советский Союз. «Путь, которым мы идем,— заявил товарищ Лю Шао-ци на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей,— это как раз тот путь, которым шел Советский Союз. В этом отношении у нас

нет ни малейшего сомнения. Путь Советского Союза — это путь, который соответствует законам исторического развития и по которому неизбежно пойдет человеческое общество».

Трудно переоценить великое значение новой Конституции Китайской Народной Республики — конституции строительства социализма. Она станет вдохновляющим примером, знаменем для всех народов Азии, борющихся за свою независимость.

Принятие Конституции знаменует новое укрепление государства народной демократии, которое является главным орудием построения социалистического общества в Китае.

Замечательные победы китайского народа, зафиксированные в Конституции КНР, завоеваны китайским народом благодаря мудрому руководству Коммунистической партии. «Вся история китайской революции наглядно подтвердила, что Коммунистическая партия Китая является мудрым и испытанным вождем и учителем трудящихся масс, могучей организующей и направляющей силой, ведущей китайский народ от победы к победе» (Н. С. Хрущев). Новые вслещественные задачи социалистической индустриализации, вставшие ныне перед китайским народом во весь рост, многократно повышают и усиливают руководящую роль Коммунистической партии Китая, требуют дальнейшего организационного и идеологического укрепления партии.

Состоявшийся в феврале 1954 года IV пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Китая принял важные решения, направленные на дальнейшее укрепление и сплочение партии. В решениях пленума подчеркивается, что сплоченность партии, рабочего класса, трудового народа и населения всей страны является основной гарантией победы революции. Китай в настоящее время находится на социалистическом этапе революции, развитие которой происходит на основе сложнейшей и острейшей классовой борьбы. В этой борьбе иностранный империализм отнюдь не остается безучастным. Контрреволюционные элементы, действуя в сговоре с иностранными империалистами, пытаются и будут пытаться использовать малейшую возможность для того, чтобы нанести революции в Китае поражение и возродить господство реакции. Одним из самых главных методов борьбы империалистов и контрреволюционных элементов является прежде всего подрыв сплоченности Коммунистической партии, выискивание в рядах партии подходящей для себя агентуры. Пленум Центрального Комитета КПК требует от всех членов партии дальнейшего повышения революционной бдительности, укрепления сплоченности партии.

Руководство Коммунистической партии является залогом того, что китайский народ уверенно и победоносно пойдет вперед по пути строительства социализма. Успехи, достигнутые китайским народом за первые пять лет существования Китайской Народной Республики, ярко демонстрируют гигантские творческие силы освобожденных от векового гнета народных масс Китая. Переход Китайской Народной Республики к осуществлению социалистических преобразований является новым свидетельством великой преобразующей роли революционной теории марксизма-ленинизма.

Формирование абстрактного мышления на ранних ступенях развития человека

А. Г. СПИРКИН

Мышление современного человека, достигшее удивительного совершенства в приемах активного отражения действительности, представляет собой чрезвычайно сложный продукт многовекового развития познавательной деятельности бесчисленных поколений людей. Благодаря кропотливым и упорным усилиям в борьбе с природой каждое поколение неустанно вносило свою посильную лепту в грандиозное здание культуры человеческой мысли.

Для того, чтобы глубоко и всесторонне понять сущность человеческого мышления, вскрыть его познавательную роль, изучить, каким оно является в данный момент, необходимо выяснить вопрос о том, как оно стало таковым, пройдя длинный и тернистый путь своего исторического развития. Без подлинно научной разработки истории развития мышления не может быть и его настоящей теории, не может быть, как учил Ленин, теории познания диалектического материализма.

Изучение исторического процесса формирования абстрактного мышления — задача, требующая глубоких специальных исследований. Трудность этой задачи состоит прежде всего в чрезвычайной сложности и мало-разработанности данной проблемы. О мышлении первобытного человека, давшего начало современному научному мышлению, не существует следов в виде письменных памятников. Поэтому, чтобы изучить мышление дописьменного периода истории человека, приходится идти окольными путями, привлекая данные истории материальной культуры, прежде всего истории орудий труда, в которых зафиксирована работа мысли их создателей. Наряду с этими источниками большое значение имеет антропологический материал по развитию строения черепа первобытного человека.

Существенное значение для уяснения некоторых общих закономерностей развития первобытного мышления имеют этнографические исследования языка и мышления в прошлом экономически и культурно отсталых народностей, а также материалы по истории письменного языка, сохранившего в себе в виде пережитков дописьменные ступени развития мышления, древний народный эпос, пословицы, поговорки и т. п.

По истории первобытного мышления существует огромная и крайне пестрая по своим методологическим основам литература (Тэйлор, Фрезер, Боас, Леви-Брюль, Малиновский, Турнвальд и другие), в которой собрано, систематизировано и так или иначе обобщено большое количество главным образом этнографического материала. Этот материал сам по себе характеризует не первобытное мышление, а мышление культурно отсталых народностей. Но он может быть в какой-то мере использован и в качестве иллюстрации при исследовании ранних ступеней развития мышления, поскольку у отсталых народностей (например, таких, как тасманийцы, арунта и другие) в значительно большей степени сохранились черты первобытности, чем у экономически и культурно развитых народов.

Наибольшую ценность и с точки зрения приводимых фактов и, частично, обобщения этих фактов имеют работы Э. Тэйлора «Первобытная культура» и Дж. Фрезера «Золотая ветвь».

Наряду с богатым этнографическим материалом у этих авторов, особенно у Тэйлора, умело использованы для характеристики первобытного мышления его пережитки, сохранившиеся в народных обычаях, пословицах, поговорках, словах и выражениях, структуре языка и т. п. у современных народов.

Тэйлор правильно считал, что существует преемственная связь между мышлением первобытного человека и современного, что законы развития мышления у всего человечества едины. «Предполагать,— писал Тэйлор,— что законы умственного развития были различны в Австралии и Англии, во времена пещерных обитателей и во времена строителей домов из железа, несколько не основательнее, чем предполагать, что законы химических соединений во времена каменноугольной формации были другие, чем в наше время» («Первобытная культура», стр. 92, Соцэкгиз. 1939).

Тэйлор считал, что в умственном развитии руководящую роль играет жизненный опыт. Чем он богаче, тем шире и глубже познание человека.

Тэйлоровская эволюционная теория первобытного мышления носила прогрессивный характер и была огромным шагом вперед в разработке этого вопроса. Она выгодно отличается от многих антинаучных, расистских теорий первобытного мышления. Среди последних особое место занимает теория Леви-Брюля о так называемом пралогическом или дологическом мышлении. Подкупающее обилие фактического материала, которым иллюстрируется эта теория, придает ей обманчивую видимость научной достоверности. По существу же концепция Леви-Брюля является в корне ошибочной, идеалистической; материал, на котором она базируется, подобран тенденциозно.

Частично допуская наличие моментов логического мышления, Леви-Брюль изображает мышление первобытного человека в целом как отрешенное от закономерностей объективного мира, как нечто «непроницаемое для того, что мы называем опытом, то есть для выводов, которые может извлечь наблюдение из объективных связей между явлениями», как что-то такое, что якобы имеет «свой собственный опыт, насквозь мистический» (Л. Леви-Брюль «Первобытное мышление», стр. 303. «Атеист». 1930).

Мистифицируя мышление первобытного человека, Леви-Брюль мистифицировал и самую действительность, считая, что «реальность, среди которой живут и действуют первобытные люди, сама является мистической» (там же, стр. 21).

Апеллируя в своем объяснении движущих сил развития мышления к опыту, Леви-Брюль сводит опыт к деятельности мышления. Замкнутые общества со своим «коллективным опытом», согласно Леви-Брюлю, качественно различны. «Следовательно, определенный тип общества, имеющий свои собственные учреждения и нравы, неизбежно будет иметь и свое собственное мышление. Различным социальным типам будут соответствовать различные формы мышления, тем более, что самые учреждения и нравы в основе своей являются не чем иным, как известным аспектом или формой коллективных представлений, рассматриваемых, так сказать, объективно» (там же, стр. 15).

Разделяя общества на «низшие» и «высшие» и рассматривая само общество как комплекс коллективных представлений, Леви-Брюль делит и мышление на типы: «низший» — пралогический и «высший» — логический.

Отрицая общность логических законов мышления у культурно отсталых и развитых народов, Леви-Брюль приходит к выводу, что те и другие ни при каких условиях не могут вступить во взаимное общение, так как у каждого из них особая логика мышления и особый, непередаваемый язык. Перевод мыслей с языка «низших» рас на язык «высших» равноценен, по

Леви-Брюлю, преступлению. Поэтому эти народы, с точки зрения Леви-Брюля, принципиально не могут понимать друг друга.

Теория Леви-Брюля неизбежно ведет к расизму, и поэтому не случайно она использовалась и ныне используется в целях пропаганды идеологии расизма, вопреки заявлению самого Леви-Брюля, что его исследования не имеют ничего общего с идеологией расизма и колониальной агрессии.

Каковы же факты, которыми оперирует Леви-Брюль? Совершенно бесспорно, что книга Леви-Брюля «Первобытное мышление» с точки зрения фактического материала представляет собой большую ценность. Содержащийся в ней обильный материал может и должен быть умело использован при исследовании истории развития мышления. Но когда речь идет об использовании фактического материала, накопленного исследователями, стоящими на ложных позициях, то в критическом подходе нуждаются не только теории, построенные на основе данных фактов, но часто вызывает сомнение и самый подбор фактов, приводимых для подтверждения данных теорий.

Дело в том, что никакие факты никогда и никем не подбираются в ходе исследования без определенной точки зрения. Так, Леви-Брюль систематизировал этнографический материал для иллюстрации примитивного мышления с вполне определенной точки зрения, именно с точки зрения мистической теории мышления. Этот материал собирал не он сам, а по преимуществу эмиссары колониальной администрации и миссионеры. Из безбрежного моря фактов отбирались главным образом те, которые бросались в глаза своей необычностью, экзотичностью. Значительная часть отобранных фактов относится к области туземных религиозных культов. И вот эти факты, характеризующие лишь одну из форм сознания (религиозное мировоззрение), выдаются обычно за характеристику норм сознания, мышления культурно отсталых народов.

Из поля зрения собирателей этнографического материала зачастую выпадало основное, то, что казалось обычным, мало чем отличающимся от поведения культурно развитого человека: целесообразная ориентация туземцев в окружающей обстановке, учет ими закономерностей природы, обычный повседневный труд и т. п. А как раз эти обычные факты повседневной жизни туземцев являются наиболее ценными для суждения об основных формах проявления их мышления.

Ложный метод подбора материала является одним из путей, ведущих к ложным выводам. Отсюда получается, что магия, фетишизм, анимизм, мифологизм возводятся во всеобъемлющий метод, пронизывающий якобы решительно все помыслы и поступки культурно отсталого человека, логика которого объявляется насквозь мистической, лишенной какого бы то ни было рационального смысла.

Наша задача заключается в том, чтобы на основе всестороннего учета фактов и правильного их истолкования разрушить буржуазный миф о якобы насквозь мифологическом мышлении первобытных и культурно отсталых людей и показать, что на какой бы низкой ступени развития ни находилось мышление человека, оно носило в своей основе логический характер, поскольку оно более или менее верно отражало связи предметов и явлений объективного мира и служило необходимой предпосылкой целесообразной деятельности человека.

* * *

Диалектический материализм, как известно, исходит из того, что мышление представляет собой высшую функцию мозга, заключающуюся в обобщенном и опосредствованном отражении действительности. Мышление человека формируется в процессе его практической деятельности. Объект мышления — действительность — определяет содержание нашей умственной деятельности. Способ, каким человек реально воздействует

на внешний мир, хотя и весьма опосредствованно, но закономерно обуславливает приемы его умственной деятельности. Приемы мышления представляют собой идеальную форму проявления материального воздействия человека на мир.

Логика мысли выражается не только в языке слов, но и в форме «языка» практических действий, являющего собой самую красочную и доступную для всех жизненную книгу, по которой мы можем «читать» и понимать мысли другого человека, судить об его истинных намерениях и достоинствах с гораздо большей достоверностью, чем по высказанным им словам. В этом сложном единстве и взаимодействии практической деятельности человека и его мышления определяющей является практическая деятельность.

Если практика вообще определяет мышление, то развитие практики обуславливает развитие мышления. Между развитием мышления и развитием практической деятельности людей существует взаимная и закономерная зависимость. Чтобы научиться мыслить, необходимо практически действовать, но для того, чтобы разумно действовать, нужно уметь мыслить.

Указывая на зависимость развития мышления от развития человеческой практики, Энгельс писал, что «как естествознание, так и философия до сих пор совершенно пренебрегали исследованием влияния деятельности человека на его мышление. Они знают, с одной стороны, только природу, а с другой — только мысль. Но существеннейшей и ближайшей основой человеческого мышления является как раз *изменение природы человеком*, а не одна природа как таковая, и разум человека развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу» («Диалектика природы», стр. 183. 1953). История возникновения и развития форм трудовой деятельности человека, прослеживаемая по сохранившимся ее вещественным продуктам — орудиям труда, — представляет собой яркую иллюстрацию правильности этого фундаментального положения марксистско-ленинской теории познания.

Истории формирования мышления человека предшествовала длительная предистория умственного развития животных. Психическая деятельность животных представляет собой отражение в коре их мозга элементарных связей и отношений между предметами. Она заключается в анализировании и синтезировании чувственно воспринимаемых, биологически значимых явлений окружающей природной среды.

Развитие физического строения животных, в том числе их мозга и голосового аппарата, развитие психической деятельности, стадного образа жизни послужило необходимой естественной предпосылкой для перехода от высших представителей животных, родственных ныне существующим человекообразным обезьянам, к человеку.

Непосредственные предшественники первобытного человека — австралопитеки и близкие им формы, — положили начало использованию готовых предметов (палок, камней, костей и т. п.) в качестве орудий нападения и самообороны. Это обусловило переход австралопитеков к прямохождению и общее развитие их анатомофизиологической организации.

На последующей, более высокой стадии антропогенеза, представленной питекантропами, синантропами и родственными им формами, осуществился дальнейший гигантский шаг вперед, произошел переход уже к *искусственному* изготовлению орудий труда и к более разностороннему их применению для удовлетворения неуклонно растущих потребностей становящегося человека.

Трудовая деятельность, определяя многогранные отношения человека с действительностью, с другими членами общественного коллектива, требовала все более точного восприятия предметов, все более многостороннего учета их свойств и отношений.

Усложнение общественно-трудовой деятельности, образование более прочно спаянного первобытного стада людей, появление звуковой речи,

возникшей из настоящей жизненной потребности людей во взаимном общении, — все это определило дальнейшее развитие мозга и, следовательно, мышления.

Существенным фактором, оказавшим огромное влияние на развитие человека в целом, в том числе и на его мышление, было то, что опыт, накапливаемый одним поколением, многообразными путями передавался последующим поколениям. Закрепление и передача опыта осуществлялись с помощью речи, а также посредством орудий, которые в силу своей фиксированной формы передавали не только способ их изготовления, но и приемы их производственного использования.

Колоссальный арсенал каменных орудий, начиная от неотесанных камней самой ранней ступени материальной культуры и кончая сложно обработанными каменными топорами и кинжалами, — это сохранившаяся в веках книга, в которую вписана человеческая деятельность, упорная работа мысли и воли первобытного человека.

Факт искусственного изготовления орудий говорит о том, что первобытный человек находился уже на таком уровне своего умственного развития, когда он оказывался в состоянии в какой-то степени сознательно планировать свою деятельность, отвлекаться от непосредственной цели — добывания пищи — и устремлять свои усилия на создание того, что только впоследствии должно послужить более эффективным средством ее обеспечения. Появление искусственных орудий свидетельствует о том, что наш далекий предок высвобождался от непосредственного воздействия предметов и оказывался в состоянии не только мыслить в процессе восприятия, но и оперировать представлениями, комбинировать их между собой соответственно логике вещей и осуществлять свой замысел в практической деятельности.

Сама технология обработки кремневых орудий предполагает сравнительно высокий уровень аналитико-синтетической деятельности коры мозга первобытного человека. Научаясь шаг за шагом заострять куски камня, совершенствовать орудия труда, первобытный человек вместе с тем оттачивал острие своей собственной мысли.

Постоянно расчленяя в своей практической деятельности различные предметы на их составные части, например, раскалывая и обтесывая камни при изготовлении орудий, сдирая шкуру с животного и разрезая ее на части, рассекая туши, разламывая и рубя на куски дерево, разбивая кости и т. п., первобытный человек постепенно научался и мысленно разделять предметы. Мысленный анализ являлся воспроизведением практического анализа. Будучи результатом практического анализа, умственный анализ явился впоследствии его необходимой предпосылкой. Прежде чем человек приступал к физическому расчленению предмета, он уже расчленял его на нужные части в своем сознании.

В неразрывном единстве с развитием аналитической деятельности мозга неуклонно совершенствовалась и его синтезирующая деятельность. Практическая деятельность складывалась не только из расчленения предметов, но и из воссоединения частей в единое целое. Для того, чтобы, например, построить самый примитивный шалаш, сделать одежду из шкур и т. п., необходимо было сначала произвести расчленение соответствующих предметов на части, отделить нужные для определенной цели части, обработать их, а затем из соответствующих частей сделать нечто целое. Аналитико-синтетическая деятельность, в элементарной форме свойственная и животным, поднимается у человека на качественно иной уровень, на уровень более сложной и сознательно осуществляемой формы деятельности.

Усложнение характера взаимоотношений человека с действительностью обуславливало дальнейшее развитие периферической и центральной частей анализаторов, формирование более совершенного строения коры головного мозга в целом, специфически человеческих, речевых центров

мозга и, соответственно, периферического речевого аппарата, способного осуществлять сложную работу продуцирования членораздельной звуковой речи.

Многочисленные антропологические данные показывают, что на более высокой ступени антропогенеза, сменившей стадию питекантропов, синантропов и неандертальцев,— на стадии кроманьонца, представляющей собой гигантский скачок в общей цепи антропогенеза, произошло увеличение теменных, лобных и височных долей мозга первобытного человека, то есть тех участков мозговой коры, которые были тесно связаны с его жизнью как социального существа и выполняли роль внутренних тормозов его животных инстинктов, создавая тем самым необходимую предпосылку для согласованной жизни в условиях первобытной общины.

Археологические находки расколотых кусков слоновой кости на различных стадиях их обработки дают возможность проследить последовательные ступени трудовых операций по совершенствованию орудий и выяснить не только формы практической деятельности, но и некоторые особенности мышления кроманьонца. В качестве одной из иллюстраций можно привести такой пример. Кусок слоновой кости, отколотый отбойником от длинного массива, прежде чем подвергаться непосредственной обработке, предварительно *о к о н т у р и в а л с я* с помощью кремневого резца в соответствии с размерами и формами будущего изделия (см. П. П. Ефименко «Первобытное общество», стр. 292. Изд-во АН УССР. Киев. 1953).

Подобные факты дают возможность не гадательно, а с полной достоверностью утверждать, что кроманьонец, прежде чем приступить к выделке того или иного орудия, имел в своем сознании довольно отчетливое представление о будущем продукте своей деятельности. Идеальный образ будущего изделия направлял его реальные трудовые операции. Для деятельности кроманьонца было характерно уже то, что, как указывал Маркс, существенным образом отличает человека от животных: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника, т. е. идеально» («Капитал». Т. I, стр. 185. 1952).

Качественно новая ступень в развитии трудовой деятельности кроманьонца заключалась в приобретении навыка изготовлять орудия для производства орудий, то есть в зарождении производства средств производства. Систематическое изготовление орудий для производства орудий свидетельствует о том, что мысль кроманьонца поднимается на принципиально новый уровень, на уровень гораздо более далекого, чем, скажем, у питекантропа, предвидения функций изготавливаемых орудий, производство которых оказывается нередко значительно удаленным от непосредственной цели удовлетворения природных потребностей человека.

С тех пор как закончился процесс антропогенеза (примерно 50 тысяч лет тому назад), когда человек оформился физически, приобрел все свойственные ему анатомо-физиологические признаки, все народы и расы имели и имеют одинаковое физиологическое строение и одинаковые физиологические возможности для своего умственного развития. Но сама по себе общность органических данных еще не обеспечивает действительного равенства в уровне умственного развития всех народов мира. Для того, чтобы умственные способности как отдельного человека, так и народа в целом могли реализоваться, необходимо наличие объективных условий. И странно не то, что, например, тасманийцы находились на крайне низком уровне своего умственного развития, недалеко ушедшего

от первобытности. Было бы действительно странным и, по существу, необъяснимым чудом, если бы этот народ, который наука XIX века застала на стадии только что зарождавшегося родового строя, народ, живший почти в полной изоляции от других народов, в крайне неблагоприятных географических условиях, был бы по своему реальному умственному развитию равен народам, веками поддерживавшим между собой контакт, осуществлявшим постоянный обмен опытом, находящимся на высоком уровне развития науки и машинной техники и имеющим за своими плечами богатый исторический опыт социальных преобразований.

Что способность к умственному развитию у всех народов одинакова, об этом свидетельствуют факты. Когда представители в прошлом отсталых народов попадают в равные условия воспитания и обучения с представителями так называемых «цивилизованных» народов, они успешно реализуют свои общечеловеческие возможности, полностью опрокидывая тем самым реакционные домыслы расистов о своей мнимой умственной неполноценности.

Исторически развитие мышления шло от конкретных, наглядно-образных форм к отвлеченным, все более абстрактным формам. Совершаемый каждым человеком закономерный путь познания от живого созерцания к абстрактному мышлению является как бы воспроизведением закономерности исторического развития мышления. На ранних ступенях развития человека его умственная работа еще не выделялась в относительно самостоятельный вид деятельности. Первоначально мышление было непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей — язык реальной жизни (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 16).

Специфические особенности ранних ступеней развития мышления, отличавшегося конкретностью, наглядностью, получили свое яркое выражение, например, в операциях счета. Первобытный человек не мог осуществлять операции счета в уме. Прежде чем научиться считать в уме, люди считали при помощи рук, манипулируя с конкретными предметами. Счет в уме возможен лишь посредством оперирования отвлеченными единицами, то есть при условии абстрагирования количества предметов от самих предметов. «Чтобы считать, — писал Энгельс, — надо иметь не только предметы, подлежащие счету, но обладать уже способностью отвлекаться при рассматривании этих предметов от всех прочих их свойств кроме числа, а эта способность есть результат долгого, опирающегося на опыт, исторического развития» («Анти-Дюринг», стр. 37. 1950).

Первобытные люди не обладали этой способностью. Они оказывались в состоянии считать лишь непосредственно осязаемые и зримые предметы. Число в их примитивном мышлении еще не отделялось от того, что они исчисляли. Иллюстрацией такого рода счета могут служить факты, добытые этнографическими исследованиями умственного развития в прошлом отсталых в экономическом и культурном отношении народов.

Но прежде чем говорить об этих фактах, необходимо с самого начала со всей определенностью подчеркнуть, что вышеназванные исследования не могут доставить решающих данных для понимания общих закономерностей исторического развития мышления, так как отсталые народности никак не могут рассматриваться как представители первобытных людей. Тем не менее использование этих фактов дает возможность установить аналогию, позволяющую лучше проследить общие закономерности исторического развития мышления человека от его начальных, примитивных форм до современного уровня.

Так, например, Турнвальд отмечает, что когда жители южных островов хотели сообщить, что пришло 5 человек, то они никогда не говорили «пришло пятеро». Они сообщали об этом примерно так: пришел один мужчина с большим носом, старик, ребенок, мужчина с больной кожей и совсем маленький ребенок (см. Thurnwald «Psychologie des primitiven

Menschen». «Handbuch der vergleichenden Psychologie» herausgegeben von Gustaw K a f k a. В. I, S. 273—274).

Когда первобытные народы производили обмен, они клали предметы, которые они обменивали, против тех, на которые обменивали, и, таким образом, воочию устанавливали их количественное равенство. Известный путешественник Ф. Нансен, пробывший в течение года у эскимосов, отмечает, что у них не было названий для чисел больше пяти и что операции счета они производили с помощью пальцев рук: 5 — это одна правая рука, 6 — первый палец левой руки, 7 — второй палец левой руки и т. д. до 10; 20 — это один человек, 100 — пять человек.

На эту же особенность счета у культурно отсталых народов указывал и выдающийся русский путешественник и этнолог Н. Н. Миклухо-Маклай, изучивший быт и нравы многих народов и собравший огромный фактический материал, имеющий большую научную ценность. Миклухо-Маклай следующим образом описывает приемы счета у папуасов: «Излюбленный способ счета состоит в том, что папуас загибает один за другим пальцы руки, причем издает определенный звук, напр., «бе, бе, бе»... Досчитав до пяти, он говорит: «ибон-бе» (рука). Затем он загибает пальцы другой руки, снова повторяя «бе, бе»..., пока не дойдет до «ибон-али» (две руки). Затем он идет дальше, приговаривая «бе, бе»..., пока не дойдет до «самба-бе» и «самба-али» (одна нога, две ноги)» (Собр. соч. Т. III, стр. 177. АН СССР. М.-Л. 1951).

«Во многих языках дикарей, — писал П. Лафарг, — первые пять цифр носят название пальцев, и лишь после продолжительной умственной работы числа постепенно освобождаются у взрослого цивилизованного человека от всякой формы, напоминающей тот или другой предмет, и предстают умственному взору только в очертании условных знаков» (Соч. Т. III, стр. 54. Соцэкгиз. 1931).

История языка показывает, что названия чисел происходят от названий реальных предметов. Например, на Новой Гвинее число 5 буквально значит «рука», 10 — «крокодил» (десять следов от лап крокодила на песке) (см. Т у р н в а л ь д. Цит. соч., стр. 275). Отвлеченное понятие «калькуляция» (счет, расчет) происходит от латинского «calculus» (камень, камешек). В глубокой древности римляне пользовались камешками как реальной единицей счета. Другие народы с этой же целью применяли палочки и другие предметы.

На ранней стадии развития мышления, еще не достигшего ступени абстракции, число не отделялось от исчисляемых предметов, оно мыслилось в неразрывной связи с ними. В качестве иллюстрации можно привести примеры, взятые из жизни меланезийцев: 10 кокосовых орехов обозначались ими словом «a bugu», 10 рыб — «bola», 100 кокосовых орехов — a koro, 1 000 кокосовых орехов — selavo (см. Н. С. v. d. Gabelentz «Die melanesische Sprachen nach ihrem grammatischen Bau» В. 8, S. 23. 1861).

Суть дела заключается в том, что тут еще не учитывается, не улавливается общее в качестве предметов — их количественная сторона. 10 кокосовых орехов и 10 рыб именуются совсем другими звуковыми комплексами, как нечто разное не только качественно, но и количественно, хотя в рамках одного и того же качества отчетливо осознается количественная разница, например, 10 орехов — это не 100 орехов, и эти количественно разные группы имеют разное наименование.

На ранней ступени развития количественной абстракции, когда еще не было абстрактного грамматического значения множества, числовая система была построена, повидимому, главным образом на более простом, двойственном принципе. Наличие двойственного принципа исчисления мы находим, например, у племени бунди-намбри, где 2 — ogoi, 3 — ogo-gumagc (т. е. два + один), 4 — ogoi-ogoi, 5 — ogoi-ogoi-maga, 10 — ogoi-ogoi-ogoi-ogoi-ogoi.

Приведенные примеры дают возможность проследить начальные этапы образования абстракции на ранних ступенях развития мышления человека. Вначале объект счета, скажем, предмет обмена, был вместе с тем и средством, с помощью которого осуществлялись конкретные операции счета. На этом уровне человек оказывался еще не в состоянии отделять количественную сторону предметов от самих предметов, подлежащих счету. На более высоком уровне развития мышления средства счета отделяются от объекта счета. Люди стали использовать в качестве средств осуществления счетных операций не сами объекты счета, а другие предметы — пальцы рук и ног, камешки, палочки и т. п., которые выполняли роль эталона меры количества. Для того, чтобы использовать указанные предметы в качестве средств счетных операций, необходимо было отвлечься от всех других свойств этих предметов и выделить лишь их количественную сторону, их свойство быть эталоном меры количества. Операции счета не носили самодовлеющего характера. Люди непосредственно считали пальцы, камешки, палочки и т. д. не для установления количества этих предметов, а для того, чтобы опосредствованным путем узнать количество других предметов.

Такой вид счетных операций предполагает сравнительно высокий уровень абстракции. Для осуществления подобного счета было необходимо сравнение объекта счета и используемых средств счета, отвлечение от всех других свойств сравниваемых предметов, абстрагирование объективно общих в данном отношении свойств — количества, наконец, обобщение абстрагированной от разных по качеству предметов их количественной стороны и образование понятия числа. Количество — это то общее, что объединяет все чувственно воспринимаемые предметы, несмотря на все различие и несовместимость их качеств и свойств.

Таким образом, понятие числа постепенно освобождалось от своей конкретной, предметной формы, выступая в мышлении человека в виде словесного наименования натурального ряда чисел и, наконец, в виде абстрактных математических знаков.

* * *

Путь исторического развития мышления от его первоначально-конкретных, наглядно-образных форм к абстрактным формам получил свое документированное выражение в истории языка в целом и в истории отдельных слов.

Мышление, как известно, возникло одновременно с возникновением языка, оно исторически развивалось в неразрывной связи с развитием и совершенствованием языка. И не только мышление, а все наше сознание в целом непосредственно связано в своем историческом развитии с развитием языка. Поэтому, идя по следам, которые оставила по себе история слов и грамматических форм, история правил сочетания слов в предложении, можно с уверенностью сказать, что этим надежным путем можно проникнуть в отдаленнейшие эпохи умственного развития человечества.

Мы, например, вполне понимаем друг друга, говоря: «солнце всходит», «солнце заходит». Каждый понимает, что словесное выражение этих мыслей противоречит научному пониманию соответствующих явлений. Недаром существует афоризм, что, думая, как Коперник, мы говорим, как Птоломей. Многие слова и выражения, употребляемые и понимаемые современным человеком как метафорические, сохранили в себе в виде пережитка прежние представления, связанные с олицетворяющим восприятием мира. Такие, например, выражения, как «дождь идет», «ручей бежит», «лес дремлет», «море смеется», «совесть мучает», «мысль течет» или «сверлит», «тоска глохнет» и т. п., для норм современного сознания являются метафорами, имевшими некогда весьма реальный смысл.

Нет ничего удивительного в том, что первобытный человек судил о предметах и явлениях внешнего мира по аналогии с собой, рассматривая

себя как мерило активности, а свой собственный духовный мир описывал по аналогии с явлениями действительности. Человеку всегда было присуще стремление недоступное конкретному восприятию представить конкретно, наглядно, невещественное — вещественно и пространственно. Отсюда: «острая мысль», «пылкое воображение», «холодный рассудок», «черный замысел», «глубокий ум», и т. д., и т. п.

Слова и выражения в своем поступательном историческом развитии как бы обволакивались тем смыслом, который вкладывали в них различные поколения людей, через чьи головы и уста они прошли. Если мы, например, проследим этимологию слова «понятие», то увидим, что на ранней ступени развития сознания человека оно обозначало физическое действие, осуществляемое руками: схватить, объять («я-ти» — древнерусское «взять»). Затем, по мере развития абстракции, это слово стало обозначать деятельность ума. Понять — это значит схватить, уловить умом какие-то реальные отношения между предметами и явлениями действительности. В настоящее время термин «понятие» выражает уже не только самый процесс умственной деятельности — понимание, но и результат этого умственного процесса — умственный образ, отражающий предметы или явления в их существенных признаках.

Проследивая этимологию древнеиранского слова «suxra» («красный»), В. И. Абаев отмечает, что оно содержит корень «suk», что означает «огонь», «гореть». Наглядный образ огня лег в основу образования отвлеченного понятия качества «красный» (см. «О принципах этимологического словаря», «Вопросы языкознания» № 5, за 1952 год, стр. 60).

«Осетинское arf «глубокий», — пишет В. И. Абаев, — восходит к древнеиранскому āra — от корня ār — «вода». Отвлеченному понятию «глубина» предшествовало конкретное представление о «глубокой воде» (реке, озере, море); из образа «водная глубь» возникло со временем понятие «глубокий» вообще» (там же).

По мнению одного из крупнейших советских лингвистов, акад. Л. В. Щербы, отвлеченный философский термин «истина», обозначающий соответствие наших знаний действительности, происходит от слова с менее отвлеченным значением — «есть» («естина»), т. е. существовать, быть в действительности.

Все это говорит о том, что любое слово любого языка, каким бы абстрактным значением оно ни обладало в данный момент, ведет свою родословную от слова с весьма конкретным значением и в конечном счете своим содержанием восходит к представлению и восприятию.

Для понимания сущности человеческого мышления вообще, мышления первобытного человека в частности, следует учитывать то весьма важное и часто упускаемое из виду обстоятельство, что мышление человека, будучи отражением действительности, является по своей природе коммуникативным процессом, имеющим двуплановый характер: с одной стороны, оно направлено на предмет, отражает его признаки и связи с другими предметами, а с другой — оно обращено к обществу, которому человек сообщает результаты своей мыслительной деятельности.

Практические потребности человека обуславливали появление и развитие абстрагирующей и обобщающей работы мышления. В число этих практических потребностей входила и потребность во взаимном общении. Взаимное общение людей с помощью языка с самого начала было опосредствовано их познавательной деятельностью, сама же познавательная деятельность была опосредствована общением. Сообщая свою мысль другим, человек должен был целостный образ воспринимаемой картины действительности расчленить на составляющие его компоненты, абстрагировать необходимые для его целей части, мысленно связать их и преподнести в определенном свете другим людям.

Существенное значение для уяснения исторического процесса формирования абстрагирующей работы мышления имеют данные из истории

образования различных категорий языка. Большинство исследователей истории языков единодушно сходится на том, что на ранней ступени развития языка, еще в дописьменную его эпоху, не существовало морфологической дифференциации слов на части речи. Правильность такой точки зрения не подвергается сомнению, она не только логически допустима, но и фактически доказуема.

Проанализируем гносеологическую сторону вопроса. Вряд ли возможно отсутствие морфологической оформленности частей речи трактовать в том смысле, что в мышлении человека в то время не существовало основных логических категорий: предметности, действия, качества и отношения. Без этих категорий невозможен был бы никакой акт логической мысли и, следовательно, никакое взаимное общение людей. Эти основные, опорные смысловые центры любой мысли, какой бы степенью примитивности она ни обладала, являются необходимым условием более или менее адекватного отражения действительности и сообщения о содержании отражаемого другим людям.

Морфологически единое имя, являвшееся средством реализации мысли, включало в себя, в зависимости от словесного и жизненного контекста, и значение предмета, и действия, и качества, и отношения. Формой реализации мысли, отражавшей предмет в его отношении с другими предметами, в его действии и состоянии, была простая, семантически связанная рядоположность имен, в которой место одного имени в ряду других имен выявляло его реальную смысловую значимость. Функционирование формально недифференцированного имени в том или ином значении — в значении предмета, качества, действия или отношения — постепенно закрепляло за ним определенную семантику и соответственно роль и место в единице сообщения — предложении.

На ранней ступени развития человеческого мышления, например, качество предмета мыслилось и сообщалось с помощью речи в неразрывном единстве с предметом. Это подтверждается тем, что некогда одно и то же имя одновременно обозначало и предмет и качество.

Материалы, полученные в результате исследования языка в прошлом одного из самых отсталых в экономическом и культурном отношении племен — арунта, показывают, что, например, слово со значением «камень» одновременно значило и «лежачий». Одно и то же значение имели слова «небо», «ясный» и «голубой»; «яма» и «глубокий»; «наконечник копья», «острие» и «острый»; «отец» и «большой». Аналогичное явление прослеживается в истории и многих других языков.

Вряд ли допустимо эти явления трактовать как своего рода омонимию и предполагать, что в этих морфологически недифференцированных словах зафиксированы четко дифференцированные понятия, как это имеет место в сознании современного человека, когда он одним и тем же словом, например, «слепой», «больной», обозначает и качество («слепой человек») и существо, обладающее этими качествами («идет слепой»). Подходить к объяснению этих языковых фактов таким образом — значит приписывать первобытным людям особенности мышления современного человека, что является антиисторическим.

Указанное выше явление морфологической недифференцированности предметных и качественных имен невозможно трактовать и в том смысле, что будто бы на ранней ступени своего исторического развития люди совсем не были в состоянии расчленять в своем сознании качества предметов и самих носителей этих качеств. Скорее всего эти языковые факты свидетельствуют о том, что люди в то время не были в состоянии мыслить качества абстрактно, сами по себе, в отвлечении от носителей этих качеств.

Поскольку на ранней ступени развития человека еще не было абстрактных понятий, отражающих в словесной форме обобщенные признаки предметов, но существовали понятия, отражающие предметы в целом

в форме родовых и видовых наименований, то при характеристике признака предмета в акте общения люди вынуждены были прибегать к сопоставлению этого предмета с другим предметом, обладающим таким же признаком. К примеру, словом «kut kut» (ворон) народы островов Бисмарка характеризовали все предметы блестяще-черного цвета. Иначе говоря, признак того или другого предмета мыслился через его отношение к другому предмету, часть которого, его признак, скажем, цвет, выступала в сознании как целый предмет, выполняя, однако, в акте сообщения функцию части.

На более высоком уровне развития мышления постепенно изменялся и характер абстрагирования качества предмета от его носителя. Изменение характера абстракции обусловило изменение и способа ее словесного выражения. На этом уровне возникают уже элементы грамматического способа выражения абстракции. Абстрагирование качеств по принципу аналогии получает свое выражение в специфических формах речи, выражающих операции сравнения. Так, например, этнографические наблюдения показывают, что в прошлом тасманийцы, когда они хотели сказать «горячий», «холодный», «круглый», «твердый» и т. п., говорили: «как огонь», «как лед» «как шар», «как камень» и т. п.

На последующей ступени развития мышления возникают уже в подлинном смысле этого слова абстрактные понятия качества: понятия цвета, формы, величины, твердости, теплоты и т. п. В языке происходит процесс дифференциации аморфного имени на имя существительное и имя прилагательное, каждое из которых получает свои специфические грамматические показатели. Происходит процесс образования языковых категорий предметности и качества. Вместо того, чтобы говорить про твердый предмет «как камень», люди говорили «каменный», вместо «как вода» — «водообразный» и т. п.

Качественные прилагательные в большинстве своем возникали, видимо, из относительных прилагательных, явившись результатом переосмысления и переоформления атрибутивного употребления существительных. Ярким доказательством этому служит тот факт, что название многих цветов, например, в русском языке, происходит от названия целых предметов, обладающих этими цветами. Например, «розовый» от «роза», «фиолетовый» от «фиалка», «пурпурный» от «пурпур», «малиновый» от «малина» и т. п.

Дальнейший процесс усовершенствования абстракции качества заключался в следующем. Люди стали осознавать и словесно выражать тот факт, что предметы, обладающие соответствующим качеством, обладают им в различной степени, что одни и те же качества проявляются с различной степенью своей интенсивности. В сознании человека возникает отвлеченное понятие меры качества, представляющей собой единство данного качества с его степенью или количеством. Возникновение понятия меры качества обусловило появление и языковых средств, позволяющих зафиксировать большую или меньшую степень данного качества в тех или иных предметах. На ранней ступени развития мышления и речи понятие об интенсивности проявления данного качества выражалось, повидимому, с помощью простого повторения названия данного качества, как это имело место, например, у гавайцев, которые словом «ula» выражали просто красный цвет, а словом «ula ula» более интенсивный красный цвет — пурпурно-красный.

Эти формы выражения меры качества встречаются и в современном языке. Например, когда мы в обыденной речи желаем подчеркнуть степень величины, мы иногда говорим: «большой-большой» или «маленький-маленький» и т. п. На более высоком уровне развития языка возникают специфические в разных языках грамматические средства оформления понятий меры качества. Наряду, например, с флексивными средствами —

белый, белее, белейший и т. п. — появились служебные слова: *очень, более, самый* и т. п.

Но абстрактная мыслимость качества этим не завершается. Высшим этапом является образование понятия качества как предмета со специфическим словесным оформлением предметности с помощью грамматических показателей существительного, например, «белизна», «синева», «теплота» и т. п.

Только на этом уровне развития абстракции оказалось возможным мыслить качество как субстанцию, в полном отвлечении от его вещественных носителей. Языковой процесс субстантивации качественных имен, то есть как бы обратный процесс возвращения или, точнее, превращения имени прилагательного в имя существительное, представляет собой словесную форму выражения новой ступени человеческой абстракции, вызванной настоятельной потребностью практики, познанием и опытом взаимного общения людей.

Человек оказался в состоянии мыслить как субстанцию не только качество, но и действие, как, например, «беготня», «движение» и т. п.; а также и количественные признаки: «двойка», «тройка», «десяток», «сотня», «тысяча» и т. п.

Грамматические средства выражения отвлеченных понятий о предметах и их качествах, будучи следствием абстрагирующей работы человеческого мышления, оказывали определенное влияние на характер самой абстракции. Если мы говорим «белый», то мы невольно соотносим это свойство с его носителем — предметом. Когда же мы говорим «белизна», то мы мыслим это качество безотносительно к предмету, как нечто самостоятельное.

* * *

Возникновение и развитие абстракции и соответственно языковых средств ее выражения имело колоссальное значение в познавательной деятельности человека, в общем прогрессе его материальной и духовной культуры. Именно в развитии абстрагирующей работы мышления человека заключается его величайшая познавательная сила. Процесс абстрагирования является совершенно необходимым условием обобщения, образования понятий. Прежде чем совершить операцию обобщения, человек должен был абстрагировать те признаки, которые затем подвергались обобщению. Эти признаки мысленно выделялись в данном предмете из многих других признаков и фиксировались в соответствующем слове. Благодаря закреплению абстрагированных свойств в слове человек оказывался в состоянии оперировать образами этих признаков, не воспринимая самих предметов. Сопоставляя абстрагированные признаки с аналогичными признаками других предметов, человек обнаруживал между ними общность, создавал понятие о целом классе предметов, явлений, свойств. Без появления и развития абстракции не могла бы родиться и развиваться ни одна область знания. Науки возникли лишь на определенной ступени развития мышления человека, в связи с развитием способности к абстрагированию.

Между тем способность человека к абстракции — это обоюдоострое оружие. Абстракция — это своего рода двери: распахнув их, человечество впустило вместе с истиной немало и заблуждений. Но, как гласит народная индийская мудрость, если бы были наглухо заперты двери перед всеми заблуждениями, то в сознание людей никогда не смогла бы войти и истина. Было бы неправильным представлять историческое развитие первобытного, да и не только первобытного, мышления как своего рода триумфальное шествие по пути, прямолинейно ведущему в лоно абсолютной истины. Однако было бы также неправильным преувеличивать, возводить в абсолют фантастические моменты в первобытном мышлении.

Рассматривать первобытное мышление как сплошное царство мистики, как безраздельное господство иллюзорного отражения действительно-

сти — значит истолковывать мышление не как величайший фактор ориентировки человека в окружающей его действительности, а, напротив, приписывать мышлению не свойственную его природе функцию дезориентации человека. Это означает отрицание преемственной связи между мышлением ранних эпох и современным его уровнем, разделение их, по существу, непроходимой пропастью.

Категорическое отрицание такой точки зрения на первобытное мышление совсем не означает, что при исследовании его мы должны отбросить прочь за борт истории первобытной культуры фантастические элементы и мифологические напластования, являющиеся своего рода болезненными наростами на здоровом в целом древе истории человеческого познания. Не учитывать эти элементы — значит вступать в явное противоречие с реальными фактами истории духовной культуры. Буржуазные этнологи, явно гипертрофируя фантастические моменты в первобытном мышлении, лишь запутали вопрос о причинах этих его особенностей, они оказались не в состоянии научно истолковать эти факты. Только классики марксизма-ленинизма впервые в истории научной мысли дали единственно правильное теоретическое объяснение гносеологических корней фантастического, извращенного отражения мира в голове человека.

В. И. Ленин в «Философских тетрадах» гениально вскрыл возможность отхода мышления от действительности, показав, что всякого рода заблуждения, фантазия, идеализм не есть простая случайность и чепуха. Возможность заблуждения, сползание к идеализму имеет свои корни в самом процессе человеческого познания как противоречивого и обобщенного отражения действительности. «Раздвоение познания человека, — писал Ленин, — и *возможность идеализма (= религии) даны уже в первой, элементарной абстракции* ...Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (= понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (в последнем счете = бога)» («Философские тетради», стр. 308. 1947).

Остается бесспорным, что в первобытном мышлении имело место, например, олицетворение неодушевленных предметов и явлений. Рассматривая ранние ступени мышления на основе анализа языкового материала, А. А. Потебня писал, что для людей на определенной ступени их умственного развития «несколько не метафорично изображение качества как вещи, заключающей в себе ...силу, которая тоже есть вещь, изгоняющей другое качество (т. е. вещь)». При этом Потебня приводит пример из письменного источника XVIII века: «Хрен есть мокрой и теплой природы («теплая натура» = теплота) содержит в себе силу сицевую; кто его рано на-тще изопьет или ясть, тому придасть теплоты, а силою своею выгонит излишние розные речи» («Из записок по русской грамматике», ч. III, стр. 17. Харьков. 1899).

Иначе говоря, свойство предмета мыслилось как особый предмет, включенный в данный предмет, являющийся носителем этого свойства и рассматриваемый как пассивный исполнитель воли, олицетворенной в его свойстве, как орудие ее активного проявления.

Эти особенности абстракции и явление олицетворения абстрагированных свойств на ранней ступени развития мышления долгое время сохранялись в сознании людей, а у некоторых бытуют и поныне в виде архаических пережитков далекого прошлого. Они встречаются в мышлении не только малокультурных людей, но и у людей науки. Хорошо, например, известно из истории науки совсем недалекого прошлого, что в таких явлениях, как «горение», «теплота», «магнетизм», «электричество», «психическая деятельность мозга», мыслилось наличие каких-то особых

вещественных или духовных субстанций, например, «флогистона», «тепло-рода», «электрической жидкости», «души» и др.

Сущность олицетворения первобытным человеком неодушевленных предметов и явлений заключается в том, что, как говорит Фейербах, «человек переносит на природу представление о своем целесообразном творчестве» (цит. по «Философским тетрадам» В. И. Ленина, стр. 48).

Наиболее широко распространенной формой такого рода мышления, абсолютизирующего и олицетворяющего продукты своей абстрагирующей деятельности, являются, по существу, все разновидности идеализма и религии.

Моменты извращенного отражения действительности в сознании первобытного человека проявлялись и в наличии фетишизма, накладывавшего свой отпечаток на операции умозаключения, которые иногда осуществлялись на основе простой ассоциации, случайного совпадения во времени и пространстве двух не связанных между собой причинно-следственными отношениями явлений, по принципу «post hoc ergo propter hoc» (после этого — значит, поэтому). В качестве иллюстрации можно было бы привести следующий пример. Собака пила воду из речки, в которой отражалась луна. В этот момент наступило лунное затмение. Это было истолковано так, что будто собака проглотила луну и поэтому стало темно.

Первобытному человеку хотелось знать гораздо больше, чем позволял его ограниченный практический опыт, и нередко он подменял реальные знания всевозможными вымыслами. Он пытался все встречавшиеся ему на жизненном пути единичные случаи подвести под общую категорию причинно-следственных отношений, упуская из виду тот существенный факт, что если следствие всегда во времени следует за причиной, то далеко не все, что предшествует во времени одному другому, является причиной этого другого.

Всесторонний учет фактов говорит нам о том, что в мышлении первобытного человека занимали немалое место олицетворение неодушевленных сил, фетишизм и т. п. Но значительно большее количество фактов, по существу, вся история материальной культуры, колоссальный арсенал орудий, различного рода сооружений и т. д., свидетельствует о другом: первобытный человек в своей повседневной практической деятельности, в труде исходил из учета совершенно реальных, естественных свойств и отношений между предметами и явлениями действительности.

Первобытное мышление, хотя рациональное ядро его было окутано многими иррациональными моментами, в целом носило логический характер. Оно явилось закономерным и необходимым звеном, соединяющим гигантскую цепь умственного развития, начало которой уходит вглубь животного царства, а дальнейшие звенья восходят к научному мышлению современного человека.

К вопросу о ступенях процесса познания истины

В. М. ПОДОСЕТНИК

За последнее время среди некоторых философов получила распространение точка зрения, согласно которой процесс познания истины состоит только из двух ступеней: живого созерцания и абстрактного мышления. Что же касается проверки истины на практике, которая рассматривалась до сих пор как закономерная ступень процесса познания, то это положение предлагается пересмотреть как ошибочное и даже идеалистическое.

Эту точку зрения отстаивает, в частности, М. Н. Руткевич в своей статье, помещенной в порядке обсуждения в № 3 журнала «Вопросы философии» за 1954 год. Вот что он пишет по этому поводу: «Кто зачисляет практику в ступень познания, то есть полагает, что она входит в познание как часть в целое, те ставят практику ниже познания, растворяют практику в сфере познания. Это ошибка явно идеалистического толка» (стр. 40).

Тов. Руткевич полагает, что признание практики как критерия истины третьей ступенью процесса познания означает игнорирование практики как основы познания чувственного и рационального.

Но отрицает ли кто-либо, что практика есть основа всего процесса познания? Такие философы-марксисты вряд ли существуют. М. Н. Руткевич воюет не с действительными, а с мнимыми противниками.

В «Кратком философском словаре», который подвергается критике в статье М. Н. Руткевича, сказано: «Основой всего процесса познания и каждой его ступени, высшим критерием истинности добытых знаний является практика. Человек познает окружающий его мир в процессе своей практической деятельности, своего активного воздействия на природу. Практическая проверка знаний есть высшая ступень процесса познания, отражения в человеческой голове законов объективного мира» (стр. 467, 4-е издание).

Таким образом, практика признается в качестве основы процесса познания не только М. Н. Руткевичем, но и теми, кого он критикует по этому вопросу. Следовательно, суть спора не в том, является ли практика основой процесса познания, а в том, является ли проверка истины на практике закономерным продолжением единого процесса познания, определенным самостоятельным этапом познания, ступенью в постижении истины.

В этой связи представляется необходимым остановиться на вопросе о процессе познания истины, чтобы показать несостоятельность точки зрения М. Н. Руткевича и других товарищей, разделяющих его взгляды.

Теория познания диалектического материализма рассматривает процесс познания истины как сложный диалектический процесс отражения объективной действительности в человеческой голове, состоящий из ряда моментов, этапов, ступеней. При этом учитывается как специфика каждого этапа познания, так и их неразрывная связь. По своему содержанию процесс познания есть отражение и переработка в человеческой голове

м а т е р и а л ь н о г о. Эта переработка материального в идеальное проходит ряд шагов, этапов, стадий, в результате чего человек постигает объективную истину. Единственно правильный диалектический путь познания истины В. И. Ленин выразил в известной формуле: от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него — к практике. Эта ленинская формула указывает как на общую закономерность процесса познания, так и на те конкретные этапы, ступени, из которых складывается этот процесс в целом.

Исходным моментом, или этапом, этого процесса является живое созерцание. Человек при помощи органов чувств непосредственно связан с внешним миром. Производя материальные блага, люди воздействуют на окружающий материальный мир и, в свою очередь, подвергаются его воздействию. Окружающий мир, воздействуя на человека, отражается в его сознании в виде ощущений, восприятий. В обычной практике люди множество раз получают подобного рода впечатления, прежде чем начинают подмечать те или иные качества предметов и использовать их в своих интересах.

Но живое созерцание, с которого начинается процесс познания, может дать знание лишь тех сторон предметов, которые непосредственно воспринимаются нашими органами чувств.

Тем не менее, несмотря на ограниченность живого созерцания как начального этапа познания, марксистская теория подчеркивает громадное значение его в процессе познания. Огромная роль живого созерцания, ощущений и восприятий заключается в том, что они непосредственно связывают человека с внешним миром, являясь единственным каналом, через который люди могут черпать знания о внешнем мире. Человек, у которого повреждены все органы чувств, лишается возможности воспринимать внешний мир. Достаточно хотя бы одного органа чувств, чтобы человек был связан с внешним миром и отражал его в своем сознании.

Но как бы ни была велика роль живого созерцания в процессе познания внешнего мира, его спецификой остается то, что оно не может дать знания с у щ е с т в и предметов и явлений, знания их внутренней закономерной связи. При помощи органов чувств мы, например, не можем представить скорость света в 300 тысяч километров в секунду, как мы представляем скорость движения автомобиля или поезда. Мы не можем также видеть, осязать стоимость товара. Чтобы постигнуть скорость света или стоимость, нужна сила абстракции человеческого ума, нужно абстрактное мышление, оперирующее понятиями, категориями. Хотя абстрактное мышление само основано на живом созерцании и только благодаря ему получает материал из внешнего мира, который и перерабатывает в научные понятия, оно вместе с тем является качественно новым этапом в процессе постижения истины.

Только проникая в сущность явлений природы и общественной жизни, открывая законы развития материального мира и овладевая ими, люди могут двигать вперед общественное производство, подниматься к вершинам прогресса. В этом, собственно, и состоит огромная роль абстрактного мышления в процессе познания.

Громадную роль во взаимодействии этих ступеней познания играет практическая деятельность людей, составляющая основу неразрывной связи чувственного и рационального моментов познания. Когда говорят, что практика лежит в основе процесса познания, то имеют в виду прежде всего тот факт, что люди познают окружающий их мир, постоянно практически воздействуя на него.

Но процесс познания истины не исчерпывается этими двумя ступенями или этапами. Достижение истины, познание законов развития материального мира — природы и общественной жизни, — овладение этими законами с целью преобразования мира с необходимостью требуют того,

чтобы процесс познания не останавливался на этапе абстрактного мышления, а шел дальше, поднимаясь на новую ступень, к проверке добытой истины на практике.

Процесс познания истины не может протекать вне практики не только потому, что практика составляет основу познавательной деятельности людей, то есть не только потому, что процесс познания от начала и до конца опирается на практику, но и потому, что только практика является критерием истины, ступенью, завершающей определенный цикл познания. Вопрос об истинности наших знаний, как указывал Маркс, — это вопрос не теории, а практики. Практика дает объективный критерий истины, и поэтому познание использует ее для проверки истин.

Если же процесс познания обрывается на ступени абстрактного мышления, то тем самым исключается объективный критерий наших знаний, он неизбежно переносится в область сознания, что характерно для идеализма. Подобного рода ошибку и делает фактически М. Н. Руткевич, когда утверждает, что практика не есть высший этап процесса познания, и тем самым изгоняет практику из процесса познания. Правда, делает он это непоследовательно и с оглядкой. Так, на стр. 43 своей статьи он пишет: «От абстрактного мышления путь познания вновь идет к практике, и это обращение к практике есть не только использование готовой теории в практических целях, но также продолжение процесса познания» (разрядка моя. — В. П.).

Таким образом, мы видим, что, с одной стороны, М. Н. Руткевич мечет гром и молнию против тех, кто рассматривает проверку истины на практике как высший этап процесса познания, а с другой — сам вынужден признать, что практика является продолжением процесса познания. Будучи объективным критерием истины, практика не может не входить в процесс познания. Мы уже не говорим о том, что практика обогащает и пополняет наши знания, что только благодаря практике процесс познания приобретает целенаправленный характер и становится возможным использование добытых знаний на деле.

В. И. Ленин рассматривает практику как критерий истины и как практический определитель того, что нужно человеку. Развитие науки и общественного производства может происходить при условии, если практика, эксперимент входят в процесс научного исследования. Не случайно успехи научного познания тем значительнее, чем больше применяется экспериментальный метод научного исследования. Но что означает этот метод? Не что иное, как введение в процесс научного познания практики, эксперимента как важного его звена.

В нашей стране качественно изменился характер экспериментирования. Наша промышленность, сельское хозяйство и транспорт имеют возможность развиваться на широкой экспериментальной основе. В этом отношении массовая практика новаторов в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте стала постоянной проверкой результатов научного познания. Это позволяет успешно решать сложные проблемы развития социалистического производства.

Мы уже говорили, что каждый этап, каждый момент диалектического процесса познания имеет свою специфику, вносит нечто новое, без чего невозможно постижение истины. Вносит ли проверка истины на практике нечто качественно новое в общий процесс познания по сравнению с предыдущими этапами? Да, вносит. Проверка истин на практике придает им значение достоверности. Без этой ступени нет и не может быть завершения определенного цикла познания. Именно поэтому утверждать, что процесс познания обрывается на ступени абстрактного мышления, — значит повторять старые концепции познания, давно опровергнутые марксизмом.

Неверно считать, как это делает М. Н. Руткевич, что практика, включаемая в процесс познания в качестве критерия истины, теряет будто бы от этого свою материальную сущность. Оттого, что в процессе научного

исследования мы пользуемся в широких масштабах заводскими лабораториями, экспериментальными установками, опытными шахтами и т. п., они не перестают быть материальными объектами.

Равным образом неверна также ссылка М. Н. Руткевича на указание В. И. Ленина о том, что практика выше теории. Это положение тов. Руткевич истолковывает в том смысле, что практика не может входить в процесс познания. Однако, когда В. И. Ленин говорит, что практика выше теории, он имеет в виду, что только практика может давать объективный критерий истины, что только практика есть орудие преобразования природы и общества. Поэтому когда процесс познания пытаются оборвать на ступени абстрактного мышления, то тем самым не возвышают, а принижают практику.

Конечно, абстрактное мышление, в тесной связи с живым созерцанием и опираясь на практику, может давать различного рода гипотезы и теории, которые, безусловно, играют весьма важную роль в процессе научного познания. История развития научного познания показывает, что научные гипотезы необходимы для того, чтобы вскрывать законы явлений и правильно подходить к исследованию новых фактов. Таково, например, значение гипотезы Канта — Лапласа, пробившей брешь в метафизическом мировоззрении. Известно также, что открытие Марксом материалистического понимания истории было вначале только научной гипотезой, создавшей возможность строго научного подхода к историческим общественным фактам. Но если бы Маркс остановился на этом этапе научного познания и не пошел дальше в исследовании фактического материала, то его теория осталась бы просто научной гипотезой.

Заслуга Маркса состоит в том, что он, высказав свою гипотезу, взялся затем за изучение одной из общественно-экономических формаций — системы капиталистического хозяйства — и на основе огромной массы фактических данных, которые он исследовал в течение четверти века, открыл закон функционирования буржуазной формации.

Таким образом, научная гипотеза Маркса была проверена практикой существующего капиталистического производства и превратилась благодаря этому в подлинную науку — исторический материализм.

«Теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение...» (В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 125).

Как этот, так и многие другие примеры из истории научного познания показывают, что на ступени абстрактного мышления познание может давать гипотезы, теории, которые, однако, требуют еще дальнейшей проверки на практике. Это, конечно, не значит, что образование гипотез происходит вне практики, вне фактов, вне эксперимента. Практика, новые факты, новые данные являются исходными для возникновения той или иной гипотезы. Но одни и те же факты могут стать основой для возникновения различных, а иногда и прямо противоположных гипотез. Чтобы судить о научном характере той или иной гипотезы, нужен критерий практики. Практика должна войти в процесс познания в качестве завершающей ступени данного познавательного цикла, как критерий объективной истинности полученных знаний. В. И. Ленин учит, что точка зрения жизни, практика, должна быть первой и основной точкой зрения теории познания диалектического материализма.

Отрицание практики как ступени процесса познания неизбежно ведет к отрицанию действительного характера научного познания. Цель познания не сводится лишь к правильному объяснению того или иного явления, того или иного процесса; она состоит в том, чтобы овладеть знанием объективных законов развития природы и общественной жизни и использовать их в интересах общества, в интересах развития общественного производства, а в наше время в интересах строительства социализма и коммунизма.

«Для материалиста,— говорит В. И. Ленин,— «успех» человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей» (Соч. Т. 14, стр. 127).

Без проверки истин на практике невозможна успешная целенаправленная практическая деятельность, неизбежно догматическое отношение к науке. В научной теории, в целом правильно отражающей действительное положение вещей, могут быть отдельные положения неправильные, могущие привести к ошибочным практическим выводам, если догматически пользоваться этой теорией, не учитывать запросов практики.

Так, например, наша сельскохозяйственная практика внесла серьезные коррективы в теорию В. Р. Вильямса. Догматическое отношение к теории, ее выводам и положениям опять-таки вытекает из неправильного отношения к практике, из отрицания роли критерия практики как высшего момента процесса познания.

Наконец, в подтверждение своей точки зрения М. Н. Руткевич ссылается на известную работу Мао Цзэ-дун «Относительно практики». Однако указанная работа не только не подтверждает точки зрения, отстаиваемой тов. Руткевичем, но, наоборот, полностью развенчивает ее.

Показав, что познание на основе практической деятельности проходит ступени живого созерцания и абстрактного мышления, тов. Мао Цзэ-дун пишет: «Однако движение познания на этом еще не завершается. Если бы диалектико-материалистическое движение познания останавливалось лишь на рациональном познании, то была бы исчерпана только половина проблемы; более того, с точки зрения марксистской философии, была бы исчерпана даже не самая важная половина» (Избранные произведения. Т. I, стр. 520. Москва. 1952).

Далее тов. Мао Цзэ-дун показывает, что задача состоит в том, чтобы проверять теорию на практике. «Вопрос о том, соответствует ли теоретическое положение объективной истине, полностью не решается и не может быть полностью решен в движении познания от чувственного познания к рациональному познанию... Для полного решения этого вопроса необходимо от рационального познания вновь вернуться к общественной практике, применить теорию на практике и проверить, может ли она привести к намеченной цели» (там же стр. 521).

Кажется, вопрос ясен.

Итак, живое созерцание непосредственно связывает человека с внешним миром, абстрактное мышление, обрабатывая данные живого созерцания, вскрывает сущность явлений и процессов; практика служит объективным критерием истинности наших знаний, а все вместе они составляют взаимосвязанные звенья, ступени единой цепи процесса познания истины. Достаточно выбросить из этой цепи хотя бы одно звено, как нарушится процесс познания в целом.

Людвиг Фейербах

М. М. ГРИГОРЬЯН

В этом году исполняется сто пятьдесят лет со дня рождения выдающегося немецкого философа, одного из крупнейших материалистов домарксистского периода, Людвига Фейербаха.

Фейербах сыграл огромную роль в духовном развитии своего народа; он вел решительную борьбу против господствовавшей в то время в Германии идеалистической идеологии. Его критика мрачной немецкой действительности, раболепия имущих классов Германии перед прусским абсолютизмом, их ханжества, лицемерия, его борьба за материализм, за социальный прогресс и просвещение не потеряли своего значения и в настоящее время. Созданное философом материалистическое учение явилось значительным вкладом в мировую культуру, мощным оружием прогрессивных сил немецкого народа в борьбе против мракобесия и реакции. Передовые люди Германии законно гордятся Фейербахом, считая его своим соратником в борьбе за демократию, мир и прогресс.

Л. Фейербах оставил глубокий след в истории идейного развития не только Германии; его материалистическая философия была воспринята и передовыми представителями других народов, в том числе и лучшими людьми России. Великие русские революционеры-демократы Белинский, Герцен, Добролюбов, Чернышевский видели в выдающемся сыне немецкого народа своего союзника в борьбе против реакции. Чернышевский говорил о Фейербахе как о мыслителе, «у которого были совершенно верные понятия о вещах» («Избранные философские сочинения». Т. III, стр. 713).

Материалистическая философия Фейербаха явилась одним из теоретических источников марксизма. Заслуга Фейербаха, как отмечал Ленин, состоит в «решительном разрыве с идеализмом Гегеля и в провозглашении материализма». Сочинения Фейербаха «Сущность христианства» (1841) и «Основы философии будущего» (1843) оказали «освободительное действие» на Маркса и Энгельса и ускорили их переход к материализму. Мировоззрение революционного пролетариата — диалектический материализм — было создано Марксом и Энгельсом в результате критической переработки учений немецких философов конца XVIII — начала XIX века, и в том числе философии Фейербаха. Классики марксизма-ленинизма в борьбе против идеалистической философии и поповщины нередко использовали материалистическую аргументацию Фейербаха. Ленин отмечал, что Фейербах своими рассуждениями об объективном и независимом от человека существовании природы опроверг софизм субъективного идеалиста Авенариуса, «не зная «новейшего позитивизма», но зная хорошо старые идеалистические софизмы» (Соч. Т. 14, стр. 73).

Людвиг Фейербах выступил на философской арене в конце тридцатых годов XIX века — в годы предреволюционного развития Германии.

Феодалная система производственных отношений и раздробленность

страны сильно препятствовали развитию национальной промышленности и торговли, в котором была заинтересована буржуазия. Немецкая буржуазия вначале выступила за раскрепощение возникших в недрах старого общества новых производительных сил. Но в борьбе против феодализма и абсолютизма она не проявила достаточной революционности и последовательности. Она боялась растущего революционного движения как вне, так и внутри своей страны и была склонна к компромиссу с дворянством.

Предреволюционные годы ознаменовались дальнейшим обострением борьбы и в области идеологии. В условиях созревания революционной ситуации начался распад гегелевской философской школы. Из нее выделились «старогегельянцы», которые открыто выступили на защиту феодальной монархии и церкви, и «младогегельянцы», которые, выражая интересы либеральной буржуазии, подвергли критике феодальную идеологию, особенно христианскую религию. Непосредственная область классовой борьбы — политика, — как отмечал Энгельс, была «слишком щекотливой» и опасной областью, и потому борьба против феодального мира приняла форму выступлений против духовного оплота этого мира — христианства.

Борьба между различными философскими течениями, в том числе и между отдельными представителями младогегельянцев (Штраус, Бруно Бауэр), не выходила за пределы идеализма. Только Фейербах, говорил Маркс, сделал подлинные открытия и «вообще по-настоящему преодолел старую (т. е. идеалистическую, гегелевскую. — М. Г.) философию» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. III, стр. 634).

Фейербах в начале своей философской деятельности примыкал к младогегельянам. Но, будучи представителем наиболее радикальных демократических кругов немецкой буржуазии середины XIX века, заинтересованных в развитии естествознания, техники и просвещения, он вскоре убедился в лживости идеализма и правоте материалистического воззрения.

Фейербах решительно критиковал государство, где «все зависит от милости и произвола самодержца» (Соч. Т. I, стр. 319).

Разговоры о «божественном происхождении» королевской власти он считал чистейшим вздором. Государство, говорил он, создают люди, оно существует по их воле и желанию. Объявляя неограниченную монархию «безнравственным государством» (см. там же), он ратовал за буржуазно-республиканские порядки, обосновывая их необходимость ссылкой на «природу человека». Но борьбу с феодализмом он вел лишь теоретически, крайне равнодушно относясь к политике и к практической деятельности. Аполитичность помешала ему понять революцию 1848 года в Германии.

Тем не менее его страстная борьба за эмансипацию человеческого сознания от идеализма и религии способствовала развитию передовых для того времени буржуазно-демократических идей.

Историческая заслуга Фейербаха заключается прежде всего в том, что он возродил на немецкой почве и отстаивал передовые традиции материализма. Свою философскую родословную Фейербах ведет непосредственно от материалистов XVII—XVIII веков — Спинозы, Гольбаха, Дидро.

Обосновывая необходимость реформы в философии, Фейербах утверждал, что новая философия должна быть, по существу, антропологической. Антропологическая философия, по его мнению, наиболее тесно связана с естествознанием, и поэтому ее союз с естествознанием может быть «продолжительнее, счастливее и плодотворнее», чем тот мезальянс, который существует между философией и теологией.

Отправляясь в своей философии от человека, Фейербах не отрывал и не противопоставлял его природе; человека он считал продуктом природы, ее частью. Правильное применение антропологического принципа, говорил он, неизбежно ведет к признанию того, что природа, материя есть единственная и истинная субстанция, порождающая человека, которого

можно понять только с точки зрения единства духа, сознания и тела. Основой человека как единого целого Фейербах считал тело. Отнимите у личности ее тело — и вы отнимете у нее то, что объединяет, делает ее целостной, единой. Но что же такое тело, спрашивает он далее и отвечает: тело есть часть объективного мира, в некоторой степени включающая в себя его бытие. Раскрывая содержание своего философского принципа, он писал: «Новая философия превращает человека (*включая сюда и природу* как базис человека) в *единственный универсальный и высший предмет философии*; превращает, следовательно, *антропологию, включая физиологию, в универсальную науку*» («Основы философии будущего», стр. 76. 1937). Природа и человек — вот единственный объект философии. «Созерцайте же природу, созерцайте человека! — призывает он. — Здесь перед вашими глазами вы имеете тайны философии» (Соч. Т. I, стр. 72).

Характеризуя природу, философ прежде всего подчеркивал ее материальность. Природа, говорил он, телесна, материальна, чувственно воспринимаема. Материя никем не сотворена, она вечна и бесконечна. Причину природы следует искать в самой же природе. «Природа есть причина себя самой», — утверждал он, следуя Спинозе.

Фейербах считал, что природа, материя, первична, сознание вторично. Не природа порождена духом, как думают идеалисты, а, наоборот, дух — природой. Природа предшествовала духу, бессознательность — сознанию, бесцельность — цели. «От неразумия к разуму — таков путь к мудрости, но идти от разума к неразумию, это прямой путь в сумасшедший дом богословия» (Соч. Т. II, стр. 379). В. И. Ленин, говоря о значении философии Фейербаха для борьбы с идеализмом, писал: «Фейербах отрезал китайскую косу философского идеализма, т. е. взял за основу природу без всякой «подстановки» (Соч. Т. 14, стр. 219).

Борясь против «пьяной» (по выражению Ленина), спекулятивной идеалистической философии, Фейербах отстаивал «трезвый», реалистический взгляд на мир. Безжизненным схемам идеалистической философии он противопоставил учение о природе как конкретной, чувственно воспринимаемой, качественной сущности. Эта реабилитация чувственного мира отличает материализм Фейербаха от прежних, механистических форм его. Природа, материя у Фейербаха не абстрактно-геометрическая величина, как у Гоббса, не отвлеченная, вневременная и неподвижная субстанция, как у Спинозы, а многообразная, доступная познанию человека сущность. Материя, говорил Фейербах, — это свет, электричество, воздух, вода, огонь, земля, растение и т. д. Нельзя мыслить материю как нечто однообразное, застывшее. Понимаемая так материя есть лишь абстракция. Бытие без качества — химера, призрак. Если я, например, отброшу свойства кислорода, отличающие его от других элементов, то тем самым я уничтожу его бытие, его самого (см. Соч. Т. III, стр. 142).

Время и пространство Фейербах рассматривал материалистически. Он решительно отвергал субъективистское и феноменилистическое истолкование этих сторон объективной действительности. Пространство и время он считал объективными формами всякого бытия. Вне времени и пространства нет материи. В. И. Ленин писал, что признанием объективной реальности чувственного мира «Фейербах естественно отвергает и феноменилистическое (как сказал бы Мах про себя) или агностическое (как выражается Энгельс) понимание пространства и времени: как вещи или тела — не простые явления, не комплексы ощущений, а объективные реальности, действующие на наши чувства, так и пространство и время — не простые формы явлений, а объективно-реальные формы бытия» (Соч. Т. 14, стр. 162).

Фейербах решительно выступал против кантианцев, утверждавших, что необходимость, причинность, закономерность вносятся в природу человеческим разумом. Как раз наоборот, говорил он, не рассудок диктует свои законы бытию, природе, а законы действительности являются также

и законами мышления. «Фейербах,— отмечал Ленин,— признает объективную закономерность в природе, объективную причинность... Признание объективной закономерности природы находится у Фейербаха в неразрывной связи с признанием объективной реальности внешнего мира, предметов, тел, вещей, отражаемых нашим сознанием. Взгляды Фейербаха — последовательно материалистические» (там же, стр. 142).

Однако необходимость, закономерность, причинность, взаимодействие Фейербах толковал в духе метафизического материализма. Своим острием его философия была направлена против идеализма, но отнюдь не против метафизики. Несмотря на то, что Фейербах прошел школу Гегеля, ему была чужда диалектика. Главным он считал доказательство объективности природы, но не ее изменчивости, объективного значения закономерности и необходимости, но не историчности. Фейербах не преодолел метафизичности материализма XVII—XVIII веков. Его антропологический материализм есть разновидность метафизического материализма.

Фейербах резко критиковал идеализм за отрицание связи неорганической природы с органической. Он был твердо убежден в «естественном» происхождении жизни, в том, что человек обязан своим появлением «не богу, а природе». У Фейербаха мы находим ряд положений, приближающихся к историческому взгляду на происхождение жизни.

Опровергая доводы идеалистов, он утверждал, что теперь природа не производит жизнь из неживого вещества, потому что нет для этого необходимых условий. На различных ступенях развития Земли существовали различные виды растений и животных, многие из которых ныне совсем исчезли вследствие того, что исчезли условия, необходимые для их существования. Фейербах считал, что возникновение жизни не случайный, изолированный акт, а необходимый и непосредственный результат образования на Земле при определенных условиях температуры воздуха и воды некоторых химических элементов. Следовательно, если природа теперь не зарождает жизнь, то это не значит, что она не могла порождать ее прежде. Земля, говорил он, проявляла свою «зоологическую продуктивность», по всей вероятности, во время больших геологических революций, «когда все ее силы и соки природы были в состоянии величайшего брожения, беспокойства и напряжения» (Соч. Т. II, стр. 382—383). Фейербах не сомневался в том, что человеческое познание в своем развитии дойдет до понимания сложного процесса возникновения жизни.

С позиций материализма Фейербах подходил и к решению вопроса об отношении психических явлений к физиологическим. Он подчеркивал обусловленность психических явлений физиологическими, а также их зависимость от предметов внешнего мира. Организм, говорил он, не может существовать без определенного взаимодействия с природой. Это взаимодействие есть основа жизни. Что такое, например, пищеварение, как не постоянный процесс превращения материалов внешнего мира в кровь, в мускулы, в нервы? Фейербах обрушился на немецкого физиолога Иоганна Мюллера, назвав его «физиологическим идеалистом» за то, что тот идеалистически истолковывал физиологические явления и тем самым отрывал ощущения и представления человека от материального мира.

Фейербах выступил не только против идеализма, отказывавшегося признать внешний мир источником наших идей и представлений, но и против вульгарных материалистов (Фохта, Молешотта), которые пытались свести психические явления к материальным, физико-химическим процессам. Он понимал качественное различие психических и физических явлений, несводимость первых ко вторым. Ошибочно отождествляя материализм с его особой разновидностью — «вульгарным материализмом», он вообще отказывался от слова «материализм». «Истина,— утверждал он,— не есть ни материализм, ни идеализм», «истина — только антропология» (Соч. Т. I, стр. 157). Здесь, несомненно, обнаруживается узость его

«антропологического принципа». Антропологизм и натурализм, к которым так часто апеллировал Фейербах, суть лишь, как отмечал В. И. Ленин, «неточные описания материализма».

2

В решении вопросов познания Фейербах исходил из позиций материалистической теории отражения. Он считал, что человеческие идеи, понятия по своему содержанию адекватны вещам и предметам действительности. Жестоко бичуя Канта за его агностицизм, он доказывал, что для человеческого познания не существует никаких непреодолимых преград; в своем движении, развитии, оно способно открывать глубочайшие тайны природы. Развитие познания есть постоянное преодоление человеком исторически обусловленных границ познания, открытие все новых и новых качеств и свойств предметов мира.

Правда, отмечал Фейербах, очень многих сторон и свойств действительности мы еще не знаем, но из этого никак не следует, что они принципиально непознаваемы или что имеющиеся у человека органы чувств недостаточны для их познания. У человека как раз столько чувств, сколько необходимо, чтобы воспринимать мир в его целостности, в его совокупности.

Борясь против субъективизма и агностицизма, Фейербах приходит к выводу, что не познанное нами будет познано нашими потомками. Этот вывод свидетельствует об оптимизме Фейербаха, о его глубокой вере в силы человеческого разума.

Исходным пунктом познания Фейербах считал ощущение, которое не отрывает, а связывает человека с внешним миром, ибо оно есть результат воздействия на человека внешнего мира. Как может вообще человек обнаружить свои ощущения, спрашивает он, если вне его нет ничего реального? «Мое ощущение,— подчеркивает он,— субъективно, но его основы или причина (Grund) объективны» (цит. по Соч. В. И. Ленина. Т. 14, стр. 118).

Важнейшую задачу философии Фейербах видел в реабилитации чувственно воспринимаемого предметного мира и доказательстве способности человека познавать этот мир посредством ощущений или, как он говорил, чувственности. В противоположность немецким идеалистам он настаивал на «истинной и научной природе» чувственности. «Прежде всего,— писал он,— я высказываюсь за чувственное, как непосредственно достоверное, в противоположность философии, обособляющей себя от чувств» (Соч. Т. I, стр. 141—142).

Вместе с тем Фейербах понимал, что научное познание не завершается, а лишь начинается с ощущений и наблюдений. Если бы человек в своем познании ограничивался впечатлениями, получаемыми непосредственно от предметов, как это считает «бездушный», то есть вульгарный, ползучий эмпиризм, то тогда и животные были бы учеными, иронизирует он. Утверждая, что основой познания являются ощущения, он имел в виду, разумеется, чувства «не без головы, без разума и мышления». Человек, согласно Фейербаху, должен в познании отправляться «от чувственного, как от самого простого, бесспорного и явственного», чтобы прийти к изучению предметов сложных, абстрактных, удаленных от глаза (см. Соч. Т. III, стр. 202).

Считая ощущения началом познания, Фейербах признавал важную роль в процессе познания разума. Разум, говорил он, по существу, не дает для познания ничего такого, что не было бы познано ощущениями. Все наши идеи и понятия возникают из опыта. Однако опытное, чувственное познание, по мнению Фейербаха, ограничено в том смысле, что оно имеет дело с отдельными, единичными явлениями. Роль разума заключается в том, что он охватывает в связи то, что чувства воспринимают раз-

дробленно, изолированно. При помощи чувств мы читаем книгу природы, но понимаем ее не посредством чувств, а посредством разума (см. Соч. Т. I, стр. 143). Фейербах считал, что неправильно полагать, будто книга природы состоит из вкривь и вкось нагроможденных букв и только разум вносит порядок и взаимосвязь в мир опыта, как утверждают кантианцы. В действительности разум разделяет и связывает вещи только на основе тех различий и сходств, которые воспринимаются ощущениями, то есть существуют в природе. Посредством разума мы можем установить отношения основания и следствия, причины и действия между явлениями только потому, что в действительности они стоят точно в таком же отношении друг к другу.

Следует иметь в виду, что у Фейербаха субъектом познания является не конкретно-историческая личность, а человек вообще, взятый вне окружающей его общественной среды. Человек для него есть прежде всего имеющее свои потребности, чувствующее существо, жизнь которого состоит в том, чтобы ощущать и удовлетворять свои потребности. Человек противостоит внешнему миру, лишь пассивно отражая его воздействие. Он лишь созерцает его.

Отсюда происходил существенный недостаток теории познания Фейербаха. Понимая человека абстрактно, он и познание рассматривал не исторически, а как познание человека вообще. Правильно отмечая объективное значение человеческих идей и представлений, Фейербах почти не затрагивал вопроса о диалектике процесса познания. Переход от ощущений к разуму он понимал чисто количественно. Он не смог уяснить себе, что этот переход есть скачок, переход в новое качество. Мышление для него — это восприятие многого, ощущение — единичного, отдельного.

На всей теории познания Фейербаха лежит отпечаток антропологизма и метафизики. Философ считал, что в истинности своих понятий, идей люди убеждаются не в процессе общественного производства и активного преобразования природы, а путем согласования индивидуального познания с познанием всего человеческого рода. Правда, он неоднократно говорил о значении практики как критерия истинности познания, но практика понималась им как индивидуально чувственное созерцание природы. Маркс указывал, что Фейербаху был присущ основной недостаток материализма его предшественников — созерцательность. Он не понял значения революционной практической деятельности.

Выступая против идеализма, Фейербах доказывал единство человека. Он был глубоко убежден, что все построения идеалистов основаны на отрицании единства человека. Мышление, говорил он, отрывается идеализмом от тела и превращается в божественную силу, творящую материю. Критикуя точку зрения дуалистов, утверждающих, что тело следует считать творением материи, а дух — бога, он восклицает: «Что за половинчатость, что за раздвоение, что за «шиворот-навыворот» (Соч. Т. III, стр. 168). Действительное отношение мышления к бытию должно быть выражено так: «бытие есть субъект, мышление — предикат» (Соч. Т. I, стр. 71).

Отстаивая материализм в борьбе против идеализма и религии, Фейербах неопровержимо доказал идейное родство последних. Он подчеркивал, что источником идеализма, как и религии, является отрыв мышления от чувственного, конкретного бытия. Идеализм и религия, говорил он, отрывают общие идеи и понятия от их чувственных, материальных оснований и превращают в самостоятельные сущности.

Идеализм и религия, превращая человеческие идеи в независимую субстанцию, выводят из нее как из божественного, всемогущего начала весь конкретный, эмпирический мир. В идеализме, как и в теологии, природа вывернута наизнанку. Отношение бога к миру, по мнению Фейербаха, можно свести к отношению родового понятия к индивидуальному.

Вопрос о том, есть ли бог, говорит он, есть лишь вопрос о том, «имеет ли общее понятие *самостоятельное* существование» (Соч. Т. III, стр. 132).

Фейербах показывает, что религия и идеализм — союзники, защищающие и поддерживающие друг друга. Религия — оправдание идеализма, и наоборот. Аргументация идеализма в пользу духовной субстанции есть аргументация в пользу бога, спекулятивное философское обоснование религии. «Если вы отрицаете идеализм, то отрицайте же и бога, — требовал он. — Ведь бог только родоначальник идеализма» («Основы философии будущего», стр. 29).

Философию Гегеля Фейербах считал кульминационным пунктом идеалистической философии. Его критика гегелевского идеализма была, несомненно, одним из самых значительных явлений в домарксистской, материалистической философии. Фейербах убедительно показал, что Гегель, превращая индивидуальный разум в абсолютную и независимую сущность, отрывает сознание не только от предметов, отражением которых оно является, но и от самого человека, что абсолютный дух Гегеля есть не что иное, как обычный, человеческий дух, но абстрагированный и обособленный от самого себя, что процесс превращения его абсолютной идеи в свое инобытие, в природу, есть лишь философская интерпретация религиозной идеи о сотворении природы богом. Философия Гегеля, говорил он, есть последнее убежище и опора теологии, а его абсолютный дух — угасающий дух богословия.

Фейербах подверг резкой критике утверждение Гегеля, что посредством его философии человечество постигает абсолютную истину. Но как может весь человеческий род абсолютно осуществиться в одном индивидууме, искусство — в одном художнике, философия — в одном философе? «Только совокупное человечество познает природу», — говорит Фейербах словами Гёте. Совершенно справедливо критикуя Гегеля за его идеализм, Фейербах не смог определить его действительное место в развитии философской мысли. Борясь против идеализма Гегеля, он не проводил строгого различия между его системой и методом, поэтому он не сумел использовать «рациональное зерно» философии Гегеля — его диалектику.

3

Л. Фейербах в течение всей своей жизни был ярким противником религии. Большая часть его работ посвящена критике этой формы идеологии.

Исходным моментом критики религии Фейербах считал последовательное отрицание в человеке какого-либо врожденного религиозного чувства, так как утверждение врожденности этого чувства теологи использовали как решающий аргумент для доказательства вечности и незыблемости религии. Религия, а следовательно, и религиозное чувство возникли исторически. Поэтому Фейербах считал неправыми тех, кто полагал, что религия — случайное явление. Если признать этот взгляд правильным, то борьба с религией теряет всякий смысл. Признание того, что причины появления религиозных иллюзий и заблуждений кроются в человеческой жизни, в жизни общества, является необходимой предпосылкой для их серьезной научной критики.

Корни религиозных представлений, по мнению Фейербаха, следует искать в условиях жизни людей и в своеобразном преломлении этих условий в сознании человека. Однако в своих исследованиях Фейербах не анализирует конкретно-исторической обстановки, породившей религию, а стремится вскрыть антропологические и психологические основы религиозных представлений. В то же время он подчеркивает, что его метод не следует смешивать с методом субъективистов, которые считали, что психические переживания человека являются основой религии. Фейербах стремится объяснить сущность религии воздействием на человека явле-

ний природы. Он считал, что эти явления становятся объектом религии не потому, что они правильно отображаются в психике человека, а лишь потому, что они искажаются, извращаются его сознанием.

В общих психо-физиологических свойствах человека, то есть в антропологии прежде всего, Фейербах пытался найти решение как вопроса о происхождении первобытной религии, так и вопроса о происхождении «духовной» религии — христианства. Однако наряду с абстрактными антропологическими доводами, являющимися основными и характерными для Фейербаха, в его объяснениях причин перехода от язычества к христианству встречаются элементы историзма. Приведем одно из таких объяснений, в котором Фейербах стремится поставить в связь возникновение «духовной» религии с более сложной организацией общественной жизни. Наряду с силами природы, замечает он, в жизни народов, придерживающихся этой формы религии, все большее значение приобретают общественные силы, такие, как политические моральные силы, силы закона общественного мнения, чести, добродетели. Власть природы над человеком постепенно отодвигается на задний план, уступая место моральной, политической и гражданской власти общества. Если язычник постоянно чувствует свою зависимость от природы, то человек, стоящий на точке зрения духовной религии, постоянно сознает свою зависимость от социальных сил. Если отблеск солнца настолько ослепляет раба природы, что он ежедневно молится солнцу, то политический раб так ослеплен блеском царского венца, что он падает перед ним на колени, как перед божественной силой, от которой зависит его существование. Для христианина король и есть бог, во всяком случае, на земле. Но если в теории христианин убежден в том, что царь — заместитель бога, то в действительности идея бога как единого правителя мира возникает лишь тогда, когда земной царь покоряет человека до такой степени, что представляется ему самым могучим существом. Царь один, — следовательно, и бог один. Не бог создал человека, заключает Фейербах, а человек, живущий в коллективе и обществе, создал бога.

Фейербах доказывал, что религия не только ведет к умственному застою, но и неизбежно обрекает человека на пассивность и бездеятельность и является тормозом на пути прогресса. Религия противоречит культуре, науке, технике. Но в настоящее время, когда разум уживается с суеверием, политические свободы — с религиозным рабством, естественно-научное и промышленное движение — с религиозным застоём, люди делают вывод, будто религия совершенно безвредна для практической жизни.

Фейербах решительно не согласен с этим выводом. Он заявляет, что не дал бы ни гроша за политическую свободу, если бы остался рабом религиозных предрассудков. Человек может быть свободен только тогда, когда он свободен от религиозных предрассудков. Лишь бесхарактерный и непоследовательный человек может сочетать веру в бога с естественно-научным взглядом на мир. Человек, владеющий наукой, не нуждается в религии. Отсюда основное требование философа: просвещать человека, распространять образование среди всех людей, независимо от их классовой и сословной принадлежности.

Атеизм Фейербаха является типичнейшим образчиком просветительного атеизма. Далеко опередив младогегельянцев, Фейербах остановился на полпути. Разоблачив религию и показав, что она есть продукт человеческого воображения, он не смог доказать, что религиозное воображение порождается материальными условиями общественной жизни.

Фейербах не дал конкретно-исторического анализа религии. Опровергнув старую религию, он пытался создать взамен ее новую религию, в центре которой должен быть реальный человек. «Низводя теологию на степень антропологии, я возвышаю антропологию до теологии», — говорил он (Соч. Т. II, стр. 17). Подобные суждения, как отмечал Энгельс, представляют собой последнюю лазейку идеалистической философии. Фейер-

бах уподобился человеку, который решил, что новейшая химия есть истинная алхимия (см. Соч. Т. XIV, стр. 656). Только этой непоследовательностью можно объяснить такой его шаг, как отмежевание от французских материалистов-атеистов XVIII века. Фейербах несправедливо обвинял их в грубости, ограниченности и поверхностности на том основании, что они отрицали всякую религию. Это обстоятельство ставит атеизм Фейербаха значительно ниже атеизма Гольбаха, Дидро и Гельвеция.

Неисторическое толкование человека наиболее отчетливо сказывается в учении Фейербаха о морали.

Немецкие идеалисты и особенно Кант, как отмечал Фейербах, много потрудились над тем, чтобы оторвать мораль от стремления человека к счастью. Аскетической, лицемерной религиозной морали Фейербах противопоставил мораль, опирающуюся на стремление человека к удовлетворению своих потребностей, к личному счастью. Это, говорил он, эгоистическая мораль, «но зато также и здоровая, простая, прямодушная и честная мораль, мораль человеческая, впитавшаяся в плоть и кровь, а не фантастическая, лицемерная, по видимости только священная, мораль» (Соч. Т. I, стр. 302).

Доказывая, что мораль должна основываться на стремлении человека к удовлетворению своих потребностей, Фейербах был далек от грубого эгоизма. Слово «эгоизм» употребляется им не в обывательском смысле, а как «философский принцип сообразности с природой, с разумом человека». Индивидуальная, мыслимая только для одного себя мораль — пустая фикция. Истинная же мораль «не знает никакого собственного счастья без счастья чужого, не знает и не хочет никакого изолированного счастья, обособленного и независимого от счастья других людей... Она знает только товарищеское, общее счастье» (там же, стр. 299).

Но как же достичь этой гармонии личных и общественных интересов, гармонии долга и счастья? Фейербах видел разделение современного ему общества на различные социальные группы, «касты». Однако он не сумел объяснить причины царившего в окружающем его обществе социального неравенства, противоречий, борьбы. Верный своему антропологическому принципу, он считал, что все это скорее «случайное отклонение» от истинной природы человека, чем закономерное явление. В обществе должна господствовать мораль, которая базируется на любви человека к человеку. Фейербах наивно полагал, что при помощи одной только «морали любви» может быть преодолено все зло действительной жизни.

Этика Фейербаха абстрактна. Она оторвана от реальной общественной жизни, от классовой борьбы. В центре его этических воззрений — внеисторический, внеклассовый человек со своей неизменной «природой». Этика Фейербаха, как говорил Энгельс, «выкроена для всех времен, для всех народов, для всех состояний и именно потому она не приложима нигде и никогда» (К. Маркс и Ф. Энгельс «Избранные произведения». Т. II, стр. 365. 1948). Но по сравнению с феодально-религиозной моралью мораль Фейербаха имела некоторое положительное содержание, так как была направлена против религиозной морали и защищала идеи гуманизма. Объективно же своей проповедью смирения она сыграла резко отрицательную роль. Следует напомнить, что фейербаховская мораль всеобщей любви провозглашалась в эпоху ожесточенных битв рабочего класса против его непримиримого врага — буржуазии. Отсюда критическое отношение основоположников марксизма к этическим воззрениям философа. «...Любовь, — писал Энгельс, — всегда и везде является у Фейербаха чудотворцем... и это в обществе, разделенном на классы с диаметрально противоположными интересами!» (там же, стр. 364. 1948).

Мораль Фейербаха имеет определенное классовое содержание. «...Каковы бы ни были желания и намерения Фейербаха, — писал Энгельс, — его мораль оказывается скроенной по мерке нынешнего капиталистического общества» (там же.).

* * *

Фейербах решительно отстаивал материализм в философии. Его антропологический принцип, поскольку он своим острием был направлен против идеализма и дуализма, представлял собой материалистический способ решения основного вопроса философии. Дух, сознание, подчеркивал Фейербах, существует в единстве с телом и является особым свойством мозга. Человек живет в природе и является частью ее. Поэтому предмет философии — человек и природа как его естественная основа.

Фейербах не сумел распространить материализм на объяснения явлений общественной жизни.

Маркс и Энгельс, как отмечал В. И. Ленин, упрекали Фейербаха за то, что он не провел материализм до конца и отрекся от материализма из-за ошибок отдельных материалистов, за то, что он воевал с религией в целях подновления или сочинения новой религии и не сумел в социологии отделаться от идеалистической фразы, стать материалистом.

«Правда,— замечает Энгельс,— у Фейербаха попадают изредка такие, например, положения: «Во дворцах мыслят иначе, чем в хижинах». — «Если у тебя от голода и по бедности нет питательных веществ в теле, то и в голове твоей, в твоих чувствах и в твоём сердце нет пищи для морали». — «Политика должна стать нашей религией» и так далее» (там же, стр. 362).

Совершенно напрасны были старания Фейербаха построить на базе антропологической философии учение о «коммунизме». Фейербах не понял, что такое коммунизм, и выхолостил из него конкретно-историческую и революционную сущность. «Созерцание природы,— писал он,— делает человека коммунистическим, то есть мыслящим и щедрым». Фейербах был невероятно далек от понимания того, что коммунизм есть результат определенных экономических отношений и связан с классовой борьбой пролетариата. Фейербах, писал Маркс, «не дает критики теперешних жизненных отношений... Он никогда не достигает понимания чувственного мира... и поэтому вынужден, увидев, например, вместо здоровых людей толпу золотушных, надорванных работой и чахоточных бедняков, прибегать к «высшему созерцанию» и к идеальному «выравниванию в роде», т. е. снова впасть в идеализм как раз там, где коммунистический материалист усматривает необходимость и вместе с тем условие преобразования как промышленности, так и общественного строя» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 35).

Л. Фейербах был идеологом радикальной, демократической части немецкой буржуазии периода революционной ситуации 40-х годов XIX века. Его заслуга заключается в том, что он выступил в защиту буржуазно-демократических прав и свободы, используя в своей борьбе против феодальной системы материалистическую философию.

Разработанный Фейербахом материализм явился одним из теоретических источников диалектического материализма — теоретической основы научного коммунизма. В этом огромное историческое значение философии Фейербаха.

Иммануил Кант

В. Ф. АСМУС

Кант принадлежал к числу самых крупных умов Германии XVIII века. Влияние его научных и философских идей вышло далеко за рамки той эпохи, в какую он жил. Поэтому, отмечая столетие со дня смерти Канта, целесообразно вновь охарактеризовать значение его деятельности как для второй половины XVIII века, так и для современности.

Кант — одно из сложнейших и противоречивейших явлений в идейной истории Германии. Как ученый он дал миру ряд новых естественно-научных идей. Некоторые из них — учение о механизме возникновения солнечной системы, о космическом значении приливного трения, догадка о существовании Большой вселенной (Вселенной внешних галактик), учение об относительности движения и покоя и т. д. — сохранили свое значение вплоть до нашего времени. Кант был не только крупным ученым, но и выдающимся философом, положившим начало немецкому классическому идеализму конца XVIII и начала XIX века.

Философское учение Канта представляет собой идеалистическую реакцию на материалистические учения, созданные передовыми мыслителями Франции.

Философия Канта — отнюдь не монолит, не цельное, последовательное учение, свободное от внутренних противоречий. Противоречивость и непоследовательность, как отмечал Ленин, — характернейшая черта учения Канта. «Основная черта философии Канта, — писал он, — есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений. Когда Кант допускает, что нашим представлениям соответствует нечто вне нас, какая-то вещь в себе, — то тут Кант материалист. Когда он объявляет эту вещь в себе непознаваемой, трансцендентной, потусторонней, — Кант выступает как идеалист» (Соч. Т. 14, стр. 184—185). Ленин всегда подчеркивал, что и основатели марксизма и последующие, верные принципам марксизма материалисты вели беспощадную борьбу против элементов идеализма и агностицизма, имеющих в философии Канта и кантианцев. Истинные марксисты отвергали в системе Канта самонаименованные элементы агностицизма (скептицизма) и идеализма, доказывали, что «вещь в себе объективно реальна, вполне познаваема, посюсторонняя, ничем принципиально не отличается от явления, превращается в явление на каждом шагу развития индивидуального сознания человека и коллективного сознания человечества» (там же, стр. 185).

В противоречивости учения Канта о существовании «вещей в себе» и их будто бы принципиальной непознаваемости Ленин видел причину двойственного влияния философии Канта на развитие философской мысли и двойственной оценки ее современными Канту и послекантовскими идеалистами и материалистами. «Признавая единственным источником наших знаний опыт, ощущения, — разъяснял Ленин, — Кант направляет свою философию по линии сенсуализма, а через сенсуализм, при известных усло-

виях, и материализма» (там же). Напротив, «признавая априорность пространства, времени, причинности и т. д., Кант направляет свою философию в сторону идеализма. За эту половинчатость Канта с ним беспощадно вели борьбу и последовательные материалисты и последовательные идеалисты...» (там же).

Непоследовательность, противоречивость кантовского идеализма были замечены наиболее проницательными современниками Канта. Вскоре после того, как вышли в свет основные теоретические произведения Канта, его философия стала предметом критики. Критика эта велась, если рассматривать только теоретические ее мотивы, с диаметрально противоположных позиций. Идеалисты (Соломон Маймон, Иоганн Фихте и другие) критиковали Канта за то, что он был, с их точки зрения, еще слишком непоследовательным идеалистом, за то, что он признавал существование «вещей в себе», независимых от нашего сознания. Они требовали, чтобы из учения Канта было выброшено понятие «вещи в себе» и чтобы философия последовательно развивала учение о чисто духовной сущности и о чисто идеальном происхождении вещей.

В отличие от современных Канту идеалистических критиков его философии буржуазные критики эпохи империализма (конца XIX и первой половины XX века) не просто противопоставляли свое учение противоречивому учению Канта, но и пытались устранить его основное противоречие — между признанием «вещей в себе» и утверждением их непознаваемости, идеалистически истолковывая понятие «вещи в себе». Так, Герман Коген, глава марбургской школы неокантианства, прочитав Канта сквозь очки Фихте и Маймона, истолковал кантовскую «вещь в себе» как «предельное понятие» о бесконечно развивающихся, но никогда не достигающих завершения априорных логических синтезах, посредством которых будто бы «строится» самый предмет познания. Но понятый таким образом Кант не был исторически подлинным Кантом. Это была «стилизация» непоследовательного идеализма Канта под идеализм более последовательный.

Идеалистической критике Канта противостоит критика материалистическая, критика, по выражению Ленина, «слева». Материалисты критиковали и критикуют Канта не за признание объективного существования «вещей в себе», а за то, что, признавая объективное существование этих вещей, Кант догматически и метафизически отрицал их познаваемость.

Однако учением о «вещах в себе» и теорией познания далеко не исчерпывается содержание философии Канта. Она включает в себе этику, эстетику, исследование вопроса о целесообразности в природе, правовое учение, учение о государстве, философскую теорию исторического процесса и философию религии. Поэтому характеристика Канта как философа и ученого должна охватить все эти тесно связанные между собой стороны его учения. Всем этим частям его учения присущи те же черты и те же противоречия, которые свойственны философским основам его учения.

I

Критическое рассмотрение идейного наследия Канта целесообразно начать с его естественно-научных теорий. Целесообразность такого подхода обусловлена, во-первых, историческим ходом развития деятельности философа и, во-вторых, тем, что его естественно-научные идеи представляют собой наиболее ценный, до сих пор не утративший своего значения вклад в историю развития научной мысли.

Самой важной по своему значению и самой плодотворной из всех научных идей великого мыслителя была идея развития природы.

Первая попытка объяснить не только современное состояние солнечной системы, но и ее естественное происхождение, как не зависящее от прямого вмешательства бога, принадлежит Декарту. Идея развития

была высказана также Бюффеном в его «Естественной истории», оказавшей значительное влияние на развитие естественно-научных представлений Канта.

Тем не менее ни идеи Декарта, ни идеи Бюффона не имели в истории науки того значения, какое приобрела космогоническая гипотеза Канта, а также гипотеза Лапласа, который высказал ту же по сути мысль, но позже Канта и независимо от него.

Кант стремился объяснить гипотетически, но, используя данные современной ему астрономии и физической географии, естественное происхождение не только Земли, но и всей солнечной системы. Исходя из научных представлений того времени о состоянии солнечной системы и учитывая основные закономерности ее строения, он поставил вопрос о том, в ходе какого процесса эти закономерности могли возникнуть и образоваться. Кант полагал, что существующие в настоящее время особенности строения солнечной системы — расположение планетных орбит почти в одной плоскости (компланарность), прямые движения планет и их спутников (Канту не были известны открытые впоследствии обратные движения некоторых спутников планет), возникновение колец Сатурна и т. д. — могут быть объяснены, если допустить, что исходным состоянием солнечной системы было огромное скопление, или «туманное» облако, разреженных (диффузных) частиц материи, подчиненных действию одних лишь естественных сил притяжения и отталкивания. Сделав эти допущения, Кант произвел качественный анализ последующих явлений, которые должны были происходить в предположенной им первичной туманности. Следствия, дедуктивно выведенные из основного допущения гипотезы, ученый проверял, сопоставляя их с данными наблюдений и с известными в то время количественными показателями физического строения и состояния планетной солнечной системы.

Неспособная объяснить ряд выясненных последующим развитием астрономии, небесной механики и астрофизики особенностей устройства солнечной системы, космогоническая гипотеза Канта была, тем не менее, гениальной для того времени попыткой научно обосновать возникновение этой системы. И основная ее идея — о происхождении солнечной системы из облака диффузной материи — и способ разработки и проверки этой гипотезы до сих пор сохранили свое значение как по содержанию основного допущения, так и по методу его развития.

Крупные ошибки, допущенные Кантом в разработке космогонической гипотезы, объясняются уровнем научных знаний XVIII века и в особенности тем, что не был еще известен закон сохранения энергии, а также отсутствием термодинамики и статистической физики.

Однако недостатки кантовской теории развития не могут быть объяснены только недостаточностью научных, физических и астрономических знаний того времени. Важнейший недостаток этой теории коренится в порочности философской концепции Канта. Одно из противоречий его мировоззрения состоит в том, что, разрабатывая учение о развитии природы, он ограничивался только неживой природой, полагая, что естественно-научное исследование, вполне достаточное для объяснения происхождения планет и их физического строения, совершенно недостаточно для обоснования возникновения даже простейших организмов. Здесь, говорил он, граница нашего познания. Здесь область, в которой действует уже не принцип причинности, а принцип целесообразной организации, предполагающий волю бога-творца и его вмешательство в механический процесс развития. Конечно, и в этом случае можно сказать, что науке того времени недоставало знаний для того, чтобы объяснить без ссылок на целесообразность и творческий акт божества строение и возникновение организмов. Однако ограниченность естественно-научных взглядов Канта объясняется не столько недостаточным развитием науки XVIII века, сколько принципами его философского мировоззрения. Одним из устоев мировоззрения

Канта было стремление примирить знание с верой и даже подчинить знание вере, ограничить сферу знания в интересах веры. Таким образом, даже во «Всеобщей естественной истории и теории неба» сказывается идеалистическая основа его философии, противоречащая материалистическому содержанию его космогонической теории.

Космогоническая гипотеза Канта возникла в связи с его исследованиями, посвященными истории Земли. И в этом вопросе Кант становится на правильную — историческую — точку зрения. Изучая явление океанических приливов и отливов, Кант устанавливает, что волна прилива и отлива, дважды в сутки обходящая земной шар, необходимо должна вызывать вековое торможение скорости суточного вращения Земли. В результате продолжительность земных суток медленно, но неуклонно увеличивается, и физическая жизнь Земли оказывается, таким образом, не неизменной, а имеющей историю.

Еще более важной для развития научной космологии была догадка Канта о том, что некоторые видные сквозь просветы между звездами туманности являются не облаками диффузной материи (как, например, туманность Ориона), а весьма удаленными от нашей звездной системы другими звездными системами. Иными словами, Кант предположил (говоря языком современной астрономии), что, кроме нашей Галактики, существуют другие, внешние по отношению к ней, галактики. Эта догадка, высказанная Кантом и независимо от него англичанином Райтом, не могла во времена Канта быть доказана вследствие недостаточного развития телескопической техники, а также отсутствия фотографии. Только в 1924 году предположенное Кантом существование Вселенной внешних галактик (Большой вселенной, по современной терминологии) было научно доказано: фотографируя туманность Андромеды при помощи весьма мощного рефлектора, Хаббл удалось разложить ее фотографическое изображение (сначала только в периферийных частях) на отдельные, составляющие эту туманность звезды, а открытие в составе этих звезд так называемых цефеид дало возможность определить расстояние, отделяющее нашу галактику от галактики Андромеды.

Впоследствии, обобщая в статье «О различии человеческих рас» (1775) свои догадки о развитии природы, Кант писал: «Обыкновенно мы применяем термины «описание природы» и «естественная история» в одинаковом смысле. Однако ясно, что знание вещей природы такими, каковы они теперь есть, оставляет все же желательным знание о том, чем они были раньше и какой ряд изменений они прошли, чтобы дойти повсюду до своего современного состояния. Естественная история, которой мы почти не имеем, показала бы нам изменения вида Земли, изменения земных порождений (растений и животных), изменения, испытанные ими в естественных переходах, и указала бы нам происшедшие отклонения от первоначального типа родича.

...Необходимо,— подчеркивал он,— отважиться дать историю природы, которая является особой наукой и которая могла бы постепенно переходить от мнений к воззрениям» (zu Einsichten). («Kants gesammelte Schriften», hsg. von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften, Band II, S. 434, 443. 1905).

Проведение идеи развития в космогонии и учении о возникновении Земли было высоко оценено Энгельсом. Доказывая нелепость утверждения Дюринга о начальном, «равном самому себе состоянии материи», Энгельс противопоставил ему учение о развитии природы, разработка которого была начата Кантом. «Кантовская теория возникновения всех теперешних небесных тел из вращающихся туманных масс,— писал Энгельс,— была величайшим завоеванием астрономии со времени Коперника. Впервые было поколеблено представление, что природа не имеет никакой истории во времени... Было, конечно, очевидно для всех, что природа находится в постоянном движении, но это движение представлялось как непрестан-

ное повторение одних и тех же процессов. В этом представлении, вполне соответствовавшем метафизическому способу мышления, Кант пробил первую брешь и притом сделал это столь научным образом, что большинство приведенных им аргументов сохраняет свою силу и поныне» («Анти-Дюринг», стр. 54. 1950).

II

Уже в своих исследованиях о возникновении солнечной системы и жизни на Земле Кант, став на точку зрения развития, не проводит ее последовательно: при переходе от природы неорганической к природе органической причинный метод объяснения представляется ему неприемлемым. Утверждая, что возникновение органической жизни непознаваемо, Кант тем самым создавал возможность подчинения знания вере. Теоретическое обоснование подчинения знания вере стало для него основной целью и при создании его философских произведений: «Критика чистого разума», «Критика практического разума», «Критика способности суждения», «Религия в пределах только разума». Эти произведения, появившиеся между 1781 и 1793 годами, настолько связаны между собой, что решительно невозможно, не изучив их все вместе и не раскрыв их идейной связи, получить верное представление о том, что такое философия Канта. Чрезвычайная сложность и детальность гносеологических исследований, составляющих содержание «Критики чистого разума» и примыкающих к ней «Прологомен...», затрудняют читателю понимание теснейших нитей, связывающих теорию познания Канта с его этикой и социологией. А между тем только точный анализ этой связи дает возможность правильно определить значение Канта в истории общественной мысли, в истории философии. Идеализм Канта не только отвлеченная гносеологическая теория о непознаваемости «вещей в себе», не только тезис агностицизма: он явился также основой его философии истории, его учения о путях развития современного ему немецкого общества.

В своих философско-исторических рассуждениях Кант исходил из наблюдений над жизнью немецкого общества, которая в то время представляла в высшей степени безотрадную картину. В своем развитии немецкое общество отнюдь не повторяло истории феодальной Франции, ее превращения в буржуазную Францию, или истории феодальной Англии, где в конце XVII века буржуазия заключила сделку со сближившейся с нею частью старой аристократии. Отсталое помещичье земледелие в Восточной Пруссии и в других частях Германии велось способом, который нельзя характеризовать ни как дробление земельных владений на parcelлы, ни как крупное земледелие буржуазного типа. Несмотря на сохранившуюся здесь крепостную кабалу и барщину, этот способ земледелия не мог, как показали Маркс и Энгельс, привести крестьян к освобождению, во-первых, потому, что «самый этот способ хозяйства не допускал образования активно-революционного класса» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 174); во-вторых, потому, что в Германии не было «соответствующей такому крестьянству революционной буржуазии» (там же).

Немецкая буржуазия второй половины XVIII века была экономически бессильна и крайне незрела политически. Этим объясняется раздробленность политической жизни страны, разделенной на множество мелких княжеств и имперских городов.

В Германии тогда не было организованной силы, которая подняла бы угнетенные массы на борьбу против политического гнета, идейного обскурантизма, экономической отсталости.

Мрачная немецкая действительность породила в Канте недостойную великого философа мысль о незаконности всякого сопротивления существующему порядку вещей, угнетению человека.

Однако она не могла уничтожить присущую Канту проницательность, способность если не решать вопросы общественной жизни, то, по крайней мере, ставить их. Из своего провинциального уединения Кант следил за важнейшими событиями жизни Европы и за важнейшими умственными течениями современности. Произведения Руссо произвели на него глубокое впечатление и оказали большое влияние на формирование его мировоззрения. По признанию самого Канта, под влиянием Руссо он изменил свое отношение к простому, необразованному человеку. «Было время, — писал он, — когда я презирал чернь, которая ничего не знает. Руссо вернул меня на путь истинный. Это ослепляющее преимущество исчезает, я учусь уважать людей...» («Kants Sämmtliche Werke», Band VIII, S. 273, hsg. von Karl Vorländer, 1922).

Под влиянием Руссо сложилось учение Канта о государстве. Следуя Руссо, Кант утверждал, что законодательная власть «может принадлежать только соединенной воле народа... Только тогда, когда каждый распоряжается сам собой, он не может быть несправедливым к себе... Поэтому законодательная власть может принадлежать только согласной и соединенной воле всех — поскольку каждый о всех и все о каждом постановляют одно и то же» («Der Rechtslehre II Theil. Das öffentliche Recht». Erster Abschnitt. Werke. Band VI, S. 313—314. Berlin. 1907).

Из этого положения Кант сделал вывод о том, что не должно быть никаких наследственных сословных преимуществ: «Так как наследственное дворянство есть звание, предшествующее действительным заслугам и вовсе не предполагающее их, то, по сути, оно неправомерно. Природа не сделала ни таланты, ни волю, на которые опирается возможность заслуг, наследственными, и заслуги предков не могут переходить на потомков. А так как никто не может добровольно отказаться от своей свободы, то невозможно предполагать, чтобы соединенная воля народа дала согласие на такое безосновательное (grundlose) преимущество. Не может узаконить его и государь» (там же, стр. 329). Кант полагал, что существующее деление на государя, дворянство и народ со временем должно уступить место делению на главу государства и народ. Но по закону свободы главой государства может быть только народ. Поэтому единственно согласным с требованием свободы и единственно правомерным устройством государства Кант считал республиканское; конституционную же монархию он называл иллюзией, маскирующей деспотизм. Конституционная монархия, говорил он, «прикрываясь видимостью права, не устраняет, а только маскирует произвол власти. В такой монархии депутаты, должностные представлять интересы народа, в действительности только угождают правительству, надеясь получить за то преимущества по военной и гражданской службе для себя и для своих семейных» (там же, стр. 319—320).

Развивая эти положения, направленные против правовых воззрений, господствовавших в феодальном обществе, Кант высказал точку зрения, выражавшую интересы становящегося буржуазного класса. Однако в современной Канту Германии и особенно в Пруссии развитие буржуазии было чрезвычайно замедлено. В соответствии с этим выражение классовых интересов буржуазии в области права и учения о государстве было у Канта далеко от ясности, с какой классовая точка зрения буржуазии, боровшейся против феодализма и феодальной идеологии, была выражена у публицистов и философов Франции накануне французской революции 1789 года.

Развивая, как и Руссо, идею о верховной власти народа, Кант — в полном противоречии с этой идеей — утверждал, что народная воля должна быть в безусловном подчинении у существующей власти. Принципу народовластия Руссо он противопоставил принцип неограниченных полномочий верховной власти Гоббса. Для народа, говорил он, который находится под действием гражданского закона, рассуждения о способе происхождения существующей верховной власти бесцельны и даже

угрожают государству опасностью разрушения. «Существующей законодательной власти следует повиноваться, каково бы ни было ее происхождение» (там же, стр. 319). За народом Кант признал лишь право критики всегда возможных ошибок государственной власти.

Как могло в учении Канта совмещаться признание суверенитета народной воли с защитой неограниченных полномочий фактически существующей государственной власти? Причина этого противоречия не только субъективного порядка. Над философом тяготели иллюзии, характерные для всей общественной мысли немецких бюргеров конца XVIII и начала XIX века. Под влиянием этих иллюзий Кант своеобразно воспринял идеи французского буржуазного либерализма. Французский либерализм, как показали в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс, основывался «на действительных классовых интересах» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 175). В основе идей французской буржуазии «лежали материальные интересы и *воля*, обусловленная и определенная материальными производственными отношениями» (там же). Напротив, в Германии, где буржуазия еще не сложилась как класс, объединенный общим материальным интересом, политические идеи французского либерализма не могли быть отражением реальных интересов. Поэтому Кант отделял политические идеи и принципы французского либерализма от выражаемых ими интересов. Идея верховной власти, принадлежащей народу, идея неотъемлемых прав народа была превращена им в идею «чистого практического разума», в чисто моральную идею, которую он противопоставил эмпирической и исторической действительности. Эта идея была объявлена неосуществимой в реальной жизни общества, которое в действительности должно лишь беспрекословно повиноваться властям предержащим. По словам Маркса, Кант «превратил материально мотивированные определения воли французской буржуазии в *чистые* самоопределения «*свободной воли*», воли в себе и для себя... и сделал из нее таким образом чисто идеологические моральные постулаты и логические определения» (там же, стр. 175—176).

Тем же противоречием пронизаны и суждения философа о величайшем историческом событии того времени — французской буржуазной революции. Оценивая ее значение, Кант сумел преодолеть свое личное, резко отрицательное отношение к якобинскому террору и выступить в защиту правовых идей, которыми вдохновлялись участники революционного переворота. В условиях немецкой цензуры он не мог открыто высказать свое отношение к этому всемирно-историческому событию. При Фридрихе Вильгельме II он попал в опалу за сочинение о религии, что, несомненно, сказалось на формулировках его теории права. Но в последнем своем сочинении, «Спор факультетов», написанном в период правления Фридриха Вильгельма III, он осмелился более свободно высказать свое отношение к французской революции.

В параграфе 6-м второго раздела этого сочинения Кант признает, что, каков бы ни был исход французской революции и как бы ни отталкивали «благомыслящего человека» ее ужасы и «злодеяния», революция эта встретила во всех ее наблюдателях участие, граничащее с «энтузиазмом». Это участие он объясняет свойственным человеческому роду моральным расположением. Причину же этого расположения он видит в неотъемлемом праве народа завоевать себе такое гражданское устройство, которое ему самому представляется хорошим. При этом Кант считал, что это определяемое самим народом устройство может быть хорошим в правовом и моральном отношении только при условии, если не будут вестись агрессивные войны. По мнению Канта, такое устройство может быть только республиканским. С его установлением возможно будет устранить войны и таким образом (хотя бы в качестве отрицательного условия) может быть обеспечено поступательное движение общества к лучшему (см. «Der Streit der Facultäten». Kants. Werke Band VII, S. 85—86. Berlin. 1907).

Кант отнюдь не придерживался того мнения, что существующий в обществе порядок вещей невозможно изменить. Он решительно отвергал точку зрения, согласно которой улучшение общественных и правовых установлений признается теоретически желательным, но практически неисполнимым и на этом основании отрицается. Философ отвергал также утверждение немецких крепостников, будто народ «не созрел для свободы». Он писал: «Нельзя считать хорошим выражение: «Такой-то народ не созрел для свободы; крепостные помещики не созрели еще для свободы; и также: люди вообще не созрели еще для свободы веры». «Но при такой предпосылке,— возражает он,— свобода никогда и не наступит, ибо для нее нельзя *созреть*, если предварительно не ввести людей в условия свободы (надо быть свободным, чтобы иметь возможность целесообразно пользоваться своими силами на свободе)» («Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft», Werke, Band VI, S. 188. Berlin. 1907).

Признавая, таким образом, возможность известного прогресса в общественно-политических и правовых учреждениях, а также в этических отношениях между людьми, Кант в то же время считал, что этот прогресс возможен лишь до известных границ. Отмечая печальное состояние современного ему общества и его нравов, он пришел к глубоко ошибочному и реакционному выводу, будто человеческий род по самой своей сущности зол, испорчен и будто эти его качества являются врожденными и не могут быть ни изменены, ни исправлены ни при каком изменении общественных отношений и политических учреждений. «Мир во зле лежит» — таково основное положение, которым начинается труд Канта «Религия в пределах только разума». Это заимствованное из богословия положение Кант принимает за основу, утверждая, что мнение, согласно которому жизнь мира идет в направлении от худого к лучшему, не могло возникнуть из опыта. «История всех времен,— заявляет он,— слишком сильно говорит против этого утверждения. Это — скорее только благодушное предположение моралистов от Сенеки до Руссо...» (там же, стр. 20).

Исходя из этого тезиса, Кант делает ряд выводов, самым важным из которых является отрицание возможности устранения противоречий и язв общественной жизни посредством революционного переустройства общества. Кант признавал обоснованность правовых идей французской буржуазной революции для французского общества. Но он отрицал возможность и правомерность подобной революции для Германии. И вообще он отвергал революцию как таковую. По его мнению, никакая революция не может усовершенствовать моральную сущность человека и освободить его от «радикально-злого» начала, во власти которого он будто бы находится и всегда будет оставаться. Больше того, Кант признавал неизбежным и неустранимым противоречие между эмпирическим порядком мира и нравственной сущностью человека. Эмпирический порядок мира таков, говорил он, что никакое моральное поведение человека не может быть гарантией ни его счастья, ни его морального удовлетворения; опыт будто бы показывает, что между нравственным поведением индивидуума и нравственным порядком в общественной жизни людей нет и не может быть никакого соответствия, никакой гармонии.

В то же время Кант полагал, что голос совести не позволяет человеку, достигшему нравственного самосознания, примириться с тем, что его нравственные требования могут остаться неудовлетворенными. А так как он считал, что удовлетворить их в мире опыта, в эмпирической реальности невозможно, то для него оставался только один выход: признать, что нравственное удовлетворение, невозможное в пределах чувственного мира природы и опыта человеческой жизни, возможно в ином мире — в мире надопытном, в мире умопостигаемом (интеллигибельном), в мире «вещей в себе».

Утверждать, будто основные противоречия и конфликты человеческой жизни могут быть разрешены только в умопостигаемом мире, зна-

чило признать невозможность иного, лучшего устройства человеческой жизни, которое может быть достигнуто самим человеком, его общественной практикой, его революционной и революционизирующей мир деятельностью.

III

Каким же образом связываются между собой кантовская философия религии и кантовский философский и теоретико-познавательный идеализм?

Идеализм Канта — особая историческая форма идеализма.

Крупнейшие идеалисты античной, средневековой и позднейшей философии разрабатывали идеализм прежде всего как учение о бытии. Таким было учение Платона об «эйдосах» («видах»), или «идеях», учение Лейбница о «монадах» — духовных силовых единицах, или элементах бытия, учение Беркли о телах как комплексах «идей».

Начиная с Декарта в философском идеализме из всех теоретических проблем на первый план выступает проблема познания.

Декарт впервые наполнил идеализм новым содержанием. Он излагает его не только как учение о бытии, но и как учение, необходимое для преодоления радикального скептицизма, для обоснования достоверности научного знания. Именно таково значение декартовского «*cogito*». По мнению Декарта, существование акта мышления безусловно достоверно, тогда как достоверность существования вещей далеко не безусловна. Положение о безусловной несомненности существования мышления Декарт использует как основу для построения достоверного знания о существовании вещей внешнего мира.

Идеализм Канта в отличие от идеализма Декарта выполняет одновременно две задачи. Одна из них есть продолжение линии развития идеализма, начатой Декартом. По Канту, идеализм есть не только онтологическое учение, но и воззрение, будто бы прежде всего необходимое для науки. Идеалистическая теория познания необходима, по мнению философа, для объяснения существования достоверного знания, то есть знания, имеющего логические признаки всеобщности и необходимости. Таким безусловно достоверным знанием он считал только математику и естествознание. В «Критике чистого разума» и в «Пролегоменах...» Кант пытается доказать, будто достоверность этих наук возможно установить лишь на основе идеалистического учения о пространстве, о времени и о предметах опытного знания. Он утверждал, что эти предметы — если рассматривать только форму знания о них, а не содержание знания, доставляемое ощущениями, — представляют результат синтеза априорных форм ощущения с априорными формами логической мысли. Подобно тому как у Декарта идеализм есть первое условие доказательства достоверности существования вещей внешнего мира, так и у Канта идеалистический априоризм и формализм выполняют задачу преодоления юмовского скептицизма и доказательства достоверности не только математики (в чем не сомневался и Юм), но также и естествознания.

В определении и решении первой задачи своего идеализма Кант не оригинален. Достоверность научного знания он свел к логической всеобщности и необходимости. В то же время всеобщим и необходимым, по его мнению, не может быть знание, опирающееся на эмпирическую индукцию. Индукция может дать в лучшем случае относительную, а не безусловную всеобщность и такую же — только относительную — необходимость. А так как положения математики и достоверные законы естествознания обладают не только относительной, но и безусловной всеобщностью и необходимостью, то Кант заключил, что своей достоверностью научное знание может быть обязано только априорным формам наглядного представления и априорным формам логической мыслимости. При этом условием достоверности математического знания он считал априорные формы чувственности — пространство и время, — а условием достоверности есте-

ственно-научного знания — априорные формы рассудка. Такими формами, по мнению Канта, являются логические категории, формы синтеза чувственного и логического знания, формы высших законов естествознания (например, априорные формы закона сохранения субстанций, закона взаимодействия всех субстанций) и, наконец, априорная форма единства самосознания.

Вполне самостоятельное в разработке деталей, это учение в своей основе исходит из традиционных учений рационализма — Лейбница, Клауберга и Декарта. Эти идеалисты утверждали, будто всеобщность и необходимость достоверных положений рациональной науки не могут быть обоснованы средствами опыта и требуют признания существования врожденных, или априорных, источников знания.

Несостоятельность этого тезиса рационализма легко может быть доказана. Он присущ только той философии, которая, не зная критерия общественной практики, не может объяснить, каким образом из всегда относительной всеобщности и относительной необходимости опытного знания, восходящего к чувственным источникам, может возникнуть и быть обоснована абсолютная всеобщность и необходимость. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо опереться на материалистическую диалектику. Только эта диалектика делает понятным, каким образом в результате движения знания, перехода от знания менее вероятного к более вероятному при известных условиях (определяемых диалектикой) возможно получение вполне достоверного и в то же время отнюдь не априорного, не приращенного уму человека знания.

Поэтому попытка опереться на априоризм Канта в объяснении достоверности научного знания есть анахронизм и свидетельствует о безусловной реакционности всякой философии, которая следует в этом вопросе за Кантом или возвращается «назад к Канту». Идеализм Канта, служащий задаче объяснения и гносеологического обоснования достоверности научного знания, потерпел полное поражение.

Но обоснование достоверности точных наук не единственная и даже не основная задача кантовского идеализма. Кант полагал, что наряду с этой задачей идеализм должен выполнить задачу, гораздо более существенную — убедить в объективном существовании непознаваемого мира «вещей в себе» и притом так, чтобы никакая научная критика не могла бы поколебать это убеждение. Кант стремился доказать, что убедиться в существовании умопостигаемого мира «вещей в себе» возможно только на основе идеализма особого рода. Это — идеализм, обосновывающий учение о принципиальной непознаваемости «вещей в себе», об ограничении теоретического познания областью одних явлений. Такой идеализм Кант назвал «критическим» и считал его отличным от скептицизма Юма, идеализма Дескарта, а также от идеализма Беркли.

IV

Для чего же понадобилось Канту доказывать непознаваемость «вещей в себе», и о каких «вещах в себе» идет у него речь в том случае, когда он стремится доказать их непознаваемость? Чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо учесть, что понятие «вещи в себе» имеет у Канта два основных значения. С одной стороны, под «вещью в себе» философ подразумевает то, что предметы познания представляют сами по себе, то есть независимо от форм, посредством которых эти предметы воспринимаются и мыслятся нашим сознанием. Согласно этому пониманию, непознаваемость «вещей в себе» означает, что всякое расширение и углубление наших знаний о вещах может протекать только в формах чувственности и рассудка, свойственных нашему сознанию, и не может дать никаких иных знаний об этих вещах, кроме тех, которые приобретаются с помощью чувственного и рассудочного познания. Исходя из этого, Кант считал, что математика, будучи безусловно достоверной наукой, достоверна, однако,

только для такого ума, как наш, с его априорными формами чувственности и рассудка. Для Канта пространство и время, лежащие в основе достоверности математики — геометрии и арифметики, — не формы бытия самих вещей, а только априорные формы нашей чувственности. И точно так же субстанциональность, причинность, взаимодействие — не законы самих вещей, а только априорные формы нашего рассудка. Формы понятий науки — не копии свойств самих вещей, а категории, налагаемые рассудком на «материал», доставляемый рассудку ощущениями. Рассудок — «законодатель» природы не в том, конечно, смысле, что он порождает вещи, а в том, что он вносит в природу законы, открываемые наукой.

Познание «объективно» в том смысле, что открываемые наукой свойства, отношения и закономерности не зависят от произвола каждого отдельного субъекта. Но в то же время познание обусловлено общими для всех людей априорными формами, посредством которых только и можно познавать мир. Поэтому познавательная способность человека, по Канту, одновременно и безгранична и ограничена. Она безгранична в пределах опыта, в области, для которой действительны формы нашей чувственности и нашего рассудка. В этих пределах деятельность познания не может быть ограничена.

Эмпирически науки не знают никаких пределов для дальнейшего своего расширения и углубления. «Наблюдение и анализ явлений, — говорит Кант, — проникают во внутренность природы, и не известно, как далеко зайдём мы на этом пути со временем» («Критика чистого разума», 2-е немецкое издание, стр. 334). Но в то же время наука ограничена в том смысле, что даже при любом углублении в свой предмет научное знание никогда не может выйти за пределы необходимых и всеобщих форм, посредством которых осуществляется познание. «...во всяком случае, — говорит Кант, — если бы даже и вся природа раскрылась перед нами, мы никогда не получили бы ответа на трансцендентальные вопросы, выходящие за пределы природы...» (там же). «Явления... суть единственные объекты, в отношении к которым наше знание может иметь объективную реальность, то есть быть таким знанием, в котором понятиям соответствуют наглядные представления» (там же, стр. 335).

Таким образом, учение о непознаваемости «вещей в себе» есть учение теоретического агностицизма. Кант только воображал, будто учением об априорности форм чувственности и рассудка ему удалось преодолеть скептицизм Юма и пирронистов. Кантовское понятие об «объективности» знания — насквозь софистично. То, что он называет «объективностью», сводится нацело к априорным определениям всеобщности и необходимости. Конечный источник всей «объективности» не сам внешний мир, отражающийся в абстракциях познающей мысли, а все тот же субъект. Сублимированный до степени «трансцендентального» субъекта, он не перестает быть субъектом.

Таков первый аспект кантовского понимания «вещи в себе» и ее «непознаваемости». Но у Канта есть и другой аспект «вещи в себе» и соответственно и другое толкование «непознаваемости».

Там, где Кант пытается объяснить возможность достоверного математического и естественно-научного знания, он применяет понятие «вещи в себе» только в значении, изложенном выше. Но при обосновании этики и философии истории, а также философии права и государства он использует другое толкование «вещи в себе». В этом случае под «вещами в себе» он мыслит уже не субстанции отдельных вещей, рассматриваемые независимо от форм нашего сознания, а особые объекты умопостигаемого мира: бессмертие, свободу определения человеческих действий и бога как сверхприродную причину мира. Признав неискоренимость присущего человеку зла и обусловленных им противоречий общественной жизни и вместе с тем неустранимость присущего человеку как моральному существу требования гармонии между нравственным поведением, нрав-

ственным умонастроением и счастьем, он пришел к выводу, будто гармония эта может быть достигнута не в эмпирическом мире явлений, а только в мире умопостигаемом.

Условиями необходимого нравственного миропорядка являются, по мнению Канта, во-первых, свобода определения человеческих действий. По Канту, человек несвободный, представляющий собой только звено в цепи причин и действий явлений природы, не может быть моральным.

Во-вторых, условием нравственного миропорядка Кант считал бессмертие. Если человек лишен бессмертия, то даже его свобода и свободно избираемый им образ поведения не могут гарантировать соответствие между моральным образом действия, чистотой нравственного умонастроения и выпавшим на долю земной жизни счастьем. Опыт показывает, говорит он, что в эмпирической жизни такого соответствия нет и быть не может.

В-третьих, необходимым условием нравственного миропорядка является, по мнению Канта, существование бога. Если бог не существует, то ни свобода, ни бессмертие человека не могут гарантировать ему требуемое голосом его совести соответствие между моральностью и счастьем. Чтобы нравственный миропорядок существовал и был непоколебим, необходима высшая абсолютная причина этого миропорядка. Такой причиной, по его мнению, не может быть ни природа, ни сам человек, а только бог.

Таким образом, исследование основных философских проблем приводит Канта к мысли, что философия может решить свою высшую задачу только при условии, если она сможет убедить человека в существовании свободы, бессмертия и бога.

Но как может философия выполнить эту задачу? Перед Кантом возникла неразрешимая проблема. С одной стороны, Кант считал, что без признания реальности свободы, бессмертия и бога задача философии (как он понимал эту задачу) неразрешима. С другой стороны, как крупный ученый, воспитанный механистическим естествознанием XVIII века, он понимал, что убедить людей в существовании свободы, бессмертия и бога нельзя при помощи доказательств науки. Научное познание природы требовало рассмотрения явлений природы под углом зрения их необходимости, всеобщности и причинной связи. Наука не знает ни беспричинной свободы, ни бессмертия, ни бога. Кант видел, что все попытки доказательства существования бога — от Ансельма Кентерберийского до Декарта и Лейбница — не могли уничтожить сомнение в его реальности и воспрепятствовать возникновению в XVIII веке во Франции мощного течения религиозного скептицизма и атеизма. Поэтому он утверждал, что философия должна так обосновать существование свободы, бессмертия и бога, чтобы никакая наука не могла поколебать веру в их существование и чтобы навсегда была уничтожена всякая возможность критики религии.

Именно с этой целью Кант стремился обосновать учение о различии явлений и «вещей в себе». Природу как предмет научного знания он относит к миру «явлений», а свободу, бессмертие и бога — к миру «вещей в себе». При этом «вещи в себе» он провозглашает непознаваемыми. Но их непознаваемость уже не относительная непознаваемость предметов природы, в которых прогрессирующая в своем развитии наука открывает все новые и новые свойства, а непознаваемость принципиальная, которая не может быть преодолена никаким научным и философским познанием, никакой, даже самой совершенной, наукой. Бог есть непознаваемая «вещь в себе». Не только никакое доказательство, но и никакое опровержение его существования невозможно. Существование бога не тезис науки или философии, а «постулат практического (то есть морального) разума». Человек с необходимостью постулирует существование бога, повинаясь при этом не логическим доказательствам, а категорическому велению нравственного сознания.

Таков смысл кантовской «критики» теоретического и практического разума. Цель ее — укрепить и утвердить веру. Кант пытался установить границы теоретического разума — границы, перед которыми, согласно его замыслу, должна в бессилии остановиться не только наука, но и критика веры. За пределами этих границ вера должна стать неуязвимой.

Различное толкование Кантом «вещи в себе» и ее непознаваемости становится совершенно ясным при сопоставлении теоретической философии Канта — теории познания, теории математики и теории естествознания — с его практической философией — этикой. Там, где речь идет об обосновании математики и теоретического естествознания, «вещь в себе» означает у Канта независимую от форм нашего сознания основу любой вещи природы. И соответственно этому учение о непознаваемости «вещей в себе» означает неспособность нашего ума видеть в вещах ничего, кроме того, что может быть познано с помощью форм нашей чувственности и рассудка. Именно в этом смысле Кант говорил о непознаваемости не только отдельных вещей и явлений мира, но и о непознаваемости мира в целом, рассматриваемого в качестве безусловной полноты и завершенности всего бесконечного ряда его явлений. Доказательством непознаваемости мира в целом философ считал тот факт, что при всякой попытке постигать и мыслить мир как безусловное целое наш ум приходит с необходимостью к противоречащим друг другу ответам на вопрос о границах мира в пространстве и времени и о делимости или неделимости частиц, из которых он состоит. На каждый из этих вопросов могут быть даны противоречивые ответы: мир и конечен и бесконечен, имеет начало во времени и не имеет его, состоит из частиц, делимых до бесконечности, и из абсолютно неделимых частиц. Антиномичность этих положений и ошибочно утверждаемая Кантом одинаковая логическая безупречность их доказательств служат, по его мнению, подтверждением того, что мир как безусловно целое есть непознаваемая вещь — «вещь в себе». Во всех этих рассуждениях и выводах Кант — агностик, и его агностицизм по сути дела немногим отличается от агностицизма Юма.

Но там, где речь идет не о научном познании вещей природы, а об обосновании высших положений этики, понятие «вещи в себе» и понятие о ее «непознаваемости» приобретают у Канта иное значение. В этом случае под «вещами в себе» он понимает уже не объективные субстанции природных вещей, а предметы «умопостигаемого», «сверхчувственного мира» — свободу, бессмертие, бога. И утверждение о их непознаваемости свидетельствует уже не о бессилии познающего разума, а о «бессилии» научной критики идеализма, критики религии. Здесь разуму не столько запрещается познавать, сколько запрещается отрицать.

Различие этих двух содержаний понятия «вещи в себе» и их непознаваемости трудно установить, так как в отделах «Критики чистого разума» Кант использует то одно, то другое значение понятия «вещи в себе», вкладывая то один, то другой смысл в учение об их непознаваемости. В «Трансцендентальной аналитике» на первый план выступает агностицизм в отношении познания независимых от сознания субстанций природных вещей. В «Трансцендентальной диалектике» учение о непознаваемости «вещей в себе» используется также и для «отвода» всякой научной критики, которая может быть направлена против веры в умопостигаемый нравственный миропорядок, против убеждения в свободе человека и его бессмертии. В исследовании «антиномий», или противоречий теоретического разума, встречается и то и другое толкование «вещи в себе» и ее непознаваемости. Здесь рассматриваются противоречия разума не только по вопросу о границах мира, о его длительности во времени, о делимости его частиц, но также и по вопросу о возможности свободы и возможности бытия бога. Обсуждение этих вопросов также выявляет, по мнению Канта, необходимость доказательства противоположных утверждений: существуют равносильные доказательства как того, что свобода возможна, так

и того, что все совершается лишь по закону необходимости; как того, что бог существует, так и того, что его существование невозможно. Так же как из противоречивости понятий о мире как целом делается вывод о его непознаваемости, так из факта противоречивости (антиномичности) разума делается вывод, будто свобода и бытие бога — «вещи в себе» и, как таковые, непознаваемы.

Однако непознаваемость их истолковывается в том смысле, что возможность убеждения в существовании свободы и бытия бога не только не исключает их непознаваемости, а, наоборот, именно эта непознаваемость свободы и бога для разума теоретического есть условие незыблемого убеждения в их существовании для разума практического.

V

Различное толкование содержания понятия «вещи в себе» обусловило своеобразие кантовского идеализма. Перенесение решения противоречий и конфликтов этических, общественно-исторических в «потусторонний», «умопостигаемый» мир потребовало идеалистической трактовки важнейших понятий теоретической философии. Кант был идеалистом в этике и в философии истории не потому, что его теория познания была идеалистична. Наоборот, его теория познания оказалась идеалистической потому, что идеалистической была его этика и философия истории. Идеалистичность этики и философии истории Канта была обусловлена немецкой действительностью того времени, которая, вообще говоря, исключала возможность не только практического решения реальных противоречий общественной жизни, но даже адекватного отражения их в теоретической мысли.

Поэтому традицией, в русле которой сложились философские взгляды Канта, могла быть только традиция идеализма — юмовского, с одной стороны, и лейбнице-вольфианского — с другой. Определяющее значение, какое имел для возникновения кантианского теоретико-познавательного идеализма идеализм его этических и философско-исторических воззрений, обнаруживается со всей ясностью в его учении о времени как об априорной форме чувственности. Это учение понадобилось Канту не только для идеалистического обоснования арифметики, но прежде всего для обоснования идеалистического понимания свободы. Кант полагал, что в мире явлений не только все протекающие во времени физические процессы, но также и все психические процессы причинно обусловлены. Эмпирический субъект не может быть свободен: он так же строго детерминирован, как детерминировано его тело, включенное во всеобщую причинную связь явлений. Причинность через свободу, иначе говоря, свободное действие, возможна, по мнению Канта, только для такого субъекта, процессы и действия которого не определяются временем. «Спаси» свободу можно, только изъяв действие субъекта из постоянно меняющихся событий во времени. Поэтому для «спасения» свободы Кант создает учение об априорности времени. Время, согласно этому учению, не объективная форма, в которой протекают события, а только априорная форма нашей чувственности. Все, что в человеке есть эмпирического, подчинено времени. Но не все в человеке принадлежит к области эмпирического. Человек — одновременно и явление и «вещь в себе». Как эмпирический субъект, он явление. Как существо нравственное, он уже не явление, а «вещь в себе», субъект нравственной воли. Поскольку в этой своей сущности человек уже не явление, а «вещь в себе», постольку время перестает быть условием его действия, условием осуществляемого человеком свободного выбора.

Однако неперемнным условием свободы человека от определений времени является признание идеальности самого времени. Только при этом условии, утверждает Кант, можно рассматривать каждое действие

человека и как действие детерминированное,— поскольку человек есть звено в мире явлений, и как действие свободное,— поскольку человек есть одно из существ умопостигаемого мира «вещей в себе».

VI

Таков результат кантовской «критики» разума. Реакционное значение этой «критики» не подлежит сомнению. Своей «критикой» Кант стремился подвести новую базу под религиозную веру, поколебленную скептицизмом и атеизмом французского просвещения и французского материализма. Самый агностицизм используется Кантом как философское средство для обоснования веры. Учение об умопостигаемом мире «вещей в себе» приобретает новое назначение: оно выдвигается для доказательства того, что преобразование человеческого общества не может привести к победе над царящим в нем злом и что осуществление нравственного миропорядка достижимо только в сверхчувственном, сверхприродном мире.

Именно эта направленность идеализма и агностицизма Канта — связь их с его реакционными философско-историческими и политическими доктринами — была причиной отрицательной оценки кантовской философии классиками марксизма-ленинизма. Реакционность философии Канта очевидна. Она отразила бессилие немецкого бюргерства, его покорность сложившемуся в Германии положению вещей, его боязнь революционного движения. Утверждая неустранимость зол общественной жизни, она, противореча идеалам самого философа, содействовала увековечиванию порядка, основанного на угнетении человека человеком. Она противопоставила действительности лишь абстракцию нравственного миропорядка в сверхчувственном мире.

Это содержание кантовской философии всегда привлекало и привлекает к ней идеологов реакционной буржуазии. На основе философии Канта возникли теории «этического социализма» неокантианцев, перенесших осуществление социализма в недостижимую даль бесконечного этического прогресса. На той же основе разрабатывались оппортунистические теории социал-демократии. Авторы этих теорий — Эдуард Бернштейн и другие — утверждали, будто в рабочем движении важна не цель — социализм, а самый процесс движения к цели, бесконечный и никогда будто бы не приводящий к достижению самой цели.

Если философия Канта — при всех своих пороках и недостатках — была учением гениального мыслителя и заключала в своем содержании ряд передовых для своего времени идей, то учения буржуазных последователей Канта эпохи империализма, использовавших в своих целях философию Канта, были реакционными и знаменовали собой глубокое падение буржуазной философской мысли. Так, неокантианцы марбургской школы (Коген, Наторп, Кассирер и др.) использовали гносеологию Канта, а также уточнение и обобщение математических и физических понятий и теорий, внедрение в физику математического аппарата для отрицания материализма, для борьбы против материалистической теории отражения в гносеологии, для обоснования теоретико-познавательного и логического идеализма. В учениях баденской школы неокантианства (Риккерт и его последователи) гносеология Канта используется для опровержения материалистического учения об объективности законов исторического процесса, о возможности научного познания и научного предвидения в истории.

Кант стоял намного выше этих своих последователей и истолкователей. Перенеся, по словам Маркса и Энгельса, осуществление «доброй воли, гармонию между нею и потребностями и влечениями индивидов, в *потусторонний* мир» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 174), он не успокоился на этом и не утратил интереса к противоречиям общественной жизни и их развитию. Не веря в возможность побе-

доть зло в эмпирическом мире действующими в нем социальными силами, отвергая средства революционного преобразования общественных отношений, Кант не отрицал реальных возможностей относительного улучшения действительности. Об этом свидетельствует, например, его отношение к вопросу о возможности упразднения войн и сопутствующих им бедствий и развращения нравов. Суждения Канта по этому вопросу противоречивы. Он хорошо понимал, какое зло представляет собой война для общественной жизни. «Должно признать, — писал он, — что величайшие бедствия, терзающие культурные народы, суть последствия войны, а именно последствия не столько происходящей ныне или происходившей, сколько неослабевающего и даже беспрерывно увеличивающегося приготовления к будущей. На это тратятся все силы государства, все плоды его культуры, которые могли бы употребляться для еще большего распространения последней, свободе наносятся во многих местах чувствительные удары, и материнская заботливость государства о единичных членах выражается в неумолимо суровых требованиях, которые оправдываются также интересами внешней безопасности» («*Muthmasslicher Anfang der Menschengeschichte*». Werke. Band VIII, S. 121. Berlin. 1912).

Но, несмотря на то, что Кант понимал все размеры зла, приносимого обществу войнами, в этом вопросе он исходил из своего реакционного убеждения в изначальной порочности человеческого рода. Именно в ней он видел причину возникновения войн. Поэтому он и утверждал, что на современной ему ступени культуры война «является неизбежным средством, способствующим его прогрессу; и только (бог знает когда) при достижении нами наивысшего предела прогресса неизменный мир мог бы быть для нас благотворным, и только тогда он был бы единственно возможен» (там же).

Однако, отнеся наступление эры всеобщего мира к неопределенному будущему, Кант заявлял в противоречии с этим пессимистическим прогнозом, что практическая работа, направленная на установление вечного мира между государствами, отнюдь не призрачна (*nicht bloss schimärisch*), хотя «полной теоретической гарантии этого мира в будущем не существует» («*Zum ewigen Frieden*». Werke. Band VIII, S. 368).

Эта мысль изложена и обоснована Кантом в очерке «К вопросу о вечном мире» (1795). Кант полагал, что сама природа «через порожденный ею механизм человеческих склонностей гарантирует возможность вечного мира». Он решительно отвергал существовавшую уже в его время космополитическую теорию, согласно которой для наступления вечного мира необходимо, чтобы одно из государств, оказавшееся в ходе борьбы самым могущественным, поглотило все остальные государства и таким образом устранило причины возникновения новых войн. Уже в сочинении о религии он доказывал, что такая «универсальная монархия» есть «учреждение, в котором всякая свобода должна погаснуть, а вместе с нею (как ее следствия) добродетель, вкус и наука. Но это чудовище (в котором законы мало-помалу теряют свою силу), когда оно проглотит соседние государства, в конце концов распадется само собой...». «Оно разделится на массу маленьких государств, которые вместо того, чтобы стремиться к союзу государств (к республике свободно соединенных в союз народов), снова в свою очередь начнет ту же самую игру, чтобы война (этот бич человеческого рода) никогда не прекращалась» (Werke. Band VI, S. 34. Berlin. 1907).

И все же проблема вечного мира, по мнению Канта, разрешима. Она разрешима, так как в ней ставится вопрос «даже не о моральном улучшении людей, а только о том, как можно было бы направить противоречие, возникающее из немирных побуждений, чтобы люди сами заставили друг друга осуществить состояние мира» (Werke. Band VIII, S. 366). Кант утверждал, что разум может воспользоваться самими эгоистическими склонностями людей как средством, чтобы осуществить свою собственную

цель — предписание права — и этим способствовать внешнему и внутреннему миру и сохранению его.

Эгоистическими склонностями, способными привести к благоприятному для дела вечного мира результату, Кант считал стремления извлекать выгоды из международной торговли. Именно ввиду этих взаимных выгод государства могут почувствовать себя «вынужденными (разумеется, не из моральных побуждений) содействовать благородному миру и, где бы война ни угрожала вспыхнуть, предотвращать ее своим посредничеством»... (там же, стр. 368).

Перечитывая в наши дни эти строки, написанные свыше полутора столет тому назад, и сопоставляя их с рассуждениями нынешних апологетов агрессии и империалистической войны, мы видим всю степень морального и теоретического падения современного класса капиталистов.

Энгельс, говоря о философах, составивших национальную гордость немецкого народа, называл в их числе и имя Канта.

Оценка исторической роли философии Канта, данная классиками марксизма, имеет особое значение для демократической Германии. В Германской Демократической Республике в настоящее время происходит процесс глубокой переоценки культурного наследия, оставленного немецкому народу его великими мыслителями. Демократические силы немецкого народа, порвав с мрачным прошлым кайзеровской и гитлеровской Германии, всячески поддерживают прогрессивную линию развития национальной немецкой культуры. Образу Канта, искаженному реакционными историками философии, они противопоставляют, опираясь на оценки Маркса, Энгельса и Ленина, исторически подлинный образ Канта. Не идеализируя философию Канта и не ослабляя критику ее принципиальных пороков и реакционных черт, представители современной демократической Германии воздают должное проницательности и глубокой честности мыслителя, который и в области науки и в области философии обогатил немецкий народ и все человечество плодотворными идеями и который в тяжелых условиях современной ему Пруссии, наложивших резкую печать и на его мысль, выступил как носитель идей гуманизма и прогресса.

Эстетические взгляды Лессинга

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР (Ленинград)

I

В этом году исполнилось 225 лет со дня рождения великого немецкого писателя, критика и демократа-просветителя Готхольда-Эфраима Лессинга (1729—1781), творчество которого по праву заняло выдающееся место в истории прогрессивной немецкой культуры. Лессинг был наиболее смелым и последовательным демократическим мыслителем, одним из самых революционных умов Германии XVIII века. Вместе с тем он является одним из создателей немецкой классической литературы и немецкого национального языка, непосредственным предшественником и учителем Гете и Шиллера. Историческую роль Лессинга высоко оценивали основоположники марксизма. С глубокой симпатией к немецкому просветителю относились передовые представители русской культуры — Пушкин и Гоголь, Белинский и Герцен, Чернышевский и Добролюбов.

Просветительное движение в Германии XVIII века развивалось в особых исторических условиях и имело свои национально-своеобразные черты. Эпоха жизни Лессинга была временем величайшего политического и национального унижения Германии, которое являлось неизбежным результатом ее феодальной раздробленности. В то время, как другие передовые страны Западной Европы сложились в XV—XVI веках в единые централизованные государства, в Германии неудача крестьянской войны 1525 года привела к укреплению власти князей. Следствием этого была усилившаяся децентрализация. Вместо единого национального государства здесь возникло несколько сот карликовых княжеств и «вольных городов», погруженных в свои мелочные провинциальные интересы и чуждых сознания национального единства. В XVII веке Тридцатилетняя война, обезлюдившая и истощившая страну, еще более усугубила ее раздробленность. После Тридцатилетней войны развитие Германии надолго получило провинциальный, мелкобуржуазный характер. Разделение страны привело к тому, что ее фактическими хозяевами вплоть до начала XIX века оставались соседние великие державы, прежде всего Англия и Франция, перед которыми немецкие монархи и дворянство рабски пресмыкались.

Другим следствием разделения Германии и слабости немецких княжеств было усиление прусского милитаризма, который в лице Фридриха II начал ряд жестоких и беспощадных войн. Раздробленность страны, междоусобные войны, зависимость немецких государств от власти более могущественных европейских держав, деспотизм князей и крепостнический произвол дворянства, ужасы солдатчины несли с собой неисчислимые страдания народным массам.

Литературная деятельность Лессинга явилась ярким выражением стремления немецкого народа к освобождению от феодально-крепостнического гнета, к национальной независимости и единству Германии. Борь-

ба за пробуждение самосознания, за создание национальной немецкой культуры в деятельности Лессинга неразрывно слилась с борьбой против абсолютизма и феодально-сословного строя жизни, с защитой жизненных интересов своего народа. Он призывал немецкий народ к борьбе за свободу и равенство, за торжество передовых гуманистических идеалов. Отсталость феодальной Германии вынуждала Лессинга обращаться со своей проповедью главным образом к образованным слоям бюргерства, на которые он возлагал свои надежды в борьбе с феодализмом.

Мировоззрение Лессинга сложилось в борьбе с церковью, с лютеранской теологией и реакционной схоластической наукой. Порвав в юношеские годы с церковным вероучением, Лессинг в 40-х годах стал деистом, а в конце жизни, по собственному признанию, испытывал симпатию к материализму.

Одна из самых ярких особенностей Лессинга — человека и писателя — это его активный, боевой дух. «Человек рожден для действия, а не для умствований», — писал Лессинг в одном из своих первых философских сочинений («Мысли о гернгутерах»). Вражда против абстрактной, кабинетной науки, стремление подчинить науку и искусство потребностям жизни — таковы неотъемлемые черты мировоззрения великого немецкого просветителя. Горячее стремление к подлинно живому, творческому знанию, предназначенному служить не только самой науке, но и развитию жизни, пронизывает теоретические работы Лессинга.

Страстным протестом против деспотизма и угнетения человеческой личности, идеей мужественного сопротивления произволу самодержавия проникнута трагедия Лессинга «Эмилия Галотти». Лессинг смело критиковал деспотизм немецких монархов и князей, их разбойничьи войны и безразличие к судьбам народа. Он осудил милитаризм Фридриха II, противопоставив ему в своей комедии «Минна фон Барнхельм» патриотизм и миролюбивые чувства людей из народа, их тяготение к национальному единству и стремление к мирной, счастливой жизни. Представителей немецкой военщины своего времени Лессинг гневно заклеил именем «подручных мясника».

Лессинг, как подлинный патриот немецкого народа, был непримиримым врагом национализма и шовинизма, политики расового и национального угнетения. В своей философской драме «Натан Мудрый» он призывал немецкий народ относиться с уважением к другим народам, защищать их культуру и человеческие права. Проповеди религиозного и национального гнета великий немецкий писатель противопоставляет здесь идею мирного развития народов по пути прогресса, их совместной борьбы за общий подъем жизни и культуры. Вот почему Лессинг никогда не пользовался расположением немецкой реакции. В фашистской Германии лучшие его произведения были занесены в черный список. Ненавидят Лессинга и современные западногерманские милитаристы и реваншисты.

Наследие Лессинга имеет выдающееся значение для современной Германии. Оно близко и дорого демократическим силам немецкого народа, которые в наше время ведут упорную борьбу за единую, миролюбивую, независимую и демократическую Германию. Исторические заслуги великого немецкого просветителя нашли свое признание в речах президента Германской Демократической Республики В. Пика и премьер-министра О. Гротеволья, в статьях и выступлениях многих современных немецких демократических писателей и борцов за мир.

II

Важнейшее место в наследии Лессинга занимают его эстетические работы. Вместе с эстетическими сочинениями Дидро они составляют вершину в развитии буржуазно-демократической эстетики эпохи Просвещения на Западе. Главные работы Лессинга, посвященные искусству, —

«Лаокоон» (1766) и «Гамбургская драматургия» (1767—1769) — оказали значительное влияние на развитие прогрессивной художественной и литературной мысли не только в Германии, но и за ее пределами.

Эстетические работы Лессинга были составной частью его борьбы против абсолютизма, сословности и феодальной раздробленности Германии, за создание национальной немецкой культуры. Они проникнуты боевым демократическим духом, сознанием неразрывной связи вопросов литературы и искусства с вопросами реальной жизни.

Лессинг выступил в своих эстетических сочинениях как смелый борец за реализм, за идейное и правдивое демократическое искусство. Он бичевал зависимость искусства от княжеских дворов и покровительства меценатов, требовал от него глубокой, действенной постановки основных вопросов жизни, отражения интересов и настроений демократического читателя и зрителя. Борьба за реализм в понимании Лессинга была неразрывно связана с борьбой за национальную самостоятельность немецкой литературы и искусства.

Поэзия и искусство, создававшиеся при дворах немецких князей и монархов XVIII века, носили подражательный характер. Родному языку немецкое дворянство предпочитало французский, национальным художественным традициям — французскую придворную культуру времен абсолютизма. Крупнейший немецкий теоретик литературы середины XVIII века И. Готшед теоретически узаконил в Германии влияние идей и образцов французской литературы эпохи классицизма.

Борьба Лессинга за реализм в искусстве и литературе была направлена не только против подражательного немецкого классицизма, но одновременно против идей французского классицизма XVII века, которые в Германии в XVIII веке приобрели глубоко консервативный характер. Выступая против идеалов французского дворянского, аристократического классицизма в искусстве и эстетике, Лессинг в то же время был чужд национальной ограниченности и опирался на ту критику классицизма, которую вели во Франции великие французские просветители, в первую очередь Дидро. Своей борьбой против классицизма Лессинг расчищал пути развитию национальной немецкой литературы, боролся за приближение искусства к жизни и идеалам простого, демократического человека.

Критика Лессинга была направлена против сословных привилегий, антидемократических черт искусства и эстетики классицизма. Лессинг постоянно подчеркивал в своих сочинениях, что он борется не с французской культурой, а с французской придворной поэзией и театром, являвшимися классическим выражением идей и нравов дворянско-аристократического общества эпохи абсолютизма. Лессинг относился с огромным уважением к французским просветителям и к демократической культуре Франции. Он ценил комедии Мольера, горячо любил Дидро, драмы которого перевел на немецкий язык, с большим сочувствием относился к Руссо, хотя и не разделял его идеи о том, что цивилизация оказывает пагубное влияние на нравы. Критикуя трагедии Вольтера — представителя придворного классицизма и «галантной», светской поэзии, — Лессинг преклонялся перед Вольтером — гуманистом и борцом против феодализма.

Вся борьба Лессинга против классицизма была проникнута яркой политической тенденцией. «Я уже давно держусь того мнения, что двор вовсе не такое место, где поэт может изучать природу человека», — писал Лессинг в «Гамбургской драматургии» (Избранные произведения, стр. 558. Гослитиздат, 1953).

Лессинг заложил основы теории реалистического искусства в Германии. Опираясь на Аристотеля, Лессинг, подобно другим просветителям XVIII века (в частности Дидро), определяет искусство как «подражание природе» (там же, стр. 563). Но в то же время Лессинг чувствует недостаточность этого определения. Искусство должно, по мнению Лессинга,

не только «подражать», но и раскрывать внутренние закономерности действительности, типизировать, отделять в жизни и в человеке случайное от необходимого, выявлять их идеальные черты.

Поэтому, рассматривая искусство как «подражание», Лессинг одновременно утверждает, что оно не может быть простой, неосвященной мыслью, механической копией явлений жизни, как они представляются простому случайному наблюдателю. В «Гамбургской драматургии» Лессинг полемизирует против своего современника К. М. Виланда, доказывавшего, что поскольку в жизни события часто не имеют определенной завязки и развязки, происходят случайно и беспорядочно, то следует отказаться от единства и в трагедии, так как она должна быть зеркалом жизни.

«В природе,— пишет Лессинг,— все тесно связано одно с другим, все перекрещивается, чередуется, преобразуется одно в другое» (там же, стр. 565). Созерцая непрерывный процесс изменения и преобразования, человек испытывает «бесконечное разнообразие ощущений». Для того, чтобы подняться над «минутными впечатлениями» и составить цельное представление о связях и развитии действительности, человек, по Лессингу, должен не только ощущать, но и мыслить.

Задача искусства, утверждает Лессинг, так же как и задача мышления, заключается в том, чтобы поднять человека над случайными, «минутными впечатлениями», дать ему возможность представить себе цельную, осмысленную картину действительности. Вот почему в трагедии, да и в любом роде искусства, вопреки мнению Виланда, должны наличествовать внутренняя необходимость, порядок и связь.

Искусство, по мысли Лессинга, является познанием действительности. Представители классицизма XVII—XVIII веков рассматривали разум и чувственность как взаимно исключающие противоположности. Такими же противоположностями они считали закономерное и случайное, типическое и индивидуальное, идеальное и реальное. Они требовали от художника, чтобы он смотрел на природу «очами разума» и видел перед собой не реальную жизнь, а ее идеальную схему. Художник должен, с их точки зрения, типизировать, не индивидуализируя, создавать идеальные образы, стоящие над действительной жизнью. В противоположность этому Лессинг считал, что в деятельности художника и в его эстетическом восприятии объединяются разум и чувство. Закономерное проявляется в искусстве через случайное, типическое — через индивидуальное, идеальное и реальное переплетаются между собой. Наиболее ярким выражением этих взглядов является учение Лессинга о поэзии.

III

Одним из вопросов, стоявших в центре внимания Лессинга, был вопрос о границах между различными видами искусства. Этой проблеме посвящен трактат Лессинга «Лаокоон».

Для эстетики классицизма XVII—XVIII веков было характерным отождествление законов живописи с законами поэзии. В противоположность виднейшим теоретикам классицизма XVIII века — англичанам Попу и Спенсу, французу Кэйлюсу — Лессинг высказал в «Лаокооне» мысль о различии между законами изобразительных искусств и законами поэзии.

По Лессингу, все искусства отражают действительность, но вследствие того, что каждое из них пользуется своими особыми средствами, своим художественным языком, они способны отображать различные стороны действительности не с одинаковой степенью полноты. Каждое из искусств с наибольшей полнотой и силой способно раскрывать ту сторону действительности, для изображения которой наиболее благоприятны его специфические художественные средства. Кроме законов, общих для всех

видов искусства, каждый отдельный вид искусства имеет свои специфические закономерности.

Исходя из этих глубоких и правильных общих предпосылок, Лессинг анализирует в «Лаокооне» вопрос о законах живописи и поэзии как специфических видов искусства. Доказывая всю важность правильного понимания объективных специфических законов разных видов искусства, Лессинг в то же время подчеркивает, что границы между поэзией и живописью носят относительный, а не абсолютный характер. Как и в других произведениях Лессинга, в «Лаокооне» сравнительный анализ специфических особенностей живописи и поэзии не является для немецкого просветителя лишь отвлеченной, теоретической проблемой. Каждый шаг исследования Лессинг связывает с борьбой за утверждение теории реалистического искусства.

Лессинг восстает здесь против холодности и рассудочности, присущих живописи и скульптуре классицизма, которые вместо изображения реальной действительности прибегали к изящным аллегориям и условным мифологическим олицетворениям. Он доказывает, что задача изобразительных искусств — воспроизведение материального мира, реальных, телесных предметов и телесной красоты, подражание «видимой природе». Живопись и скульптура не терпят отвлеченного аллегоризма и условности.

Лессинг выдвигает по сравнению с теоретиками классицизма иной взгляд на самую природу красоты. Красота, доказывает он, близко подходя к материалистическому взгляду на прекрасное, является не отвлеченным идеалом разума, но выражением реального совершенства предмета: «жизнь превосходит картину» (там же, стр. 440). Высшей формой красоты является красота живого человека в его свободном, совершенном духовном и физическом развитии. Изображение красоты такого человека было главной темой греческого искусства.

Идеи Лессинга о живописи как об «изображении тел», его стремление связать красоту с жизнью пробивали брешь в эстетике классицизма. Еще более существенным для обоснования идеи реализма в искусстве явилось учение Лессинга о поэзии.

Уступая живописи в яркости и полноте изображения видимого, телесного облика предметов, поэзия, доказывает Лессинг, превосходит ее в других отношениях. Она может изображать действия и страсти людей с такой широтой и всесторонностью, с таким проникновением в их скрытые движущие пружины, какие недоступны скульптуре или живописи. «...Поэзия есть искусство более широкое...— пишет Лессинг,— ему доступны такие красоты, каких никогда не достигнуть живописи...» (там же, стр. 422).

В противоположность живописи и скульптуре, которые вынуждены выбирать для изображения один определенный момент, назначение поэзии — показ жизни, взятой не в ее статике, а в ее динамике, в изменении и развитии. В поэзии дается изображение страстей, действий и поступков людей, о которых поэт может рассказывать непосредственно, в то время как скульптор и живописец вынуждены передавать их косвенно, через их видимые, телесные признаки — выражение лица, жесты, положение тела и т. д.

На ряде примеров Лессинг вскрывает принципиальную противоположность между описанием и изображением действия как средствами поэтического воспроизведения действительности. При описании поэт и читатель не покидают позиции созерцателя. Их отношение к изображаемой действительности остается чисто внешним: постепенно, черта за чертой они как бы осматривают со всех сторон изображаемый предмет, оставаясь сами в стороне от него. Напротив, при изображении действия поэт, а вместе с ним читатель, покидает позу созерцателя. Они становятся соучастниками изображенного действия, активно вовлекаются в него и как бы непосредственно, на своем собственном опыте, переживают весь ход

его развития. Поэтому, как доказывает Лессинг, не описание, а действие есть подлинная душа поэзии. В противоположность описанию действие в поэзии выражает заинтересованность поэта развитием действительности, поступками и борьбой людей. Там, где нет действия, нет живого, активного отношения к жизни, а следовательно, нет и поэзии.

«Со времен Аристотеля никто не понимал сущность поэзии так верно и глубоко, как Лессинг», — писал по поводу «Лаокоона» Н. Г. Чернышевский. Великий русский материалист видел одну из главных заслуг Лессинга в области эстетики в том, что человеческая жизнь представлялась ему «единственным коренным предметом, единственным существенным содержанием поэзии». С замечательной глубиной формулируя основную мысль Лессинга, выраженную в «Лаокооне», Чернышевский писал: «Ничего неподвижного, ничего мертвого и отвлеченного не должно быть в поэзии. Она рассказывает только, каким образом действует обстановка на человека и человек действует на окружающий его мир. Поэзия есть драма жизни» (Полн. собр. соч. Т. IV, стр. 152, Гослитиздат, 1948).

Лессинг показывает, что по сравнению с изобразительными искусствами поэзия способна к значительно большей индивидуализации человеческих характеров и переживаний. Скульптор может изображать характеры лишь в основных, наиболее обобщенных чертах. Иначе обстоит дело в поэзии, которая допускает изображение не только основного, необходимого, но и более случайного, преходящего, мимолетного, не нарушая этим типичности художественного образа. Скульптура и живопись могут изображать с наибольшим успехом предмет, который достиг в своем развитии известной степени полноты и завершенности. Поэзия же изображает самый процесс возникновения и изменения объекта и те индивидуальные черты, которые возникают и исчезают в процессе этого изменения. Индивидуализация образа, изображение не только его основных, но и второстепенных черт, показ противоречий в характере и поведении героя не разрушают здесь типичности и общезначимости образа, но могут даже обогащать и усиливать их. Отсюда вытекает, с точки зрения Лессинга, еще одно принципиальное отличие поэзии от изобразительных искусств.

Если в принципе художник может подражать «всей видимой природе, в которой красота составляет лишь малую часть» (Лессинг. Избранные произведения, стр. 396), то в более узком смысле слова живопись есть «изображение прекрасных тел» (там же, стр. 392). Так понимали ее античные художники. В живописи, которая обращается к зрению, безобразное дается сразу, во всей своей полноте; поэтому художник хотя и может отступать от идеала телесной красоты, но не дальше определенного предела. Этот предел Лессинг иллюстрирует своим анализом античной скульптурной группы Лаокоона и его сыновей. Создатели этой группы изобразили жреца Лаокоона в момент жестокой физической боли. Но при этом они не хотели перейти той границы, за которой физическая боль уже несовместима с красотой и благородством форм, производит тяжелое, отталкивающее впечатление. Поэтому они представили Лаокоона не кричащим, а стонущим.

«Есть страсти и такие выражения страстей, — пишет Лессинг, — которые чрезвычайно искажают лицо и придают телу такое ужасное положение, при котором совершенно исчезают изящные линии, очерчивающие его в спокойном состоянии. Древние художники избегали изображения этих страстей или старались смягчить их до такой степени, в какой им свойственна еще известная красота» (там же, стр. 394).

В отличие от живописи и скульптуры, утверждает Лессинг, поэзия не обращается к одному зрению, она связывает в едином сложном впечатлении разнородные черты предмета, который она представляет в движении и взаимодействии с окружающим миром. Поэтому Вергилий в «Энеиде» изображает Лаокоона кричащим, не боясь, что это обезобразит героя или сделает его смешным в глазах читателя. Поэзия может гораздо

свободнее и шире, чем живопись, доказывает Лессинг, пользоваться изображением безобразного, даже возбуждающего отвращение, если это изображение для нее не самоцель, но средство достижения жизненной правды, средство создания более глубокого и сложного впечатления. Терсит у Гомера, Эдмунд и Ричард III у Шекспира, Уголино у Данте, комические сцены Аристофана — таковы классические примеры, которыми Лессинг иллюстрирует почти безграничную широту диапазона, доступного поэзии при реалистическом изображении жизни.

Требование, чтобы поэзия широко и свободно изображала жизнь, со всеми ее внутренними противоречиями и светотенью, имело у Лессинга строго реалистический характер. Взгляды Лессинга прямо противоположны взглядам тех современных представителей буржуазно-декадентского искусства, которые утверждают, что самые отвратительные и уродливые стороны буржуазной жизни имеют свою «эстетику», более интересную и волнующую, чем эстетика здорового и прекрасного. С точки зрения Лессинга, безобразное и уродливое требуют к себе внимания поэта постольку, поскольку изображение их необходимо для того, чтобы правдиво показать прогрессивное движение в истории, раскрыть неизбежность победы здоровых и положительных, прогрессивных сил жизни над всем косным и реакционным, мешающим ее свободному и полному развитию.

«Лаокоон» Лессинга открыл новые пути для развития реалистического искусства в Германии. Он показал, что задачи писателя — изображение жизни в борьбе, в движении и противоречиях, а не в мертвой неподвижности и покое. Под влиянием идей Лессинга протекало все развитие немецкой классической литературы. «Надо превратиться в юношу, — писал Гете, — чтоб понять, какое потрясающее впечатление произвел на нас Лессинг своим «Лаокооном», переселив наш ум из области печальных и туманных созерцаний в светлый и свободный мир мысли. Фальшиво толковавшееся до тех пор *ut pictura poesis* (изречение Горация: поэзия подобна живописи. — Г. Ф.) было отброшено в сторону, и разница между искусствами пластическими и словесными объяснена» («Поэзия и правда». Собр. соч. Т. 8, стр. 195. СПб. 1895).

Высокую оценку основных идей «Лаокоона» дал и Добролюбов. «Лаокооном», — писал в 1857 году Добролюбов, — Лессинг создал новую теорию поэзии, введя в нее жизнь и разбивши мертвенную формалистику, которая господствовала до тех пор во всех эстетиках. С чрезвычайной ясностью и силой мысли, с неотразимой логической убедительностью он доказал, что существенный предмет поэзии, в отличие от всех других искусств и особенно от живописи, составляет — *действие*... С появлением «Лаокоона» *жизнь* в своем течении, а не бездушная форма признана существенным содержанием поэзии» (Полн. собр. соч. Т. 5, стр. 321—322, 1941).

Современные реакционные буржуазные художники и теоретики искусства лишают искусство всякого жизненного содержания. Они не только отрицают объективный характер законов искусства, утверждая, что единственным законом художника являются его субъективное «видение мира» и его «воля к форме», но и нивелируют различия между отдельными искусствами, пропагандируют «абстрактную» живопись, «абстрактную» музыку, лишенные связи с телесным миром, с движением и развитием действительности, с человеческими идеями и чувствами. В противоположность представителям современного реакционного буржуазного искусства и эстетики Лессинг стремился раскрыть специфические особенности различных искусств для того, чтобы еще сильнее укрепить их связь с жизнью. Вот почему работы Лессинга о законах живописи и поэзии не только не потеряли своего значения для современности, но приобрели особенную актуальность. Они являются серьезным оружием в борьбе против анархических тенденций, воинствующего субъективизма и формализма реакционной буржуазно-декадентской эстетики и искусства.

IV

Как все буржуазные просветители XVIII века, Лессинг из всех искусств придавал наибольшее значение театру. Он видел в театре одно из самых могучих средств воздействия на ум и воображение демократического зрителя. Специфические особенности театра, делающие его одним из наиболее массовых искусств, позволяют ему одновременно собирать в своих стенах многочисленную аудиторию, объединять ее в едином мощном впечатлении. Поэтому Лессинг считал театр величайшей «школой нравственности» (Избранные произведения, стр. 518). Он горячо стремился создать в Германии национальный театр.

Театр показывает зрителям гибельные последствия различных пороков и смешных привычек, воспитывает в них нетерпимость к насилию и несправедливости, мужество и готовность к борьбе, непреклонность перед лицом испытаний. Воздействие театра является, с точки зрения великого немецкого просветителя, наиболее ярким выражением морально-воспитательного влияния, присущего всем видам искусства. Для Лессинга воспитательная роль искусства неотделима от самой сущности его и является тем качеством, которое возвышает искусство над простым пассивным подражанием, превращая его в одну из благороднейших форм духовной деятельности человека. «Все виды поэзии должны исправлять нас,— пишет Лессинг.— Прискорбно, если это приходится еще доказывать, а еще прискорбнее, если есть поэты, даже сомневающиеся в этом» (там же, стр. 576—577).

Разрабатывая идею активной общественной роли искусства, Лессинг в то же время настойчиво боролся против отвлеченной морализации и назидательности в искусстве. Для того, чтобы достичь наибольшего нравственного воздействия на зрителей, драматург, утверждал великий немецкий мыслитель, должен прежде всего добиться глубокого и правдивого изображения характеров, жизненной убедительности и типичности героев и их действий. Нравственная идея должна быть выражена в театре не отвлеченно, а на специфическом языке искусства, ее должны, естественно, вызывать в сознании зрителя живые, волнующие картины действительности, развертывающиеся перед его глазами.

«Поэт заботится не только о том, чтобы быть понятным...— пишет Лессинг.— Поэт хочет сделать идеи, которые он возбуждает в нас, настолько живыми, чтобы мы воображали, будто получаем действительно чувственное представление об изображаемых предметах...» (там же, стр. 452). Наглядно раскрывая характеры героев в действии и борьбе, он учит зрителей отделять в жизни и в человеческих характерах положительное от отрицательного, добро от зла и тем самым способствует духовному формированию людей.

Идеалом Лессинга является реалистический театр, основанный на постоянном, глубоком изучении жизни, стремящийся к правдивому раскрытию ее основных движущих сил, типических характеров и конфликтов. В разработке вопросов реалистического искусства Лессинг пошел намного дальше других представителей буржуазно-демократической эстетики XVIII века. Это особенно ярко проявляется в его полемике с Дидро в 86—95 статьях «Гамбургской драматургии».

Лессинг выступает здесь против утверждения Дидро, что в жизни «не найдется более дюжины истинно комических характеров». «...Природа вовсе не так бедна самобытными характерами и неправда, будто комические поэты исчерпали их»,— заявляет Лессинг. Он напоминает Дидро мнение Мольера, который «полагал, что разработал лишь самую малую часть» характеров, которые мог разработать (см. Лессинг «Гамбургская драматургия», стр. 314—315. «Академия». 1936).

Великий немецкий просветитель считал, что жизнь и человеческая природа неисчерпаемо богаты различными характерами и что дело поэта и художника — постоянно вторгаться в жизнь, продолжать поиски новых

и новых характеров, изучать и воспроизводить их во всем их разнообразии. Эти идеи Лессинга — теоретика реализма — сохраняют огромное значение для нашего времени.

Лессинг доказывал, что недостаток пьес Дидро — «однообразие характеров» (стр. 314) — явился следствием его тяготения в теории и на практике к «идеальным» характерам (т а м ж е, стр. 316). Дидро выдвинул перед театром задачу изображения людей с учетом различия их общественного положения, их сословных и профессиональных интересов. Этим он сделал значительный вклад в теорию драмы. Но, стремясь в своих драмах к воспитанию норм новой, демократической нравственности, Дидро приносил в них нередко реалистическую правдивость в жертву моралистическим, воспитательным задачам просветительского театра. Об этом свидетельствует созданный им образ идеального «отца семейства» в одноименной драме. Полемизируя с Дидро, Лессинг защищает жизненную правдивость, изучение писателем действительности как основы создания подлинно художественного образа.

Лессинг указывает, что различия между людьми, которые кажутся художнику несущественными в одних условиях, в других условиях могут оказаться важными и решающими. Так обстоит дело в особенности в эпохи обострения общественной борьбы. «...Те характеры, которые представляются только различными при спокойном и мирном настроении общества, окажутся противоположными, как скоро возникнет борьба вследствие столкновения интересов» (т а м ж е, стр. 317). Поэтому художник должен внимательно присматриваться к характерам, реально встречающимся в жизни, изучать их различия, их ценные и отрицательные качества, скрытые в них возможности.

Лессинг подчеркивает, что верное художественное воспроизведение человеческих характеров требует не только наблюдательности, но и глубокого понимания общественного значения каждого типа, а также того места, которое он занимает в жизни. Чтобы реалистически-правдиво изобразить тот или иной характер, художник должен правильно оценивать его, верно понимать его нравственные достоинства и недостатки. В противном случае между намерениями художника и реальным смыслом изображаемого неизбежно возникнет противоречие. Ничто так не оскорбляет нас, пишет Лессинг, как стремление художника «ввести в заблуждение, подымая на ходули ничтожество, придавая капризной глупости вид игривого ума, а порокам и нелепостям обманчивые и чарующие формы моды» (т а м ж е, стр. 138).

Значительный интерес для современной передовой драматургии имеет разработка Лессингом проблемы драматургического конфликта. Считая действие, столкновение и борьбу характеров важнейшими элементами драмы, Лессинг подвергает резкой критике тех героев классической трагедии, для которых «мученически пострадать и умереть все равно, что выпить стакан воды» (т а м ж е, стр. 10). Там, где на сцене нет преодоления препятствий, где победа достигается без борьбы, а героизм не требует напряжения духовных и физических сил, герои оставляют зрителя холодным и не вызывают у него сочувствия. «Герои на сцене,— пишет Лессинг,— должны обнаруживать свои чувства, выражать открыто свои страдания и не мешать проявлению естественных наклонностей. Искусственность и принужденность героев трагедии оставляют нас холодными, и забияки на котурнах могут возбудить в нас одно только удивление» (Избранные произведения, стр. 406).

Теоретики классицизма также приписывали искусству, в частности театру, моральное влияние. Однако, как указывает Лессинг, они понимали это влияние слишком узко. Своих героев они превращали в абстрактные олицетворения добродетели и порока и вкладывали в их уста прекрасные изречения и нравоучения. Драма превращалась ими часто в басню, в простой наглядный урок морали. Между тем, доказывает Лессинг, нрав-

ственное воздействие искусства связано прежде всего с его реалистической правдивостью, с типичностью. Комедия Мольера «Скупой» могла не исправить ни одного скупого, а «Игрок» Реньяра — ни одного игрока. Но это не значит, что комедии эти не принесли известной пользы зрителям. «Комедия «Скупой» назидательна и для щедрого, а «Игрок» — и для того, кто совсем не играет». Назначение комедии, пишет Лессинг, заключается не только в том, чтобы «врачевать больных», но и в том, чтобы «укреплять силы здоровых», воспитывая в них способность «подмечать смешное, легко и быстро раскрывать его под разными масками страсти и моды во всех его сочетаниях...» (там же, стр. 533).

Научить видеть в жизни смешное, в какую бы маску оно ни облекалось, и ненавидеть то, что достойно ненависти, — таковы подлинные задачи реалистической комедии, по определению Лессинга.

Как показало развитие нашей драматургии в последнее время, часть советских литераторов и критиков ошибочно понимает проблему конфликта. После того, как наша общественность осудила теорию «бесконфликтности», некоторые из драматургов, разделявших в недавнем прошлом эту теорию, шарахнулись в противоположную крайность. Опошляя идею советской сатиры, они встали на путь искусственного создания и раздувания разного рода фальшивых, сенсационных «конфликтов», видя в этом главную цель драматурга.

Между тем, как прекрасно показывает Лессинг, для настоящего драматурга изображение конфликта отнюдь не является самоцелью. Оно служит для него лишь средством показать наиболее глубокие процессы жизни, раскрыть ее внутренние закономерности и движущие силы. В борьбе и столкновении с трудностями раскрываются характеры людей, укрепляются их силы, их решимость, воспитываются самоотвержение и героизм. Подлинный драматургический конфликт может возникнуть лишь на основе глубокого изучения жизни, на основе показа того, как в реальном процессе борьбы и развития людей возникают и преодолеваются различные жизненные противоречия.

Лессинг придавал огромное значение проблеме типического в искусстве и поэзии. Дидро считал, что между комедией и трагедией с точки зрения общезначимости выводимых в них образов существует различие. «В комедии, — писал великий французский материалист, — изображаются типы, в трагедии же индивидуумы... Героем трагедии бывает определенный человек: это непременно Регул, или Брут, или Катон, а не кто-нибудь другой. В комедии же, напротив, главное лицо олицетворяет собой целую категорию личностей» (там же, стр. 596. Разрядка моя. — Г. Ф.).

Приводя эти слова Дидро, Лессинг показывает их ошибочность, связанную со слишком метафизическим, отвлеченным пониманием категории типического. Типичность, утверждает Лессинг, — необходимое свойство героев не только комедии, но и трагедии, как и вообще всякого подлинного искусства. Поэзия всегда стремится к «типическим чертам», ее цель — «общее» («Гамбургская драматургия», стр. 325).

Разработка Лессингом проблемы типического представляет большой интерес для нашей эстетики. Отвергая метафизическое противопоставление индивидуального и типического, к которому склонялся Дидро, Лессинг приближается к правильному, диалектическому пониманию взаимоотношения индивидуального и типического в искусстве.

Лессинг не ограничился общей постановкой вопроса о роли типического в искусстве. Герой комедии, указывает Лессинг, как и герой трагедии, обобщает черты многих людей, но черты эти могут выступать у него в особо обостренной, преувеличенной форме. Так, скупость у героя комедии Мольера «Скупой» или хвастовство у «Хвастливого воина» Плавта доведены до необычайных, резко преувеличенных размеров. Такой характер Лессинг называет «насыщенным». «Насыщенный» характер — это харак-

тер типический, «скорее олицетворенная идея характера, чем охарактеризованная личность» («Гамбургская драматургия», стр. 344).

Постановка вопроса о несовпадении типического со «средней пропорцией» возвышает Лессинга над уровнем метафизической теории искусства его времени. Однако, подняв на страницах «Гамбургской драматургии» вопрос о том, как «насыщенный», необычный характер может быть в то же время типичным, Лессинг вынужден был оставить его без ответа, чувствуя неразрешимость его для научной мысли своего времени. В этом сказывается историческая ограниченность Лессинга как просветителя.

V

Исходя из положения об активной роли искусства и театра, призванных служить воспитанию членов общества в духе демократических идеалов, Лессинг отводил важную роль проблеме положительного героя в искусстве.

В придворно-аристократическом театре исключительной привилегией на серьезное, патетическое изображение пользовались цари и мифологические герои — идеализированные представители дворянского государства. В противовес этому Лессинг защищает право простого, демократического человека на серьезное, а не снисходительное изображение в искусстве. «Имена принцев и героев, — пишет он, — могут придать пьесе пышность и величие, но нисколько не способствуют ее трогательности. Несчастья тех людей, положение которых всего ближе к нашему, естественно, всего сильнее действуют на нашу душу...» (Избранные произведения, стр. 520).

С этой точки зрения Лессинг в молодые годы защищал вместе с Дидро семейно-бытовую «мещанскую» драму, образец которой он дал в «Мисс Саре Сампсон» (1755). Однако в зрелые годы Лессинга уже не удовлетворяет «мещанская» драма, прославляющая домашний очаг, скромные семейные добродетели, простоту и чувствительность заурядных, обыденных людей из буржуазной среды. В центре исканий Лессинга стоит трагедия с широким национально-политическим и этическим содержанием. Опираясь на образцы античной трагедии и на драматургию Шекспира, Лессинг ищет путей к такому театру, герои которого вызывали бы не только пассивное сострадание и сочувствие, но поднимали бы зрителей над буржуазной повседневностью, воспитывали в них мужество и героизм, закаляли их для борьбы с феодальным гнетом, насилием и несправедливостью.

С борьбой Лессинга за образ человека-героя в искусстве связана его полемика в «Лаокооне» с создателем буржуазно-демократического культа античности и буржуазного классицизма в Германии И. Винкельманом, имевшая глубокий революционный смысл. В своей «Истории искусства древности» (1764) и других сочинениях Винкельман противопоставлял искусству императорского Рима, которое служило образцом для теоретиков дворянского классицизма XVII века, художественный идеал демократических Афин. На примере античности он доказывал, что не меценатство «просвещенного» монарха Августа или Людовика XIV, а политическая свобода создает подлинные условия для расцвета искусства. Но утверждение высоких гражданских, политических идеалов сочеталось во взглядах Винкельмана с созерцательной, идеалистической тенденцией. Он видел истинное величие в стоической невозмутимости человеческого духа, который, подвергаясь насилию и мучениям, не негодует и не возмущается против них, а уходит в себя и внутренне торжествует над ними. Образец подобной невозмутимости, выражение несокрушимой твердости духа, противостоящего земным страданиям, Винкельман усматривал в образе Лаокоона.

Взгляды Винкельмана, выдвинувшего в античном искусстве на пер-

вый план его героическое содержание и демократические черты, оказали этой своей сильной стороной большое влияние на искусство и театр периода французской буржуазной революции XVIII века. Они явились одним из источников революционного классицизма в искусстве этой эпохи. Однако в условиях феодальной Германии Лессинга не могла не тревожить слабая сторона взглядов Винкельмана. Стоицизм Винкельмана, его созерцательная тенденция легко могли служить здесь теоретическим оправданием примирения с действительностью. Вот почему Лессинг в своем «Лаокооне» страстно выступил против данного Винкельманом истолкования образа Лаокоона.

Винкельман считал основными чертами пластических образов греческого искусства «благородную простоту» и «спокойное величие». Образы, созданные античными скульпторами, по его утверждению, прекрасны потому, что они изображают людей, которые умеют хранить возвышенность духа, спокойствие и благородную простоту перед лицом превратностей жизни. Лессинг же доказывает, что идеалом греческого искусства был не человек, стоящий выше жизни и общественной борьбы, а человек, живущий всеми сторонами нормальной, здоровой человеческой природы, человек из крови и плоти, который чувствует боль и страдания и именно поэтому непреклонен в борьбе за свободу. Равнодушен к страданию, утверждал Лессинг, лишь тот, кто равнодушен к жизни. Тот же, кто любит жизнь и готов стойко бороться за счастье людей, не может быть равнодушным к тому, что враждебно жизни.

Лессинг выступил против пассивного, созерцательного отношения к жизни; он утверждал на практике и в искусстве образ активного, мужественного человека, не боящегося страданий и трудностей борьбы. Идеал Лессинга — «человек-герой» (см. там же, стр. 407), сочетающий естественную человечность, полноту и силу чувства с верностью голосу убеждения и долга, негодующий против притеснений и смело вступающий в борьбу с ними. Таковы, как показывает Лессинг, лучшие героические образы, созданные древнегреческим искусством, в частности герой трагедии Софокла «Филоклет». Софокл изображает Филоклета в момент, когда тот уже много лет томится на необитаемом острове, страдая от голода и мучительной, незаживающей раны. Мы видим Филоклета в минуты, когда он, преодолевая боль, непреклонно отвергает все предложения своих врагов, обещающих ему освобождение, если он позволит использовать себя для их своекорыстных целей.

Таким образом, человечность сочетается в Филоклете с героизмом, простота и естественность с нравственным величием и стойкостью. Филоклет живет чувствами своего народа, которым он остается верен без насилия над собой, так как следует своему внутреннему убеждению.

VI

При всем своем замечательном уме Лессинг был сыном своего времени. Его эстетические взгляды и все творчество в целом отражают историческую ограниченность его эпохи. Подобно другим передовым западноевропейским мыслителям XVIII века, Лессинг жил в ту пору, когда *«все общественные вопросы, — по определению В. И. Ленина, — сводились к борьбе с крепостным правом»* (В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 473). Противоречий буржуазного общественного строя, который вырастал из крепостного, Лессинг, как и все другие просветители XVIII века, не видел. Ему казалось, что уничтожение феодализма и сословности должно было принести свободу и благосостояние для всего человечества.

В некоторых отношениях Лессинг сумел подняться выше других западноевропейских просветителей своего времени. К. Маркс в «Теориях прибавочной стоимости», формулируя идею о враждебности капиталистического производства искусству и поэзии, указывает, что уже Лессинг

возвысился над представлением об истории человечества как о простом прямолинейном прогрессе и осмелял «выдумку французов восемнадцатого столетия», будто в буржуазном мире (поскольку он ушел в механике дальше древних) может быть создан эпос. По сравнению с французскими просветителями XVIII века во взглядах Лессинга больше отдельных зачатков диалектики и исторического мышления.

И все же, подобно другим просветителям, Лессинг еще рассматривал «человеческую природу» с отвлеченной, внеисторической точки зрения. Он не понимал, что человек является продуктом истории, продуктом общественных отношений. Нормальная, здоровая человеческая природа во все эпохи неизменна с точки зрения Лессинга, как и с точки зрения других просветителей XVIII века. Поэтому, по его мнению, неизменны и законы искусства. Лучшим выражением этого для Лессинга служит античность.

Ученик и ближайший преемник Лессинга, теоретик движения «Бури и натиска» И. Гердер в своем разборе «Лаокоона» (1769) правильно указал на недостаточный историзм многих идей Лессинга. Лессинг, доказывал Гердер, ошибался, отождествляя античный мир с обществом своего времени, античного человека — с человеком своей эпохи. В древнем мире отдельная личность была частью коллектива — рода или городской общины — и свято чтит его законы. Важнейшим условием греческого искусства была мифология, которая являлась особой образно-поэтической формой народной мысли, чего не учитывал Лессинг.

Однако идеализация античности, свойственная Лессингу, как и другим просветителям XVIII века, имела не только свою слабую, но и свою великую революционную сторону. Это отчетливо видно из сравнения взглядов Лессинга с идеями Гердера. Наряду с более глубоким историзмом во взглядах Гердера получила отражение и иная, ошибочная тенденция — тенденция к релятивизму, к отрицанию объективных законов искусства, которая нашла свое дальнейшее развитие во взглядах романтиков.

Указывая на многообразие исторических типов художественного творчества, Гердер делал отсюда вывод, что попытка Лессинга установить объективные законы искусства и его различных видов ошибочна, так как искусство бесконечно индивидуально и разнообразно в своих проявлениях.

В «Гамбургской драматургии» Лессинг резко выступил против провозглашенной Гердером и другими ранними представителями «Бури и натиска» идеи творческой свободы художника-«гения», имевшей ложный, анархический оттенок. Лессинг доказывал, что настоящий художник должен опираться в своем творчестве на объективные законы искусства. Поэтому настоящее искусство и критика, стремящаяся теоретически определить законы художественного творчества, не могут противоречить друг другу.

Характерный для Лессинга культ античности, его взгляд на античного человека как на воплощение нормальной, здоровой человеческой природы был обусловлен теми же историческими причинами, что и преклонение перед античностью других представителей революционной буржуазии XVIII века. «В классически строгих преданиях Римской республики, — писал Маркс, говоря о французской буржуазной революции 1789—1793 годов, — гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. 1, стр. 213. 1952).

«Воскрешение мертвых» служило у Лессинга, как и у других представителей революционной буржуазной демократии XVIII века, «для возвеличения новой борьбы» (там же). Свойственный Лессингу культ

античности был выражением его веры в гармонический характер общественных отношений, призванных сменить ненавистные ему крепостнические порядки. Нового человека, освобожденного от феодально-крепостнического гнета, Лессинг мыслил по образцу героев древнего мира. Точно так же новое искусство, освобожденное от придворной пышности и условного величия, от искусственных и извращенных страстей, от жертвенной религиозной морали, представлялось Лессингу продолжением античного искусства, соединявшего в лучшую пору в своих образцах красоту и истину, естественную человечность с героизмом, свободу личности с сознанием гражданского долга.

Идеализация древних республиканских нравов, античного героизма, античного искусства служила у Лессинга возвеличению идей общественной дисциплины, гражданского долга, возвеличению образа человека — героя и борца. Она имела для его времени революционный смысл и была направлена против эгоистического своекорыстия, пассивности, слабости и малодушия в жизни и в искусстве, против проповеди субъективизма и бескрылого плоского натурализма в эстетике. Этого революционного смысла лессинговского классицизма никогда не могли понять представители позднейшей буржуазной теории искусства, либо скорбевшие об «антиисторизме» Лессинга, либо фальсифицировавшие взгляды великого просветителя на античность и изображавшие его поклонником отвлеченных идеалов «красоты» и «гармонии».

* * *

Основу для научной оценки Лессинга и его эстетических взглядов дают высказывания о Лессинге К. Маркса и Ф. Энгельса. Основоположники марксизма хорошо знали и любили Лессинга. Они высоко оценили значение его борьбы с теоретиком немецкого классицизма Готшедом за создание национальной литературы, сжатый, точный и язвительный стиль Лессинга-полемиста, роль этого великого писателя в выработке основ немецкого литературного языка.

Сопоставляя с Лессингом Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова, Энгельс назвал их «двумя социалистическими Лессингами» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 235). В этой краткой, но точной формулировке отмечено и то общее, что объединяет деятельность Лессинга как демократа-просветителя с деятельностью великих русских революционных демократов, и черты исторического различия между ними. Это различие заключается в гораздо большей революционной последовательности взглядов Чернышевского и Добролюбова, а также в слиянии в их взглядах в одно неразрывное целое элементов революционного демократизма и социализма.

Важную роль в борьбе с фальсификацией наследия немецкого просветителя буржуазной историографией сыграла «Легенда о Лессинге» Ф. Меринга (1891). Стремясь идеологически оправдать сложившийся в Германии после 1848 года союз буржуазии с юнкерской реакцией, буржуазные ученые пытались путем беззастенчивой подтасовки фактов представить Лессинга поклонником прусской монархии. В своей книге, направленной против реакции и прусского милитаризма, Меринг опроверг реакционную легенду о Лессинге и показал, что его наследие, как и наследие других великих немецких писателей, принадлежит рабочему классу, трудящимся Германии.

Одной из лучших работ о Лессинге, сохранивших все свое значение для настоящего времени, является работа Чернышевского «Лессинг, его время, его жизнь и деятельность» (1856—1857). В противоположность буржуазным биографам великого немецкого просветителя, стремившимся затушевать революционные черты его творчества, Чернышевский блестяще показал боевой, демократический характер всей деятельности Лессинга —

писателя и ученого. Эта работа Чернышевского навсегда останется выдающимся памятником дружеских связей между передовой русской и немецкой культурой.

Многие общественные и эстетические проблемы, поднятые Лессингом, сохраняют жизненное значение и в наше время. Гуманизм Лессинга, его ненависть к угнетателям, борьба за национальное единство и отстаивание интересов простых людей имеют большое значение для немецкого народа, перед которым стоят задачи объединения страны на демократических началах, борьбы за мир и национальную независимость. Традиции Лессинга — теоретика и защитника идейного реалистического искусства — близки прогрессивным демократическим писателям и художникам наших дней, борющимся против антиреалистических декадентских влияний, против воинствующего формализма и субъективизма реакционного буржуазного искусства и эстетики.

Многие идеи, высказанные Лессингом в его эстетических сочинениях, представляют большой интерес для развития нашей эстетической мысли, для советской литературы и искусства. Сюда относятся прежде всего высказывания Лессинга о содержательности художественной формы различных искусств, о специфических законах поэзии и живописи, его разработка проблемы типического. Взгляды Лессинга на театр, изложенные в «Гамбургской драматургии», поучительны для советских драматургов и деятелей театра в их борьбе против теории «бесконфликтности», нанесшей существенный вред нашему искусству, в построении теории советской комедии и героической трагедии.

Лессинг продолжает жить в сознании современного человечества как один из лучших представителей демократических традиций немецкого народа, а его наследие и в наши дни участвует в борьбе за передовую человеческую культуру.

ЛЕКЦИИ И КОНСУЛЬТАЦИИ

О двух этапах развития народно-демократического строя в европейских странах народной демократии

П. К. ФИГУРНОВ

Народно-демократический строй в странах Центральной и Юго-Восточной Европы возник на основе соединения героической освободительной борьбы Советского Союза против гитлеровского фашизма с массовым национально-освободительным, антифашистским движением, с острой классовой революционной борьбой трудящихся этих стран против империалистов, против «своих» крупных капиталистов и помещиков. Этот строй не результат «экспорта революции», «искусственного насаждения извне», «насилованного вмешательства» Советского Союза, как об этом клеветнически болтают агенты мировой реакции. Строй народной демократии — создание самих народных масс. Народы этих стран использовали разгром гитлеровской Германии вооруженными силами Советского Союза, чтобы сбросить с себя не только гнет чужеземных империалистов, немецких фашистов, но и их пособников — реакционные правящие круги в своих странах.

Победа Советского Союза над фашистскими захватчиками сыграла решающую роль в завоевании власти трудящимися стран народной демократии. Но ясно также, что при наличии этого фактора строй народной демократии мог возникнуть лишь в обстановке внутреннего подъема национально-освободительного движения, классовой борьбы широких народных масс этих стран под руководством коммунистических и рабочих партий, то есть в обстановке, которая возникла как неизбежный результат нарастания классовых противоречий. В период общего кризиса капитализма внутренние классовые противоречия во всех капиталистических странах обостряются до крайности, подводя трудящиеся массы к революционным действиям против эксплуататорских классов. Это в полной мере относится и к странам Центральной и Юго-Восточной Европы, в которых впоследствии образовался строй народной демократии. Во время и после второй мировой войны внутренние противоречия в этих странах особенно резко обострились.

Оккупация гитлеровской Германией, гнет и порабощение, потеря национальной независимости, национальная измена отечественной крупной буржуазии и помещиков резко усилили в странах Центральной и Юго-Восточной Европы все классовые противоречия и вызвали широкое национально-освободительное, антифашистское движение. Именно в силу предательства национальной буржуазии и помещиков, которые сомкнулись с оккупантами, чтобы вместе с ними грабить народы своих стран, нельзя было бороться против фашистских оккупантов, не ведя борьбы против «своих» крупных капиталистов и помещиков, которые были опорой этих оккупантов. Эта борьба и привела в условиях побед СССР над фашистскими захватчиками к народно-демократической революции.

«...Без разгрома империалистических гитлеровских захватчиков благодаря победе СССР в последней войне,— говорил товарищ Берут,—

было бы невозможным как национальное освобождение Польши и других народов, поработанных гитлеризмом, так и завоевание власти польским народно-демократическим правительством в момент освобождения страны».

«Без героической освободительной борьбы Советского Союза и его постоянной бескорыстной поддержки, — говорил товарищ Ракоши, — венгерская народная демократия, — можно добавить: и остальные народные демократии — не могла бы быть создана».

По своему классовому содержанию, движущим силам, по своим стратегическим задачам народно-демократическая революция возникла как буржуазно-демократическая, при гегемонии пролетариата. Возможность такой революции в эпоху империализма предвидел великий Ленин еще в 1905 году. Исторической особенностью руководимой рабочим классом буржуазно-демократической революции в странах народной демократии явилось то, что эта революция непосредственно выросла из общенациональной борьбы за освобождение от иноземных захватчиков, связанных с «отечественным» монополистическим капиталом, и потому она была не только антифеодальной, но и национально-освободительной, антифашистской и антиимпериалистической революцией.

Главной движущей силой народно-демократической революции выступил пролетариат, как самый передовой и единственно до конца последовательный революционный класс, руководствующийся самой передовой революционной теорией и обладающий всеми качествами для того, чтобы вести за собой крестьянство, народ. Будучи гегемоном, вождем революции, рабочий класс этих стран, возглавляемый коммунистическими партиями, сплотил вокруг себя широкие слои народных масс, крестьянства, интеллигенции, а также антифашистски и патриотически настроенной мелкой буржуазии и некоторой части средней буржуазии, страдавшей от фашизма и крупного иностранного капитала, организовал их на борьбу за национальное освобождение страны, против фашизма, империалистической кабалы, феодализма. Этот охват революцией различных социальных групп свидетельствовал о характере задач, стоявших на первом этапе народно-демократической революции, о характере этого этапа.

Гегемония пролетариата придала буржуазно-демократической революции широчайший размах, обеспечила ее победу, создала реальную возможность перерастания ее в социалистическую революцию, возможность постепенного мирного перехода от буржуазно-демократической к социалистической революции, от первого ко второму этапу развития народно-демократического строя.

На первом этапе, который продолжался примерно с осени 1944 года до 1947—1948 годов¹, строй народной демократии представлял собой в государственно-политическом отношении революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства при руководящей роли рабочего класса. Это был этап революционно-демократических преобразований. Основной задачей народно-демократической власти в этот период являлось завершение буржуазно-демократической революции. Национальное освобождение от иноземных захватчиков, полное искоренение фашизма, устранение империалистического гнета, проведение аграрной реформы, ликвидация остатков феодально-крепостнических отношений, демократизация всего общественного строя, восстановление народного хозяйства — вот что было характерным, специфическим для первого этапа. Существо, специфику второго этапа составляют преобразования социалистического типа. На втором этапе своего развития строй народной демократии выполняет функции диктатуры пролетариата, строит основы социа-

¹ В разных странах народной демократии, естественно, длительность первого этапа развития народно-демократического строя была различной. Так, в Чехословакии первый этап продолжался с 4 апреля 1945 до февраля 1948 года, в Польше — с июля 1944 до конца 1947 — середины 1948 года, в Румынии — с 6 марта 1945 до конца 1947 года.

лизма, вовлекает широкие слои трудящихся в социалистическое строительство.

Эти два различных по своему характеру революционных этапа представляют собой единый, непрерывный революционный процесс. Буржуазно-демократическая революция при гегемонии пролетариата является необходимой подготовкой к социалистической революции. Социалистические преобразования, в полной мере осуществляемые на втором этапе, начинают проводиться уже на первом этапе развития строя народной демократии, что знаменует собой процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Этот процесс протекает в острой классовой борьбе и все более нарастает по мере укрепления силы и авторитета рабочего класса, по мере углубления его руководящей роли в союзе рабочих и крестьян.

В. И. Ленин, теоретически обосновывая возможность и необходимость перерастания в период империализма буржуазно-демократической революции при гегемонии пролетариата в социалистическую, писал: «...От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути» (Соч. Т. 9, стр. 213).

В странах народной демократии в специфических конкретных условиях это ленинское положение нашло блестящее подтверждение.

Рабочий класс, руководимый Коммунистической партией, будучи гегемоном в буржуазно-демократической революции, сумел повести за собой, как уже сказано, не только крестьян и различные полупролетарские слои. Он вовлек в дело национального освобождения страны и некоторые буржуазные прослойки, страдавшие от гитлеровских оккупантов.

Этим объясняется, что некоторое время на первом этапе существования строя народной демократии в народный фронт и в состав правительства входили и партии средней буржуазии, кулачества. Никола Петков — в Болгарии, Надь Ференц, Баранкович, Пфейффер — в Венгрии, Миколайчик — в Польше, Татареску — в Румынии, Зенкл, Рипка, Шрамек, Леттрих, Годжа — в Чехословакии, являясь лидерами буржуазных партий и участвуя в коалиции, представляли и защищали в правительстве и парламентах этих стран классовые интересы буржуазии. Они стремились навязать народно-демократическому правительству чисто буржуазную программу, программу укрепления капиталистических порядков, ликвидации народной демократии и установления «демократии» по американскому образцу. Войдя в правительство, сохранив известные политические, а также экономические позиции, они пытались всеми средствами вредить развертыванию революции, подорвать руководящую роль коммунистических партий, оттеснить их от власти. Они стремились оторвать страны народной демократии от Советского Союза, втянуть их в орбиту американско-английского блока.

Буржуазные партии допускались к участию в народно-демократическом, революционном правительстве на первом этапе строя народной демократии прежде всего потому, что они не были еще в то время полностью разоблачены в глазах народа как партии, тесно связанные с американско-английским империализмом. За ними еще шли, кроме крупных фабрикантов, купцов, банкиров, кулаков, помещиков, богатых домовладельцев, крупных чиновников, генералитета, также и часть мелкой буржуазии, отсталые слои трудящегося населения, в особенности крестьянства.

В целях обмана народных масс буржуазные партии вели двойную игру и вначале не выступали открыто против народно-демократической революции. При помощи левых демагогических фраз и лживой солидаризации с патриотическими задачами национального фронта, спекулируя на антифашистских настроениях народных масс, они тщательно маскировали

свою контрреволюционную природу, тесную связь с американскими реакционными кругами. Эта их подлинная природа была полностью разоблачена лишь в ходе дальнейшей борьбы народных масс за упрочение народно-демократического строя, в процессе осуществления широких демократических преобразований (аграрная реформа, чистка государственного аппарата, армии и т. п.), при проведении ряда социалистических мероприятий (национализация промышленности, банков, рабочий контроль, социалистическое кооперирование трудящихся крестьян, классовая, пролетарская налоговая политика и т. п.). Расхождения внутри временной коалиции все более нарастали. Буржуазные партии все больше обнаруживали свое контрреволюционное лицо. Они стали заниматься вредительством и саботажем в области экономики, устраивать контрреволюционные заговоры в надежде установить в стране при поддержке зарубежных реакционных кругов буржуазно-помещичьи порядки.

Однако буржуазным партиям не удалось реализовать свои контрреволюционные замыслы. В то время как буржуазные партии, в том числе и правые социалисты, смыкаясь с американско-английской империалистической буржуазией, все больше разоблачали себя как предателей национальных интересов и противников подлинно демократических свобод, коммунисты все убедительнее проявляли себя как надежные, смелые, самоотверженные патриоты, борцы не только против германского фашизма, но и против империализма вообще, против буржуазно-помещичьего гнета и порабощения, за подлинную свободу народов, за национальную независимость. Коммунистические партии стран народной демократии подняли знамя демократии и знамя национальной независимости и сумели повести народные массы за собой. Вот почему буржуазные партии не смогли создать достаточной реальной силы для того, чтобы осуществить свои контрреволюционные планы. Не имея широкой социальной опоры внутри страны, эти партии пытались опереться на американско-английские империалистические круги, стремясь при их активной помощи организовать контрреволюционные перевороты. Народно-демократическая власть во-время предупредила и сорвала эти коварные замыслы. Вооруженная интервенция, на которую возлагали большую надежду буржуазные партии, также оказалась невозможной, так как страны народной демократии опирались и опираются на дружественную поддержку и помощь Советского Союза. Были сорваны также преступные замыслы шпионско-заговорщических банд.

В процессе осуществления политических и экономических задач народно-демократической революции, в условиях ожесточенной классовой борьбы коммунистические партии неуклонно усиливали руководящую роль рабочего класса, укрепляли союз рабочего класса и крестьянства, являющийся основой народно-демократического строя. Вслед за разоблачением буржуазных партий были разоблачены и разгромлены агенты империализма внутри правых социалистических и социал-демократических партий этих стран. Все это вело к укреплению народно-демократического строя, способствовало перерастанию буржуазно-демократической революции в социалистическую. Вокруг коммунистических партий стран народной демократии все более консолидировались, сплачивались левые элементы социал-демократических партий и подлинно патриотические и демократические элементы других политических партий. Объединение коммунистической партии с левым крылом социал-демократической партии, образование единых рабочих партий в Румынии, Болгарии, Чехословакии и Польше в 1947—1948 годах сыграли важнейшую политическую роль в ликвидации длительного раскола рабочего класса в странах народной демократии, в формировании широкой боевой политической армии.

Единые рабочие партии образовались на идеологическом фундаменте марксизма-ленинизма. Марксизм-ленинизм, имеющий величайшее международное значение как единственная научная теория общественного раз-

вития, является идеологической, тактической, организационной основой единых партий рабочего класса, образовавшихся в странах народной демократии. Предательские попытки правооппортунистических элементов внутри коммунистических и рабочих партий нарушить идеологическую сплоченность рабочего класса и оторвать его от социалистического лагеря окончились полным провалом. Разоблачение и разгром этих предателей ускорили политическое объединение рабочего класса в странах народной демократии и привели к созданию единых профсоюзов, единых молодежных, женских и других массовых организаций.

Достижение политического единства рабочего класса сыграло решающую роль в укреплении народно-демократического строя, в усилении позиции рабочего класса как национального вождя, как гегемона в народном фронте, в органах государственной власти, во всей общественной жизни стран народной демократии. Объединение рабочих партий, сплочение подавляющего большинства рабочего класса вокруг коммунистической партии явились важнейшей политической предпосылкой становления диктатуры пролетариата, одним из главных политических факторов перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию.

* * *

Усиление гегемонии рабочего класса в демократической диктатуре рабочего класса и крестьянства, объединение рабочих партий, систематическое разоблачение и изоляция буржуазных партий, их политическое банкротство, идейный и политический разгром правых социал-демократов, правых и «левых» предателей рабочего класса, пробравшихся в коммунистические и рабочие партии, демократизация всего общественного строя, чистка государственного аппарата от реакционных элементов — все эти важнейшие политические предпосылки перерастания народно-демократической революции в социалистическую революцию непосредственно были связаны с постепенными революционными преобразованиями в области экономики и опирались на эти преобразования.

Коммунистические партии, выражая интересы прогрессивных сил общества и стоя во главе этих сил, исходя из экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, организовали народ на борьбу с реакционными силами общества, за устранение феодальных пережитков и капиталистических производственных отношений, ставших тормозом общественного развития, и замену их новыми производственными отношениями, которые являются могучим двигателем развития производительных сил. Коммунистические партии были идейными вдохновителями и организаторами всех крупных социально-экономических преобразований, проведение которых означало укрепление нового демократического строя, перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию. «В этом проявилась одна из особенностей режима народной демократии, — говорил товарищ Ракоши, — поскольку еще на первом этапе, в период буржуазно-демократической революции, коммунистические партии, принимая руководящее участие в государственной власти, могут разрешить и такие задачи, которые по своему характеру относятся уже к периоду развития пролетарской революции».

Крупным социально-экономическим преобразованием, которое было осуществлено на первом этапе народно-демократической революции, явилась аграрная реформа. Только рабочий класс под руководством коммунистических партий, при активной поддержке трудящихся крестьян мог осуществить это революционное мероприятие. Аграрная реформа ликвидировала помещичье землевладение в странах народной демократии, нанесла реакционнейшему классу помещиков смертельный удар. Трудовое крестьянство избавилось от вековой кабалы, от всех форм крепостниче-

ской эксплуатации. В результате аграрной реформы союз рабочего класса и трудового крестьянства существенно укрепился. Середняк стал прочным союзником рабочего класса, а крестьянская беднота — его опорой.

Аграрная реформа сама по себе не есть социалистическое мероприятие. Осуществление ее — одна из основных задач буржуазно-демократической революции. Но, оценивая значение аграрной реформы, необходимо учесть то важное обстоятельство, что в условиях империализма феодальная верхушка срослась с финансовым капиталом, и, следовательно, удар по ней есть удар и по финансовому капиталу. В то же время аграрная реформа явилась необходимым условием для перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию, поскольку эта реформа укрепляла руководящую роль рабочего класса в его союзе с крестьянством и служила необходимой предпосылкой для социалистического преобразования сельского хозяйства.

Сельскохозяйственная производственная кооперация стала возникать в странах народной демократии, несмотря на саботаж и вредительство реакционных классов, уже на первом этапе народно-демократической революции, после проведения аграрной реформы. Притом возникали не только низшие формы производственных кооперативов, как, например, товарищества по совместной обработке земли, но и более высокие формы. Так, в Болгарии уже в конце 1946 года имелось 480 производственных кооперативов (ТКЗХ), а в конце 1947 года — 549, в которых было объединено 44 159 крестьянских хозяйств с земельной площадью в 180 тысяч гектаров; в Венгрии уже в 1945 году возникло 100 товариществ по совместной обработке земли, в Албании в 1946 году было создано 7 кооперативов типа сельскохозяйственной артели, а в 1948 году число их увеличилось до 56, в которых было объединено 1 168 крестьянских хозяйств с земельной площадью более чем в 10 тысяч гектаров; в Румынии в 1948 году имелось 426 товариществ по совместной обработке земли.

Полный простор и наивысшее развитие производственная сельскохозяйственная кооперация получает только на втором этапе развития строя народной демократии. В этих условиях кооперативная собственность в полной мере становится по своему характеру социалистической. Но уже в условиях демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, при наличии в решающих отраслях народного хозяйства общенародной социалистической собственности, кооперация, объединяющая трудящихся крестьян и руководимая рабочим классом, вела успешную борьбу с капиталистической эксплуатацией и способствовала укреплению союза рабочего класса и крестьянства. Наряду с этим сельскохозяйственная кооперация содержала еще в тот период элементы капиталистического порядка. В состав ее нередко входили кулаки, в ней частично применялся наемный труд, допускалась аренда земли. Следовательно, сельскохозяйственная кооперация на первом этапе развития строя народной демократии являлась переходной формой, в которой имелись социалистические и капиталистические элементы.

Возникновение сельскохозяйственной кооперации, хотя бы и в начальных формах, в странах народной демократии на первом этапе их развития явилось немаловажным фактором перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Однако решающим фактором этого перерастания в области экономики служит возникновение и развитие государственной социалистической собственности.

Социалистическая собственность на средства производства стала зарождаться и развиваться уже на первом этапе народно-демократической революции. Во-первых, в собственность нового народно-демократического государства перешли государственный банк, все железные дороги, средства связи, воздушные линии, военные заводы, арсеналы, ряд промышленных предприятий, ранее находившихся в руках буржуазно-поме-

щичьего государства. Во-вторых, в собственность народно-демократического государства перешли шахты, заводы, фабрики и другое капитальное имущество, конфискованное у немецких фашистов, у капиталистов, которые сбежали на Запад или же сотрудничали с фашистскими оккупантами. В-третьих, народно-демократическое государство осуществило национализацию крупных предприятий, принадлежавших крупной монополистической буржуазии.

В результате этих важнейших революционных мероприятий уже в 1946 году доля социалистической собственности в промышленности составляла: в Польше — 79,0%, в Чехословакии — 75,0%, в Венгрии — 56,0%, в Болгарии — 33,6%. Это свидетельствовало о том, что позиции монополистического капитала в странах народной демократии в корне подорваны, что народные массы стали на путь избавления от империалистической кабалы. Социалистическая собственность укрепила политическую власть и экономическое положение рабочего класса и трудового крестьянства. Она явилась условием планового развития народного хозяйства.

Возникновение и развитие социалистической собственности на первом этапе народно-демократического строя означает становление, создание социалистических производственных отношений. В этом выражалось в первую очередь перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую в области экономики.

Наряду с возникновением и ростом социалистической собственности на средства производства на первом этапе народно-демократической революции во всех странах народной демократии в условиях ожесточенной классовой борьбы стал осуществляться рабочий контроль и ряд других крупных социалистических экономических мероприятий новой народно-демократической власти.

Рабочий контроль над частными капиталистическими предприятиями, банками был установлен для преодоления саботажа капиталистов и их наймитов, в целях организации и развития производства, обеспечения учета всех материальных ресурсов, распределения в интересах общества сырья, полуфабрикатов, рабочей силы. Рабочий контроль, направленный против буржуазии, подрывал экономическую власть буржуазии, способствовал перерастанию демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства в диктатуру пролетариата. В то же время, осуществляя действенный контроль над капиталистическими предприятиями, рабочие массы приобретали большой практический опыт по овладению производственно-техническим аппаратом предприятий.

Гегемония пролетариата в буржуазно-демократической революции позволила на основе создания в более или менее крупных масштабах социалистической собственности на средства производства и введения рабочего контроля приступить к планированию народного хозяйства уже на первом этапе народно-демократического строя. Это явилось важным фактором перерастания народно-демократической революции в социалистическую.

Конечно, планирование народного хозяйства в странах народной демократии находилось в тот период в зачаточном состоянии. В условиях многоукладной экономики оно не могло охватить все отрасли народного хозяйства и все предприятия. Прямое государственное планирование устанавливалось лишь для тех отраслей народного хозяйства и тех предприятий, где была утверждена социалистическая собственность на средства производства, и далеко еще не охватывало всех сторон производства с его многочисленными количественными и качественными показателями.

Становление и развитие социалистической собственности и социалистического сектора в странах народной демократии в значительной мере ускоряется в силу той огромной экономической братской помощи, которую оказывает странам народной демократии Советский Союз.

* * *

Проведение в жизнь революционных, политических и экономических преобразований, как уже отмечалось, вызвало яростное сопротивление буржуазии, усилило ее контрреволюционную, заговорщическую деятельность, крайне обострило классовую борьбу в странах народной демократии. Развитие и обострение классовой борьбы привели к полному разоблачению, изоляции и разгрому буржуазных партий. Раскрытие и разгром контрреволюционных заговоров, изгнание из правительства и народного фронта представителей буржуазии знаменовали переход всей полноты государственной власти к рабочему классу, находящемуся в союзе с трудовым крестьянством, переход к диктатуре пролетариата.

На этом новом этапе народно-демократические государства под руководством коммунистических партий, ломая и преодолевая отчаянное сопротивление буржуазии и ее приспешников, при полной поддержке трудящихся масс успешно осуществили широкую национализацию промышленности. Тем самым буржуазии, капитализму, реакции был нанесен решительный, смертельный удар как в области политики, так и в области экономики. Вместе с тем была создана реальная основа для построения социалистического общества.

В Болгарии переход ко второму периоду развития строя народной демократии завершился в конце 1947 года. Великое народное собрание, выполняя волю народа, единогласно приняло новую конституцию Народной Республики Болгарии. Эта конституция отражает и закрепляет в законодательном порядке результаты героической национально-освободительной революционной борьбы болгарского народа против монархо-фашистской и буржуазной тирании. Новая конституция закрепила основы безраздельной власти рабочего класса, его диктатуры, построения социалистического общества.

В осуществление новой конституции народно-демократическая власть приняла в декабре 1947 года решение о широкой национализации промышленности, шахт и рудников. Были национализированы все крупные, средние, часть мелких предприятий. Всего национализировано 5 552 предприятия.

Был принят также «Закон о банках», согласно которому все банковское дело и заключение всех банковских сделок и операций перешло исключительно в ведение государства.

В результате национализации промышленности и развития последней в руках государства уже к концу 1948 года находилось 93% всего промышленного производства страны, в кооперации — 2% и в частном владении — 5%.

В Румынии переход ко второму этапу завершился в конце декабря 1947 года, когда из правительства были изгнаны последние представители буржуазии в лице национал-либеральной партии Титареску, разгромлен ряд опорных пунктов американо-английского империализма, в первую очередь национал-царанистская партия, ликвидирована монархия и провозглашена Румынская Народная Республика. «Провозглашение республики,— пишет товарищ Г. Георгиу Деж,— означает победу рабочего класса и его главного союзника — трудового крестьянства — над эксплуататорскими классами, завершение задач буржуазно-демократической революции и переход к решению задач социалистической революции».

3 апреля 1948 года Великое национальное собрание Румынии приняло новую конституцию, в осуществление которой народно-демократическая власть провела в июне 1948 года широкую национализацию промышленности, банков, горнорудных предприятий и транспорта. Всего к государству перешло 1 609 промышленных предприятий. В руках частного капитала остались только мелкие предприятия с числом рабочих до десяти и небольшое количество средних предприятий. Весь транспорт, кредит,

служба связи, страховое дело полностью перешли в руки народно-демократического государства.

В Венгрии переход ко второму этапу завершился в конце 1947 — середине 1948 года. Венгерский парламент по инициативе коммунистической партии принял 21 ноября 1947 года законопроект о национализации 13 крупных банков. Одновременно были национализированы многие крупные и средние промышленные предприятия, которые принадлежали этим национализированным банкам. 25 марта 1948 года были национализированы предприятия, на которых работало сто и более рабочих и служащих. 28 декабря 1949 года была проведена дополнительная национализация промышленных предприятий, на которых работало десять и более рабочих и служащих. В результате в руках государства сконцентрировалось в 1948 году 85% промышленного производства страны, а в 1949 году — 92%.

В Чехословакии переход ко второму этапу совершился в феврале 1948 года, когда были разгромлены внутренние реакционные силы, пытавшиеся по указке американо-английских империалистов осуществить контрреволюционный путч.

После февральских событий 1948 года рабочий класс, укрепив свои политические позиции, ломая сопротивление всех реакционных сил, перешел к проведению национализации в широких масштабах. Были национализированы все фабрики и заводы, насчитывающие свыше 50 рабочих. В результате национализации промышленности и ее развития в руках государства оказалось в 1949 году 97,5% промышленного производства страны.

Непосредственный переход ко второму этапу в Польше, завершившийся в конце 1947 года, нашел свое яркое выражение в следующих важнейших фактах. В январе 1946 года была национализирована вся крупная и средняя промышленность. В июне 1946 года ликвидирована буржуазная двухпалатная парламентская система. В сентябре 1946 года принят закон о трехлетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1947—1949 годы. В январе 1947 года происходили выборы в сейм. За блок демократических партий, возглавляемый Польской рабочей партией, голосовало подавляющее большинство народа. Партия Миколайчика собрала лишь 10% голосов. Результаты выборов убедительно продемонстрировали, что Рабочей партии удалось сплотить к этому периоду вокруг себя не только преобладающее большинство рабочего класса, но и основную массу трудового крестьянства, буржуазные же политики типа Миколайчика полностью обанкротились; они были разоблачены как агенты американо-английского империализма. В конце 1947 года Миколайчик с кучкой своих ближайших приверженцев бежал за границу.

Во всех странах народной демократии переход ко второму этапу связан с принятием новых конституций, закрепивших завоевание диктатуры пролетариата, основы построения социалистического общества.

* * *

В России в 1917 году произошло два революционных взрыва. Первый, осуществившийся в феврале 1917 года, привел к свержению царско-помещичьей государственной власти и к победе буржуазно-демократической революции. Однако в результате предательства меньшевиков и эсеров государственная власть перешла не к рабочему классу и крестьянству, а к буржуазии, которая стремилась разоружить революцию, подавить ее. Подтвердилось ленинское положение о том, что в условиях империализма буржуазия — контрреволюционный класс. Временное правительство, выражавшее интересы буржуазии, выступало против удовлетворения требований крестьян о передаче им помещичьей земли. Оно не могло

и не хотело дать трудящимся массам хлеба, не хотело прекратить империалистическую войну. Большевистская партия во главе с Лениным помогла трудящимся массам города и деревни распознать подлинное контрреволюционное лицо буржуазии и ее приспешников — меньшевиков и эсеров, способствовала их изоляции. Большевистская партия призвала пролетариат к борьбе за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической, за переход от первого этапа революции ко второму этапу. Яростное сопротивление буржуазии вкупе с меньшевиками и эсерами привело к тому, что добиться этого перехода оказалось возможным лишь путем нового революционного взрыва. Этот взрыв совершился в октябре 1917 года, когда была свергнута власть буржуазии и установлена диктатура пролетариата.

В странах же народной демократии, в отличие от хода событий у нас, не потребовалось двух революционных взрывов. Победа СССР над фашистскими агрессорами помогла народно-освободительному движению в этих странах произвести революционный взрыв, который привел к завоеванию демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Так произошла буржуазно-демократическая революция с гегемонией пролетариата в странах народной демократии. Так в своеобразных исторических условиях, в своеобразной форме народной демократии осуществилось гениальное предвидение Ленина о том, что в эпоху империализма гегемоном в буржуазно-демократических революциях должен выступить пролетариат. Именно такая власть, руководимая коммунистической партией, обеспечила в странах народной демократии перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию, подавив бешеное сопротивление реакционных сил. Наличие диктатуры рабочего класса и крестьянства при гегемонии пролетариата сделало излишним новый революционный взрыв. Диктатура рабочего класса возникла в странах народной демократии на основе постепенного перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию, в условиях острейшей классовой борьбы на основе подавления отчаянного сопротивления реакционных сил, на основе последовательного ослабления политических и экономических позиций буржуазии, неуклонного упрочения народно-демократической государственной власти. В этом состоит важнейшая историческая особенность процесса возникновения диктатуры пролетариата в странах народной демократии.

Эта историческая особенность предопределила и своеобразие формы диктатуры пролетариата в европейских странах народной демократии. Это своеобразие проявилось в некотором использовании парламентских форм, а также в сохранении многопартийной системы в рамках народного фронта. В странах народной демократии в правительство, в государственные органы, в общественные учреждения и организации входят все политические партии трудящихся, составляющие народный фронт, возглавляемый коммунистической партией. В процессе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую контрреволюционные партии были выброшены на свалку истории, а прогрессивные партии, правильно понявшие потребности исторического процесса, пошли рука об руку с компартией в борьбе за построение социалистического общества в странах народной демократии. Своеобразие социалистической революции в любой из стран народной демократии определяется также тем, что социалистические преобразования осуществляются там при наличии СССР и лагеря стран народной демократии, при общей их поддержке друг друга и со стороны СССР, в условиях резкого углубления общего кризиса капитализма, ослабления лагеря империализма и усиления лагеря мира, демократии и социализма. Естественно, что это ускоряет строительство социализма в странах народной демократии.

* * *

Своеобразие условий, в которых протекает развитие стран народной демократии, не могло не найти отражения прежде всего в социалистической индустриализации этих стран.

Индустриализация являлась жизненной необходимостью для стран народной демократии, так как все они¹ были в экономическом и техническом отношении слабыми, отсталыми капиталистическими странами.

В странах народной демократии социалистическая индустриализация осуществляется при значительной помощи Советского Союза и при их взаимном содружестве. Без этого ни одна из стран народной демократии, имея сравнительно ограниченные экономические ресурсы, не смогла бы в одиночестве достичь высоких темпов развития и тем самым в наикратчайший исторический срок решить проблему технико-экономической самостоятельности и независимости от капиталистического мира.

Высокими темпами промышленное производство развивалось в странах народной демократии в восстановительный период. Высокими темпами оно развивается и при осуществлении перспективных народнохозяйственных планов.

Уже в 1953 году довоенный уровень промышленного производства был превзойден в Чехословакии в 2,2 раза, в Румынии — в 2,5 раза, в Венгрии — в 3,5 раза, в Польше — в 3,6 раза, в Болгарии — в 4,5 раза, в Албании — в 9,5 раза. Общий уровень промышленного производства в этих странах уже к концу 1953 года превысил довоенный уровень более чем в 3 раза.

Историческая особенность социалистической индустриализации в странах народной демократии состоит, далее, в том, что она осуществляется на основе разделения труда между государствами лагеря социализма, в условиях мирового демократического рынка. В силу этого нет необходимости каждой стране народной демократии в отдельности развивать у себя весь комплекс тяжелой промышленности, как это имело место в СССР. Да это было бы и невозможно, поскольку большинство этих стран обладает ограниченными материальными ресурсами. Используя международное социалистическое разделение труда, огромную помощь СССР, обеспечивая максимальное использование собственных ресурсов и быстрый рост социалистических производительных сил, каждая страна народной демократии вносит свой вклад в построение социализма во всем социалистическом лагере.

На основе успешного осуществления социалистической индустриализации Болгария, раньше экономически отсталая страна, в короткий срок превратилась из аграрной в индустриально-аграрную страну с собственной тяжелой промышленностью. Социалистический уклад занимает безраздельно господствующее положение в экономике этой страны. Доля социалистического уклада в национальном доходе страны равнялась в 1953 году 79,4%, в валовой продукции промышленности — более 98,6%, в общем товарообороте — 99,6%. Можно сказать, что капиталистические элементы в промышленности, транспорте, внешней и внутренней торговле ликвидированы. В деревне кооперативный строй стал господствующим. Основные массы бедняков и середняков, особенно в зерновых районах страны, вступили в сельскохозяйственные производственные кооперативы. Доля социалистического уклада в сельском хозяйстве в 1953 году составляла 60,5%. Все это дало основание товарищу Вилко Червенкову заявить, что в Болгарии уже построены основы социализма.

Социалистическая индустриализация Румынии также в короткий

¹ За исключением Чехословакии, промышленность которой была сравнительно развита, хотя и однобоко, поскольку преимущественное развитие имела легкая промышленность; достаточно сказать, что в 1937 году доля средств производства в промышленной продукции страны равнялась 40,0%, а доля средств потребления — 60,0%

срок превратила ее из аграрной в индустриально-аграрную страну с собственной тяжелой промышленностью. Доля социалистического уклада в национальном доходе составляла в 1953 году около 75%, в 1953 году в валовой продукции промышленности страны — 99,0%, в сельском хозяйстве — 24%, в оптовой торговле — 100%, в розничной торговле — 77,7%. Социалистический уклад в Румынии занимает безраздельно господствующее положение в экономике страны, за исключением сельского хозяйства, где еще преобладает мелкотоварное индивидуальное крестьянское хозяйство. Следовательно, можно сказать, что в Румынской Народной Республике социализм окончательно победил в промышленности и завоевал прочные позиции в сельском хозяйстве.

Польша и Венгрия из аграрно-индустриальных стран в короткий срок превратились в развитые индустриально-аграрные страны. Доля социалистического уклада во всех отраслях народного хозяйства, за исключением сельского хозяйства, является и здесь абсолютно преобладающей. Так, в Польше доля социалистического уклада в национальном доходе (1952 г.) равнялась 75,0%, в промышленной продукции (1953 г.) — 99,0%, в сельском хозяйстве (1953 г.) — 20,0%, в розничной торговле (1953 г.) — 96,1%. На основе этого товарищ Берут на IX пленуме ЦК Польской объединенной рабочей партии заявил: «Мы имеем нерушимый фундамент социалистической экономики во всех отраслях народного хозяйства за исключением сельского хозяйства».

Чехословакия преодолела к концу пятилетки однобокий характер промышленного развития и превратилась в развитую индустриальную страну с высоким удельным весом тяжелой промышленности, с развитым машиностроением и развитой металлургической промышленностью. Доля тяжелой промышленности в промышленной продукции стала равняться в 1953 году 62,3%, а доля легкой промышленности — 37,7%. В 1953 году удельный вес социалистического уклада в национальном доходе составлял 92,0%, в промышленности (с преобладанием тяжелой промышленности) — 99,6%, в сельском хозяйстве — 43,0%, в розничной торговле — 99,5%. Следовательно, и в Чехословакии трудящиеся массы под руководством коммунистической партии стоят накануне полного построения фундамента социализма во всех отраслях народного хозяйства.

В Албании тоже успешно осуществляется социалистическая индустриализация. Пятилетним планом развития народного хозяйства (1951—1955) предполагается превратить Албанию из отсталой, аграрной страны в аграрно-индустриальную страну.

Своеобразие условий развития стран народной демократии к социализму сказывается и в том, что эти страны, опираясь на достигнутый уровень развития тяжелой промышленности и, что важно отметить, продолжая получать существенную помощь от Советского Союза по линии поставок оборудования для разных отраслей промышленности, а также для сельского хозяйства, имеют возможность на более раннем этапе, чем СССР, уже в переходный период от капитализма к социализму, перейти к более быстрому развитию производства предметов потребления наряду с сохранением преимущественного роста производства средств производства. В этом деле, как и во всем остальном, коммунистические партии стран народной демократии учитывают великий опыт Советского Союза, практику осуществления генеральной линии КПСС.

Творчески применяя этот опыт в своеобразных условиях, страны народной демократии добиваются значительных успехов и в развитии сельского хозяйства по пути к социализму. Поскольку в сельском хозяйстве стран народной демократии, за исключением Болгарии, преобладают еще индивидуальные крестьянские хозяйства, постольку здесь имеет место отставание сельского хозяйства от быстро развивающейся промышленности. Это отставание может быть преодолено только на основе социалистического преобразования крестьянского хозяйства.

Своеобразие этого преобразования в отличие от СССР заключается в том, что в странах народной демократии сельскохозяйственная кооперация существует и развивается в условиях частной собственности на землю. Крестьянин, вступив в производственный сельскохозяйственный кооператив типа ТКЗХ, продолжает оставаться собственником той доли земли, которую он передал в кооператив. Поэтому члены многих кооперативов, кроме доходов по трудодням, получают дополнительный доход, так называемую ренту, в соответствии с размерами принадлежащего им участка земли. Все же основная масса чистого дохода производственных кооперативов распределяется по трудодням.

Следует отметить, что немедленная национализация всей земли после уничтожения власти буржуазии и помещиков не является обязательным условием социалистического строительства. Марксизм-ленинизм учит, что в большинстве капиталистических стран, где традиция частной собственности, привязанность крестьян к своему клочку земли весьма сильны, нельзя немедленно проводить полную национализацию земли на первоначальном этапе развития диктатуры пролетариата.

«Немедленную полную отмену частной собственности, — писал Ленин в своем «Первоначальном наброске тезисов по аграрному вопросу» для II съезда Коммунистического Интернационала, — пролетарская власть в большинстве капиталистических государств отнюдь не должна производить, и во всяком случае она гарантирует и мелкому и среднему крестьянству не только сохранение за ними их земельных участков, но и увеличение их на всю обычно арендуемую ими площадь (отмена арендной платы)» (Соч. Т. 31, стр. 134).

Частная собственность на землю увеличивает возможности для роста капиталистических элементов в деревне и несколько задерживает развитие сельскохозяйственной производственной кооперации. И тем не менее она не может явиться препятствием для постепенного кооперирования трудящихся крестьян.

Судьба частной собственности на землю решается в странах народной демократии иначе, чем в СССР, где кооперирование трудящихся крестьян происходило на базе национализации земли. Ликвидация частной собственности на землю в странах народной демократии будет осуществляться постепенно в ходе организационно-хозяйственного укрепления сельскохозяйственных кооперативов и лишь с согласия самих кооперированных крестьян. Уже сейчас частная собственность на землю в этих странах подвергается большим ограничениям (установлен максимум частного землевладения, запрещена свободная купля и продажа земли и т. д.). В дальнейшем она практически будет изжита на основе развития производственной кооперации. Уменьшение, а затем и ликвидация ренты по решению кооперированных крестьян, переход к распределению чистого дохода кооперативов только по трудодням приведут к фактической ликвидации частной собственности на землю в рамках производственной кооперации. В Польше, Румынии, Албании, Чехословакии и других странах уже создаются и все более развиваются производственные кооперативы типа сельскохозяйственной артели, где по решению самих крестьян распределение доходов производится только по труду. В такого рода кооперативах частная собственность на землю теряет свое практическое значение.

В 1953 году в Болгарии имелось 2 747 ТКЗХ, обрабатывавших 60,5% всей пахотной земли и объединявших 52,3% всех крестьянских хозяйств. В Румынии производственные кооперативы объединяли в 1953 году 280 тысяч крестьянских семей и обрабатывали 24% всей пахотной земли. В Польше количество сельскохозяйственных кооперативов превышало в 1953 году 8 тысяч, а количество крестьян в этих кооперативах достигало 200 тысяч. Земельные угодья, охваченные производственными кооперативами, составляли около 9% всех земельных угодий, заня-

тых крестьянскими хозяйствами. В Венгрии в 1953 году имелось 4 677 производственных кооперативов, которые объединяли 263,7 тысячи крестьянских хозяйств, то есть примерно 20% всех крестьянских хозяйств страны. В Чехословакии в 1953 году имелось 6 679 единых сельскохозяйственных кооперативов, которые объединяли 262 тысячи крестьянских хозяйств. Обработываемая ими земля составляла 32% пахотной земли страны (не считая земли государственных хозяйств).

Все это свидетельствует о крупных успехах социалистического кооперативного движения в странах народной демократии, о его глубоких народных корнях. Громадная помощь, постоянно оказываемая народно-демократическими государствами сельскохозяйственным имениям, сельскохозяйственной кооперации, а также индивидуальным крестьянским хозяйствам, значительное увеличение капиталовложений в сельское хозяйство, осуществляемое в настоящее время во всех странах народной демократии, — все это является важнейшим фактором, ведущим к небывалому подъему сельскохозяйственного производства, к ликвидации диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством, к зажиточной жизни в деревне, к укреплению союза рабочего класса и крестьянства, к подъему благосостояния всего народа. Все это приближает полную победу социалистического преобразования деревни.

Коммунистические и рабочие партии стран народной демократии, учитывая требования экономических законов социализма, опираясь на мощную поддержку Советского Союза, уверенно ведут народы своих стран к победе социализма.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Юродство и юродивые в современной буржуазной философии

Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ

Современная буржуазная философия ищет выхода из жестокого кризиса на пути все большего сближения с религией. Философию и церковь империалистической буржуазии объединяет ненависть к материализму, разуму, науке, демократии, объединяет и общий страх перед неудержимым распространением марксизма-ленинизма. Реакционная философия и церковь выполняют общую идеологическую задачу защиты империализма.

Вместе с фидеизмом буржуазная философия усваивает стиль церковных писаний, перенимает приемы и манеры религиозной практики. Патентованные мудрецы буржуазии не считают для себя обязательным прибегать к последовательной и сколько-нибудь научной аргументации. Они вещают. Через широко открытые двери агностицизма и субъективного идеализма являются миру чудеса.

Лозунг «Назад к Фоме Аквинскому!» оказывается устарелым. Буржуазная философия нашего времени, оставляя последние позиции разума и логики, движется вспять, к Тертуллиану. Внешняя политика империалистической буржуазии, охваченной злобной боязнью всего нового, страхом перед коммунизмом, демократией, миром, услужливо освящена теолого-философским культом абсурда.

Когда дела и авторитет церкви приходили в упадок, она прибегала к испытанному средству: торжественно канонизировала очередного святого и открывала его чудотворные мощи. Некогда такие попытки подогреть угасавшую веру имели временный успех.

Перенимая многовековой опыт церкви, буржуазная философия открыла недавно мощи датского философа Сёрена Киркегора. Он жил и писал сто лет назад в Копенгагене, был мало кому известен и по заслугам своим прочно забыт.

Ныне его труды раскопаны, переведены на немецкий, английский, французский языки. Вокруг его имени поднят великий рекламный шум. Так называемая школа экзистенциалистов, которую вернее надо было бы назвать светским орденом философствующих капуцинов, объявила Киркегора своим первоучителем. Стараниями немецких экзистенциалистов и их французских единомышленников датский попик, который цинически издевался над всякой философией, канонизирован как якобы один из глубочайших мыслителей прошлого века.

В послевоенные годы в Западной Германии усиленно насаждается экзистенциализм — один из крайних видов субъективного идеализма, представителями которого являются Мартин Хайдеггер и Карл Ясперс. Хайдеггер подвизался и в гитлеровской Германии, а его «философия» входила составной частью в «метафизику национал-социализма», то есть в человеконенавистническую идеологию гитлеризма. После войны под живительным долларовым дождем экзистенциализм Хайдеггера воскрес

в боннской республике, реваншистские и милитаристские круги которой старательно возвращают идеологию реакции и агрессии. Различные виды экзистенциализма распространились и во Франции. Здесь подвизается такой глашатай «философии абсурда», как Альбер Камю, здесь в лице Габриэля Марселя сложилось течение «христианского экзистенциализма» и т. д.

Все эти разнообразные представители экзистенциализма заявляют в один голос, что их не интересуют проблемы сущности, абстрактные понятия и идеи, что они порывают с традициями классической буржуазной философии Канта, Гегеля во имя самоновейшего субъективного идеализма. Однако им все же не хочется вступать на философскую арену в виде «непомнящих родства», они хотели бы состряпать некую родословную своему экзистенциализму. Поэтому экзистенциализм найден и в XIX веке, а его основоположником провозглашен всеми забытый датский поппик Киркегор.

В реакционной литературе он окружен пошловатым ореолом бульварной моды. Он уже не просто Киркегор, а блаженный Сёрен. Его писания — откровение.

Знакомство с подлинным, немистифицированным Киркегором должно поэтому начаться с разоблачения подлогов и подделок.

Житие и жизнь блаженного Сёрена

Первым шагом в традиционной канонизации является сочинение биографии нового святого. Это процесс превращения обыкновенной житейской прозы в более или менее фантастическое житие. Тьму горьких истин прикрывает возвышающий церковь обман.

Такому превращению подверглась и жизнь Киркегора. В литературных произведениях почитателей он представлен как смелый мыслитель, бросивший вызов всей современной философии, как бесстрашный борец за истину, оригинальный и вдохновенный писатель. Подлинный Киркегор, как мы увидим, ничего общего не имеет с этим иконописным ликом.

Первым источником легенды о Киркегоре послужило утверждение некоторых буржуазных исследователей, что Ибсен в своем Бранде хотел изобразить Киркегора. Так это или не так, — не существенно. Образ Бранда — далеко не лучшее создание Ибсена; ибсеновский Бранд вызывал сочувствие, когда он громил мир буржуазной пошлости и лжи, но всегда был ничтожен и смешон в своем этическом аристократизме.

Марксистская критика развенчала индивидуализм этого героя-одиночки, вскрыла классовые корни его мещанского бунта. Но романтический образ бунтаря-анархиста, идеализированный Ибсеном, импонировал своим протестом. Бранд был принят некоторыми за революционера духа. Образ Бранда совершенно незаконно полностью отождествили с Киркегором. Некритически воспринятая легенда стала в дальнейшем обрывать всякими мифами и послужила основой для фальсифицированного жития Киркегора.

Все мировоззрение Киркегора проникнуто доведенным до предела субъективизмом. Центральная категория его философии — «существование», но не реальное, физическое существование, а существование этической индивидуальности, противопоставленной объективному, чувственному бытию. Материальный мир, с его точки зрения, — нечто враждебное этической личности. Вся философия Киркегора сводится к возне с субъективно-этическими категориями страха, отчаяния и т. п. Почти все писания Киркегора — это писания о самом себе, о событиях личной жизни, семейного быта, любви. Если не знать его биографии, многого нельзя понять в его суждениях, из чего не следует, что можно все понять, если знать биографию даже во всех деталях.

Причисляя себя отчасти к мыслителям «сократовской» школы, Кир-

кегор насмешливо отзывался о попытках познать внешний мир до завершения самопознания. Он говорил: «Понимать все, кроме самого себя, комично». «Человек есть дух,— утверждал Киркегор,— но что такое дух? Дух есть самость. Но что такое самость? Самость есть отношение, которое привязывает самого себя к самому себе». Поэтому анализ страха перестать быть самим собой, страха смерти, составляет содержание писаний Киркегора. За это он и причислен к первосвященникам экзистенциализма.

Хотя Киркегор признавал достойной философского интереса и познания только собственную персону и потому во всех своих произведениях не удостаивал ни малейшим вниманием современное ему датское буржуазное общество; хотя он считал себя совершенно свободным от законов, нравов, моральных требований этого общества и даже вообще от всяких требований времени и пространства, все же, заносясь в горние сферы ничем не стесненного отвлеченного мышления, на деле ходил он по грешной земле в конкретном образе датского мещанина.

Киркегор был родным сыном датской буржуазии своего времени. Более того, он был ее верным сыном, хотя и не всегда почтительным. Он отпускал иной раз язвительные шутки по адресу своих соотечественников. Это не мешало ему со всем пылом отстаивать основные интересы своего класса, когда им угрожала опасность революционного движения трудящихся масс.

Для характеристики буржуазной культуры Дании в середине прошлого века мы можем ограничиться кратким, но весьма выразительным свидетельством Энгельса. Он посетил в конце декабря 1846 года Данию и в письме к Марксу так отозвался о датском буржуазном обществе: «Это ужасное свинство... Такого уровня нравственного, цехового, сословного убожества больше нигде не существует» (Соч. Т. XXI, стр. 59). Это соответствует тому историческому факту, что Дания была в то время почти сплошь аграрной страной с патриархальным помещичьим землевладением. Она была наиболее отсталым углом Западной Европы.

Правда, и в Дании капитализм уже подкапывался под самые устои полукрепостнической экономики. Врывались сюда и весенние веяния предреволюционного времени. Складывались первые кадры датской демократической интеллигенции.

Копенгаген был ближе всего к Берлину, толковавшему Гегеля в духе церковно-христианской ортодоксии. Буржуазная интеллигенция Дании питалась реакционной немецкой литературой и философией. Энгельс иронически замечает в том же письме о Дании, что там «ужасно много гегельянцев» (там же, стр. 60). Последнее подтверждает и Киркегор. Он писал в своей книге «Или — или», что философия Гегеля стала господствующей в Дании, когда в Германии она начала клониться к упадку.

В большом почете была среди консервативных кругов датского образованного общества немецкая реакционная романтическая литература. На идеализации фальсифицированной старины воспитывалось в страхе божьем благонравное потомство датских негоциантов. Таким благочестивым негоциантом был и отец Киркегора.

Это был суровый, молчаливый человек, строго выполнявший все предписания церкви. По каким-то неясным причинам между сыном и отцом произошел разрыв. Помирились они лишь незадолго до смерти старого Киркегора. Отец оставил сыну благословение и капитал, который дал возможность Киркегору прожить свой век не только в достатке, но и в некоторой роскоши.

Мальчик рос болезненным, молчаливым. Ему хотелось быть актером, потом потянуло к изучению права. Отец потребовал отдать жизнь церкви, и сын покорно выполнил его волю. Он получил теологическое образование. В январе 1841 года он произнес первую проповедь и должен был получить небольшой приход.

Киркегор мирно шел по проторенному пути. Но его преследовал страх перед революцией, отблески которой доносились и до Дании. Вся Западная Европа в те годы была охвачена предреволюционным брожением. В тихом углу Копенгагена молодой богослов горячо молился.

Не миновало его и общее увлечение Гегелем. Но, как это явствует из всех дальнейших его трудов, «рациональное зерно» гегелевской диалектики осталось чуждо богослову, учившемуся применять философские схемы к евангельским прописям.

Из событий этого времени в личной жизни Киркегора биограф больше всего внимания уделяет истории его любви и разрыва с семнадцатилетней Региной Ольсеп.

Роману с Региной Ольсеп Киркегор впоследствии посвятил книги «Виновен? — Не виновен» и «Дневник соблазнителя». Здесь переживается тема о любви эротической и любви супружеской. Страницы, посвященные этому же предмету в «Дневнике», частью уничтожены, частью в такой степени циничны, что не могли быть полностью воспроизведены в печатных изданиях.

Мы подошли к 1842 году. В жизни Киркегора это важная дата. Время от времени Киркегор совершал поездки в Берлин. Не случайно он оказался здесь и в марте 1842 года, когда в аудитории № 6 Берлинского университета по специальному приглашению прусского правительства Шеллинг читал свой курс по философии откровения.

Фридрих Энгельс оставил нам художественное описание аудитории: «Посреди задорной молодежи там и сям сидит седобородый штабной офицер и рядом с ним, держа себя совершенно непринужденно, вольноопределяющийся, который в другом обществе не знал бы, как и выразить свою преданность высокому начальству. Старые доктора и лица духовного звания, чьи матрикулы скоро должны справлять свой юбилей, встряхивают стариной и садятся снова на университетскую скамью. Евреи и мусульмане хотят увидеть, что за вещь христианское откровение. Слышен смешанный гул немецкой, французской, английской, венгерской, польской, русской, новогреческой и турецкой речи,— но вот раздается звонок, и Шеллинг всходит на кафедру» (Соч. Т. II, стр. 106).

За философскими спорами крылись острые политические схватки. Энгельс писал, что сокрушение реакцией левых гегельянцев преследовало задачу уничтожения «всех атеистов, всех нехристей» (там же, стр. 115). Это был крестовый поход реакции против революционной демократии. За философскими боями в Берлине следили и передовые русские люди. Герцен записывал в своем дневнике о гастролях Шеллинга: «Это — схоластика и с тем вместе ложь» (Соч. Т. III, стр. 132). А Белинский писал саркастически об одном из тех русских молодых людей, которых Энгельс видел в аудитории № 6: «Катков явно принадлежит к берлинской философской школе: лекции Шеллинга об откровении кажутся ему глубже всего, что только есть на свете. Бедный Гегель!» («Письма», Т. 2, стр. 306).

Киркегор принадлежал к той же категории слушателей. Он вполне сочувствовал разгрому левых гегельянцев и апологии откровения. Но и Шеллинг не вполне удовлетворял его. Третируя разум как несовершенный, второстепенный, служебный источник познания, Шеллинг все же не изгонял его окончательно из своей философской концепции. Он оставлял разум при откровении, чтобы придать самой вере некий «разумный вид». Этого требовали интересы церкви и христианского государства. Шеллинг на кафедре выступал как прусский чиновник. Благоразумие не допускало полного устранения разума. Маленькому датскому пастору были чужды соображения такого рода. Он требовал святого откровения во всей его мистической безбрежности.

И именно тогда, когда Шеллинг возвещал миру разрушение разума и торжество веры, один из его слушателей, молодой Энгельс, в памфлете «Шеллинг и откровение» предсказывал новую зарю в философии, «все-

мирную историческую зарю», торжество свободной революционной мысли над трусливым тупоумием мракобесия. Мысль передовых людей, развивая «рациональное зерно» гегелевской диалектики, уже прокладывала путь диалектическому и историческому материализму и в историческом бытии человечества, в его классовых битвах открывала источник его сознания.

Повидимому, Киркегор чувствовал себя неуютно в той аудитории, где Энгельс возглавлял задорную молодежь. Киркегор поспешил в родную датскую лужу, вооруженный к яростному бою против всех атеистов и нехристей, и немедленно открыл поход против материализма, против разума, против логики. С этого и начинается его известность в Копенгагене.

Киркегор пишет неудержимо, непрерывно, многословно. Ежегодно он выпускает в свет новую книгу, а иной раз и две. Печатает он их на свои средства, так как обычно не находит издателей. Некоторые произведения его расходятся в десятках экземпляров. Сначала эти книги рождали недоумение. Потом странность их содержания и формы произвели впечатление скандала. Это не смущает Киркегора. Напротив, скандал входит в его намерения.

К странности его литературных произведений присоединяются странности поведения. Не выходя из духовного звания, он превращается в светского хлыща. Его знают как завсегдатая модных ресторанов и кафе. Киркегор старается одеваться по моде, ищет общества праздных щеголей, сорит деньгами. Он всячески подчеркивает свою принадлежность к верхам датской буржуазии, к богатым людям. Он разыгрывает Дон-Жуана. У него обширные знакомства, но нет друзей. На светском поприще он также терпит неудачу.

Вот его внешность: «Тощий, сутулый, производящий впечатление горбатого, он сознавал, что некрасив... Голос пронзительный, как у кастрата, со странными интонациями. Он сам называл его голосом совы».

Этим внешним чертам соответствуют черты характера. «Морально — человек тяжелого характера. Едкий, язвительный, редко любезный, он выражал чувство своего превосходства в сатирических выпадах и оскорбительных замечаниях».

Киркегор сыпал парадоксами, защищал самые крайние мнения и менял их с такой быстротой, что никто не знал, каково же в действительности его мнение.

Его личный секретарь так описывает его домашний быт. Киркегор жил один в большом особняке. По вечерам все комнаты были ярко освещены. В каждой комнате на столе бумага и письменные принадлежности. Киркегор ходил из комнаты в комнату и писал, писал, писал... Это была неудержимая и болезненная страсть. Киркегор сам говорил: «Как Шах-разада спасала свою жизнь непрерывными историями, так и я — постоянным писанием».

Но ни попытки бегства в рестораны и кофейни, ни лихорадочное сочинительство не могли исцелить страха Киркегора перед жизнью, перед реальной действительностью. Личный секретарь перечисляет странности Киркегора: он боялся солнца, наглухо закрывал и занавешивал окна, выходил из дома в наглухо застегнутом пальто и всегда, во всякую погоду, носил с собой зонтик.

Зонтику Киркегор придавал символическое значение. Он писал в дневнике: «Мой друг, мой зонтик! Он никогда не покидает меня... Он так дорог мне, что я не расстаюсь с ним. И чтобы показать ему, что нас связывает не грубый интерес, я прогуливаюсь с ним по комнатам, раскрываю его, прижимаюсь подбородком к его ручке, подношу ее к своим губам...» (R. Jolivet «Introduction a Kierkegaard», p. 37. 1946).

Да был ли он душевно здоров, этот властитель дум современных экзистенциалистов?

Современники Киркегора задавали себе этот вопрос. А позднее датский психиатр Хьяльмар Хельвег занялся исследованием этого в книге

«Сёрен Киркегор. Психиатрически-психологическое исследование» (Копенгаген. 1933). Изучив произведения Киркегора и его жизнь, профессор нашел у Киркегора маниакально-депрессивный психоз. Киркегору, писал он, присуща боязнь деятельности, охлофобия (боязнь толпы), тяга к одиночеству. «Литературное опьянение», — говорит психиатр, было средством отвлечься от меланхолии.

Мы остановимся еще на одном, последнем эпизоде в жизни Киркегора. Этот эпизод наделал всего больше шума вокруг его имени и послужил главным поводом для легенд и подлогов.

В 1843 году на острове Борнхольм сошел с ума местный пастор Адлер. Началось с того, что он сжег свои рукописи и провозгласил себя новым земным воплощением Христа. Адлер призывал прихожан не верить в священное писание, отказаться от церкви и следовать за ним. Датский епископ сместил Адлера, его отправили на излечение, и вся история, не столь уж необычная, прошла бы незаметно, если бы не вмешался в это дело Киркегор.

В крикливой, сенсационной форме он взял Адлера под свою защиту. Он объявил, что этот сумасшедший попик — в действительности подлинный христианин и даже, по сути, единственный христианин в Дании, так как официальная церковь в лице ее епископов давно уже разошлась с христианством и погрязла в мирских грехах.

Это был разрыв с официальной церковью. Киркегор обличал ее в оппортунизме, в недостаточной религиозности. Он обвинял все духовные власти в том, что они стали обыкновенными чиновниками, служат не богу, а маммоне...

Конечно, в обличениях Киркегора было много верного. Закулисная жизнь церкви была хорошо ему знакома.

Выступление Киркегора было скандалом. Если прежде руководители датской церкви смотрели сквозь пальцы на чудачества Киркегора, видя в нем борца против материализма, демократии, безбожия, то теперь от него отвернулась и церковь. Датская буржуазия отнюдь не склонна была поддерживать скандалиста, нарушившего благочиние. Демократическая интеллигенция относилась к Киркегору враждебно, как к мракобесу.

Все отвернулись от Киркегора. Он провел свои последние годы и умер в 1855 году в полном одиночестве, осмеянный и опозоренный.

Борьба с официальной церковью и разрыв с ней были впоследствии представлены апологетами Киркегора как идейный подвиг, а сам он был окружен ореолом бесстрашного, независимого борца за истину.

Однако истина заключается в том, что Киркегор восстал против церкви не как смелый борец за права разума и свободы совести, а как средневековый фанатик-изувер.

Премудрость бессмыслицы и чепухи

Произведения Киркегора многочисленны. Они не вместились полностью в 12-томное издание, вышедшее на немецком языке в 1923 году в Иене. Перечислим основные.

«Или — или» (псевдоним Виктор Эремит (Отшельник)).

«Страх и трепет. Диалектическая лирика» (псевдоним Иоганнес де Силенцио (Молчальник)).

«Повторение» (псевдоним Константин Констанциус).

«Студии жизненного пути» (псевдоним Хиларий Переплетчик).

«Понятие тоски. Простое исследование догматической проблемы первородного греха» (псевдоним Вигилий Хауфниензис).

«Философский Брокен. Тоже немножко философии».

Среди псевдонимов Киркегора есть Климакус, есть Антиклимакус. Под первым псевдонимом вышла одна книга, под вторым — другая, и Климакус полемизирует с Антиклимакусом, а сам Киркегор утверждал,

что он ни один и ни другой, а что ему доставляло удовольствие заставлять Климакуса спорить с Антиклимакусом.

Уже в этой игре псевдонимами, ничем не оправданной, потому что Киркегор не скрывал своего авторства, есть шутовство, литературное кривлянье. Это впечатление подтверждается при знакомстве с содержанием книг и их стилем. Автор словечка в простоте не скажет, все с ужимкой, все с гримасой. Заглавия претендуют на философскую значительность. Но ни одна работа не является философским, теоретическим трудом, сколько-нибудь последовательным. Все они заполнены афоризмами, рассуждениями «по поводу», плохо связанными отрывками.

Чтобы не быть заподозренными в пристрастии, предоставим слово почитателям Киркегора: «Изложение Киркегора в литературном отношении так запутано, в нем столько извилин, отступлений, заметок на полях, что читатель — и, без сомнения, автор, забывает, о чем идет речь...» (R. Jolivet «Introduction a Kierkegaard», p. 118).

Сам Киркегор, ссылаясь на раннюю христианскую литературу, по ее примеру старался «писать так, чтобы язычники не понимали». Он умышленно придавал своим высказываниям характер загадочности, таинственности, двусмысленности.

Наиболее показателен отзыв о произведениях Киркегора его переводчика на немецкий язык и редактора Кристофа Штремпфа: «Бесконечные и бесцельные повторения; вставки, нарушающие связь; дурные, искусственные, бессодержательные переходы; к этому присоединяется небрежность в языке, переходящая все границы дозволенного».

Переводчик делает следующее заявление: «Мы вынуждены были не просто переводить, а и перерабатывать». В чем же выразилась «переработка»?

Оказывается, во-первых, сокращали оригинальный текст. Во-вторых, выбрасывали повторения, отступления, вычеркивали весь конец... Но этого мало. «Пришлось, — говорит Штремпф, — кое-что и вставлять, чтобы восстановить связь... Вставлять слова, без которых фраза была бы непонятна». Но не только отдельные слова приписывали Киркегору, каких он не говорил, а целые фразы. Кроме того, «переставляли целые абзацы, отрывки... Устраняли монотонность».

Эту операцию над текстами Киркегора переводчик оправдывает тем, что «точный перевод Киркегора вообще невозможен... Мы должны были отказаться от научного перевода».

Таким образом, фальсифицирована не только биография Киркегора, но и его произведения. Традиции канонизации соблюдены. Есть житие, есть и апокрифы. Сочинения Киркегора подделаны, приукрашены.

Называя вещи своими именами, скажем прямо: это произведения графомана. Киркегор не давал себе труда редактировать днем то, что писал ночью. Иписанные листы накапливались горами и в таком виде отправлялись в печать. Бумага все терпела. Читатели были менее терпеливы: Киркегор жаловался на то, что его не читают.

Киркегор — трудный писатель, но совсем не потому, что он глубокий и сложный мыслитель. Его мысли, напротив, весьма убоги. Он труден потому, что бессвязен, невнятен, — он скорее бормочет, чем говорит.

Всякое изложение предполагает в большей или меньшей мере систематизацию. Но систематизация противна духу учения Киркегора. У Киркегора стиль афоризмов, часто ничем не связанных. Все попытки поклонников Киркегора представить его высказывания в виде системы являются фальсификацией его произведений.

Мы отказываемся от стройного изложения мыслей Киркегора. Приведем его высказывания по возможности в подлинном их виде, не претендуя ни на последовательность, ни на полноту. Разумеется, из бесконечного и сумбурного потока можно наудить столько же других афоризмов и парадоксов, таких же или совершенно противоположных. От этого общая кар-

тина не изменится. Мы постарались выбрать то, что наиболее часто повторяется, совпадает с особенностями всего его идейного облика.

Значительное место в произведениях Киркегора занимает яростная полемика с Гегелем. В особую вину Гегелю Киркегор ставил то, что Гегель хочет все объяснить, в то время как, по Киркегору, и в области идей, каковы бы они ни были, ничего объяснить нельзя: все противоречиво и лживо.

По словам Энгельса, Шеллинг пытался контрабандой внести веру в науку. Киркегор начисто отрицает всякую науку, всякое самостоятельное мышление, да и мышление вообще. Война против Гегеля — это лишь первый шаг в войне против разума, интеллекта. Если Шеллинг вводил в мышление мистику чувств и гностические фантазии, то Киркегор ничего не оставляет в мышлении, кроме мистики чувств и гностических фантазий.

Он уничтожает разум во имя веры и прославляет не только неразумие, но и прямое безумие, которое, однако, не совсем последовательно просит не смешивать с сумасшествием. Отрицая реальность объективного мира, Киркегор единственно реальным считает субъективный мир своих собственных чувств.

Киркегор осуждает на небытие всякую попытку обобщения, без чего нет и самого мышления. Киркегор пишет: «Существование не может быть осмыслено без того, чтобы оно перестало существовать». Поэтому лживо все всеобщее. Может идти речь о существовании только отдельного, конкретного, непосредственного. Но и конкретное, отдельное может быть истинным, реально существующим лишь в том случае, когда это — мое, субъективное, духовное существование, не поддающееся никакому разумному осмысливанию, находящее свою «истину» только в мистическом, религиозном, противоразумном чувстве.

Есть только «единственное». Никакой разумной связи между разными «единственными» нет и не может быть.

«Мир фиктивен», — часто повторяется у Киркегора. Ясно, что фиктивно всякое знание о мире, фиктивна всякая наука. Киркегор относится к точным наукам с величайшим пренебрежением. С высокомерием мракобеса Киркегор пишет: «Фары науки освещают ближний путь, но мешают видеть звезды. Простолюдин созерцает небо и звезды» («Евангелие страданий»). «Несчастье» нашей эпохи Киркегор видел в том, что «она слишком много знает», в то время как знать ничего нельзя.

В соответствии со своим представлением об «единственном» Киркегор задает самому себе вопрос, в какой мере он может быть понятен другим. И приходит к заключению, что может быть понятен в самой малой мере. Не без цинизма он заявлял, что представляет исключение из всех проповедников веры. Они проповедуют другим, а он — самому себе.

В книге «Или — или» Киркегор устанавливает, что фиктивность и лживость существующего мира ведут к тому, что человек никогда не может, руководствуясь знанием и мышлением, определить, что верно, а что неверно. Истины нет и не может быть. Из различных противоречивых положений человек волен выбрать любое: он все равно ошибется. Противоречия не сталкиваются и не развиваются. Они даны в каждом явлении как постоянные категории.

Суть диалектики осталась чуждой Киркегору. Он отвергает развитие путем борьбы противоречий. Он видит в идее развития дьявольское наваждение. В истории есть только повторение. И его собственные мысли не развиваются, никуда не идут, никуда не ведут, а повторяются с маниакальной назойливостью.

Какое бы «или» ни избрать, за ним все равно следует сознание ошибки и раскаяние. Вот образчик рассуждений Киркегора о тщетности всякого выбора: «Женись — будешь каяться; не женишься — раскаешься; жениться или не жениться, все равно раскаешься. Смейся над глупостью мира — покаешься; плачь над ней — покаешься. Смех или плач — за ними рас-

каание. Поверь девушке — раскаешься; не верь — раскаешься. Повесишься — раскаешься; не повесишься — раскаешься... Такова, господа, вся суть жизненной мудрости».

Плоская, пошлая, казуистическая «мудрость»! Оригинальна в ней лишь допускаемая Киркегором возможность раскаяться после успешного самоповешения. Но, как увидим, в свете его учения об абсурде и в этом ничего нет невозможного.

Киркегор с чванливым презрением относится ко всяким попыткам и стремлениям людей придать социальным и политическим отношениям более разумный вид. В своем «Дневнике» он писал: «Вся Европа с возрастающей страстью погружается в проблемы, которые нельзя решить без бога». Ему отвратительны демократические принципы, которые он называет не иначе, как «дьявольскими принципами нивелирования». Особое раздражение, прямо-таки ярость, вызывает у Киркегора идея социализма: «Мнение, будто принцип ассоциации (который может иметь значение лишь по отношению к материальным интересам) является в наше время положительным, а не отрицательным, — увертка, отвлечение, иллюзия, диалектика которой такова...: социализм укрепляется путем количественного соединения, но в этическом отношении означает ослабление» («Kritik der Gegenwart», p. 54. 1914).

Социальный мир, мир человеческих отношений и чувств, мир мысли и знания, по Киркегору, непонятен, бессмыслен, ничтожен и пуст.

Природа, впрочем, так же бессмысленна, лжива, безрадостна. Казалось бы, цветы радуют взор, пение птиц ласкает слух... Но, спрашивает Киркегор, «что такое природа? Жизнь это или смерть? Жизнь коротка, полна цветов и пения, но каждое мгновение говорит о победном шествии смерти: такова жизнь природы».

Киркегор не находил себе места ни среди людей, ни в мире природы. Всюду его преследует страх смерти. Всюду он чужой, лишний. Жизнь ему тягостна. Его раздражает шум, смех, людской говор, все живое. Он прячется от солнца.

В своем «Дневнике» Киркегор писал: «Я себя чувствую как каторжник на галере, скованный одной цепью со Смертью: при каждом движении цепь гремит, и Смерть надвигается, и это происходит каждую минуту».

Все виды человеческого существования Киркегор делил на три стадии: эстетическую, этическую и религиозную. Он придавал чрезвычайное значение своим «стадиям».

Но стадии Киркегора вообще не являются стадиями в принятом смысле этого слова. Стадии — это части какого-то процесса, звенья развивающейся цепи явлений или понятий. Киркегор же отрицает развитие, отрицает единство процесса. Его стадии — замкнутые в себе, неподвижные категории.

Нет нужды останавливаться на стадиях эстетической и этической. Деление Киркегора совершенно произвольно, ничем не мотивировано и ничего не разъясняет. Удел всех жалких людей, находящихся на стадиях эстетики и этики, по Киркегору, — отчаяние, тоска, сознание своего греха, своей вины в том простом факте, что они живут, что они руководствуются в своих действиях и мыслях разумом.

Между «низшими» стадиями — эстетикой и этикой — и «высшей» стадией — религией — пропасть, через которую не наведены никакие мостки. Чтобы попасть в эту «высшую» стадию, где только и есть «истина», надо совершить «прыжок в абсурд». Надо полностью, до конца, без всяких остатков отрешиться от разума, от идей, от мысли — и прыгнуть.

Читатель не посетует, если мы не последуем за Киркегором в его «царство абсурда» и остановимся на пороге. Мы не имеем права на вход. На его воротах начертана Киркегором надпись: «Вход разумным строго воспрещается». Мы и не можем войти, потому что не озарены свыше благодатью безумия. Нельзя проникнуть и в качестве экскурсантов, так как

присущая им любознательность рождает вопросы: почему, отчего, как? А все такие вопросы считаются преступнейшей контрабандой в киркегоровых индетерминистских владениях. Здесь царит абсолютный иррационализм. Киркегор не пропускает в горние сферы полного абсурда даже таких ревнителей церкви, как Фома Аквинский, который пытался внести некий порядок в ангельское воинство и бесовские легионы. Ныне сам папа Пий XII рекомендует католическим ученым при обосновании божественного бытия пользоваться ...фальсифицированными «выводами» из ядерной физики. Абсурд Киркегора никаких таких манипуляций не допускает.

Киркегор говорит: «Вера — смерть разума», «Вера начинается там, где кончается мысль», «Вера относится к доказательству, как к своему врагу». По Киркегору, вера и абсурд — одно и то же. Прыжок в абсурд есть прыжок в религию, в веру.

Прыжок в абсурд сопровождается и обуславливается парадоксом и скандалом. Учение о парадоксе и скандале излагается весьма пространно, с претензией на особую оригинальность.

Парадокс сводится у Киркегора к игре словами. Он исписал десятки страниц о том, что симпатия — это антипатия, а антипатия — симпатия. Все становится кверху ногами. Все понятия извращаются. Это и есть верный путь к абсурду.

Скандал — необходимое условие для прыжка в абсурд и для абсурда, форма полного, окончательного, решительного разрыва с миром разума. Только та вера является абсурдом и, стало быть, подлинным выражением религиозного чувства, которая открыто, вызываяще, демонстративно прерывает со всеми понятиями, навыками, нормами разумного общества. Скандал должен быть внезапным и потрясающим. «Скандал — это шок, — говорит Киркегор, — который открывает дорогу к вере».

Киркегор клеймит тех теологов, которые пытаются примирить с разумом евангельское предание о том, что Христос накормил пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами. Подлинно верующий утверждает это, не боясь скандала. Да, говорит верующий скандалист, именно так — пять хлебов и две рыбы! Это верно, потому что это абсурд.

Религиозный тип, по Киркегору, — библейский праотец Авраам. О нем повествует он в книге «Страх и трепет». В ней, пожалуй, наиболее ярко и ясно изложены его представления о религии.

Бог приказал Аврааму заклать на жертвеннике любимого сына Исаака. Не колеблясь, не рассуждая, Авраам берет отрока и ведет его на гору. Авраам тщательно обдумал все детали предстоящего убийства и сожжения сына, захватил нож, дрова, веревку, но даже и мысли не мелькнуло у него, надо ли действительно убивать сына во славу бога. Предание это в течение веков служит примером верного служения богу и высшей моральной самоотверженности!

Киркегор на все лады комментирует этот миф, подходит к нему с разных точек зрения, бесконечно философствует и пытается доказать, что хотя деяние Авраама не поддается никакому осмыслению, что оно в высшей степени неразумно и безнравственно и сам он должен производить отталкивающее впечатление своей готовностью выполнить отвратительный и бессмысленный приказ, однако миф потрясает глубиной религиозной убежденности.

Это и приводится в качестве примера того, что явления и понятия, совершенно бессмысленные и безнравственные в мире разума, приобретают истинность и красоту в мире религиозного абсурда.

Киркегор уверяет, что перепробовал все точки разумного зрения и ни с одной из них деяние Авраама не может быть осмыслено. Это неверно. Киркегор и не пытался стать на историческую точку зрения. Историзм глубоко чужд его мышлению. А между тем стоит перенести Авраама с Исааком в условия первобытного, патриархального общества с фетишистской верой, и истоки мифа будут понятны.

Киркегор показывает нам идеал не только своего «религиозного человека» — дикаря, но и своего бога. Это жестокий, свирепый бог. Его божественное призвание — мучить людей. Так и писал Киркегор: «Бог есть смертельный враг человека». Отеческая любовь бога выражается, по Киркегору, в том, что бог не может полюбить человека, не мучая его. И Киркегор находил в себе признаки религиозного сознания, получая «известное удовольствие от самоистязания».

Такова вера Киркегора. Парадоксы Киркегора переносят нас в те времена, когда отцы-инквизиторы к вящей славе бога заживо сжигали на кострах людей, а верующие самоистязались веригами. Этим они ублажали бога. Философский абсурд Киркегора, его абсолютный иррационализм — это идеальный мир средневековья. Скандал лишь в том, что все это выдается за новизну в XIX веке полоумным датским попиком, а в XX веке — его последователями, спекулирующими на мощах блаженного Сёрена.

В этих условиях надо, сорвав маску лживой романтики и философской фальши, назвать вещи своими именами. Иррационализм в точном переводе на русский язык — бессмыслица, абсурд — чепуха.

Царство абсурда — тот самый мир, в котором дважды два даже не пять, а стеариновая свечка, официальным же гимном служит детская песенка:

Рассказать вам чепуху,
Или просто враки:
Сено косят на лугу
Молотками раки.

Погрузившись в мир чепухи, Киркегор не упускает, однако, из виду земного назначения религии: Она должна быть оплотом против нежелательных, с точки зрения существующего порядка, политических и общественных движений. По Киркегору, суть религии в том, чтобы изолировать индивида, отделить его от прочего человечества.

Нельзя обойти молчанием эотику Киркегора. Она занимает очень большое место в его произведениях и едва ли не центральное место в его мыслях и чувствах. Эротические страницы — грязнейшие в творчестве Киркегора. Порнография дополняет общий облик Киркегора и свидетельствует об его сексуальной извращенности.

Эту черту в Киркегоре полезно отметить, потому что, по его словам, эстетическая стадия заканчивается цинизмом (как этическая — скукой). Цинизм и порнография составляют неотъемлемую часть всех писаний современных поклонников Киркегора.

Его поклонники спорят о том, был ли он верующим, совершил ли прыжок в абсурд.

Он, несомненно, прыгал. Но он не мог жить без скандала и в мире абсурда. Люди, отрекшиеся от разума, обречены на молчание. Им не о чем говорить. Последовательный, до предела доведенный субъективизм становится синонимом умственного мрака.

Отшельники, столпники налагали на себя обет молчания. Они уходили в пустыню. Это, повидимому, прельщало и Киркегора. Иногда он хотел помолчать, о чем свидетельствуют его псевдонимы: Эремит (Отшельник), Де Силенцио (Молчальник), Тацитурнус (Молчаливый)... Но парадокс заключался в том, что Киркегор был самым болтливым из всех философствовавших писателей прошлого века. Он болтал, как сорока.

Прыгнув со скандалом в мир религиозного абсурда, исписав сотни страниц парадоксами, он снова и снова совершает свои сальто-мортале. «Ах, его душа боролась между верой и сомнением!» — вздыхают его поклонники. Конечно, вера Киркегора немногого стоит. Но и неверие стоит не больше.

От поисков истины Киркегор решительно отказался с самого начала,

объявив разум источником заблуждений. Он пишет о том, что колебания сами по себе были для него источником наслаждения.

Он то как верующий громит неверующих и проклинает материалистов и атеистов, то цинически заявляет, что никогда не был верующим. Киркегор превозносит христианство как высшее выражение религиозного абсурда, выдает себя за ревностного христианина и требует беспрекословного подчинения всем догматам церкви. И тут же отпускает такие шуточки: «Христиане в сравнении с язычниками — мерины в сравнении с жеребцами».

Ни во что не веря, ничего не любя, Киркегор замыкался в свой футляр, чтобы избежать всякого соприкосновения с ненавистным ему реальным миром.

Но, заслышав звуки приближающейся революции, увидев демократическую молодежь на улицах Копенгагена, Киркегор вылез из футляра и, вооруженный зонтиком, оголтело бросился на социальные и политические идеи 1848 года. Они и не так сильны были в Дании. Национализм датской буржуазии, боявшейся отделения Шлезвига с его преобладающим немецким населением, искажил освободительный дух демократического движения. Монархии ничто не угрожало в самой Дании. Помещики не беспокоились за свои владения. Дело разрешалось несущественными реформами. Но Киркегор в иступлении размахивал зонтиком, как если бы баррикады воздвигались не на улицах Парижа, а на тихих площадях Копенгагена.

Киркегор потерпел жестокую неудачу. Этот выходец из средневековья, истерически вопивший о демократической опасности, не импонировал даже консервативной буржуазии. Демократическая печать высмеяла оглашенного реакционера. Оскорбленный, осмеянный, он снова скрылся в своем футляре, посылая проклятья газетам, которые он считал самым ужасным порождением безбожной демократии.

Убитые смехом

Кто же был он, этот неистовый враг разума, нигилист и циник: теолог, философ, поэт? Об этом идет спор в современной буржуазной литературе о Киркегоре.

Теологи открещиваются от него и подсовывают философам. Но и те «философы», которые называют его «смелым мыслителем», выражают сомнения, можно ли все же без оговорок причислить его к философам.

Профессор Жоливе, в общем благосклонный к Киркегору, спрашивает: «В самом деле, можно ли говорить о философии Киркегора?.. Он не имел никакой философской системы». Жоливе называет Киркегора «антиинтеллектуалистом».

Макс Бензе, преклоняющийся перед «гениальностью» Киркегора, говорит, что его нельзя рассматривать ни как философа, ни как богослова. Киркегор, по словам Бензе, был «разрушителем христианской философии».

Не подлежит сомнению, что Киркегор был сторонником доведенного до крайности иррационализма. Он считал бессмыслицу высшим выражением мысли. Но бессмыслица — это конец философии.

Поэты не примут Киркегора в свой цех: он сух и рассудочен в своем безрассудстве.

Ни теолог, ни философ и ни поэт, Киркегор — юродивый. Это наиболее точное определение для него. Он обладает всеми атрибутами юродства. Шутовская игра псевдонимами, нарочито темная, запутанная речь, желание придать себе загадочность и таинственность, переходы от тоски к возбуждению, высокомерная претенциозность, неудержимая болтливость, чудачества в одежде и манерах, грязный цинизм — все это черты юродства, действующего на воображение нетребовательных слушателей и читателей.

В истории церкви юродство не случайное явление. Оно всегда сопровождало мракобесию. Юродивые не были священниками. Но церковь относилась к ним благосклонно и покровительствовала им. Она остерегалась впускать их в храм и отводила им место на паперти. Верующие относились к юродивым с жалостью и благоговением, принимая невнятное бормотание за божью благодать и разгадывая в непонятных словах вещую мудрость.

Покровительство юродивым опиралось на евангельский текст: «Блаженны нищие духом, ибо таковых есть царствие божие». Юродивые спекулировали на своей духовной нищете. Монастыри сделали юродство источником доходов, содержали своры «старцев», «блаженных», всякого рода прорицателей.

Юродство практиковалось и в русской церкви. В середине прошлого века большой известностью у московских купчих пользовался юродивый Иван Яковлевич Корейша, хронический клиент богоугодного заведения для умалишенных. Загадочные изречения Ивана Яковлевича облетали Москву и проникали в печать.

Реакционная литература выдвинула против материализма 60-х годов своих юродивых «философов». Наиболее известным среди них был профессор киевской духовной академии Аскаченский. Он ломался и кривлялся не хуже Киркегора и так же, как Киркегор, восставал против разума — источника бесовского соблазна. Аскаченский стал мишенью для острых стрел сатиры Добролюбова, Писарева, «Свистка», «Искры».

Писарев говорил об Аскаченском: «У Аскаченского есть положительная сторона — ханжество, и отрицательная — ненависть к человеческому разуму. Эта отрицательная сторона, эта ненависть у него груба, рьяна, нелепа...» Писарев отказывался от спора с Аскаченским, Юркевичем и прочими мракобесами, отказывался и от подробного разбора их произведений. Он писал: «...Спорить с вами мы не будем, а смеяться, если придет расположение, не преминем. Споры вы требуете, а смеха боитесь. Вот смехом-то мы вас и доконаем» (Соч. Т. I, стр. 378 и др.).

Чернышевский высмеял Юркевича, сравнивал его с юродивым Иваном Яковлевичем Корейшей. Герцен называл Аскаченского «богомукрицей», которая живет под штукатуркой (см. Соч. Т. X, стр. 394).

Смех оказался весьма действенным оружием против мракобесия и философского юродства. Юркевич и Аскаченский были убиты веселым сатирическим смехом передовой материалистической литературы. Они преданы забвению и никогда не оживут, — разве только наши современные «богомукрицы» в США в поисках новых мощей раскопают их произведения и преподнесут как откровение юродствующего слова...

Все эти разрушители реального мира, возводившие свое «я» в высший закон познания, были уничтожены задорным и веселым смехом нового мира, смехом разума и науки.

Так же был убит смехом и Киркегор.

Гримасничая и юродствуя, Киркегор говорил: «Только один человек способен критиковать меня: это я сам».

Но в действительности Киркегор жаждал критики. Он хотел, чтобы с ним спорили, чтобы его принимали всерьез ученые люди и философы. Он не боялся шума и скандала, напротив, он шел на скандал. Но он смертельно боялся смеха.

Киркегор яростно выступал против датской демократической интеллигенции. На его проклятья демократическая молодежь ответила градом остроумных карикатур, пародий, фельетонов в сатирическом журнале «Корсар». В самый короткий срок Киркегор стал посмешищем Копенгагена. Смеялись над его философскими бреднями, над его «глубокомыслием», над его претензиями казаться светским львом, над странностями его одежды, над его зонтиком. Киркегор пытался показать, что он презирает этот смех, — не вышло это у него.

В «Дневнике» он писал: «Я мученик смеха, я не могу сказать о себе более точно и более глубоко: я мученик смеха... Вся моя жизнь направлена на то, чтобы быть мучеником смеха. Я познаю себя именно в мученичестве смеха...»

Киркегор писал о «Корсаре»: «Поджаривание на медленном огне, колесование, пытки в тропических странах — муравьи на обмазанной медом жертве,— все это слабо в сравнении с муками засмеянного на смерть».

Тщетно Киркегор пытался обороняться статьями в реакционной печати, направленными против «Корсара» как «недостойного органа отталкивающей иронии».

Убитый всеобщим смехом, Киркегор был предан всеобщему забвению.

Раскопав моши Сёрена Киркегора, сочинив его житие и апокрифы, современная реакционная «философия» воскрешает себе на потребу средневековое юродство. Спрос на юродивых весьма велик. Их требует обанкротившаяся наука, ищущая и обретающая бога в атомном ядре, а еще больше в атомной бомбе. Юродивые в чести в современной буржуазной литературе и искусстве. Сюрреализм — тот же иррационализм, та же бессмыслица и чепуха.

Канонизация Киркегора показательна для капиталистического общества в стадии его упадка и разложения. Экзистенциалисты, рекламирующие Киркегора как сильную и оригинальную личность, на деле выволакивают на сцену распад личности. Это признают и некоторые поклонники Киркегора. Бензе называет его болтовню «философией кризиса человечества». Это верно, если добавить: буржуазного человечества. Отказ от разума — необходимое следствие того состояния, которому разумное человечество отказывает в праве на существование.

В Киркегоре буржуазная идеология упадка и гибели узнает собственный страх перед реальной действительностью. Философы реакционной буржуазии так же бегут от реального мира, как ее государственные мужи бегут от реальной политики.

В. И. Ленин писал, что «философский идеализм есть только прикрытая, принаряженная чертовщина» (Соч. Т. 14, стр. 170). Банкротство философского идеализма выражается в наши дни в том, что нет уже возможности прикрывать, принаряжать чертовщину. Она выступает совершенно открыто в писаниях Киркегора, пророка экзистенциализма, и в писаниях его апостолов. Хайдеггер так же боится реального мира, как Киркегор, он так же прячется в футляр, что не мешает ему из своей кельи громить безбожную демократию и призывать к крестовому походу против коммунизма. У философских ворон современного мракобесия различное оперение, но всех объединяет общий страх перед жизнью, перед разумом, перед наукой, перед марксизмом-ленинизмом. Все они прикрывают обветшалым идеалистическим рубищем кривляющееся юродство.

Воскрешая Киркегора, современные юродивые воскрешают средневековые. Они пытаются увести человечество на 500 лет вспять. Но и там победно звучит злой смех «Похвального слова глупости». Мы видим, как снова царственная глупость окружает себя юродивыми и шутами. «Свсе невнятное бормотание почитают они признаком глубокомыслия, недоступного уразумению толпы» (Э р а з м Р о т т е р д а м с к и й «Похвальное слово глупости», стр. 148. 1932).

Щедрин ядовито высмеивал философию иррационализма. В «Проекте современного балета» есть Большой танец Чепухи. Она исполняет па-де-труа вместе с Враньем и Лганьем. Но разве не танцует точно так же вся современная идеалистическая философия и литература, отрекшаяся от разума и надевшая на голову дурацкий колпак?..

Следуя мудрому завету Писарева, философия и наука реального мира, опирающаяся на разумное познание действительности, не спорит с юродивыми, с «богомолками» нашего времени. Она смеется над ними.

Человек разрывает цепи

Ю. К. МЕЛЬВИЛЬ

В апреле 1947 года на книжном рынке США появилась книга, которая сразу привлекла общественное внимание. За три месяца она выдержала шесть изданий. Передовые деятели культуры, а также и те, которые хотели выглядеть передовыми, одобрительно отзывались о ней в журналах и газетах. Этой новинкой была книга Бэрроуза Данхэма «Человек против мифа» (B. Dunham «Man against Myth». 1947).

Данхэм, профессор философии Филадельфийского университета, выступил в своей книге с резким и острым разоблачением «социальных мифов».

В XVII веке буржуазные философы разрушали мифы, поддерживавшие феодальное общество. В XIX и XX веках они создавали и создают их, чтобы поддержать те порядки, которые обнаружили свою непригодность.

С этой же целью людям внушается, что нельзя изменить человеческую природу, из которой якобы вытекают все бедствия и страдания людей. Модные философы доказывают, что все социальные проблемы, волнующие простого человека, носят чисто словесный характер, не имеют никакого реального значения и человек не должен задумываться над ними. Ему надлежит заботиться только о своем личном благополучии.

Все эти мифы, писал Данхэм, создаются с целью убедить угнетенных в безнадежности каких бы то ни было попыток изменить их положение и заставить их жить в мире иллюзий. «А из всех иллюзий, — говорит он, — величайшей и смертельной является отчаяние» («Man against Myth», p. 314).

Разрушить эти иллюзии и мифы, выставить к позорному столбу врагов человечества, доказать, что человек может стать свободным и счастливым, — такова задача, которую поставил перед собой Данхэм.

Свою первую книгу Данхэм начал писать накануне окончательного разгрома гитлеризма, и естественно, что фашистское мифотворчество стало первым объектом его критики. Аргументация Данхэма, может быть, не всегда была исчерпывающей. Критика иногда велась с позиций абстрактного гуманизма. Пожалуй, цель его книги — обосновать возможность осуществления старого буржуазно-демократического лозунга «свобода, равенство и братство» — для Америки середины XX века была сформулирована несколько старомодно и наивно. При всем этом книга не оставляет ни малейшего сомнения в том, на чьей стороне симпатии ее автора.

Шесть лет спустя, в 1953 году, вышла вторая книга Б. Данхэма — «Великан в цепях». Она также посвящена борьбе против ложных идей, выходящих из различных источников империалистической пропаганды. Но в этой, более зрелой работе автор выступает против теоретической основы социальных мифов, против различных течений идеалистической философии, распространенной в США. Оригинально и убедительно Данхэм защищает диалектику и материализм, разоблачает софизм модных фило-

софских школок, показывает, кому служит современная буржуазная философия. На этот раз из всей буржуазной прессы, кажется, только либеральничавший журнал «Нэйшн» опубликовал краткое сообщение о книге Данхэма. Но автора не обошли вниманием. Бэрроуз Данхэм предстал перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности. Ссылаясь на 5-ю поправку к конституции, он отказался дать показания¹. Результат последовал незамедлительно. Профессор Данхэм был уволен из университета. Протесты и демонстрации студентов не имели успеха. Но они явились свидетельством растущего возмущения фашистскими методами Маккарти. Вопреки воле администрации Данхэм получил премию филладельфийского союза преподавателей, как человек, который «сделал больше всех для дела образования в текущем году».

В ответной речи Данхэм сказал: «Альтернатива, предложенная мне, в действительности не оставляла места для выбора. Я мог или отречься от своего прошлого и своих принципов, выставить себя дураком или плутом, или я мог защищать свое прошлое, свои принципы и вместе с ними и чистоту академической деятельности. Первая из этих возможностей имела так мало силы, как если бы она не существовала, и я избрал вторую с легкостью, которая казалась почти механической. Вторым путем был не лишен шипов. Я не стану утверждать, что я не знал страха и тревожного сна... Но я нашел утешение во многих вещах, и я скажу вам, каковы они... Это было сознание, доходившее до ясной уверенности, что я следую по правильному пути и что результат, как бы он ни сказался на мне, не мог не принести пользу моему делу и моей стране. Я узнал, что с таким чувством человек может сделать почти все... Я должен сказать вам, что за последние три недели я познал счастье более глубокое и, мне кажется, более благородное, чем за все прошлые годы. Оно проистекает от радостного открытия того, что человек может сделать то, что должно быть сделано, от радости победы над старыми страхами и от радостного сознания, что ты окружен обновленной и переливающейся через край любовью друзей... Наши преследователи хотят создать такое положение, при котором добродетель каралась бы, а порок был бы своей собственной наградой. Но в действительности они бессильны сделать это. Они могут вызвать страх, но не непреодолимый; они могут возбудить ненависть, но ненадолго. У нас, их противников, есть одна особенность. Мы идем в будущее и в разгаре битвы чувствуем себя спокойно» (цит. по журналу «The Modern Quarterly», v. VIII, № 4, 1953).

Судьба Бэрроуза Данхэма и его двух книг весьма поучительна. Она показывает трудный и противоречивый путь честного буржуазного ученого к марксизму и свидетельствует о том, что террор и преследования, отбрасывая малодушных в лагерь реакции, способствуют окончательному размежеванию действительных и мнимых друзей трудящихся.

Как рассказывает сам Данхэм, его первое знакомство с философией произошло еще в двадцатых годах, когда в академических кругах витал дух абсолютного идеализма Брэдли и Бозанкета.

Играя на преклонении студенческой молодежи перед идеалами истины, добра и красоты, опытным софистам легко было привить идеалистические взгляды своим неискушенным слушателям. Но жизнь, практика здесь, как и всегда, явилась решающей проверкой. Оказалось, что «ценности человечества и ценности торговли находятся в противоречии, что красота увядает там, где процветает профит. Затем после 1929 года завеса метафор поднялась, и мы увидели, что, хотя каждый человек хочет есть, имеются также люди, которые хотят, чтобы многие умирали с голоду» (B. D u n h a m «Giant in Chains», p. 136. 1953).

¹ Согласно 5-й поправке к конституции США, допрашиваемому разрешается не давать инкриминирующих его показаний. К этой поправке, представляющей собой не уничтоженный еще формально, но грубо попираемый на практике остаток буржуазно-демократических прав, вынуждены в настоящее время широко прибегать прогрессивные деятели США, вызываемые в комиссию Маккарти.

В том же 1929 году, когда действительность одним ударом разрушила карточные домики идеалистической идиллии и «абсолютное совершенство» на деле оказалось конвульсиями экономического кризиса, вышла книга Уайтхеда «Процесс и реальность».

Убедившись в банкротстве идеи о неизменности и вечной гармонии абсолюта, Данхэм стал последователем Уайтхеда. Он увлекся его концепцией процесса и изменения, толкуемых как органический рост. Но увлечение идеалистической «философией организма» Уайтхеда не могло быть продолжительным у человека, движимого стремлением найти в философии ответы на жизненные вопросы, волнующие массы людей, «которые хотят есть».

«В этот период, — пишет Данхэм, — в условиях экономического кризиса и при абсурдности официальных объяснений, я обратился к сочинениям марксистов, которых если и читают последними, то и последними могут забыть» (стр. 139). Надо сказать, что в период экономического кризиса немало либерально настроенных деятелей щеголяло симпатиями к марксизму, чтобы отречься от него в середине тридцатых годов, как только стало казаться, что американскому капитализму удалось восстановить процветание. Не многие выдержали проверку временем и прошли свой путь до конца. Еще более суровые испытания принесли пятидесятые годы, когда каждый честный человек оказался перед необходимостью сделать свой выбор. Сделал выбор и Данхэм. «Итак, — писал он, — мой путь избран, и я удовлетворен. Но я бы не стал предлагать его тому, кто не уверен, что найдет свое предназначение радостным и благородным. Ибо нет пути назад, а есть только падение, падение труса в бездну презрения» (стр. 140).

Таких трусов немало нашлось в эти критические годы, когда спали маски и люди вынуждены были показать свое подлинное лицо. В эти дни «удивительная шеренга ренегатов прошла через камеры комиссии (по расследованию антиамериканской деятельности. — Ю. М.), через суды и страницы газет по пути к бесчестию» (стр. 176).

Отречение от прогрессивных взглядов лицемерно изображается реакционерами как отказ от «предвзятой доктрины» во имя «свободы мысли». Подавляя всякое выражение свободной мысли, они вопят о том, что «людям, придерживающимся взглядов более левых, чем м-р Трумэн, недостает свободы мысли».

Глубокое убеждение чувствуется в словах Данхэма: «Пространство влево от м-ра Трумэна велико. В нем много взглядов, и много хороших взглядов. Но ни один из них не таков, чтобы простое выражение его могло бы увеличить жалование, или социальный престиж, или благосклонность начальства. Следовательно, этих взглядов нельзя придерживаться из оппортунистических мотивов. И нет другого основания для того, чтобы разделять их, за исключением того, что их считают истинными. Если это راستзо, то пусть его так называют. Но свобода мысли, состоящая в том, чтобы придерживаться безопасных взглядов, есть нечто меньшее, чем свобода, и меньшее, чем мысль» (стр. 176—177).

Что влечет Данхэма к марксизму? Искреннее желание помочь трудящимся, обездоленным людям, научная честность и добросовестность, неспособные примириться с софистикой наемных «философов» Уолл-стрита.

Книга Данхэма «Великан в цепях» еще не может быть названа марксистской. В трактовке отдельных проблем чувствуется робость, боязнь или неумение назвать вещи своими именами, обходится ряд важнейших философских и политических вопросов, некоторые оценки неправильны. Но она создана человеком, глубоко прочувствовавшим и понявшим великую правду марксизма, искренне убежденным в его правоте.

Книга «Великан в цепях» направлена против тех философских учений, которые обосновывают социальные мифы о неспособности трудящихся

разорвать цепи классового гнета и уничтожить эксплуатацию народных масс.

Но Данхэм не ограничивается одной критикой, он дает свою, в ряде случаев приближающуюся к марксистской, трактовку важнейших философских проблем.

Центральной идеей книги Данхэма, тем фокусом, в котором сходятся все линии его аргументации, является мысль о том, что философия должна служить делу освобождения народа. «История делается народом», и философия должна помочь ему в его созидательном труде. В наши дни человеку приходится философствовать, хочет он того или нет. «Самые простые факты, — говорит Данхэм, — чреваты философией» (стр. 7), ибо, если человек хочет сделать свою жизнь сознательной, если он хочет найти выход из того кризиса, в котором оказалось общество в середине XX века, он вынужден осмысливать окружающие его события и определять свое отношение к ним. А это и значит — ставить и разрешать важнейшие вопросы философии. Назначение философии — дать указание народным массам, как действовать и бороться, и мы должны «рассматривать философию, как теорию человеческого освобождения» (стр. 17).

Но именно потому, что философия необходимо имеет дело с судьбами человечества, она вплотную смыкается с политикой и определяется ею. Что бы ни воображали сами философы о своей профессии, «именно в огне политики выковывается философия» (стр. 12). Данхэм, правда, не употребляет термина «партийность философии», но он показывает, в чем она выражается в современном капиталистическом обществе. Политика, через которую должна пройти философия, говорит Данхэм, управляется в наши дни «представителями класса, чья власть над событиями ускользает и может быть полностью вырвана у него в результате борьбы внутри страны» (стр. 13). Этот капиталистический класс, главной заботой которого является укрепление своей власти, не может безразлично относиться к тому, что думает народ. А так как теоретическая основа взглядов людей философская, то значительная часть общего давления, осуществляемого правящим классом, приходится на долю философии.

«Каждый день капиталисты дают грубое доказательство старого тезиса Маркса о том, что «в каждую эпоху господствующими идеями являются идеи господствующего класса» (стр. 13). Шантаж, клевета, лишение средств к существованию, штрафы и заключение в тюрьму — все используется для того, чтобы обеспечить господство угодных правящему классу идей. «Круг «свободных» (то есть безопасных) мыслей сужается до нескольких положений, нескольких тем, и на эти незначительные темы трусливые и продажные люди пишут нудные вариации» (стр. 14). Данхэм рисует безрадостную картину духовной жизни капиталистического общества, в котором интеллектуальная проституция, торговля понятиями и принципами, бесстыдная фальсификация идей и приспособление их к полицейским требованиям составляет повседневное занятие многих людей интеллектуального труда.

Действительно, трудно переоценить силу того давления, которому подвергается философ или даже просто мыслящий человек в странах так называемого «свободного мира». Данхэм хорошо знает это из собственного опыта. Культурные традиции и вся система образования направлены на внедрение в сознание интеллигенции ложных, идеалистических и агностических теорий. Еще сильнее давление экономических условий. Боязнь потерять свои доходы, служебное положение и место в официальном обществе заставляет человека закрывать глаза на факты и исповедывать фальшивые и абсурдные идеи.

Мне постоянно твердят, говорит Данхэм, что колониальные народы нужно рассматривать как низшие и неспособные к самостоятельному существованию. Я знаю, что все эти утверждения ложны. Но из соображений дохода я либо должен приучить себя верить заведомо ложным взглядам,

либо найти такой способ фальсификации, который позволил бы мне считать их истинными вопреки всякой очевидности.

И вот, «убаюканный своим доходом в пять тысяч долларов в год сверхискушенный знаток жизни бормочет: что можем мы знать о колониальных народах, если мы вообще очень мало знаем о чем бы то ни было?» (стр. 25).

В том мире, где мы живем, говорит Данхэм, истинные суждения и безопасные суждения не совпадают. Поэтому человек неизбежно «научается приспособливать истину к безопасности, производить, так сказать, суждения, которые достаточно похожи на реальность, чтобы быть правдоподобными, но недостаточно похожи на нее, чтобы стать опасными».

В своеобразной манере Данхэм показывает связь философии с жизнью и нуждами простых людей. Он приводит случай, имевший место в одном из южных штатов. Вечером 8 сентября 1948 года несколько человек белых пришли в дом к негру Никсону и застрелили его за то, что он утром принял участие в голосовании на выборах. Отвечая на вопросы корреспондентов, вдова Никсона закончила свой печальный рассказ такими словами: «У меня шесть человек детей. Я совсем не знаю, как я смогу заботиться о них одна. Мне очень нужна помощь».

Я хотела бы знать и объяснить, почему у нас такое трудное время в этой части страны».

Миссис Никсон, говорит Данхэм, на своем нефилософском языке сформулировала задачу, стоящую перед философией: узнать и объяснить, почему у нас такие трудные времена в этой части страны. А эта «часть страны» — любое место в мире, где людям живется тяжело.

Данхэм приводит далее воображаемые диалоги представителей различных буржуазных философских школ и школок, не отвечающих на жизненно важные вопросы несчастной вдовы Никсона, а пытающихся различными способами внушить ей покорность обстоятельствам, якобы ни от кого не зависящим и непознаваемым.

То же самое идеалистические шарлатаны всех мастей изо дня в день твердят миллионам таких же обездоленных людей, как и миссис Никсон, белого и черного цвета во всех странах капиталистического лагеря. Обращаясь к массам простых людей, начинающих понимать, что происходит в мире, и ставить жизненно важные вопросы, они пытаются увести их в дебри внутреннего «я», в эмпирии идеальных сущностей — куда угодно, лишь бы подальше от тех вопросов, которые касаются судеб человечества.

Но те, кто хотят помочь миссис Никсон и ей подобным, не могут уклоняться от объяснения того, что происходит в мире.

Если мы подходим к этим жизненным вопросам не как простые наблюдатели, заключает Данхэм, если мы не хотим отделять теорию от практики, а стремимся «изменить обстоятельства, облегчить тяжесть нашего времени, избавить жизнь людей от страха и отчаяния», то мы необходимо должны принять ряд философских положений, дать ответ на некоторые кардинальные философские вопросы, ибо без этого мы не сможем сделать ни шага вперед. Вот эти вопросы: «Реально ли изменение? Управляемо ли оно? Можем ли мы обладать знанием? Можем ли мы знать, что им обладаем? Можем ли мы знать, что следует делать с имеющимся у нас знанием?» (стр. 36).

Конечно, Данхэм дает довольно произвольную и неполную формулировку философских проблем. Марксист в первую очередь поставил бы вопрос о материальности мира, прежде чем говорить о реальности совершающихся в нем изменений. Но если Данхэм и неточно ставит вопрос, то отвечает на него как материалист.

Итак, реально ли изменение? Трудно в XX веке отрицать факт изменения в природе и обществе. Но нет такой абсурдной и мистической идеи, которую не взялись бы защищать буржуазные профессора философии,

если эта идея выгодна их классу. Находит своих защитников и идея неизменности мира.

Данхэм критически разбирает так называемый абсолютный идеализм Брэдли-Ройса, оказывавший большое влияние в первой четверти века. Подвергая критике концепции абсолютных идеалистов о вечном, неподвижном и совершенном абсолюте, Данхэм показывает, насколько выгодно это учение сторонникам реакционных порядков. Утверждение о том, что изменения совершаются только в мире конечных явлений, что в истинном, целостном бытии все противоречия примиряются и образуется совершенная гармония, «выражает... полное удовлетворение существующим обществом» (стр. 57) и исключает возможность его изменения. Что может быть более желательным для господствующего класса, чем философия, провозглашающая, что «зло и страдания всегда должны быть в мире» ради гармонии целого и никакое существенное изменение общества невозможно!

Абсолютный идеализм, давно вышедший из моды, — вряд ли самый актуальный объект для критики. Но совсем нетрудно на место абсолютных идеалистов поставить, скажем, неотомистов с их признанием изменения, относящегося лишь к конечным вещам и совершающегося в сфере материальной, брэнной оболочки, окружающей неизменную духовную сущность мира.

Данхэм рассматривает и другой вариант реакционной философии — прагматизм Джемса, его учение о плюралистической вселенной, неустойчивой и иррациональной, изменения которой носят характер чистой случайности и не поддаются предвидению и контролю. «Всеобщее расслабление и превращение случая в основной факт вводят в мир слепую, не поддающуюся предвидению, иррациональную силу, которой нельзя овладеть и управлять. Мир становится капризным и недоступным нашему познанию» (стр. 92), — пишет Данхэм, показывая разоружающее человека содержание прагматизма.

Данхэм и здесь обращается к прошлому. Существо учения Джемса, правда, не изменилось у его истолкователей, но в настоящее время главным врагом американских трудящихся является все-таки не Джемс, а Дьюи и его последователи. Американский марксист Горовиц указал на то, что Данхэм несколько приукрашивает личность Джемса, а также на то, что Данхэму не удалось разоблачить прагматизм как «главный идеологический оплот американского империализма» (журнал «Masses and Mainstream», January, 1954).

После общего обзора двух, на первый взгляд, противоположных учений, признающих либо «постоянство без изменения», либо «изменения без постоянства», Данхэм дает глубокий критический анализ их исходных идеалистических позиций.

Данхэм убежденно отстаивает объективное существование реального мира вне человека и диалектическое понимание «постоянства в изменении». Он выдвигает много остроумных доводов, разоблачающих субъективно-идеалистический софизм, отрицающий материалистическое положение о существовании непосредственно невоспринимаемых вещей якобы из-за невозможности его проверить, и показывает, что «аргументация» позитивистов и прагматистов опровергается жизнью ежедневно и ежедневно.

Данхэм остроумно замечает, что для опровержения, например, астрологии, с точки зрения субъективных идеалистов, надо было бы сперва уничтожить звезды и проверить, каков будет ход человеческой жизни без них, прежде чем сделать вывод о его независимости от положения звезд. Но люди все же нашли возможным отказаться от астрологии, не уничтожая звезд.

Точно так же, говорит Данхэм, «есть очень мало преподавателей, которые серьезно сомневаются в независимом от них существовании их

студентов, или считают этот вопрос бессмысленным, как не могущий быть проверенным» (стр. 106).

Данхэм показывает, что все виды идеализма в равной мере покоятся на антинаучном и произвольном допущении существования сверхъестественных, божественных, идеальных сил, которое в конечном счете объясняется социальными причинами. «Нет сомнений, что стали бы делать люди, если бы они были полностью убеждены в том, что мир пространства и времени есть единственный мир. Но в своем стремлении сделать этот мир цветущим и плодоносящим уже сейчас они столкнулись бы с теми немногими людьми, чья цель — сохранить весь урожай для себя. Это были (и есть) эксплуататоры и искатели наживы, монополисты и колонизаторы, чей образ жизни давно стал системой не только воровства, но и убийства... Они нуждаются в сверхъестественном, как в воздухе для дыхания: это одно из их самых сильных средств для предотвращения восстания. Их примечательный интерес к религии, проявляемый после 1945 года, не есть, как это может показаться, покаяние на смертном ложе. Это усилие сделать смертное ложе невозможным и покаяние ненужным» (стр. 119—120).

Поэтому, замечает Данхэм, вера в сверхъестественное «не может быть окончательно разрушена одной лишь критикой. Она будет жить, пока жива социальная потребность в ней. Но когда исчезнет эта потребность, сверхъестественное отомрет так же, как и государство» (стр. 121).

В трактовке Данхэмом диалектики изменения есть много интересного и правильного. Данхэм показывает, что противоположности — изменчивость и постоянство — это такие же реальные диалектические моменты действительности, как и свобода и необходимость, что одна сторона предполагает другую и имеет смысл только в связи со своей противоположностью. Следует отметить, что Данхэм не противопоставляет формальную логику диалектике, за что его напрасно упрекает Горовиц. Правда, в его книге встречаются неточные, туманные формулировки, свидетельствующие о том, что не все еще стало ясно ученому, идущему к марксизму из аудиторий американского университета; чувствуется непреодоленное влияние Уайтхеда в стремлении во что бы то ни стало избежать понятия «субстанция» и объяснять изменения действительности, пользуясь терминами «событие» и «процесс».

Диалектический материализм не употребляет двусмысленного и неопределенного понятия «субстанция», так как существует точное и ясное понятие «материя».

Но Данхэм избегает говорить и о «материи». Видимо, научное понимание этой важнейшей философской категории еще не вполне сложилось у него, что свидетельствует об известной незавершенности его материализма. Этим можно объяснить попытку Данхэма противопоставить Фалеса как «философа субстанции» Гераклиту, как диалектику, «философу изменения». Данхэм также не уяснил еще себе различия в понимании материи метафизическим и диалектическим материализмом.

Во второй части книги Данхэм обосновывает материалистическое положение о познаваемости мира и критикует различные формы агностицизма. Этот раздел принадлежит к числу лучших в книге.

Главный удар автор направляет против релятивистского отрицания объективного характера нашего знания, против широко пропагандируемого субъективными идеалистами тезиса о том, что всякое знание только относительно и зависит от позиции субъекта.

Данхэм находит много разящих доводов против современных скептиков и релятивистов, которые, подобно некоей старой даме, нудно твердят в ответ на любой довод: «Это только ваше мнение». Конечно, любой взгляд есть чье-нибудь мнение. Но если этот взгляд истинный, то он отражает действительное положение вещей. Тогда, говорит Данхэм, «между суждением и действительным положением дел существует отношение соот-

ветствия» (стр. 189), которое может быть проверено и подтверждено. Истина всегда объективна, и истинность суждения зависит не от того, что его считает истинным большинство людей, а от соответствия его действительности. Например, суждение о том, что «земля круглая», было истинно в течение многих веков, но считалось большинством людей ложным, а суждение о том, что «земля плоская», было ложным, а считалось истинным (стр. 181).

Данхэм высмеивает также внутреннюю противоречивость релятивизма, утверждающего, что нет объективной истины и что всякое знание и суждение только относительно, и в то же время претендующего на абсолютную истинность данного суждения.

Привлекая большой фактический материал из области науки и практической жизни, Данхэм показывает абсурдность и порочность излюбленных утверждений субъективных идеалистов о том, что существование вещей зависит от нашего сознания.

«События,— говорит Данхэм,— в известной степени находятся в нашей власти, истина же нет» (стр. 185). И это, добавляет он, в политическом отношении есть великое благо, так как «если бы мы могли по своему произволу изменять истину, мы оказались бы неспособными сознательно и намеренно изменять мир» (стр. 186).

В отрицании релятивистами и агностиками объективной истины Данхэм совершенно правильно видит не просто ошибку, а фальсификацию, предиктованную определенными классовыми интересами. Когда рушатся надежды тех, кто рассчитывал на безмятежное и вечное господство, естественно, наступает разочарование в принципах и теориях, на которых покоились эти надежды. И, главное, возникает страх перед истинным знанием, которым обладают уже не они. «Неудача ослабила уверенность в собственном знании и указала на то, что есть иное, более могучее знание, которым они не владеют. Что если эти знания принадлежат другим? Пусть лучше сомнение берет верх и невежество будет всеобщим» (стр. 147).

Важным моментом в критике Данхэмом релятивизма является раскрытие того, что релятивизм легко и необходимо переходит в свою кажущуюся противоположность — авторитаризм. «...релятивист,— говорит Данхэм,— оказывается человеком извращенного всезнательства. Поверните его другой стороной, и перед вами авторитарист или мистик» (стр. 156).

В самом деле, отказ от объективной истины и науки, сомнение в моральных принципах, отрицание рационального критерия нашего знания лишает человека какого-либо объективного руководства в жизни и бросает его к ногам авторитета. «Отрицание объективного критерия ведет к политическому подчинению и раболепию» (стр. 175).

В наше время, говорит Данхэм, получила широкое распространение теория, согласно которой, «чем больше вы колеблетесь, тем более вы свободны». Этой «теорией» ренегаты оправдывают свое отступничество. Она помогает отречению от прогрессивных идей и принятию идей реакционных.

Релятивизмом можно кокетничать в философии. В жизни же человеку нужно знать, что ему делать, что признавать истинным и что ложным. Но отрицание релятивизмом объективного критерия приводит к признанию личного авторитета или доктрин, преподанных властью. Это объясняет также, почему распространение субъективистских и релятивистских взглядов так поощряется власть имущими. «Всякий авторитаризм в области мысли фактически есть власть класса» (стр. 160), который любыми средствами добивается признания удобных ему идей.

Отказ от объективного критерия, подчеркивает Данхэм, ведет к принятию любых мифов и вымыслов, а «ужасный конец всего этого,— конечно, победа фашизма» (стр. 162).

Признание объективного характера нашего знания, объективной истины и ее объективного критерия есть, таким образом, абсолютно необходи-

мое условие экономического, политического и духовного освобождения народа — такова главная мысль Данхэма.

«В теории познания, — говорит Данхэм, — ...люди имеют следующий выбор: они должны признать либо объективное знание, либо в высшей степени субъективных правителей. Они могут вести себя как ученые или как рабы. Действительно, теория познания имеет настолько глубокие социальные последствия, что, спросив, каковы взгляды человека на нее, вы можете судить о том, каковы будут его действия. Вы можете распознать колеблющегося, оппортуниста, ренегата, честного человека.

Можно представить себе Искарриота, размышляющего: «Вот мой друг, который говорит, что есть учение, которое сделает людей свободными. А вот жрецы, которые говорят, что это учение опасно. А вот римляне, которые говорят, что жрецов нужно поддерживать. А вот Я, не знающий, что истинно и есть ли что-либо истинное... А вот тридцать серебряников». Так скептик превращается в колеблющегося, колеблющийся в оппортуниста, оппортунист в ренегата. И это не результат природной испорченности. Это просто результат социального давления при отсутствии устойчивого критерия» (стр. 175).

И Данхэм снова возвращается к основной идее своей книги — к тезису о том, что «философия есть теория человеческого освобождения». Материалистическое признание реальности внешнего мира и подтвержденная практикой уверенность в объективном характере нашего знания о нем являются залогом того, что выводы социальной науки о будущем человеческого общества достоверны и могут служить руководством в жизни и деятельности людей.

Анализ исторического процесса, говорит Данхэм, свидетельствует о том, что «история делается массами» (стр. 254). Именно поэтому история приобретает «безличный» характер, и это есть причина того, что «история может быть наукой с той способностью предвидения, которой обладают науки» (там же).

Смело и решительно Данхэм встает на сторону той общественной теории, которая открыла внутреннюю логику исторического процесса и указала на естественный результат общественного развития — социализм.

Чрезвычайно интересна мысль Данхэма о связи науки вообще и особенно общественной науки с проблемами этики. Этой проблеме посвящена третья часть его книги. «Наука не только не отделена от морали, — пишет он, — но является ее наиболее ярким результатом» (стр. 235).

Конечно, говорит Данхэм, любое истинно научное суждение само по себе не зависит от морали, но стремление к истинным суждениям, сознательное предпочтение, оказываемое истине, а не лжи, необходимо содержит в себе моральный элемент, а он, в свою очередь, определяется социальными условиями и принадлежностью к определенному классу. Поэтому проповедь гносеологического релятивизма, отрицание объективного характера нашего знания всегда переплетается с моральным релятивизмом. И напротив, признание силы научного знания и объективности истины связано с моральной стойкостью и силой нравственных принципов.

Данхэм анализирует субъективистские этические учения, распространенные в современном капиталистическом обществе, и показывает, что, отрицая объективный критерий поступков человека, все они пытаются лишить человека ясных нравственных принципов и морального руководства в жизни.

Ничто не может быть более на руку правящему классу, чем деморализация масс. Данхэм подвергает резкой критике аморализм сверхмодных неопозитивистских учений, подчеркивая, что позитивизм не просто ложная теория, а зеркало, «точная картина, ужасающе правильная картина нашего коммерческого общества... Много физики, мало социологии и никакой морали: таков позитивизм и таковы мы» (стр. 235). Такова моральная позиция господствующего класса. Этот класс боится будущего и

ненавидит его. Он «рассматривает социалистическую фазу истории не как прогресс, а как мрачный и отвратительный конец всего, что было хорошего» (стр. 242). Поэтому он отворачивается и от науки, предвещающей эту фазу, и от морали, освещающей путь к ней.

Иная мораль у тех, кто видит в будущем развитии общества свое освобождение. Историческая наука предвидит наступление новой фазы, к которой идет общественное развитие. Поскольку же история делается массами, все более овладевающими наукой и сознающими пути своего развития, этот результат исторического процесса в этическом плане выступает как цель человеческих стремлений, как моральный идеал. В этом смысле Данхэм считает необходимым «рассматривать историю как сложное и неровное движение к идеалу» (стр. 247), в котором осуществится высшее благо.

Эта формулировка Данхэма неточна, ибо дело, конечно, не в том, что развитие общества идет к тому или иному моральному идеалу (это было бы соскальзывание к идеализму), а в том, что класс, интересы которого совпадают с объективным ходом истории, осознает необходимость определенной ступени развития общества — коммунизма — как конечной цели своих собственных стремлений, достижение которой является и моральным принципом, «моральным идеалом», определяющим поведение каждого представителя этого класса и оценку его поступков.

Но неточности Данхэма не могут затемнить его ясную и правильную мысль, что носителями морали в наше время являются те, кто связали свою судьбу с основным историческим движением современности, и что моральным критерием является соответствие поступков человека исторической задаче движения к коммунизму. Определение, которое Данхэм дает «моральному идеалу»: «Моральный идеал — это такая организация человечества, при которой удовлетворение потребностей людей осуществляется в полной мере» (стр. 258), — конечно, весьма абстрактно. И все же в этой формулировке заметны контуры коммунистического общества.

Рецензент журнала «Нейшн», оценивая моральный идеал Данхэма, отметил, что многие немарксисты охотно подписались бы под этим определением идеала. Но в вопросе о том, как эта желанная организация может быть достигнута, он явно не разделяет надежд Данхэма. С нескрываемым раздражением он пишет: «Проф. Данхэм намекает, что коммунизм — вот ответ». (журнал «The Nation». 11 Apr., 1953).

Данхэм заканчивает свою книгу выражением уверенности в том, что хотя «немало страданий и ужасов лежат между нами и нашей целью, «борьба эпох» приведет все же «прогресс к той стадии, на которой социальное планирование сделает людей хозяевами своей судьбы».

В рецензиях на книгу Данхэма, опубликованных в прогрессивной американской и английской печати, отмечается своеобразная манера изложения автора и говорится, что именно такое изложение доступно массовому читателю.

Несомненно, что эта увлекательная и талантливая книга по философии проникнута глубоким убеждением и является плодом огромной творческой работы мысли.

Мы можем закончить наши замечания эпиграфом к книге Данхэма. «Тогда Великан сказал, разбивая свои последние цепи: «Вы думали удержать меня так навсегда? Вы заковали меня в кандалы, пока я спал, но никто не сможет связать меня сейчас, когда я проснулся».

Публикация статьи Канта о приливном трении

Публикуемая ниже (в переводе на русский язык) статья Канта о приливном трении написана в 1754 году и относится к так называемому «докритическому» периоду деятельности Канта. В этот период Кант глубоко изучал естественные науки и особенное внимание уделял наукам о Земле, так как считал, что явления, происходящие на земной поверхности, могут быть лучше исследованы, если будут познаны закономерности существования и развития самой Земли.

Занимаясь физической географией, Кант пытался понять общие закономерности возникновения и движения ветров. Его интересовал также вопрос о землетрясениях. В 1756 году он написал ряд статей, где стремился вскрыть причины этого явления природы. Несколько ранее, в 1754 году, он опубликовал работу под названием «Вопрос о том, стареет ли Земля?», где высказал ряд глубоких диалектических мыслей о внутренних процессах развития вещей и явлений.

Работа Канта «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755 год) — одно из крупнейших его естественно-научных исследований — была охарактеризована Энгельсом как «возрождение диалектики в новейшей немецкой философии». В этой работе Кант сделал попытку на основе имевшихся в то время данных науки, и в частности астрономии, представить космогонический процесс образования Земли, солнечной системы, а также звездных систем.

Работы Канта 40—60-х годов XVIII века подрывали господствовавший в то время метафизический взгляд на природу, заставляли рассматривать природу в развитии, изменении. В этом отношении, говорил Энгельс, Кант стоял выше Гегеля, отказывавшего природе в развитии. И для естествознания эта работа имела большое значение. Кант прекрасно владел эмпирическим и теоретическим материалом естествознания XVII века, интересовался современными ему научными открытиями и

пытался внести в изучение естественно-научных вопросов некоторые диалектические принципы; его идеи иногда значительно опережали достижения естествознания того времени. Его космогоническая гипотеза и гипотеза о замедлении вращения Земли благодаря приливам, изложенная в публикуемой ниже работе о приливном трении, сыграли большую роль в развитии естествознания. «С тех пор, — писал Энгельс, — как открыли, что Кант является творцом двух гениальных гипотез, без которых нынешнее теоретическое естествознание не может ступить и шага, — а именно приписывавшейся прежде Лапласу теории возникновения солнечной системы и теории замедления вращения Земли благодаря приливам, — с тех пор Кант снова оказался в должном почете у естествоиспытателей» («Диалектика природы», стр. 25. 1953).

С точки зрения современной науки, публикуемая ниже статья Канта, конечно, не совершенна. Она содержит много неточностей. Так, например, Кант неверно представлял себе приливное движение вод мирового океана как их течение. Как показало позднейшее изучение этого явления, вокруг Земли обегает приливная волна, но горизонтальные смещения частиц океана при этом незначительны и представляют собой колебание, а не течение. Только в узких проливах, фиордах, устьях рек приливная волна вызывает значительные смещения масс воды.

Поэтому давления, вызываемого течением мирового океана в результате приливов, на восточные берега материков в действительности не существует.

Кант считал, что если бы вся Земля была жидкой, то в результате действия приливного трения ее суточное вращение замедлялось бы очень быстро. Современная же наука доказывает, что в целом жидкой Земле трение, вызываемое приливами, было бы минимальным. Наибольшая доля испытываемого Землей приливного

трения падает на мелководные моря, а не на океаны.

Основываясь на представлении о большой величине приливного трения в жидкой планете и считая, что Земля была когда-то жидкой, Кант делает вывод о том, что Луна не могла возникнуть вместе с Землей, а должна была быть «придана» Земле после того, как Земля стала твердой. Этот вывод Канта, как видно из вышеизложенного, не может считаться обоснованным.

Кант полагал также, что приливное трение должно всегда оставаться постоянным по силе. Это предположение неправильно. С постепенным уравниванием периода обращения Луны вокруг Земли и суточного вращения Земли приливное трение будет уменьшаться, приближаясь к нулю.

Кант попытался путем вычислений определить момент, когда оба указанных

периода станут равными. Расчет этот Кантом не приводится; рассуждения же, положенные в основу расчета, нельзя признать верными. В результате у Канта получилось, что для достижения момента равенства периодов нужно 2 миллиона лет. Позднейшие исследования, однако, показали, что такой момент действительно наступит, но для этого нужно не 2 миллиона, а десятки миллиардов лет. Имеются также и некоторые другие неточности.

Все эти неточности обнаружились спустя значительное время после смерти Канта. Для середины же XVIII века открытие влияния приливного трения, замедляющего вращение Земли, было гениальным. Оно подрывало основы метафизики в естествознании и философии.

Введение и редакция перевода
А. С. АРСЕНЬЕВА

Исследование вопроса о том, претерпела ли Земля при своем вращении вокруг оси, являющемся причиной смены дня и ночи, какие-либо изменения с первых времен своего возникновения; какова причина этого и как можно было бы в ней убедиться.

Тема, предложенная Королевской академией наук в Берлине на соискание приза текущего года.

1754 год

Вскоре будет известно решение, которое Королевская академия наук примет в отношении тех работ, кои претендовали на приз в этом году.

Я также был в числе соискателей, представивших свои соображения. Но я исследовал лишь физическую сторону предмета. Поняв, что мои исследования не могут быть доведены до той степени совершенства, коей надлежит обладать работе, претендующей на приз, я решился коротко изложить свои мысли по затронутому вопросу в самостоятельной статье.

Задание академии состоит в следующем: исследовать, претерпевала ли Земля при своем вращении вокруг оси, являющемся причиной смены дня и ночи, какие-либо изменения со времени своего возникновения; какова причина этого и как можно было бы в ней убедиться.

Можно было бы проследить этот вопрос исторически. Для этого необходимо взять памятники древности самых отдаленных времен, свидетельствующие о величине года и тех включениях [например, 29 февраля], которыми должны были пользоваться древние, чтобы воспрепятствовать

сдвигу начала года, и сравнить эти данные с величиной года, выраженного в наших современных днях. Таким образом можно установить, содержал ли год в древнейшие времена больше или меньше дней и часов; тогда в первом случае скорость осевого вращения уменьшилась, во втором — увеличилась. Я в своем исследовании не буду пытаться осветить вопрос вспомогательными средствами истории. Я нахожу этот источник столь темным, а его свидетельства по данному вопросу столь мало надежными, что теория, которую можно было бы построить на этом основании и которая была бы согласована с данными природы, вероятно, очень сильно напоминала бы фантастические измышления. Поэтому я хочу держаться непосредственно природы, связи которой могут дать нам ясные свидетельства для успешного решения вопроса, а также повод к уместному привлечению данных истории.

Земля непрерывно и свободно вращается вокруг своей оси. Это движение, сообщенное однажды одновременно с образованием Земли, будет продолжаться без изменений с постоянными скоростью и направлением вечно, если не будет никаких пре-

пятствий или внешних причин, которые ускорили бы его или замедлили. Я попытаюсь показать, что действительно имеется внешняя причина, и именно такая, которая постепенно уменьшает скорость движения Земли и ведет к тому, что через неизмеримо долгие периоды времени вращение Земли будет окончательно уничтожено. Это событие, которое должно когда-то произойти, столь важно и удивительно, что уже сама определенность ожидающей Землю судьбы и постоянное приближение к ней природы является предметом, достойным внимания и исследования, хотя роковой момент наступления этого события так далек, что даже способность земного шара быть населенным и длительность человеческого рода могут исчисляться, может быть, менее чем в десятую долю этого времени.

Если бы небесное пространство было наполнено материей, обладающей хоть каким-то сопротивлением, то суточное вращение Земли встречало бы со стороны этой материи постоянное сопротивление, в связи с чем скорость вращения ее постепенно падала бы и в конечном счете исчезла бы. Но теперь это сопротивление можно в расчет не принимать, так как Ньютон убедительным образом доказал, что небесное пространство, которое допускает свободное, беспрепятственное движение даже легких кометных испарений, могло бы быть наполнено материей, обладающей лишь бесконечно малым сопротивлением. Кроме этого препятствия, которое можно не учитывать, нет никакой внешней причины, которая могла бы иметь влияние на движение Земли, исключая притяжение Луны и Солнца. Это притяжение, являясь всеобщим двигателем природы (из чего Ньютон столь же отчетливо, сколь несомненно открыл ее секреты), дает твердую основу для постановки надежного исследования.

Если бы Земля была сплошь твердым телом без всяких жидкостей, то ни притяжение Солнца, ни притяжение Луны никак не могли бы изменить свободное вращение Земли вокруг ее оси; ибо Солнце и Луна притягивают с одинаковой силой как восточную, так и западную часть земного шара и не производят, таким образом, никакого движения ни в ту, ни в другую сторону, следовательно, оставляют Земле полную свободу беспрепятственно продолжать свое вращение, никак не воздействуя на него. Но в том случае, если масса планеты содержит значительное количество

жидкого элемента, совместное притяжение Луны и Солнца, приводя в движение эту жидкую материю, будет сообщать Земле часть этого движения. Земля находится именно в таких условиях. Воды океана покрывают не менее трети ее поверхности и находятся благодаря притяжению рассматриваемых нами небесных тел в непрерывном движении, и именно в ту сторону, которая противоположна вращению Земли. Таким образом, заслуживает рассмотрения вопрос о том, не может ли эта причина сообщить вращению какие-либо изменения. Притяжение Луны, которое оказывает наибольшую долю этого воздействия, держит воды океана в непрерывном колебании, вследствие которого они стремятся стекаться и подниматься к пунктам, расположенным точно под Луной, как на стороне, обращенной к ней, так и на противоположной стороне; и так как эти «пункты набухания» сдвигаются от утра к вечеру, то они сообщают мировому океану во всем его объеме постоянные перемещения именно в направлении к этим пунктам. Опыт мореплавателей уже давно с несомненностью доказал существование такого общего движения; оно наблюдается наиболее отчетливо в морских проливах и заливах, где вода, проходя через узкое пространство, увеличивает скорость своего течения. Поскольку это перемещение направлено прямо противоположно вращению Земли, то мы имеем фактор, который, как мы можем точно рассчитать, непрерывно стремится, насколько он способен, ослабить и замедлить вращение Земли.

Правда, если сопоставить медленность этого движения вод со скоростью движения Земли, ничтожность количества воды с размерами земного шара и легкость первого [количества воды] с тяжестью последнего [земного шара], то может показаться, что воздействие вод следовало бы считать равным нулю. Но если, с другой стороны, вспомнить, что это воздействие непрерывно, что оно длится с древнейших времен и будет всегда продолжаться, что вращение Земли есть свободное движение, и потеря малейшего количества его остается невозмещенной, а уменьшающий фактор, напротив, остается всегда постоянным по силе, то для философа было бы совершенно неправильно решение объявить малое воздействие недостойным внимания, так как это малое воздействие, постоянно суммируясь, в конце концов должно исчерпать даже величайшее количество.

Чтобы как-то определить величину воздействия, служащего причиной постоянного движения океана от утра к вечеру против вращения Земли вокруг ее оси, попытаемся рассчитать то давление, которое мировой океан оказывает на восточные берега американского материка, причем мысленно продолжим его протяженность до обоих полюсов; то, чего при этом не хватит, мы с избытком возместим вытянутой оконечностью Африки и восточными берегами Азии. Примем скорость упомянутого движения океана на экваторе за 1 фут в секунду, а к полюсам по кругам параллелей — соответственно уменьшающейся; наконец, пусть высота плоскости материка, подвергающегося давлению воды, исчисляемая по вертикальной глубине, составляет 100 туазов (французских шестифутовых сажений). В этом случае сила, с которой море оказывает своим движением давление на обращенную к нему поверхность, будет равна весу объема воды, основание которого составит вся воображаемая поверхность от одного полюса до другого, а высота — $1/124$ фута. Эта масса воды, составляющая одиннадцать раз сто тысяч кубических туазов, меньше массы земного шара в 123 биллиона раз, и так как вес этой массы воды давит постоянно в направлении, противоположном вращению Земли, то можно легко вычислить, сколько времени должно пройти, пока это противодействие исчерпает все движение Земли. Для этого потребовалось бы 2 миллиона лет, если скорость перемещения океана будет до конца постоянна и если принять, что масса Земли имеет ту же плотность, что и материя воды.

При таких условиях и учитывая, что уменьшение скорости еще невелико, замедление за 2 тысячи лет в средние периоды составит столько, что год уменьшится на $8\frac{1}{2}$ часов [вследствие увеличения длины суток и часов], так как именно в такой степени замедлится вращение Земли вокруг своей оси.

Правда, уменьшение суточного движения значительно ограничивается ввиду того, что 1) плотность всей массы Земли не равна, вопреки нашему предположению, удельному весу воды; что 2) скорость движущегося моря на открытых пространствах, как кажется, несравненно меньше, чем фут в секунду; с другой стороны, эти уменьшающие факторы с избытком восполняются тем, что 1) сила вращения земного шара, которая здесь выведена из расчета

постоянно продолжающегося движения со скоростью точки на экваторе, является лишь вращением вокруг оси, а это составляет несравненно меньшую величину; кроме того, препятствие, которое расположено на поверхности вращающегося шара, имеет преимущество рычага потому, что оно расположено на расстоянии от центра; обе эти причины, вместе взятые, увеличивают сокращение [скорости], происходящее в результате набегания воды, в $5/2$ раза; 2) уменьшающие факторы с избытком восполняются и тем [и это главное], что воздействие движущегося океана распространяется не только на неровности, возвышающиеся над дном моря, на материки, острова и скалы, но и на все дно моря, которое, правда, претерпевает на каждом пункте несравненно меньшее воздействие, чем подвергающаяся набегу воды вертикальная плоскость, рассмотренная при первом расчете, но зато воздействие осуществляется на такой большой площади, которая превышает упомянутые вертикальные поверхности более чем в $1/8$ миллиона раз, так что в результате и превышение воздействия должно оказаться удивительно большим.

В соответствии с этим нельзя далее сомневаться в том, что всегда продолжающееся движение мирового океана от вечера к утру, поскольку оно представляет собой действительную и определенную силу, содействует уменьшению вращения Земли вокруг оси, следствие чего должно стать, несомненно, заметным через длительные периоды. Теперь можно без всякой опасности привлекать данные истории, чтобы подтвердить нашу гипотезу. Однако, должен признаться, что я не мог встретить никаких следов предположения столь вероятного события и оставляю другим возможность восполнить этот пробел.

Если Земля медленно, но верно приближается к остановке своего вращения, то период, в течение которого происходят эти изменения, завершится тогда, когда ее поверхность будет находиться в состоянии покоя по отношению к Луне, то есть когда Земля будет обращаться вокруг своей оси за то же время, за какое Луна делает оборот вокруг Земли, следовательно, когда Земля будет обращена к Луне всегда одной стороной.

Это состояние будет результатом движения жидкой материи, которая покрывает часть земной поверхности лишь на небольшую глубину. Если бы Земля до самого

центра сплошь была жидкой, то притяжение Луны за совсем короткое время привело бы вращение к этому рассчитанному нами остатку. Теперь сразу же обнаруживается та причина, по которой Луна в своем вращении вокруг Земли всегда обращена к ней одной и той же стороной. Не превышение веса обращенной к Земле стороны над противоположной, а действительно равномерное вращение Луны вокруг своей оси, совершающееся как раз за то время, пока Луна обегает вокруг Земли, имеет следствием то, что Луна повернута к Земле всегда одной и той же стороной.

Отсюда можно с несомненностью заключить, что притяжение, которое Земля оказывала на Луну в период ее [Луны] первоначального образования, когда ее масса была еще жидкой, привело, как описано выше, осевое вращение Луны, скорость которого у этой планеты-спутника была тогда, вероятно, большей, к рассчитанному нами остатку. Из чего также видно, что Луна — небесное тело более позднего происхождения, чем Земля. Она была придана Земле

уже после того, как Земля перешла от жидкого состояния к твердому. Иначе притяжение Луны, несомненно, привело бы Землю вскоре к той же судьбе, какую Луна пережила под воздействием нашей Земли. Последнее замечание можно рассматривать как опыт естественной истории неба, в которой на основе признаков, характеризующих условия в мироздании, должны были бы быть определены первичное состояние природы, процессы возникновения мировых тел и причины их закономерных взаимоотношений.

Изложенная концепция, применимая к истории Земли, несомненно, применима и к истории всей Вселенной. Я посвятил этому предмету целый ряд исследований и объединил их в систему, изложение которой вскоре появится в свет под названием: **«Космогония, или попытка вывести происхождение мироздания, объяснить образование небесных тел и причины их движения из общих законов движения материи в соответствии с теорией Ньютона».**

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К итогам дискуссии по вопросам физической и экономической географии

В СССР, как ни в какой другой стране мира, созданы исключительно благоприятные условия для расцвета наук, в том числе и географии. Государством проводятся широкие мероприятия по всестороннему изучению природно-географических условий нашей страны с целью наиболее рационального их использования в народном хозяйстве.

Созданные за годы Советской власти научно-исследовательские институты и организации в центре и на местах, многочисленные экспедиции ведут комплексное изучение различных районов СССР, их экономических и природных условий и ресурсов. За годы социалистического строительства советскими учеными проведены географические исследования Арктики, малодоступных пустынь и горных районов Средней Азии, морей, омывающих нашу страну; открыты высочайшие горные вершины, новые горные хребты, ледники и т. д. На географической карте нашей громадной страны нет больше «белых пятен». Советскими географами созданы новые общегеографические и специальные карты, географические атласы, написан ряд монографий, многие из которых удостоены Сталинской премии.

Большая работа ведется также по подготовке кадров специалистов различных областей физической и экономической географии.

Таким образом, физическая и экономическая география в результате неустанной заботы и помощи со стороны Коммунистической партии и Советского правительства добилась немалых успехов.

Однако достижения советской физической и экономической географии совершенно недостаточны в свете стоящих перед ними грандиозных задач.

Проблемы физической и экономической географии, обсуждавшиеся в нашем журнале, рассматривались также на ученых советах институтов географии АН СССР и академий союзных республик, на ученых советах географических факультетов ряда университетов и педагогических институтов, во Всесоюзном географическом обществе и его отделениях на местах. Одновременно теоретико-методологические вопросы физической и экономической географии обсуждались на страницах журналов «Известия АН СССР» (серия географическая), «Известия Всесоюзного географического общества» и других. Правда, в журнале «Известия АН СССР» (серия географическая) дискуссия была прекращена в 1952 году без заключения редакции. Редакция «Известий Всесоюзного географического общества» также не высказала определенного суждения по дискуссионным вопросам.

Развернувшаяся дискуссия не только выявила серьезное отставание научно-исследовательской работы в области физической и экономической географии от практики строительства коммунизма, но и вскрыла основные причины этого отставания.

Советские географы еще недостаточно творчески применяют теорию марксизма-ленинизма к разработке вопросов физической географии. В трудах отдельных советских географов еще не преодолено влияние бур-

жуазной методологии, что не могло не сказаться на результатах их исследований.

Дискуссия углубила критику теоретических ошибок, допущенных в работах академика А. А. Григорьева, отметив наличие в них схоластических схем, не отражающих действительного развития физико-географической среды. Вместе с тем в ходе дискуссии было отмечено, что А. А. Григорьев ряд вопросов физической географии ставит правильно. Его заслугой является внедрение в физическую географию методов геофизики и геохимии и использование данных этих наук. Он совершенно справедливо подчеркивает необходимость изучения физической географией природных процессов как основы для раскрытия физико-географических закономерностей, а также разработки этих вопросов. Академик А. А. Григорьев выступил в «Вопросах философии» с признанием и критикой своих ошибок, выдвинув при этом ряд новых положений.

В процессе обсуждения были подвергнуты справедливой критике распространенные среди некоторой части советских физико-географов взгляды так называемой «ландшафтной школы», последователи которой вместо глубокого изучения сложных процессов развития природы в различных частях страны ограничиваются описанием ландшафтов. Сложные процессы и взаимосвязи явлений в географической среде они подменяют «хорологическим» (чисто пространственным) сочетанием.

Говоря о кризисе «ландшафтной школы», академик И. П. Герасимов правильно отметил, что «методологическое несовершенство «ландшафтной школы», не сумевшей подняться выше описательного уровня, а также подчинение ее искусственной хорологической концепции и являются ее основными отрицательными особенностями в современном ее виде. Это направление не смотрит вперед, не ставит задач будущего, не имеет программы для развития нашей науки» (журнал «Вопросы философии» № 3 за 1951 год, стр. 177).

В ходе дискуссии был поднят широкий круг проблем физической и экономической географии, но главное внимание было сосредоточено на наиболее общих теоретических основах этих наук, ибо без решения принципиальных вопросов невозможно правильно подойти к решению других проблем.

Прежде всего участники дискуссии стремились установить, являются ли физическая и экономическая география самостоятельными науками или они представляют собой лишь разделы «единой географии». В связи с этим были поставлены вопросы о предмете физической и экономической географии, об их теоретических основах и отношении к естественным и общественным наукам, а также о «ландшафтной школе» в физической географии, о содержании и научности понятия «ландшафт», о взаимоотношении общей и региональной физической географии, о так называемом «районном» направлении в экономической географии и т. д. Большое внимание было уделено вопросу о материалистической традиции в передовой русской географической науке.

* * *

В советской географии, как это вскрыла дискуссия, до сих пор еще имеются сторонники взгляда, согласно которому физическая и экономическая география составляют единую науку. Представление о «единой географии» пропагандировалось в свое время Геттнером и ныне еще широко распространено среди зарубежных, особенно американских, географов.

В защиту «единой географии» выдвигается ряд аргументов, например, делается ссылка на специфику предмета. Так, Ф. Я. Кирин утверждает, что география должна быть единой, так как она имеет один объект изучения — условия материальной жизни общества, — и что нет другой такой науки, которая смогла бы полностью охватить изучением весь комплекс

условий материальной жизни общества, кроме географии (см. журнал «Вопросы философии» № 2 за 1952 год, стр. 237)¹.

Вряд ли нужно доказывать, что весь комплекс условий материальной жизни общества не может охватить и «единая география». Эти условия изучают все естественные науки, а также политическая экономия и другие общественные науки. Всех этих наук «единая география» заменить не может.

Сторонники «единой географии» пытаются обосновать ее, ссылаясь на необходимость содружества физико-географов с эконом-географами. Содружество физико-географов с эконом-географами и другими специалистами надо всячески приветствовать, но это еще не значит, что должна существовать «единая география», в которой соединилась бы наука о природе с общественной наукой.

Отстаивая «единую географию», сторонники этой точки зрения ссылаются также на общность методов работы физико-географов и эконом-географов (карта как одно из главных орудий исследования, районирование, полевой метод исследования и т. д.). Выдвигают также в качестве аргумента (Ю. Г. Саушкин) необходимость «*диалектического сочетания*» данных физической и экономической географии для решения важнейших вопросов построения коммунистического общества» («Известия АН СССР», серия географическая, № 2 за 1952 год, стр. 73).

Известно, что для решения важнейших вопросов построения коммунизма используются данные не только физической и экономической географии, но и ряда других наук — физики, химии, биологии, политической экономии и т. д. Но это отнюдь не может служить основанием для игнорирования различий между науками естественными и общественными, для смешения их, как это делает Ю. Г. Саушкин.

Столь же несерьезны попытки защищать «единую географию» ссылкой на общий метод полевых исследований, работы с картой и т. д. Картографические работы имеют большое значение не только в физической и экономической географии. Они широко применяются в геологических, археологических, исторических исследованиях и т. д. То же самое можно сказать и относительно полевых методов исследования. Однако это не является основанием для объединения, например, геологии с археологией и т. д.

Сторонники «единой географии» явно переоценивают роль географической среды, смешивают закономерности общественного развития с законами развития природы.

Концепция «единой географии» наносит вред как физической, так и экономической географии, толкая работников этих наук на неправильный путь исследования. Особенно это касается ученых, занимающихся разработкой проблем экономической географии. Эта концепция лишь отделяет их от понимания необходимости руководствоваться в своих исследованиях объективными законами экономического развития. Она ведет к созданию искусственной стены между экономическими науками и экономической географией.

Некоторые советские географы пытаются защищать «единую географию», мотивируя необходимостью создания страноведческих работ. Страноведческие книги, если они написаны со знанием дела, весьма полезны и необходимы, но они не могут заменить ни физической, ни экономической географии. Такая аргументация включает в себе тенденцию ликвидации физической и экономической географии.

Подводя итоги настоящей дискуссии, следует признать правильным положение о том, что физическая и экономическая география — это самостоятельные науки. Причем совершенно очевидно, что физическая география — наука естественная, а экономическая география — наука экономическая. К этому выводу пришло подавляющее большинство участников

¹ Редакцией получено письмо от Ф. Я. Кирина, в котором он признает критику его взглядов по этому вопросу справедливой и просит об этом сообщить в печати.

дискуссии. На заседании Ученого совета Института географии АН СССР было правильно отмечено, что физическая и экономическая география не могут быть объединены в «единую географию», так как физическая география относится к естественным наукам, а экономическая география — к общественным наукам.

В то же время следует подчеркнуть, что необходимость тесного контакта физико-географов и эконом-географов доказана практикой изучения районно-комплексных народнохозяйственных проблем.

В ходе дискуссии большое внимание было уделено вопросу о предмете как физической, так и экономической географии.

Определение предмета физической географии как науки о географической среде, взятой в едином целом, требует дальнейшей расшифровки и разработки, но оно может служить основой для решения вопроса о месте физической географии среди других наук, и прежде всего смежных ей наук — геологии, почвоведения, ботаники, зоологии и других.

В разработке основной теоретической проблемы физической географии — проблемы изучения географической среды как целого — перед физической географией стоят сложные и многообразные задачи. Главной из них является раскрытие особенностей целостной географической среды, ее структурных образований и законов развития географических явлений.

Надо сказать, что борьба с «хорологической» — идеалистической, реакционной, концепцией геттнерианства отнюдь не значит, что отрицается необходимость изучения пространственного проявления закономерностей физико-географических процессов и явлений.

* * *

В отношении обсуждавшихся вопросов экономической географии следует отметить, что некоторые участники дискуссии, например, профессор Ю. Г. Саушкин и другие, пытались, по существу, отрицать принадлежность экономической географии к числу экономических наук.

«Экономическая география, — пишет профессор Саушкин, — изучает не размещение производства, не историю общества, а ту самую территорию, на которой разворачивается история общества, происходит развитие отраслей народного хозяйства, размещается производство» («Известия АН СССР», серия географическая, № 2 за 1952 год, стр. 72).

Утверждать, будто предметом экономической географии является «территория», а не географическое размещение общественного производства и экономические районы, по существу, значит выхолащивать основное содержание экономической географии, а тем самым ликвидировать ее как науку.

Участники дискуссии предложили ряд определений предмета экономической географии. Наиболее приемлемым из них следует считать определение предмета экономической географии как науки о географическом размещении производства, об особенностях и условиях его развития в различных странах и районах.

Такое определение наиболее правильно, ибо экономическая география является наукой, изучающей вопросы, неразрывно связанные с общественным разделением труда между странами и районами. При этом надо учитывать, что основные закономерности географического размещения производительных сил определяются способом производства материальных благ.

В ходе дискуссии справедливой критике подверглось так называемое районное направление в экономической географии. Борясь против отраслевого статистического направления (представленного в свое время профессором Дэном), районная школа в основу своей концепции положила противопоставление районов отраслям, вместо того чтобы правильно сочетать те и другие и этим противопоставить марксистскую методологию методу буржуазной экономической географии.

Как правильно отмечалось в дискуссионных статьях, решение задач экономической географии нельзя достигнуть путем районного или отраслевого типа исследований. Оба они, если являются подлинно научными, важны для практики коммунистического строительства. Однако образование и направление развития экономических районов представители «районного направления» объясняют не способом производства материальных благ, а прежде всего природными условиями, которым они отводят первенствующую роль. Сторонники районного направления игнорируют объективные закономерности развития общественного производства, гипертрофируют географические особенности различных районов, недооценивают взаимозависимость между географическим размещением общественного производства в масштабе всей страны и развитием экономических районов. Природные условия играют большую роль в развитии экономических районов, но эта роль не является решающей.

То же самое следует сказать о специфических особенностях районов. Очень важные сами по себе, они лишь дополняют основные закономерности развития хозяйства данной страны.

Утверждая, будто характеристика районов составляет главный предмет экономической географии как науки, представители «районного направления» тем самым игнорируют необходимость изучения объективных закономерностей географического размещения производства. Это тем более неправильно, что размещение основных отраслей промышленности и сельского хозяйства по всей стране является первоосновой развития производительных сил всех экономических районов.

Вместе с тем необходимо отметить вредность подмены глубоких исследований в экономической географии беспредметным социологизированием. Крупнейшим недостатком научной работы в области географии, правильно отмеченным в ходе дискуссии, является прежде всего совершенно недостаточное применение основных положений марксизма-ленинизма, слабая связь с практикой коммунистического строительства, недостаточное изучение и обобщение богатейшего опыта социалистического размещения производства, экономического районирования, развития республик и экономических районов в системе народного хозяйства СССР.

Совершенно неудовлетворительно ведется изучение экономической географии капиталистических стран. Недостаточно разоблачаются современные лженаучные теории в экономической географии, которые проповедуются идеологами американского и английского империализма. Подменяя науку клеветой на народы СССР и стран демократического лагеря, они пытаются с помощью вульгарного географизма, геополитики и расизма «научно обосновать» борьбу американского империализма за мировое господство, за полное порабощение колониальных и зависимых стран.

Важнейшей задачей экономической географии является научное решение проблем улучшения географического размещения нового строительства на территории СССР и проблем комплексного развития основных экономических районов страны. В директивах XIX съезда партии указывается на необходимость улучшения географического размещения строительства промышленных предприятий в новой пятилетке в целях приближения промышленности к источникам сырья и топлива и ликвидации нерациональных и чрезмерно дальних перевозок. Для решения этой задачи первостепенное значение имеет изучение межрайонных экономических связей и путей их рационализации, основных проблем комплексного развития хозяйства в каждом экономическом районе нашей страны.

В отчетном докладе XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б) товарищ Г. М. Маленков указал, что надо направлять усилия советских ученых на более быстрое решение научных проблем, касающихся использования громадных природных богатств нашей страны. В решении этих проблем большую роль призваны сыграть специалисты в области физической и экономической географии. Они могут оказать своими исследованиями

существенную помощь Коммунистической партии и Советскому правительству в решении задач дальнейшего развития сельского хозяйства СССР, расширения производства продовольственных и промышленных товаров широкого потребления, имеющих огромное значение для поднятия материального благосостояния трудящихся нашей страны.

Одним из весьма важных условий дальнейшего развития сельского хозяйства является улучшение его географического размещения не только в масштабе всей страны, но и внутри каждой республики, края и области, а также внутри каждого административного района. Исходя из решений сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов ЦК КПСС, поставивших задачу существенного улучшения размещения отраслей сельского хозяйства, советские ученые осудили шаблонное применение травопольной системы земледелия без учета экономических и природных особенностей различных районов страны. В деле улучшения размещения культур и отраслей сельского хозяйства значительную помощь могут оказать физико-географы, исследующие почвенно-климатические и другие природные условия развития сельского хозяйства в различных районах.

Ученые-географы могут и должны содействовать своими исследованиями решению таких общегосударственных задач, как освоение целинных и залежных земель на Урале, в Сибири, в районах Казахстана и других областях и районах нашей страны.

Они должны помочь и в деле рационализации размещения сельского хозяйства на основе учета своеобразия экономических и природных условий различных районов, а также в деле размещения промышленности и транспорта.

Разработанная Коммунистической партией и Советским правительством программа крутого подъема производства предметов народного потребления предусматривает в течение ближайших лет постройку тысяч новых предприятий легкой и пищевой промышленности. Рациональное размещение этих предприятий по республикам, краям и областям является важным условием экономии капитальных вложений в строительство этих предприятий, наиболее высокой производительности труда, а также рационализации перевозок сырья и готовой продукции.

В решении этой жизненно важной задачи большую помощь могут оказать советские эконом-географы и физико-географы.

Физическая и экономическая география должны помочь разрешению важнейших проблем народного хозяйства СССР. В соответствии с решениями сентябрьского и февральско-мартовского Пленумов ЦК КПСС необходимо углубить изучение природных (главным образом почвенно-климатических) и экономических условий районов и особенно районов, в которых осваиваются большие площади целинных и залежных земель. Глубоко исследуя особенности и возможности этих районов, ученые в области физической и экономической географии окажут большую помощь Советскому государству в решении задачи увеличения запасов хлеба в стране, а колхозам и колхозникам в деле скорейшего подъема экономики колхозов и повышения доходов колхозников.

В области экономической географии необходимы исследования, раскрывающие закономерности географического размещения производительных сил при социализме и преимущества социалистического размещения над капиталистическим.

Подводя итоги дискуссии, редакция журнала «Вопросы философии» отнюдь не считает, что этим заканчивается решение теоретических вопросов физической и экономической географии. Они должны и далее активно разрабатываться в специальных научных учреждениях, а также и в печатных органах.

Несколько замечаний о теории относительности*

Леопольд ИНФЕЛЬД (Польша)

Действительный член Польской Академии наук

Человеческие представления о пространстве и времени относительны, но из этих относительных представлений складывается абсолютная истина, эти относительные представления, развиваясь, идут по линии абсолютной истины, приближаются к ней.

(Ленин.)

I. Роль теории относительности в науке

На вопрос, какую роль играет теория относительности в современной физике, пожалуй, каждый физик даст идентичный ответ. Именно, он скажет, что теория относительности — это отрасль науки, без которой нельзя представить себе физику сегодняшнего дня; что инвариантность законов физики в отношении преобразования Лоренца — одна из важнейших и руководящих идей, ведущих к открытию этих законов; что течение квантовой механики соединяется с течением теории относительности в один мощный поток современной физики; что теория относительности лучше отражает нашу действительность, чем классическая теория; что существует огромное и все растущее количество опытных фактов, которые подтверждают теорию относительности и что это касается главным образом специальной теории относительности; что не существует ни одного опытного факта, который бы противоречил этой теории; что нет физика, который бы сомневался в важности теории относительности.

А философ? Если он понимает и знает физику, он скажет то же самое. Только не зная физики, можно говорить о противоречии между теорией относительности и диалектическим материализмом. А этого противоречия не может быть, так как теория относительности описывает действительность лучше, чем теория классическая; так как опыт определенно говорит в пользу теории относительности в случаях, когда ее выводы отличаются от выводов классической теории. Следовательно, теория относительности не может противоречить диалектическому материализму, поскольку она согласуется с опытом и является единственной теорией, объясняющей такой огромный круг явлений.

* Статья известного физика Леопольда Инфельда напечатана в польском журнале «Myśl filozoficzna» № 1 (11) за 1954 год. Так как статья представляет интерес для советских читателей в связи с дискуссией по философским вопросам теории относительности, редакция сочла целесообразным опубликовать ее на страницах журнала «Вопросы философии».

Разумеется, можно по-разному интерпретировать основные понятия в теории относительности — либо идеалистически, либо материалистически. Но это касается в одинаковой степени и классической механики. И там может быть и идеалистическая и материалистическая интерпретация основных понятий.

В настоящей статье я стремлюсь доказать, что различие между интерпретацией идеалистической и материалистической существует как в теории относительности, так и в классической механике; что связанные с этим трудности лишь представляются большими в теории относительности, и это главным образом потому, что с того времени, как была сформулирована классическая механика, прошло свыше трехсот пятидесяти лет, а специальная теория относительности существует едва пятьдесят лет.

II. Классическая механика — понятия относительные и абсолютные

В классической механике следует отличать относительные понятия от абсолютных. Начнем с понятия системы. Системы, связанные с Землей либо с Солнцем, — это системы, в которых мы описываем явления природы. Законы механики относятся к так называемым системам инерциальным. Что представляет собой инерциальная система? Это система, в которой важная роль принадлежит закону инерции и, вообще говоря, законам механики. А где в действительности существует такая инерциальная система? На этот вопрос мы не сможем ответить.

В действительности таких, в строгом смысле инерциальных, систем нет. Для некоторых явлений мы можем принять, что система, связанная с Землей, является инерциальной системой. Для других, более тонких явлений инерциальной будет система, связанная с Солнцем, относительно которого обращается Земля. Для некоторых явлений (например, когда мы говорим об обращении всей нашей солнечной системы) мы вынуждены связывать инерциальную систему с постоянными звездами.

Забудем, однако, в данном случае об этой трудности. Будем рассуждать так, как будто идеальная инерциальная система существует в природе. Известно, что если мы имеем одну такую систему, то мы имеем их бесконечное количество; что законы природы, имеющие важное значение в одной инерциальной системе, имеют столь же важное значение в каждой иной системе, которая равномерно движется относительно первой системы. Это так же очевидно, как факт, что в поезде, который движется идеально равномерно, действуют в точности те же законы, что и на земле. Если, следовательно, речь идет о законах механики, то не требуется выделять никакой инерциальной системы, так как эти же законы касаются всех инерциальных систем. Законы механики имеют вследствие этого абсолютный характер, так как не зависят от выбора системы, пока эта система является инерциальной.

А какие понятия относительные? Прежде всего координаты точки. Представим себе очень малое тело (материальную точку),двигающееся относительно данной системы. Тогда координаты этой точки будут функциями времени, зависящими от системы; будут они одними для системы, связанной с Землей, и другими для системы, связанной с движущимся поездом. Разумеется, коль скоро мы знаем координаты в одной инерциальной системе, то знаем их и в другой инерциальной системе, если нам известно, с какой скоростью движется эта система относительно первой системы. Назовем две такие инерциальные системы, равномерно движущиеся одна относительно другой, — O и O' . Зная координаты материальной точки в O и зная скорость O' относительно O , мы можем высчитать эти координаты в O' . Они будут различными в O и O' — и поэтому координаты точки являются величинами относительными. Находим эти координаты в O' путем применения так называемого преобразования Галилея, то есть очень простого алгебраического правила, позволяющего высчитать координаты в O' на основании знания координат в O и скорости O' относительно O .

Другой относительной величиной является скорость. Действительно, скорость материальной точки относительно O иная, чем скорость относительно O' . Если мы движемся в поезде в направлении его движения, то наша скорость относительно Земли будет равна сумме нашей скорости относительно поезда и скорости поезда относительно Земли. Следовательно, скорость есть также понятие относительное, так как зависит от выбора системы.

Между тем время является понятием абсолютным. Согласно классической меха-

нике, время протекает одинаково для всех систем. Масса также есть величина абсолютная. То же самое относится и к длине жесткого стержня, поскольку она остается одной и той же в разных системах. Наконец, ускорение также является величиной абсолютной, так как не зависит от выбора инерциальной системы.

Обобщая, мы можем сказать, что в классической механике абсолютными понятиями являются законы механики, время, длина жесткого стержня, ускорение, масса. Относительными понятиями являются координаты точки, скорость.

Об абсолютных величинах мы говорим, что они инвариантны относительно преобразования Галилея. Действительно, для координат путь от одной системы к другой лежит через эти преобразования Галилея. Абсолютные же величины нечувствительны к этим преобразованиям и инвариантны по отношению к ним. Прежде всего эта инвариантность по отношению к преобразованию Галилея относится к законам механики. Она означает, как уже об этом было выше сказано, что эти законы в каждой системе остаются одними и теми же.

С материалистической точки зрения относительные величины, так же как и величины абсолютные, выражают нечто реальное, объективно существующее в нашем материальном мире. Относительные величины так же объективны, как и величины абсолютные.

III. Специальная теория относительности — понятия относительные и абсолютные

В специальной теории относительности, как и в классической механике, мы различаем понятия относительные и абсолютные, только это деление на два рода понятий здесь происходит совершенно иначе, чем в классической физике.

Начнем с понятия инерциальной системы. Система, которую мы считали инерциальной в классической механике, рассматривается как инерциальная и в теории относительности: это система, в которой выполняется принцип инерции. Такой системы, строго говоря, нет. Как в первом, так и в данном случае мы должны удовлетворяться системой, являющейся приближенно инерциальной. Как там, так и здесь действует принцип относительности (который там носил название принципа относительности Галилея). Законы физики, действующие в системе O , действуют в каждой системе O' , которая движется равномерно относительно O . Законы физики (уже не только механики) имеют абсолютное значение, так как они действуют в каждой инерциальной системе.

Каковы же важнейшие относительные величины? Возьмем какое-нибудь явление, например, вспышку света или смерть Цезаря. Каждое явление имеет в определенной системе свои пространственные координаты, определяющие где, и свою временную координату, определяющую когда это явление наступило. Как пространственные, так и временная координата являются, согласно специальной теории относительности, величинами относительными. Так что не только при ответе на вопрос где, но и при ответе на вопрос когда некое явление наступило мы должны указать систему, к которой это где и когда относится. Следовательно, время здесь не является понятием абсолютным, как это имеет место в классической механике. Время какого-нибудь явления в движущемся поезде будет иным, чем на земле. Различие это для наших поездов или даже для самых быстроходных самолетов несущественно, но оно было бы ощутимым, если бы скорость движения поезда была близкой к скорости света.

Не только время является относительным понятием: относительно также понятие одновременности. В классической механике два одновременных явления будут одновременными во всех системах. Но, согласно теории относительности, два явления одновременные на земле не являются одновременными в поезде; различие будет явственным, если поезд движется со скоростью, близкой к скорости света.

Таким образом, положение и время суть понятия относительные, то есть различные в различных системах. Зная эти величины в одной системе O , мы можем узнать их значение в другой системе O' , если известна скорость O' относительно O . Мы можем получить эти значения при помощи так называемого преобразования Лоренца, которое играет такую же роль, как и преобразование Галилея в классической механике. Подобно тому, как законы механики были инвариантны в отношении преобразования Галилея, так законы физики инвариантны в отношении преобразования Лоренца.

Это, разумеется, не означает, что классическая механика ошибочна, а означает лишь, что она описывает действительность хуже, чем специальная теория относительности, что классическая механика права только тогда, когда движения тел медленны, и она теряет свою силу, когда скорости тел приближаются к скорости света. Когда движения системы медленны, преобразование Лоренца переходит в преобразование Галилея; а релятивистская механика — в механику классическую.

Следовательно, в специальной теории относительности мы имеем дело с совер-

шенно отличным делением на величины относительные и абсолютные, чем в классической механике. Мы видели, что время — величина абсолютная в классической механике — становится относительной величиной в теории относительности. В то же время другая важная величина, относительная в классической механике, становится абсолютной в специальной теории относительности. Эта величина — скорость света. В классической механике это была бы относительная величина, как и каждая скорость. Но опыт учит нас, что это величина абсолютная. Двигается ли источник света равномерно или нет, скорость света всегда одинакова. И именно это перенесение скорости света из круга относительных величин к абсолютным обуславливает изменение деления других величин, обуславливает между прочим и то, что время становится относительной величиной.

В сущности мы имеем три основных абсолютных понятия в специальной теории относительности:

1. Понятие законов физики, инвариантных в отношении преобразований Лоренца.
2. Понятие скорости света.
3. Понятие пространственно-временного интервала (это даем без дальнейшего пояснения).

Все другие понятия относительны. Стало быть, понятие координат, времени и пространства относительно. Относительным является понятие скорости, меньшей, чем скорость света. Относительны понятие массы и понятие длины жесткого стержня. Но идея деления понятий на относительные и абсолютные в принципе сохраняется. Так же как в классической механике, в специальной теории относительности понятия относительные наравне с понятиями абсолютными отражают объективную существующую действительность.

Философам трудно привыкнуть к этому новому делению понятий. В качестве примера возьмем длину жесткого стержня. Длина эта — понятие относительное, то есть длина этого стержня зависит от его скорости или, иными словами, от скорости системы, в которой этот стержень покоится. Стержень сокращается в направлении движения. Может возникнуть вопрос: это сокращение реальное или нет? Ответ на этот вопрос аналогичен ответу на вопрос в классической механике: так же ли реальны координаты движущейся точки, как и покоящейся? Разумеется, длина стержня, как каждая относительная величина, отражает реальность. Описание стержня требует уточнения системы, в которой этот стержень покоится. Стержень покоится в одной инерциальной системе, а движется относительно других инерциальных систем.

Его длина, так же как и масса, является величиной относительной.

Более одиннадцать лет тому назад на страницах «American Journal of Physics» между Динглем и Эпштейном велась дискуссия между прочим и о том, реально сокращение или же нет. Поскольку тон этой дискуссии становился все более острым, ко мне обратились с просьбой высказаться по данному вопросу. Привожу цитату из моей статьи, заканчивающуюся ироническим замечанием в адрес тех американских физиков, которые отрешиваются от философии и ее социального применения.

«В этой разнице мнений я вижу (правильно или неправильно) образец двух различных философских взглядов, известных под названием реализма и идеализма. Я согласен с Эпштейном и назвал бы это сокращение реальным, но не вижу, как бы я мог кого-нибудь убедить логическими аргументами. Боюсь, что, аргументируя, я вынужден был бы выступить против философии идеализма и должен был бы доказать, что идеализм ведет к социальным выводам, которые я считаю ложными. Но если физик, говоря с другими физиками о технических проблемах, вспоминает о социальных выводах, то самое лучшее для него замолчать» («American Journal of Physics». 1943. Т. II, стр. 223).

IV. Общая теория относительности — понятия относительные и абсолютные

Общая теория относительности впервые со времен Ньютона атакует и новым, оригинальным способом решает проблему гравитации. Она формулирует 10 уравнений гравитационного поля для 10 составляющих этого поля. Эти уравнения гравитационного поля не зависят от выбора системы. Общая теория относительности допускает совершенно произвольную систему. Таким способом она избавляется от понятия инерциальной системы, которой и так в природе ничего, строго говоря, не соответствует. Каждая система одинаково хороша. Законы физики инвариантны в отношении любого пространственно-временного преобразования. Теперь, то есть в гравитационном поле, даже скорость света не является величиной абсолютной, абсолютными являются только законы физики и пространственно-временной элемент. Все остальные понятия относительны.

Из чисто математического формулирования теории относительности вытекает, что любые системы одинаково пригодны для математического описания движения. Разумеется, попытка связать с этим фактом что-либо, могущее оскорбить память великого Коперника, абсурдна и не

стоит того, чтобы об этом дискутировать. За 410 лет, прошедших со времени его смерти, многое изменилось. Некоторые его идеи перестали быть правильными, что, однако, ни в коей мере не уменьшает его величия. Если речь идет об общей теории относительности, то физические соображения восстанавливают в силе коперникову систему.

Остановимся на этом выводе несколько подробнее. Ведь мы не желаем отрывать теорию от практики, от жизни. Могут ли эти две системы — система Коперника и система Птолемея — быть физически равнозначными? Это значит, считаем ли мы в практике, при решении конкретных физических проблем, когда применяем общую теорию относительности, обе эти системы равнозначными?

Спрашивается, как поступает теория относительности в конкретном случае, когда, например, предсказывает перемещение перигелия Меркурия (выяснение этого движения — один из наибольших триумфов науки)? Известно, что в случае Меркурия — планеты, находящейся ближе других к Солнцу, — отступления от ньютоновского движения будут наиболее явственными. Действительно, общая теория относительности утверждает, что Меркурий движется по эллипсу, как этого желает ньютоновская механика, но одновременно этот эллипс очень медленно, едва лишь на 42 секунды в течение ста лет, вращается в направлении движения планеты Меркурий. Поставив типичный вопрос, мы получили типичный ответ. Вопрос гласил: какой новый релятивистский эффект, выходящий за пределы ньютоновской теории, выступает в случае Меркурия? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны применить **ту же** систему, что и в ньютоновской теории, ибо только в этом случае сравнение теории относительности с ньютоновской теорией имеет смысл. Это значит, что мы должны применить систему, в которой покоится Солнце и которая вдали от Солнца может сойти за инерциальную. До тех пор, пока система обладает этими двумя чертами, — что Солнце в ней покоится и что она является инерциальной вдали от Солнца, — эта система годится для нашей дискуссии. В каждой такой системе мы сумеем выразить суждение общей теории относительности о движении перигелия Меркурия. Поскольку эти два условия выполнены, система затем может быть выбрана произвольно.

В самом деле, движение перигелия заключается в том, что столько-то регулярных ньютоновских оборотов приходится на один полный оборот перигелия. Такое суждение совершенно не зависит от выбора системы, пока система отвечает вышена-

званным двум условиям: Солнце — в покое, инерциальность. — в бесконечности.

Вообразим себе в очень большом отдалении от Солнца наблюдателя, указывающего одним жестким стержнем в направлении Солнца, а другим — в направлении Меркурия в момент, когда угол между этими стержнями является наименьшим. В принципе это можно осуществить в инерциальной системе (вдали от Солнца), так как там жесткие тела, углы и т. д. выражены в известных евклидовых понятиях. Тогда стержень, указывающий в направлении Меркурия, опишет эллипс вокруг Солнца, находящегося в фокусе этого эллипса и пребывающего в состоянии покоя. Но после одного вращения позиция перигелия (то есть позиция стержней, при которой угол между ними является наименьшим) будет слегка передвинута. После многих вращений исходная позиция перигелия, с которой начал наш идеальный наблюдатель, будет вновь достигнута. Можно задать вопрос: после скольких вращений Меркурия точка перигелия совершит одно вращение? Такого рода формулировка вопроса не имеет ничего общего с вопросом о системе координат, но она устанавливает, что Солнце находится в состоянии покоя, что наша система является инерциальной в бесконечности, ибо только в такой системе существуют жесткие тела и углы, обладающие свойствами, известными из евклидовой геометрии (практически такой системой является Земля).

Следовательно, мы видим, что действительно с математической точки зрения система является произвольной, но с физической точки зрения этой произвольности нет. Системы должны быть инерциальными в бесконечности и такими, в которых Солнце покоится, когда речь идет о поле Солнца. Это же самое можно сказать и относительно искривления звездного луча в поле Солнца, изменения частоты спектральных линий в гравитационном поле Солнца. Во всех этих случаях применяем систему, в которой Солнце покоится и которая является инерциальной в бесконечности. Подчеркивание равнозначности систем имеет идеалистический характер, так как противоречит опыту, тому, как мы пользуемся теорией относительности. С физической точки зрения, с точки зрения применения теории относительности, гелиоцентрическая система и птолемея система не являются, таким образом, разнозначными.

Мне представляется, что дальнейшее ограничение системы путем наложения четырех условий гармоничности совершенно излишне. Аргумент, приводимый в пользу этого ограничения Фок (см. «*Myśl Filozoficzna*» № 4 (10) за 1953 год), сле-

дующий: таким образом получается привилегированная система координат, определяемая с точностью до преобразований Лоренца. Фок предваряет это утверждение осторожной формулировкой: «имеем все основания для суждения». Мне кажется сомнительным, так ли это в действительности. Но чтобы выразить свои сомнения, мне пришлось бы прибегнуть к слишком техническим аргументам. Допустим, однако, что так оно и есть, что действительно мы получаем привилегированные системы, определяемые четырьмя гармоническими условиями. А не будут ли такими же определенными системы при четырех других условиях, сходных с гармоническими, но не совсем гармоническими?

Чтобы исследовать, действительно ли дополнительные условия необходимы, обратимся, как и в предыдущем случае, к практике. Пользуемся ли мы гармоническими системами при решении конкретных проблем? Две важнейшие проблемы в теории относительности — это проблема планеты, вращающейся вокруг Солнца (проблема одного тела), и проблема двух или более тел. Если речь идет о проблеме одного тела, то там вообще не применяется гармоническая система; как уже было сказано, любая система хороша, если она коперникова и инерциальна в бесконечности. А проблема двух тел? В своей работе 1939 года Фок получает ньютоновское движение будто бы на основе использования гармонической системы. Можем доказать, что это только видимость. В действительности в нашей работе (Эйнштейн — Инфельд — Гейфман. 1938) мы пользуемся другой системой координат и также получаем то же ньютоновское уравнение движения. Можно доказать (это будет мною сделано в другой, специальной работе), что как у Фока ньютоновские уравнения вытекают якобы из гармонических уравнений, так у нас ньютоновские уравнения движения можно получить совершенно аналогичным с фоковским методом из уравнений, близких к гармоническим, но в принципе отличных от них. Выяснение этой трудности заключается в том факте, что ньютоновские и выходящие за пределы ньютоновских уравнения движения не имеют ничего общего с гармонической системой. В то же время много общего они имеют с примененным нами методом приближения и с условием инерциальности в бесконечности.

V. Философия и теория относительности

Часто Эйнштейна обвиняют в идеализме и позитивизме; из этого делают вывод, что следует отбросить теорию относительности. Подтвердим еще раз то, что было сказано в начале, — что теория относительности согласуется с практикой и как таковая долж-

на согласоваться с диалектическим материализмом.

Энгельс и Ленин научили нас отличать философские взгляды ученых от их заслуг в их собственной области. Ленин часто пишет о том, что великие физики являются материалистами в своей конкретной научной работе независимо от того, каковы их философские взгляды. Это касается в большой степени Эйнштейна. Прочитируем для примера то, что пишет Эйнштейн против Маха, говоря о физике:

«Для феноменологической физики характерно то, что она пользуется понятиями, близкими к переживаниям, поэтому-то она должна отказываться от единообразия своих основ. Теплота, электричество и свет описаны при помощи специальных постоянных состояния и материальных постоянных... и описать все эти переменные величины во взаимной временной зависимости — было проблемой, разрешимой только эмпирически. Многие современники Максвелла видели в этого рода представлении конечную цель физики. Ввиду относительной близости понятий и переживаний они считали, что эти понятия индуктивно возникают из ощущений. Дж. Ст. Милль и Э. Мах представили подобный взгляд с точки зрения теории познания.

По моему мнению, самый большой триумф ньютоновской механики заключается в том, что ее последовательное применение привело к преодолению этой феноме-

нологической точки зрения именно в области тепловых явлений. Это произошло благодаря кинетической теории газов и статистической механике... Этим самым предвещающая более феноменологическая физика (или же, по крайней мере, ее часть) при помощи ньютоновской механики была сведена для атомов и молекул к однородному фундаменту, далекому от личных ощущений» («Физика и действительность». 1939).

В другом месте, высказываясь о теории квант, Эйнштейн выступает против идеализма Беркли: «Что мне не нравится в этих аргументах квантовых теоретиков, которые полагают, что теория квант дает полное описание элементарных явлений, это позитивистский взгляд, который, с моей точки зрения, неприемлем и который, в сущности, представляет собой то же самое, что принцип Беркли *esse est percipi*» («Physics Today». 1950).

Эйнштейн не материалист. Среди ученых на Западе мы найдем очень немного сознательных материалистов-диалектиков. В важности диалектического материализма я убедился здесь, увидев, как эта философия связана с социалистическим строем и с общественным прогрессом.

Надо, однако, помнить, что ни один физик не может себе представить современной науки без теории относительности, так как он знает и понимает, что эта теория неизмеримо обогатила наше знание о материальном мире.

К спорам о теории относительности

Э. КОЛЬМАН

Дискуссия по теории относительности, которая велась на страницах настоящего журнала, имела своей целью выяснить, в какой степени законы и принципы этой теории соответствуют основным положениям диалектического материализма.

Значение теории относительности как одной из важнейших теоретических основ современной физики общеизвестно. Эта теория отражает закономерности природы полнее, чем классическая механика и электродинамика. Она служит мощным средством в овладении силами природы, содействуя прогрессу техники и культуры. Однако именно из теории относительности рядом крупных ученых, не овладевших диалектическим материализмом, делались крайне идеалистические выводы, что и привело в ряде случаев к попыткам огульного отрицания научной ценности этой теории.

Одним из доводов, выдвигаемых обычно против теории относительности, являются

идеалистические воззрения ее основателя Эйнштейна. Действительно, Эйнштейн, как и многие физики в капиталистических странах, по своим философским воззрениям является идеалистом-эклектиком, причем в его взглядах, подверженных колебаниям, несомненно, преобладает махизм. Вместе с тем на протяжении десятков лет Эйнштейн выступал против копенгагенской indeterministic школы Бора, Гейзенберга, Шредингера, отрицающей независимое от экспериментатора существование физических объектов, пространства, времени, причинности.

Но если бы даже Эйнштейн был стопроцентным махистом, то было бы грубой ошибкой полагать, что по этой причине теория относительности должна быть признана идеалистической и отвергнута диалектическим материализмом. Трудно понять, почему следует считать, что теория относительности безнадежно обесценена идеализмом ее создателя, в то время как

многие другие физические теории признаются верными в научном отношении, хотя они созданы учеными, не только не являющимися сторонниками диалектического материализма, но иногда открыто проповедующими воинствующий фидеизм. Почему же эти профессора-идеалисты способны давать самые ценные работы в специальной области физики? Объясняется это, как известно, тем, что, создавая свои теории, они действуют как стихийные материалисты.

Отсюда следует, что нельзя отождествлять физическое содержание их теорий, взгляды этих ученых в узко специальной области — с их гносеологическими установками. Но отсюда, конечно, не следует, что можно рассматривать научные воззрения этих ученых в полном отрыве от их гносеологических установок, а тем более противопоставлять их друг другу. Рано или поздно антинаучная гносеология неизбежно оторвет физическую теорию от действительности, заведет ее в тупик, приведет к кризису. Наглядной иллюстрацией этому служит развитие всей современной физики, в том числе, как мы увидим, и теории относительности.

Некоторые упразднители теории относительности выдвигают против нее и другие «аргументы». Они заявляют, во-первых, что теория относительности не была создана Эйнштейном, всячески стараются умалить его роль, объявляют запретным даже само выражение «теория Эйнштейна», хотя им пользовался Ленин. Спора нет, что теория относительности, как и любое открытие в любой науке, имеет свою предисторию, что она была подготовлена трудами Лауэ, Ланжевена, Лебедева и разработана почти одновременно с Эйнштейном, Лоренцем и Пуанкаре, что в ее дальнейшей разработке участвовало немало ученых разных стран, в том числе и советских. Тем не менее она была создана Эйнштейном в том же смысле, как, скажем, механика макротел — Ньютоном или эволюционное учение — Дарвином.

Во-вторых, некоторые определяют теорию относительности как теорию больших скоростей, между тем как она является общей физической теорией пространства и времени. Она должна применяться и для малых скоростей в микропроцессах, где изменение энергии системы сравнимо по величине с ее собственной энергией (например, при превращениях «элементарных частиц»). Такое намеренное сужение понятия «теории относительности» в определении создаст впечатление о ее второстепенном значении.

Беда упразднителей теории относительности в том, что на потеху идеалистам они дали себя обмануть идеалистической формулировкой, в которую облечена эта

физическая теория; они поверили на слово буржуазным профессорам, утверждающим, что она в корне идеалистична. Физики-идеалисты заявляют, что, согласно теории относительности, пространственные и временные отношения будто бы не существуют независимо от наблюдателя. Поверив им, ученые, не желающие признавать теорию относительности, естественно, объявляют ее субъективистской. Однако в действительности положений, подобных указанному выше, теория относительности не выдвигает. Она лишь утверждает, что движения отдельно взятого тела не существует и что поэтому формулировки физических законов должны учитывать относительное движение тел, в том числе и измерительных приборов. Таким образом получается как раз обратное тому, что рисуют некоторые упразднители: физические законы, учитывающие это основное требование теории относительности, не только не превращаются в субъективистские, а становятся более близкими, более точными отображениями закономерностей объективных материальных процессов.

Если отвергать отдельные понятия, законы, принципы, теории физики или математики и т. п. лишь потому, что они сформулированы с философской, гносеологической точки зрения неудовлетворительно или зачастую даже антинаучно, то мы будем вынуждены отказаться от многих важнейших достижений науки. Так мы должны будем отбросить как «идеалистическое понятие» понятие «иррационального числа» якобы непостижимого разумом, потому что оно в своем названии запечатлело определенную чуждую нам гносеологическую установку. Или же мы должны будем отвергнуть как «идеалистический» закон эквивалентности массы и энергии, поскольку он привел ряд ученых к выводу о превращении массы (вещества, материи) в энергию (движение), а следовательно, от него так и разит энергетизмом. Но ведь без таких понятий, как иррациональное число, не может существовать современная математика. А без закона, гласящего, что вещество обладает внутренней энергией, количество которой не зависит от его химического состава, а только от величины его массы (а таково подлинное физическое содержание закона эквивалентности), не было бы никакой физики внутриатомных и ядерных процессов, никакой возможности овладеть этими величайшими энергетическими запасами. Без этого закона мы не вступили бы в новую эру технического развития.

То, что сказано о понятиях и законах, относится и к физическим теориям. Являясь не простой суммой отдельных понятий и законов, а стройной системой ф и

этического истолкования, понимания этих законов, теории могут вместе с тем гносеологически толковаться и выражаться различно — и материалистически и идеалистически. Следовательно, дело марксистов-ленинцев не в том, чтобы просто упразднить идеалистические по форме выражения, а чтобы помочь физикам осмыслить их материалистическое содержание и истолковать их соответственно с этим содержанием.

Пример с законом эквивалентности массы и энергии поучителен в нескольких отношениях. С чисто расчетной, вычислительной точки зрения, можно говорить о том, что величина массы (измеряемая граммами) пропорциональна величине энергии (измеряемой эргами). Но с точки зрения физики, то есть с точки зрения объективных данных природы, нельзя утверждать, что масса эквивалентна энергии, равна ей и превращается в нее, как нельзя говорить о том, что яблоко эквивалентно своему красному цвету, равно ему и превращается в него. Очевидно, что столь несуразная формулировка была введена физиками философами-идеалистами, которым было важно доказать, что физика может обойтись без понятия массы, а мировоззрение — без понятия материи. Очевидно, наконец, что важно именно материалистическое истолкование закона эквивалентности, так же как и других идеалистически сформулированных понятий теории относительности, что нельзя отделаться их переименованием.

Между тем некоторые из упразднителей теории относительности, не решаясь открыто объявить, что они полностью отвергают ее, применяют такие приемы. Сначала они объявляют эту теорию насквозь идеалистической, хотя бы потому, что она не признает абсолютного времени и пространства — абсолютного в смысле независимости от материи и ее движения. Правда, они «забывают» при этом отметить, что теория относительности, как физическая теория, не признает существования «пустого» времени, протекающего независимо от материи, и «пустого» пространства как вместилища для материи. В ней отнюдь не отрицается, что пространство и время существуют независимо от нашего сознания. Упразднители «забывают» также и о том, что, отрицая абсолютный характер таких физических величин, как длина стержня, промежуток времени, одновременность двух событий, масса тела, теория относительности лишь расширила круг величин, абсолютный характер которых отрицала и ньютоновская механика (положение и скорость тела), которую, однако, не обвиняли за это в субъективизме и мистике.

Установив так одним ударом несостоя-

тельность теории относительности, ее противники все же не могут не видеть, что она не перестает служить практике. Ведь по ее формулам ведутся расчеты таких громадных, сложных машин, как циклотрон, а также энергетического баланса внутриатомных процессов; громадные скорости, с которыми движутся электроны, складываются по ее правилу; время «продолжительности жизни» мезонов исчисляется по ее закону; составленные на основе этой теории уравнения дали возможность Эйнштейну предсказать существование фотонов, Дираку — позитронов, Юкава — мезонов — частиц, обнаруженных затем экспериментально. Тогда противники этой теории спешно переименовывают ее положения и вдобавок объявляют, что их можно вывести и без помощи теории относительности! Последнее действительно верно. Преобразования Лоренца, закон эквивалентности массы и энергии, красное смещение, искривление световых лучей вблизи больших масс или вращение перигелия Меркурия — все это можно вывести и без теории относительности. Но только в этом случае для каждого из указанных явлений приходится постулировать отдельную, специально придуманную для него гипотезу, между тем как теория относительности связывает их воедино.

Разве не ясно, что попытки заменить единую стройную теорию набором разрозненных частных гипотез направлены против прогрессивного развития науки?

Современная физика микропроцессов является блестящим экспериментальным подтверждением так называемой частной теории относительности. Что же касается общей теории относительности, то предсказанные ею три эффекта — красное смещение, вращение перигелия и искривление световых лучей полем тяготения — многократно экспериментально проверялись, что давало хорошие, не только качественные, но и количественные (хотя и неполные) совпадения наблюдаемых данных с теоретически предсказанными. Таким образом, истинная геометрия физического пространства вселенной оказалась неевклидовой геометрией. Эта революционизировавшая науку идея гениального Лобачевского была полностью подтверждена.

Но если новые, как и старые, экспериментальные факты подтверждают теорию относительности, то какие же соображения заставили некоторых бывших ее защитников стать ее яростными упразднителями? Неужто они в конце концов соблазнились аргументацией механистов, не признающих понятий теории относительности, как лишенных наглядности и противоречащих «здравому смыслу»? Но наглядность и «здравый смысл», являющиеся неплохи-

ми советниками в повседневной жизни, не годятся там, где мы имеем дело со скоростями порядка скорости света, а также в области атомных явлений. Вопреки желанию механистов в действительном мире переход от одной количественной ступени к другой означает не только простое изменение масштаба, но и переход к новому качеству, к новым специфическим понятиям.

Мы уделили так много внимания упразднителям теории относительности, тем участникам дискуссии, которые объявили ее «реакционным эйнштейнианством» и «тупиком современной физики», потому что эта нигилистическая установка в настоящих условиях идеологической борьбы и при современном уровне развития физики приносит немало вреда.

В дискуссии участвовали также сторонники диаметрально противоположной точки зрения — некритические апологеты теории относительности, последователи Мандельштама, но их удельный вес в дискуссии, если можно так выразиться, был значительно меньше. Авторы, прямо защищавших теорию относительности в том толковании, которое давали и дают ей махисты, в дискуссии не встречались. Но в отдельных статьях попадались иногда сбивчивые в философском отношении формулировки, некритически перенятые у Эйнштейна (а в особенности у его популяризаторов), например, истолкование относительного характера одновременности как результата субъективистски понимаемого процесса измерения. Встречались также навешанные физическим идеализмом вскользь брошенные замечания о том, что гносеологические взгляды физиков якобы не оказывают никакого существенного влияния на физические теории, которые те создают.

Особо нужно отметить известное возрождение энергетизма, ставшее возможным не только вследствие идеалистического истолкования принципа эквивалентности, но и в результате метафизического понимания некоторых явлений, относящихся к квантовой теории. Непонимание того, что движущаяся материя — это единство противоположностей, прерывного и непрерывного, конечного и бесконечного, частиц (корпускул) и полей (волн, излучения), могущих взаимно превращаться друг в друга, приводит к подмене движущейся материи движением без материи. Это дает идеалистам возможность восстановления на новой, «усовершенствованной» основе оствальдовского энергетизма, будто бы подкрепленного явлениями «аннигиляции материи» и «материализации энергии». В действительности же указанные явления свидетельствуют о превращении частиц вещества в частицы

света и о возникновении частиц вещества из частиц света.

Общефилософские идеалистические выводы, вытекающие, по мнению некоторых ученых, из теории относительности, принадлежат к тем мертвым продуктам, к тем отбросам, которые, по словам Ленина, подлежат отправке в помещение для нечистот. Сюда следует отнести: а) философский релятивизм, б) спиритизм и спиритуализм, в) новейшие разновидности позитивизма, махизма, «физического» идеализма, называющие себя операционализмом, или физикализмом, а также г) современный энергетизм и д) откровенный агностицизм. Не будучи в состоянии прибавить что-либо к своему содержанию, повторяя зады, идеализм все же не оставался без изменения. Он менял свою форму, становясь, еще более увертливым, применяя все новые ухищрения, еще более цепко хватаясь за каждое открытие современной науки, стремясь укорениться в ней самой, придавая себе все более «научный» вид и вместе с тем еще более беззастенчиво переходя в поповщину. Вот почему любое из современных идеалистических направлений и направлений, мало заботящихся о стройности своего учения, представляет собой смесь субъективизма и агностицизма, преподносимую под различными крикливыми названиями.

Рассмотрим подробнее перечисленные выше направления.

а) Философский релятивизм пытается отрицать абсолютность истины, так как теория относительности доказала, что не существует абсолютного пространства и времени. Это типичный ложный вывод, известный в логике под названием «учетверения терминов». Говоря об абсолютности истины, понимают эту «абсолютность» в философском смысле, как независимость истины от ее познания, а говоря об абсолютном пространстве и времени, понимают эту «абсолютность» так же, как ньютоновская физика, то есть как независимость пространства от материи. Философский релятивизм, признающий знания лишь относительными, условными, неизбежно ведет к субъективизму, к отрицанию существования действительного мира, не зависящего от нашего познания.

б) Спиритизм ссылается на четвертое измерение, которым в теории относительности является время, измеряемое в мнимых единицах, утверждая, что именно оно представляет собой вместилище царства духов. Но «четырёхмерный мир» теории относительности есть лишь математическое выражение неразрывной связи пространства и времени при сохранении специфичности последнего и вовсе не может служить доказательством существования в

природе четырехмерного пространства. Четырехмерное пространство, равно как и многомерные и другие, иногда самые причудливые неевклидовы пространства — это математические абстракции, созданные по аналогии.

в) Операционализм, или физикализм, являющийся ответвлением «логического эмпиризма» или «логического позитивизма», пытается доказать основное положение своего родоначальника Маха, утверждавшего, что физика должна быть сведена к ощущениям. Для обоснования этого положения сторонники операционализма ссылаются на то, что суть теории относительности (а также и теории квант) будто бы состоит в признании существующими лишь измеряемых величин. Операционализм отрицает существование качеств или, по меньшей мере, считает их непознаваемыми; он признает лишь количества, соответствующие восприятию отметок на шкалах приборов, и строящиеся на этих восприятиях математические понятия. Между тем в действительности, устанавливая, что пространственное расстояние и временной промежуток представляют собой односторонние абстракции пространственно-временного интервала и что они (подобно тому, как и положение и скорость тела) не являются свойствами отдельно взятого тела, а зависят от его отношения к другим телам, теория относительности вовсе не сводит их к измерениям, а тем более к ощущениям.

г) Современный энергетизм отличается от разоблаченной Лениным «энергетической» философии Оствальда тем, что если Оствальд, пытаясь опереться на открытие радиоактивного распада и изменчивости массы, соединял понятия материи и духа в неопределенном понятии энергии, то энергетизм наших дней, хватаясь за открытие превращаемости частиц вещества в частицы света и обратно и вообще за явления «рождения» «элементарных» частиц, прямо говорит о «материализации» и «аннигиляции» материи. Не маскируясь больше стремлением примирить материализм с идеализмом, энергетизм выступает как откровенный противник материализма, объявляет физический мир миром мысли, физические объекты — духовными, наделяет электроны волей и т. д.

д) Кроме перечисленных, существуют также течения, которые представляют теорию относительности как универсальную, завершенную истину, исчерпывающую все возможное познание пространства и времени. Эта абсолютизация теории относительности, попытка представить ее как вечную истину в последней инстанции, является лишь изнанкой агностического взгляда, тесно связанного с опера-

ционализмом, ограничивающим круг физических величин измеряемыми, наблюдаемыми. На самом же деле некоторые расхождения, имеющиеся между опытными результатами и теоретическими вычислениями, обнаруживают, что теория относительности, как и всякая научная теория, дает лишь приближенное, но не исчерпывающее знание действительности.

Для очень больших (по сравнению с доступной нам частью вселенной) пространственно-временных интервалов она окажется уже непригодной и будет заменена другой, более объемлющей теорией. Новейшее развитие физики микромира позволяет предполагать, что и здесь теория относительности натолкнулась на предел применимости. В крайне малых пространственно-временных областях господствует, по видимому, неархимедова геометрия¹. Эта гипотеза была высказана советскими учеными Амбарцумяном и Иваненко еще в 1930 году. Если она подтвердится, то это также должно будет привести к видоизменению теории относительности.

Указывая на ограниченность применимости теории относительности, мы этим вовсе не объявляем ее неверной. И в будущем, когда будет создана новая теория, пригодная и для этих крайних областей, теория относительности останется одной из истинных, но не окончательных ступеней познания так же, как осталась ею ньютоновская теория.

Теория относительности есть физическая теория, а не механическое собрание какого-то количества физических законов. Подобно ньютоновской механике, она является логически стройной системой, положения которой с неизбежностью вытекают из исходных принципов, полученных в результате обобщения физического опыта. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы отказаться от какого-нибудь одного из ее физических положений при сохранении других. Если соблюдать строго логическую последовательность, то возможна лишь одна из двух альтернатив — либо сохранить все основные положения теории относительности, либо отказаться от них от всех одновременно.

Другое дело — философское истолкование этих положений. Оно, — правда, лишь в известных рамках — не затрагивает их физическую сущность, их истинное содер-

¹ Эта геометрия не признает постулат Архимеда, который гласит следующее: если две величины a и b находятся в таком соотношении, что $a < b$, то всегда существует такое целое число n , при котором $na > b$. Следовательно, в этой геометрии имеются «актуально бесконечно-малые», то есть «атомы» протяженности — неделимые отрезки, площади и объемы.

жание, а касается их формы, привносится гносеологией, исходит из того или другого способа философского мышления.

Так, например, когда Эйнштейн выводил уравнение, связывающее собственную массу и полную энергию тела, он действовал как стихийный материалист. При этом он не просто вычислял, он мыслил как физик, устанавливал определенное физическое понимание явлений природы, давал известное физическое истолкование их связям. Но когда он истолковал это уравнение «как принцип эквивалентности массы и энергии», когда он заявил, будто «масса представляет собой энергию», он действовал уже не как физик, а как философ и проявил себя в данном случае как махист.

К числу положений теории относительности, которые должны быть материалистически переистолкованы, относятся следующие: а) специальный принцип относительности; б) принцип постоянства скорости света в пустоте; в) относительный характер длины, длительности, одновременности; г) «принцип эквивалентности массы и энергии»; д) закон возрастания массы со скоростью; е) «принцип эквивалентности инертной и тяготеющей массы» и равноправность любых ускоренно движущихся систем отсчета.

а) Материалистическое истолкование специального принципа относительности гласит, что любые физические процессы, происходящие в какой-либо системе, протекают независимо от ее прямолинейно-равномерного движения. Математическое выражение этого принципа состоит в том, что все физические законы инвариантны при переходе от одной системы координат к другой, движущейся прямолинейно-равномерно по отношению к первой. Новое по сравнению с прежней, так называемой классической физикой состоит при этом в том, что там принцип относительности (Галилея) распространялся лишь на механические процессы; здесь же он охватывает и процессы электромагнитные и любые другие. Вместе с принципом постоянства скорости света в пустоте принцип относительности составляет основание теории относительности. В идеалистическом толковании этот принцип гласит, что никакими опытами, в том числе и световыми сигналами, нельзя в прямолинейно-равномерно движущейся системе установить скорость этой системы. Это обстоятельство действительно верно, но оно является лишь следствием того, что прямолинейно-равномерное движение системы не влияет на ход протекающих в ней физических процессов. Между тем в соответствии с субъективистскими установками идеалисты считают это следствие исходным. На деле же физические процес-

сы не зависят от прямолинейно-равномерного движения не потому (как это утверждают махисты), что существуют лишь относительные (а не абсолютная) системы отсчета. Наоборот, существуют только относительные системы отсчета (а не абсолютная), потому что физические процессы не зависят от прямолинейно-равномерного движения.

б) Как и все научные принципы, принцип постоянства скорости света в пустоте является результатом опыта, а не логическим принципом, не нуждающимся в экспериментальной проверке, как это утверждают махисты. При этом предельный характер скорости света, то обстоятельство, что его скорость в пустоте является верхним пределом для скорости механических и электромагнитных процессов, связанных с переносом энергии, махисты истолковывают так, будто явления, обладающие скоростями большими, чем скорость света, непознаваемы, будто их существование логически запрещено. Между тем предельный характер скорости света состоит в том, что при переходе к скоростям большим, чем скорость света, мы имеем дело с качественно новыми явлениями. Скорость света является «мировой постоянной», она характеризует узловую точку, в которой происходит качественный скачок из одной области явлений в другую.

в) Длина, длительность, одновременность имеют относительный характер, они не являются свойствами изолированного тела или процесса (изолированное, отдельно взятое, тело или процесс — это лишь идеализация, в природе они не существуют), а зависят также и от отношения этого тела или процесса к другим телам или процессам. Это обстоятельство махисты толкуют так, будто длина, длительность, одновременность являются результатами измерений, а следовательно, наших восприятий. Между тем, хотя длина движущегося тела (а движется всякое тело) и зависит не только от данного тела, но и от его скорости относительно другого тела, она существует независимо от процесса измерения и только обнаруживается в этом процессе. Кроме того, сам процесс измерения, хотя он и включает, как и всякое познание, некоторый подчиненный, второстепенный, субъективный момент (так называемое «личное уравнение», выражающее неточность восприятий показаний на шкалах измерительных приборов), является объективным материальным физическим процессом и вовсе не сводится к нашим восприятиям.

Таким образом, перестав быть лишь внутренними свойствами тел и процессов, длина, длительность, одновременность (а также и масса) стали их относительными,

но объективными, а вовсе не субъективными характеристиками, зависящими как от собственных свойств тел, так и от их отношения (от их относительной скорости) к другим телам. Стало быть, относительные изменения характеристик движущегося тела, например, сокращение длины движущегося стержня относительно другого тела (системы отсчета, в которой мы эту длину измеряем), являются действительными изменениями, а вовсе не вызваны измерением, не носят ни математический, ни фиктивный, ни субъективный характер. То обстоятельство, что стержень имеет бесконечное множество длин, не лишает длину стержня ни ее объективности, ни ее определенности, так же как не теряют свою объективность и определенность положение и скорость стержня, хотя они тоже присущи ему в бесконечном множестве.

г) К тому, что уже сказано о «принципе эквивалентности массы и энергии», добавим лишь, что его истолкованию в духе энергетизма способствует нечеткость в употреблении терминов «материя», «вещество», «масса», встречающаяся в физической литературе, зачастую и у авторов, стоящих на материалистических позициях.

д) Закон возрастания массы тела с его скоростью, открытый до теории относительности как эмпирический факт, но получивший свое обоснование лишь в этой теории, толковался махистами с самого момента своего открытия как «доказательство» исчезновения материи. Несостоятельность этого «доказательства» и подлинное значение того, что масса изменяется со скоростью, были вскрыты, как известно, Лениным.

е) «Принцип эквивалентности инертной и тяготеющей массы» общей теории относительности опирается на экспериментальный факт, установленный до создания этой теории. Точными измерениями было установлено, что инертная масса тела и тяготеющая масса этого же тела количественно равны. Исходя из этого, Эйнштейн построил теорию тяготения, которая дала возможность объяснить некоторые явления, до тех пор известные лишь эмпирически, и предсказать другие, обнаруженные позднее.

Однако Эйнштейн истолковал этот принцип так, будто равенство инертной и тяготеющей массы того же тела вызвано тем, что поле ускорения и поле тяготения в самом существе повсюду тождественны. Из такого допущения вытекает, будто физические законы должны протекать одинаково во всех системах, независимо не только от их прямолинейно-равномерного, но и от любого их механического движения. А это значит, что будто бы все системы отсчета

равноправны, что гелиоцентрическая система Коперника не более истинна, чем геоцентрическая система Птолемея. В действительности же, как показали Вавилов, Фок и другие советские физики, равенство поля тяготения и поля ускорения — это лишь местное явление, относящееся только к слабым, однородным полям и медленным движениям. Равноправность любых систем отсчета имеет лишь кинематический, геометрический смысл, но лишена физического смысла.

Между тем махизм, который учит, что природу нельзя познать, что можно лишь описать ее, подменяет познание описанием, утверждает, что выбор системы Коперника продиктован только ее большим «удобством», принципом «экономии мышления». На деле же выбор системы Коперника продиктован ее истинностью, тем, что в ней, а не в системе Птолемея решение уравнения движения отвечает крайним условиям, требующим, чтобы энергия, нужная для приведения в движение бесконечно удаленных масс, была равна нулю. Кроме того, лишь учение Коперника, считающее Солнце центральным телом, дает возможность понять историю солнечной системы, ее возникновение и развитие.

При обсуждении вопроса о свойствах и отношениях некоторые упразднители теории относительности ссылались как на главного свидетеля на Карла Маркса. Используя его положение, гласящее, что «свойства данной вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении», делали отсюда вывод, будто точка зрения, согласно которой свойства вещи зависят от ее отношений к другим вещам, осуждена Марксом как субъективистская. Этот вывод был бы правильным, если бы Маркс писал в самом деле то, что привели наши упразднители в этой выдержке. В действительности он писал нечто другое. Русский перевод гласит: «Но так как свойства данной вещи не создаются ее отношением к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении, то возникает представление, что шуртук своей эквивалентной формой, своей способностью непосредственно обмениваться на другие товары обладает от природы, совершенно так же, как тяжестью или свойством задерживать тепло. Отсюда загадочность эквивалентной формы, поражающая буржуазно-грубый взгляд экономиста лишь тогда, когда эта форма противостоит ему в готовом виде — как деньги» («Капитал». Т. I, стр. 64. 1951). Следовательно, Маркс различает здесь два вида свойств. Одни — это такие, как тяжесть или теплопроводность, которые он, в полном соответствии с уровнем развития физики его времени, считает

свойствами, не зависящими от отношений к другим вещам. Другие свойства — это такие, которые зависят от отношения данной вещи к другим вещам. Совершенно очевидно, что Маркс вовсе не считал, будто все свойства вещи не зависят от ее отношений к другим вещам, как нам хотят это внушить, беспцеремонно укорачивая марксову цитату. Кроме того, на той же 64-й странице «Капитала», касаясь относительных определений, Маркс писал в примечании: «Например, этот человек король лишь потому, что другие люди относятся к нему как подданные. Между тем, они думают, наоборот, что они — подданные потому, что он король».

Кроме того, в работе «Теории прибавочной стоимости» (т. III, стр. 111. 1936) Маркс пишет: «Когда мы говорим о расстоянии как об отношении между двумя вещами, мы предполагаем нечто «свойственное», «свойство» самих вещей, что создает для них возможность быть удаленными друг от друга». И Маркс разъясняет затем, что «свойство самих вещей» состоит в том, что эти вещи находятся в пространстве, представляют точки в пространстве или части его. Таким образом, и речи не может быть, будто, по Марксу, свойство вещи есть нечто абсолютное, исключительно внутреннее, не зависящее от отношений этой вещи к другим вещам, от ее связей с материальным миром.

Лишь метафизический образ мышления отождествляет объективное с абсолютным, потому что в основе этого способа мышления лежит стремление свести мир к последним, неделимым, тождественным элементам. Но развитие науки, ее прогресс идет как раз по линии открытия абсолютных свойств вещей, по линии вскрытия их неисчерпаемых связей и зависимостей. Отметим еще, что научное раскрытие относительного характера абсолютных «свойств», вскрытие зависимости внутренних «сущностей» вещи от ее связи с другими вещами не имеют ничего общего с построениями идеалистической школы логики отношений.

Теория относительности есть физическая теория пространства и времени, то есть физическая теория основных форм бытия движущейся материи. Но материя не сводится к пространству и времени, а поэтому физическая теория материи не сводима к теории относительности. Однако идеалистическая и метафизическая философия Эйнштейна и различных его последователей толкала их на попытки подменить всю физику далеко идущими обобщениями, выходящими за границы теории относительности.

Уже в самой элементарной абстракции, как этому учит Ленин, дана возможность

идеализма. Тем более та высокая степень абстракции, которая характеризует теорию относительности, как и вообще всю современную теоретическую физику, составляет не только силу этой теории, дающую ей возможность глубже познать природу, но является также и причиной ее слабости, так как облегчает ей возможность превратиться в фантазию. Теория относительности имеет полувековую историю (не говоря о ее предистории), и ее развитие, восходившее на первых этапах от конкретного к истинной абстракции, затем начинает отрываться от конкретного, от действительности, происходит раздувание отдельных черт. Благодаря этому теория относительности испытывает внутренний кризис.

Отрыв теории относительности от действительности происходил по двум линиям: а) в поисках единой теории поля; б) в космологических обобщениях. В обоих случаях роковую роль играла неумеренная, бесконтрольная математизация физики.

а) На основе теории относительности была создана теория тяготения — общая теория относительности, как ее назвал Эйнштейн. Успехи, которыми она была обязана созданному для нее математическому аппарату, толкали физиков на дальнейшее ее расширение. Начиная с 1918 года Эйнштейн, Эддингтон, Вейль, Скоутен, Данциг и другие пытались создать единую теорию поля, слить воедино теорию тяготения и теорию электромагнетизма. Само по себе стремление к созданию единой физической теории материи является законным. Не приходится возражать и против применения на этом пути математики, какой бы высокой степени абстракции она ни достигала. Ошибка состоит в другом: в стремлении свести физику к геометрии, материю к протяженности, в игнорировании того факта, что природа — это единство противоположностей прерывного и непрерывного и что поэтому она не может быть сведена к одной только непрерывности. Для создания единой теории поля были предложены разнообразные варианты, сводившиеся в основном к введению различных неримановых геометрий. Но все эти варианты потерпели неудачу. Провал попыток геометризации физики является наглядной иллюстрацией того, что порочные гносеологические установки приводят к крушению физической теории и что, следовательно, философия не только делает обобщения из достижений физики, но и составляет основу научного подхода к ее объектам.

Сейчас требуется решить, какой именно подход окажется наиболее соответствующим действительности: выдвигаемый ли Бройлем синтез его теории двойного ре-

шения с эйнштейновским пониманием частиц, как особенностей поля тяготения, или предлагаемый Дираком возврат к эфиру, но к эфиру, не имеющему свойства вещества, а поэтому и определенной скорости относительно тел и, следовательно, не противоречащему теории относительности, или включение прерывности в геометрию, то есть квантование пространства-времени, или же, наконец, еще какой-нибудь вариант. Решить это должна физика, разработав необходимые теории и проверив их соответствие с экспериментом. Но она может дать правильное решение только в том случае, если физики будут стоять на точке зрения диалектического материализма. Верная гносеология поможет им в правильной постановке проблем, укажет, в каком направлении следует искать решение.

Во всем этом философы, знающие физику, могут и должны оказывать помощь ученым, работающим в этой области науки. Вместе с тем задача философов состоит в том, чтобы обобщать результаты физики, имеющие значение для нашего мировоззрения и метода, для борьбы с идеализмом. Такое сотрудничество физиков и философов не следует подменять попытками вмешательства философов в спорные частные вопросы физики, не имеющие непосредственного отношения к борьбе двух лагерей в философии. Не следует вместо конкретного физического решения, основанного на диалектико-материалистическом мировоззрении, навязывать физикам решение чисто философское, ограничивающееся лишь общими рассуждениями. Такие попытки ведут к вульгаризации, схоластике, к догматическому схематизму и натурфилософии.

В физике имеются и такие проблемы, которые требуют накопления экспериментальных фактов, и такие, которые требуют разработки математического аппарата. Например, то, что «элементарная» частица не есть «материальная точка», уясняет физикам диалектический материализм, но вопрос о создании теории «элементарных» частиц может решить не диалектический материализм, а только эксперимент и физическая теория. Поэтому когда, например, в дискуссии о том, присущ ли двумерный корпускулярно-волновой характер отдельной частице или коллективу частиц, некоторые из участников пытались «решить» этот вопрос, обвиняя друг друга в механицизме или в идеализме, то это мало содействовало науке.

Существует, однако, и обратная тенденция — стремление отгородить физику от философии. В наших условиях эта тенденция выражается в том, что некоторые физики, крайне поверхностно ознакомив-

шиеся с диалектическим материализмом, полагают, будто они сами могут справиться с философскими проблемами своей науки и будто эти проблемы сводятся к тому, чтобы вычеркнуть из теории относительности и теории квант несколько явно идеалистических формулировок и заменить кое-какие термины другими. В действительности же нужно, чтобы физики глубоко изучали философию и применяли ее на всех стадиях физического исследования. Главная задача философов состоит в том, чтобы оказывать им посильную помощь в этом деле, а не в том, чтобы пытаться подменять их.

Для успешного осуществления союза философов с физиками нужно еще, чтобы мы наконец взялись за углубленную разработку важнейших понятий, категорий, законов диалектического материализма. Мы должны объяснить, например, что такое качество и количество, что такое противоречие и т. п., но объяснение это не должно носить догматического характера, не должно быть простым пересказом цитат. Если мы сумеем это сделать, то окажем серьезную помощь физикам.

б) То обстоятельство, что в теории тяготения, выведенной из теории относительности, существует взаимосвязь между свойствами пространства-времени и распределением и движением тяготеющих масс, что массы определяют метрику, а метрика — их движение, Эйнштейн и его школа пытались использовать для построения модели вселенной. Опять-таки, само по себе стремление изучить пространственно-временную картину вселенной, широко используя при этом изощренные математические методы, вовсе не предосудительно. Однако Эйнштейн, Фридман, Леметр, де Ситтер, Эддингтон, Милн и другие превратно истолковали зависимость метрики пространства-времени в какой-либо точке от масс, близких к этой точке, а также местное искривление пространства-времени¹ и тот факт, что оно обладает неевклидовой геометрией. Они истолковали это так, будто пространство-время как целое имеет кривизну, будто оно замкнуто и хотя и не ограничено, но конечно. Были созданы модели сферической, цилиндрической, неустойчивой, разлетающейся или же пульсирующей вселенной, модели, встреченные ликованием поповщины как подтверждение идей о сотворении и неизбежной гибели мира. Однако построение таких моделей вытекает не из теории относительности, а из дополнительных произвольных допущений о конечности и

¹ Говоря об «искривлении пространства-времени», имеют в виду не чувственно-наглядное представление, а математическую абстракцию, построенную по аналогии.

однородности мира, которые делаются для «удобства», для того, чтобы решить иначе не поддающееся решению уравнение тяготения. Отвергая всякую ценность этих вздорных моделей вселенной¹, мы вовсе не исключаем возможности успешного применения теории тяготения Эйнштейна к космологии при условии, если за основу будет взято положение о неоднородности, структурности и бесконечности вселенной как в пространстве, так и во времени.

На чем же основываются те идеалистические философские выводы, которые некоторые ученые делают из теории относительности, идеалистические формулировки ее положений, необоснованные обобщения, искажающие действительность? Все это происходит оттого, что данная теория возникла в эпоху империализма и неизбежно страдает болезненными явлениями кризиса естествознания, исчерпывающий анализ которого дал Ленин. Но как бы реакционная философия ни пыталась паразитировать на теории относительности, как бы она ни старалась схватиться за теорию Эйнштейна, она не сможет победить. Факты показывают, что в историческом развитии физики материалистическое истолкование ее рано или поздно неизбежно побеждает. Все ошибочные толкования новейших достижений науки, все искажения ее данных должны будут отступить перед доводами материалистического мышления, перед новыми открытиями.

Отбрасывая поэтому идеалистические идеи, пытающиеся опереться на теорию относительности, требуя материалистического переистолкования ее положений, отвергая как несоответствующие действительности ее чрезмерные притязания заменить собой всю физику и космологию, мы не должны, однако, умалять ее значения, ее громадной ценности как физической теории. При этом теория относительности, как и любая другая научная теория, имеет важное положительное значение не только для практики, но и для нашего мировоззрения, для обоснования нашей единственно научной философии.

¹ Небезинтересно отметить, что в 1948 году английские астрофизики Бонди и Голд создали новейшую модель вселенной. По их мнению, вселенная не только состоит из конечного числа частиц (Эддингтон насчитал их ровно $4.136.2^{256}$), но вдобавок в ней непрестанно создаются новые частицы — из ничего. По этому поводу Бонди в своей книге «Космология» (Кембридж. 1952) дает специальное разъяснение, что речь идет не о превращении «энергии в материю» (то есть не о превращении света в вещество. — Э. К.), а об акте творения: «в среднем в 1 литре в 10^9 лет создается 1 частица из ничего» (from nothing).

Рассмотрим под этим углом зрения ее важнейшие достижения.

а) Теория относительности впервые последовательно провела в физике сформулированное Энгельсом в 1873 году (еще за 32 года до Эйнштейна) положение, гласящее, что «движения отдельного тела не существует, — [о нем можно говорить] только в относительном смысле — падение»². Показав, что пространственные размеры, временная длительность и масса тела зависят не только от этого тела, но и от его отношения к другим телам, от его относительной скорости, теория относительности сделала решающий шаг по пути обоснования диалектико-материалистических идей, которые все больше проникают в современную физику.

В последние годы физики убедились, что рассмотрение отдельного тела, изолированной частицы, движущейся в вакууме, — это идеализация, зашедшая слишком далеко, это такое упрощение, которое неизбежно приносит с собой грубые искажения, несуровности в виде бесконечных значений величин, являющихся на деле конечными. Составляя уравнение движения микрочастицы, физик должен теперь с самого начала отправляться не от отдельной, изолированной частицы, а учитывать ее связь с вакуумом, с его электромагнитными, мезонными, гравитационными полями и их частицами, связь, которая проявляется, например, в тончайших сдвигах энергетических уровней атома, установленных радиоспектроскопическими методами. Именно признание того, что «все связано со всем», окончательный отказ от прежних метафизических представлений об изолированных телах, обладающих абсолютными внутренними свойствами, не зависящими от среды, наиболее характерны для новейшей теоретической физики, в которой на наших глазах происходит новая ломка понятий. Этот отказ от устаревших представлений, начатый теорией относительности, представляет самую передовую тенденцию развития теоретической физики середины нашего века.

б) Теория относительности отказалась от таких метафизических понятий, как ньютоновское пространство и время, мгновенный процесс, эфир и дальное действие. Если у Ньютона пространство и время были лишь внешними условиями, вместилищем, фоном материальных процессов, то в теории относительности они выступают как формы существования материи. Упразднив в принципе как идеализацию (пригодную при скоростях весьма малых по сравнению со скоростью света в пустоте) процессы, происходящие мгновенно (без времени, с

² Ту же мысль Энгельс повторяет и в своем письме Марксу от 30 мая 1873 года.

бесконечной скоростью), теория относительности ближе, вернее отражает действительный материальный мир, чем классическая физика. В настоящее время физика учитывает крайне малые промежутки времени, например, порядка 10^{-14} долей секунды при исчислении «длительности жизни» π^0 -мезонов.

Необходимо отметить, что тенденции устранить из физики бесконечные и нулевые значения (бесконечная скорость, нулевое действие энергии, нулевой радиус «материальной точки», бесконечная собственная энергия) характерна не только для теории относительности, но и для квантовой теории и для только еще возникающей теории «элементарных» частиц. Замена этих идеализированных значений конечными, измеряемыми свидетельствует о дальнейшем проникновении наших знаний вглубь материи. При этом проявляется богатство содержания материи, неисчерпаемой во всех своих частях, обнаруживается вся ее бесконечная сложность и там, где, как казалось раньше, мы приближаемся к ее однородным и простым элементам.

Отбросив в согласии со всем духом современной физики метафизическую проблему эфира и дальнего действия, теория относительности подошла к центральной проблеме всей микрофизики — проблеме взаимосвязи вещества и поля. Решение ее зависит, во-первых, от дальнейших успехов экспериментальной физики, от создания новых, еще более мощных, чем существующие, установок — ускорителей, во-вторых, от освоения физиками марксистского диалектического метода.

в) Теория относительности рассматривает геометрию как часть физики, геометрические свойства пространства — как зависящие от материи, от ее структуры, от распределения масс. Если классическая физика разделяла метафизическую точку зрения Ньютона (1686), согласно которой «геометрия основывается на механической практике и есть не что иное, как та часть общей механики, в которой излагается и доказывается искусство точного измерения» («Известия Морской академии». Вып. IV, стр. 2. П. 1915), то теория относительности осуществила взгляд, впервые высказанный Лобачевским (1835—1838): «В нашем уме не может быть никакого противоречия, когда мы допускаем, что некоторые силы в природе следуют одной, другие своей особой геометрией» (Полн. собр. соч. Т. II, стр. 159. 1949). Показав, что в материальном мире существует неевклидова геометрия, что геометрические истины не имеют доопытного, априорного происхождения, теория относительности опровергла важнейший аргумент в пользу кантовского субъективного идеализма.

г) Теория относительности, создав свою теорию тяготения, заменила феноменологическое учение Ньютона, лишь описывающее тяготение, но не объясняющее его, теорией, которая не нуждается ни в каких внешних силах, ни в каком божественном первоначальном толчке, чтобы объяснить криволинейное движение планет, обусловленное искривлением пространства-времени под влиянием тяготеющей массы Солнца.

д) Наконец, теория относительности, установившая единство (но не тождество) пространства и времени, установила также единство (но не тождество) массы и энергии, законов сохранения энергии, количества движения и момента количества движения. Тем самым были переведены на язык физики такие важные положения диалектического материализма, как то, что нет материи без движения и нет движения без материи, что материя представляет единство прерывности и непрерывности.

Являясь обобщением механики Ньютона, теория относительности не зачеркнула ее, а включила в себя как предельный случай для скоростей, по сравнению с которыми скорость света можно принимать за бесконечно большую величину. Такая смена старой теории новой, дающей более гибкое понимание действительности, вполне соответствует диалектико-материалистическому методу познания.

В связи со сказанным необходимо сделать следующую оговорку для предупреждения всех любителей шарахаться из одной крайности в другую и часто менять свои воззрения: признание того, что теория относительности своим физическим содержанием подтверждает истинность диалектического материализма, отнюдь не означает, будто можно считать эту теорию самое по себе диалектико-материалистическим пониманием физического мира даже и после того, как мы ее материалистически перетолкуем и отсечем от нее все антинаучные наросы и идеалистические извращения. Она не является и не может являться диалектико-материалистической теорией физического мира потому, что действительность она рассматривает односторонне — лишь с точки зрения ее непрерывности.

Верную картину физического мира, соответствующую нашим современным познаниям, можно будет получить лишь после объединения на основе диалектико-материалистического метода главнейших теорий физики — теории относительности и теории квант, хотя и тогда, конечно, эта объединенная теория лишь приближенно, неполно будет отображать действительность. Нужно решить, как именно должно произойти это объединение или слияние обеих теорий, какой из предложенных уже

различных подходов к решению этой задачи более всего соответствует нашей научной методологии. Этот вопрос относится к числу важнейших проблем, по которым наши физики, вооруженные философией диалектического материализма, должны сказать свое веское слово.

К сожалению, этот вопрос не был затронут никем из выступавших в дискуссии.

В прошедшей дискуссии самым положительным, по нашему мнению, было то, что она заставила всех участников сформулировать свои взгляды, дала тем самым материал для осмысливания поставленных проблем, помогла вскрыть наши недостатки.

Важнейшим недостатком является, как уже отмечалось, то, что мы до сих пор не имеем своего советского учебника по этой теории, написанного нашими физиками, стоящими на позициях диалектического материализма. Одной из причин такого по-

ложения послужило, повидимому, неправильное понимание отношения между физикой и философией, о котором мы говорили выше. Возможно, что по этой же причине в дискуссии участвовали немногие из наших физиков, особенно ведущих. Вследствие этого дискуссия прошла мимо ряда важных философских проблем физики, к числу которых можно отнести следующие: связь между теорией относительности и квантовой механикой; границы применимости теории относительности как в зависимости от относительного характера принципа постоянства скорости света в пустоте, так и в связи с исследованиями внутрикорпускулярных процессов; видоизменение форм причинности и другие.

Физикам предстоит теперь перейти к созданию новых физических теорий, в которых будут преодолены недостатки и ограниченность современных знаний о свойствах материального мира.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

За создание полноценного пособия по диалектическому материализму

(«Диалектический материализм». Под общей редакцией акад. Г. Ф. Александрова. Академия наук СССР. Институт философии. Госполитиздат. 1953. 439 стр.).

Давно назрела задача создания полноценного учебного пособия по диалектическому материализму. В связи с этим нельзя не приветствовать выход в свет новой книги «Диалектический материализм» под редакцией Г. Ф. Александрова.

Это не первая попытка создать такое пособие. Читатель помнит книгу М. А. Леонова «Очерк диалектического материализма», сборник «О диалектическом материализме» и др. Рецензируемая книга, созданная авторским коллективом, заметно отличается от вышедших ранее рядом достоинств. Структура книги соответствует программе курса диалектического материализма для вузов, что облегчает его изучение нашим студенчеством. Основные положения диалектического материализма в целом изложены правильно.

В книге хорошо раскрывается неразрывная связь диалектического материализма с естественными и общественными науками. В подтверждение тех или иных положений диалектического материализма широко привлекается современный естественно-научный материал. Книга убедительно показывает, что диалектический материализм вырос на гранитном фундаменте естествознания.

В этом учебном пособии имеются специальные разделы, показывающие значение каждой черты диалектического метода и философского материализма для практической деятельности Коммунистической партии. Показано также значение марксистской диалектики и философского материализма для развития наук.

Авторский коллектив совершенно правильно подчеркивает, что имеются специфические особенности проявления законов и категорий марксистско-ленинской философии в советском социалистическом обществе. Сама постановка вопроса свидетельствует о том, что авторский коллектив творчески подошел к своей задаче. Так, например, в книге имеются специальные разделы: «Особенности связей явлений в социалистическом обществе», «Неодолимость нового и превращение возможности в действительность в социалистическом обществе», «Особенности перехода от старого качества к новому качеству в условиях социалистического общества», «Характер противоречий в развитии советского общества» и др.

Положительным фактом является также

то, что в конце каждой главы даются краткие выводы. Авторы книги стремились использовать в этом отношении опыт создания «Краткого курса истории ВКП(б)».

Несмотря на то, что книгу создал авторский коллектив, стиль ее в основном однороден. Она написана в целом доходчивым языком и легко читается.

Но, к сожалению, книга не свободна от существенных недостатков. Эти недостатки вызваны главным образом тем, что принцип коллективности в создании пособия по диалектическому материализму не был проведен до конца. Проект книги не подвергался предварительному широкому обсуждению нашей философской общественностью, хотя такое обсуждение было тем более необходимо, что ряд вопросов в нашей философской литературе исследован недостаточно и по одному и тому же вопросу нередко имеются различные точки зрения. Вместе с тем обсуждение помогло бы и лучше отредактировать книгу.

Остановимся на основных недостатках книги. Прежде всего бросается в глаза поверхностное, схематичное изложение отдельных вопросов, без достаточного их теоретического анализа. Так, например, в первой главе авторы очень слабо освещают вопрос об экономических и общественно-политических предпосылках возникновения диалектического материализма. В книге не только нет хотя бы краткого анализа этого вопроса, но не приведено ни одного факта, подтверждающего обострение антагонистических противоречий капиталистического общества в 30-х и 40-х годах XIX века. По существу, этот пункт программы курса диалектического материализма не получил освещения.

Очень схематично изложен и другой пункт программы — «Три источника и три составных части марксизма». В результате роль непосредственных предшественников марксистской философии — Гегеля и Фейербаха — в возникновении диалектического материализма не показана. Хотя о Гегеле и Фейербахе в книге говорится немало, но «рациональное зерно» диалектики Гегеля и «основное зерно» материализма Фейербаха остались нераскрытыми.

Слабо освещены такие вопросы, как творческий характер диалектического материализма, связь диалектического метода с

философским материализмом Маркса. В книге недостаточно раскрыт вопрос о новом в развитии. Нет ясного ответа на вопросы, что же такое новое, как его установить в процессе развития. Определение нового, данное авторами на стр. 133—139, неубедительно.

Категории материалистической диалектики возможность и действительность, по сути дела, скомканы. Они трактуются без серьезного анализа. Во-первых, авторы не дали определения возможности и действительности. Как известно, возможности бывают разные. В книге нет даже упоминания о реальной и абстрактной возможностях. Нет критики субъективизма и фатализма в этом вопросе. Во-вторых, не показана роль условий в превращении возможности в действительность.

В книге нет никаких указаний на то, что без строгого учета реальных возможностей, без их научного анализа нельзя осуществить данную возможность, что игнорирование реальных возможностей ведет к авантюризму в политике.

Вместе с тем авторы не указывают, что на основе всестороннего диалектического учета и анализа реальных возможностей прогрессивного развития необходимо уметь выявить на каждом данном историческом этапе развития решающую, главную возможность, осуществление которой обеспечивает поступательное движение общества.

Авторы книги справедливо отмечают, что «превращение возможности в действительность — это сложный и противоречивый процесс» (стр. 139), но, к сожалению, они не раскрывают ни сложности, ни противоречивости этого процесса. Они не показывают, например, что реализация любой данной возможности немислима без ликвидации противостоящей ей возможности и что борьба за реализацию возможности развертывается на основе борьбы противоположностей. Надо было также показать, почему возможности прогрессивного развития имеют больше шансов на реализацию, чем возможности консервативных сил. Эти важные вопросы не нашли отражения в книге.

Авторы книги не дают определения движения. В характеристике форм движения материи нет единства терминологии: то говорится о формах движения, то о видах движения (стр. 129). Не показано различие понятий «движение» и «развитие». Не всякое движение есть развитие. Авторы пишут: «движение... представляет собой процесс отмирания старого и возникновения нового» (стр. 151). Однако не всякое движение есть процесс отмирания старого и возникновения нового. Например, было бы вульгаризацией рассматривать механическое движение (скажем, бильярдного шара) как отмирание старого и рождение нового.

Авторы совершенно верно отмечают, что «все формы движения не изолированы друг от друга, а тесно связаны между собой» (стр. 129), однако связь форм движения показана неудовлетворительно. Не разъясняется, что высшие формы движения включают в себя низшие, а о другом виде взаимосвя-

зи — превращении различных форм движения друг в друга — здесь почти не упоминается.

Приведя указание В. И. Ленина, что скачок есть перерыв постепенности, авторы не раскрывают этого важнейшего положения. Неясно трактуется вопрос о различных формах перехода от старого качества к новому. А между тем как раз этот вопрос вызывает немало кривотолков у наших философов.

Чем же определяется характер скачков, совершающихся путем взрыва и без взрыва? «Природой самого развивающегося предмета или явления, его взаимосвязью с другими предметами или явлениями» (стр. 169). Таков общий, ни о чем не говорящий ответ авторов книги. Это общее положение они не раскрывают и обходят вопрос как о природе самого предмета, так и о его взаимосвязи с другими предметами. Примеры, приводимые авторами, не показывают, чем характеризуется переход от одного качества к другому путем взрыва и без взрыва. Не разъясняется, например, в чем выражается «взрыв» при превращении двух фотонов в электрон и позитрон.

Следует указать, что авторы книги, стремясь к популярности, нередко впадают в упрощенчество. Ряд положений в книге изложен поверхностно, без необходимого анализа, при этом авторы, как правило, обходят «острые углы». Так, например, они хотя и ставят вопрос о существенных и несущественных различиях, но, по сути дела, не дают никакого анализа этой проблемы. Весь «анализ» сводится к одному абзацу: «Различия — одна из форм проявления противоречий. Основа существенных различий коренится в самой сущности предметов и явлений. Несущественные различия обусловлены побочными, менее важными, иногда даже случайными обстоятельствами» (стр. 200). Отделаться несколькими фразами в таком вопросе нельзя.

На стр. 226 авторы пишут о противоречиях, связанных с наличием в сознании советских людей пережитков капитализма. Однако и этот вопрос, по существу, ими не раскрыт. Каков характер этих противоречий, каковы средства и формы их разрешения, каковы пути преодоления пережитков, — об этом говорится в самой общей форме, вскользь.

Все эти недоумения возникают у читателя потому, что авторы книги упрощенно, неглубоко подошли к целому ряду серьезных вопросов.

Точно так же скомкан вопрос об относительном характере единства и абсолютном характере борьбы противоположностей. И здесь авторы отделались одной фразой. Между тем необходимо было на этом вопросе остановиться подробнее и дать более глубокий его анализ. Это тем более необходимо было сделать, что в нашей философской литературе этот вопрос трактуется по-разному.

В книге совершенно неудовлетворительно освещается роль критики и самокритики в развитии советского общества. Недопустимо, что в главе «Развитие как борьба противоположностей» критике и само-

критике уделено мало внимания. Авторы обязаны были учесть решения XIX съезда КПСС о критике и самокритике и раскрыть их как особую форму борьбы между старым и новым, как форму выявления и преодоления противоречий социалистического общества.

Не раскрыт в книге вопрос о гносеологических корнях объективного и субъективного идеализма. Анализ этого вопроса заменен тремя ленинскими цитатами без всяких комментариев. Авторы приводят известное высказывание В. И. Ленина из его труда «Материализм и эмпириокритицизм» о том, что «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением», но не пытаются даже пояснить, что это за способность, как ее понимать. Между тем авторам хорошо известно, что эти ленинские слова наши философы трактуют по-разному.

Неглубоко раскрыт авторами взаимопереход причин и следствий и их взаимодействие (см. стр. 80). В частности, авторы ничего не сказали в этом параграфе о необратимости причинной связи. В любом отдельно рассматриваемом явлении следствие не может стать на место причины, и наоборот. Следствие не может породить свою причину. Это тем более надо было подчеркнуть, что многие известные буржуазные ученые не только отрицают существование объективной причинной связи в области микроявлений, но и утверждают, как, например, Гейзенберг, что там следствие предшествует причине и все происходит, как при обратно пущенной киноленте.

Ряд других положений диалектического материализма также излагается поверхностно, без анализа, без четкой и ясной постановки вопроса и его решения (о роли живого созерцания в процессе познания, об объективной, абсолютной и относительной истине и др.).

Возникает вопрос: можно ли при сохранении нынешнего объема книги избежать указанных недостатков, дать более глубокий анализ рассматриваемых положений? Думается, что можно. Это возможно осуществить прежде всего за счет сокращения многочисленных повторений, имеющих в книге.

Чтобы не быть голословными, приведем некоторые из них. Пример о движении Земли и Луны (хотя и в разной связи) повторяется на стр. 70, 118, 315. Критика основных пороков гегелевской философии неоднократно повторяется целыми абзацами на стр. 20, 47 и др., хотя нигде не дается цельного представления о пороках диалектики Гегеля. Одни и те же формулировки о решениях сентябрьского Пленума ЦК КПСС повторяются много раз (стр. 76, 109, 192 и др.). Пример с превращением любого газа в жидкость посредством увеличения давления однообразно повторяется на стр. 78, 140. Так же однообразно повторяются примеры из мичуринской биологии (стр. 75, 78 и т. д.). Основной экономический закон социализма излагается почти в одних и тех же выражениях на стр. 76, 192 и др. Положение о том, что жизнь есть продукт длительного естественно-историче-

ского развития материи, повторяется на стр. 338 и 339. Мысль о том, что движение материи может происходить только в пространстве и времени, несколько раз повторяется на стр. 303, 304. Много раз повторяются одни и те же примеры из биологии, физиологии, астрономии, общественной жизни.

Можно было бы также отвести больше места глубокому анализу рассматриваемых положений за счет сокращения количества примеров. Примеры из различных областей естественных наук, общественной жизни, конечно, нужны, но приводить их следует в меру и не в ущерб теоретическому анализу. Например, в ходе изложения вопроса о категориях возможности и действительности приведено около десяти примеров, в то время как теоретическая сторона вопроса осталась не раскрытой — ей посвящено всего лишь несколько строк. Переходу от старого качества к новому качеству путем взрыва отведена всего одна страница, которая почти вся состоит из примеров, за исключением нескольких слов о том, что переход путем взрыва совершается «быстро» и «резко».

В параграфе «Понятие закона», изложенном на двух — трех страницах, приводится тринадцать примеров, к тому же авторы, очевидно, считают, что читатель все знает, а потому стоит только перечислить разные законы, не раскрывая их смысла, и цель будет достигнута.

Заключение книги также можно было бы сократить, ибо оно во многом повторяет то, о чем говорили авторы в первой главе книги.

В книге имеется большое количество неправильных, неточных, неряшливых и бездоказательных формулировок и положений. Так, на стр. 13 авторы пособия, якобы следуя Энгельсу, в числе трех великих открытий XIX века, подготовивших появление диалектического материализма, указывают на открытие клетки. Между тем клетка была открыта Робертом Гуком еще в 1667 году. Энгельс имел в виду создание клеточной теории, и авторам книги так и надо было назвать это открытие. Заметим, что на стр. 345 авторы уже правильно пишут о клеточной теории.

На стр. 91 утверждается, что закон стадийности развития распространяется на всю живую природу. Однако авторы не дают формулировки закона стадийности развития и не показывают специфики его проявления в растительном и животном мире.

На стр. 79 говорится о захвате «атомным ядром одного из ближайших к нему электронов внешней электронной оболочки атома». В действительности происходит захват электрона внутренней оболочки атома, электрона K-слоя. Захват электронов из внешней электронной оболочки — явление крайне редкое.

На стр. 170 сказано: «...Для победы капитализма над феодализмом в переходном периоде не было исторической необходимости в силу того, что и феодализм и капитализм — это од н о т и п н ы е формации (разрядка наша. — А. М. и М. К.).

Во-первых, феодализм и капитализм не

однотипные формации — это формации разного типа. Авторы смешивают формы производственных отношений с типами производственных отношений. Как известно, типов производственных отношений пять, а форм три. Феодальный тип производственных отношений не тождествен капиталистическому, но и тот и другой типы производственных отношений (а также и рабовладельческий тип) относятся к одной форме производственных отношений — форме господства и подчинения.

Во-вторых, вопрос о том, почему не было исторической необходимости в переходном периоде для победы капитализма над феодализмом, освещается неверно. Все рассуждение авторов на эту тему не даст ясного ответа на поставленный вопрос. Они почему-то обходят общезвестную истину, что капиталистические производственные отношения возникают в недрах феодализма, в то время как социалистические производственные отношения в силу своей природы не могут возникать в недрах капитализма. Этим прежде всего вызывается историческая необходимость в переходном периоде от капитализма к социализму.

На стр. 338 сказано: «Органы чувств являются для всякого живого организма «входными воротами» для внешнего мира». Из такой формулировки следует, что растения тоже имеют органы чувств, ибо они, несомненно, живой организм, однако это неверно.

Приведем еще примеры бездоказательных положений.

На стр. 97 говорится о превращении слу-

чайности в необходимость и необходимости в случайность, но не показывается, как происходит этот процесс, не приводится ни одного примера. Студент может механически заучить это положение, но не сможет его понять, читая данную книгу.

На стр. 171 авторы пишут: «Переход от старого качественного состояния к новому, происходящий без взрыва, путем постепенного накопления элементов нового качества и отмирания старого качества, нельзя смешивать с эволюционной формой движения». Отделавшись этой общей фразой, авторы не стали утруждать себя показом различия между эволюционной формой развития и постепенным накоплением элементов нового качества.

Иногда авторы излагают материал тяжелым, трудно доступным языком (см., например, стр. 353, 356 и др.).

К числу других недостатков рецензируемого учебного пособия следует отнести некоторые шероховатости в стиле, недостаточную логическую последовательность изложения в ряде мест и т. д. В книге очень много раскавыченных цитат (см. стр. 171, 174, 231, 318 и т. д.). Авторы напрасно думают, что, снимая кавычки с известных высказываний классиков марксизма-ленинизма, они тем самым борются против цитатничества.

Всех этих и других недостатков можно было бы избежать, если бы книга предварительно подверглась широкому обсуждению философской общественностью.

М. М. КАРПОВ, А. М. МИНАСЯН
(Ростов-на-Дону)

По поводу новой советской книги по диалектическому материализму*

Чехословацкие философы, работники различных отраслей науки, пропагандисты и студенты приветствуют появление новой советской книги по диалектическому материализму под редакцией академика Г. Ф. Александрова. Научное изложение диалектического материализма имеет большое значение для воспитания наших кадров и для перестройки нашей науки на основах марксистско-ленинской философии. Изучение книги поможет поднять уровень преподавания диалектического материализма в наших школах, повысить качество наших семинаров, которые пока еще, в особенности в высших технических учебных заведениях, носят слишком элементарный характер. Пособие «Диалектический материализм» используется также в сети партийного просвещения. В скором времени это пособие выйдет на чешском языке. Широкое обсуждение книги, организованное редакцией журнала «Вопросы философии», окажет нам боль-

шую помощь. В связи с этим мы хотим высказать ряд критических замечаний, вытекающих прежде всего из состояния и нужд философской работы в нашей стране.

Положительной стороной данной книги является то, что в ней диалектический материализм раскрывается и как метод познания и как метод практической деятельности по преобразованию мира. Изложение положений диалектического материализма связано с объяснением их значения для специальных наук и для практической революционной деятельности партии пролетариата. Таким образом, доказывается, что диалектический материализм можно развивать, только решая вопросы, поставленные жизнью, на основе обобщения результатов специальных наук и исследования истории развития процесса познания.

В книге приводится ряд примеров из естественных и общественных наук, соответствующих уровню современной науки, на которых в целом удачно демонстрируются общие положения диалектического материализма. В лекциях и книгах по диалектическому материализму, конечно, нужно использовать примеры, однако при этом слу-

* Рецензия написана чехословацкими философами В. Румл и Д. Слейшка по поручению кабинета философии Чехословацкой Академии наук (Прага).

шателям и читателям должно быть ясно, что диалектику нельзя сводить к сумме примеров. К сожалению, авторов пособия можно упрекнуть в этом. Не показано применение диалектического материализма в конкретных науках, и потому остается не доказанным, что он является общей методологической основой для всех наук. Целесообразно было бы с этой точки зрения дать анализ современных космогонических теорий, характера закономерностей квантовой механики и теории относительности или осветить проблему возникновения видов в развитии живой природы. Тогда можно было бы показать, как диалектический материализм связан с борьбой за новое в естествознании, какие философские вопросы ставит развитие последнего и как следует решать эти вопросы.

Между тем о методологическом значении диалектического материализма для естественных наук говорится в отрыве от философского обобщения сравнительно богатого естественно-научного материала, использованного в книге. Это затрудняет понимание диалектического материализма как метода познания, понимание единства диалектики, логики и теории познания.

Раздел о диалектическом материализме как теоретической основе естественных наук носит слишком общий, декларативный характер, содержит большей частью ссылки на цитаты из высказываний крупных ученых. Для нас же, философских работников народно-демократических стран, было бы желательно, чтобы книга больше обобщала советский опыт перестройки наук на основе марксистско-ленинской философии.

В книге изложение отдельных черт диалектики и материализма иллюстрируется примерами. Однако было бы полезно, если бы авторы наряду с такими примерами взяли из какой-либо научной отрасли одну проблему, имеющую философское значение, и рассмотрели ее на основе всех черт диалектического метода и марксистской гносеологии. И в самом изложении отдельных черт диалектики авторам также следовало уделить больше внимания их взаимосвязи.

Глубокое понимание проблем диалектического материализма затрудняется тем, что изложение категорий авторы всегда связывают только с той или другой чертой диалектики. В действительности же каждая категория связана со всеми остальными категориями и со всеми чертами диалектического метода. Может быть, было бы целесообразнее освещать некоторые категории после изложения всех законов диалектики. Поскольку авторы, повидимому, не учитывали в должной мере потребности специальных наук и практики, отдельные категории не получили в книге достаточно полного освещения.

Авторы обходят некоторые актуальные вопросы. Например, в книге нет ясных формулировок о соотношении физиологической и психической деятельности человека, хотя эти вопросы имеют для физиологии и психологии важнейшее значение. Недостаточно освещено соотношение формальной и диалектической логики. В данном пособии сделан

известный шаг назад по сравнению с результатом дискуссии по логике, так как здесь даже не формулируются спорные проблемы, не показано различие предметов формальной логики и диалектики. Читатель не может понять, в чем диалектика является логикой.

Книга по-боевому выступает против современных идеалистических теорий в философии и социологии — персонализма, холизма, неореализма, социального дарвинизма, экзистенциализма и т. п. Эти «теории» являются составной частью идеологического оружия остатков эксплуататорских классов в странах народной демократии. Книга окажет нам помощь в борьбе с этими реакционными теориями. Однако критике современной буржуазной философии следовало бы уделить еще больше места, дать более глубокое разоблачение современных реакционных течений. В книге недостаточно критикуется прагматизм, не разоблачаются присущие ему черты — иррационализм, индивидуализм.

Положительной стороной пособия является критика идеализма в естествознании. Однако некоторые модные проявления идеализма в естествознании, например, идеалистические выводы в космологии, не критикуются.

Авторы пособия освещают ряд методологических вопросов исторического материализма, что помогает понять значение диалектического материализма для исследования общественных явлений. Однако иногда анализ общественных явлений, даваемый в связи с тем или иным положением диалектического материализма, явно неудовлетворителен. Так, например, весь раздел «Особенности связей явлений в социалистическом обществе», по сути дела, состоит из нескольких отрывочных, поверхностных замечаний по различным вопросам теории социалистического общества. Не показано, в чем же состоит особенность связей явлений в социалистическом обществе. Раздел содержит, собственно, только несколько новых примеров, иллюстрирующих знакомое уже положение о взаимосвязи явлений. Значительно лучше изложены разделы о неодолимости нового, о превращении возможности в действительность и об особенностях перехода от старого качества к новому качеству в условиях социалистического общества.

При изложении диалектического материализма нужно осветить историю домарксистской и марксистской философии. Авторы правильно включили в учебное пособие исторический очерк диалектики и материализма, однако они уделяют мало внимания истории марксистской философии, в особенности освещению исторического пути советской философии. Для понимания существа диалектического материализма знание истории марксистской философии имеет большое значение. Научное изложение этих вопросов помогает правильно понять связь философии и политики. Оно также должно ставить некоторые важные теоретические вопросы о месте и значении отдельных законов и категорий диалектики. Поэтому неправильно,

что авторы ограничились лишь мимолетными замечаниями на эту тему.

В связи с этим нам хочется сказать советским товарищам, что для нас, философских работников стран народной демократии, была бы очень полезной монографическая литература по вопросам развития советской философии. Она явилась бы большим подспорьем в борьбе за перестройку философской работы в наших странах. Имеющийся в книге краткий очерк истории материализма и идеализма, диалектики и метафизики не содержит удовлетворительного исторического анализа, приводит к упрощенному представлению об истории философии, не раскрывает в достаточной мере связь философии с развитием общества, внутреннюю логику этого развития. Так, например, весьма общо показаны общественные условия возникновения гегелевской философии. Для ее анализа не использовано богатство «Философских тетрадей» Ленина. Неудовлетворительно также показано, что возникновение марксизма явилось революционным переворотом в развитии философии. Этому вопросу следовало бы посвятить отдельную главу.

Авторы забыли, что изучение диалектического материализма должно быть средством атеистического воспитания. Книга ограничивается лишь общими положениями о том, что материализм обосновывает атеизм, а идеализм представляет собой утонченную поповщину (стр. 25, 26). Правда, антирелигиозная пропаганда, проводимая на занятиях по диалектическому материализму, не может носить характера массовой агитации, разоблачающей бессмысленность библейских чудес. Изложение этих вопросов в книге по диалектическому материализму должно также отличаться от подхода к религии с точки зрения исторического материализма, где надо прежде всего показать реакционную общественную роль религии как формы общественного сознания, вред религиозной морали и т. д. В диалектическом материализме главной задачей является критика религии как извращенного мировоззрения, разоблачение ее антинаучности. Такой критикой должен быть насыщен весь курс, в особенности же главы о марксистском философском материализме. Этого в данном пособии нет, что является существенным его недостатком.

Изложение каждой черты диалектического материализма в книге оканчивается разделом, подчеркивающим значение данной черты для практической деятельности коммунистической партии. Нам кажется, что методически правильнее было бы не посвящать этим вопросам специальных разделов, а в самом ходе теоретического анализа делать конкретные политические выводы. Теоретические положения диалектического материализма вызваны самой жизнью, представляют собой активное отражение потребностей прогрессивной общественной практики нашей эпохи, что должно быть выражено и в методе изложения. А это возможно только тогда, когда анализ теоретических, философских и практических политических вопросов будет связан в одно нераздельное целое.

При этом нельзя забывать, что только всестороннее понимание марксистской теории помогает понять политику партии. Анализ значения положений диалектического материализма для политики партии — одна из самых важных, но вместе с тем самых трудных задач, стоящих перед преподавателями философии. Здесь бывает много недостатков. Книга мало помогает устранению этих недостатков, ибо научный анализ в ней зачастую подменяется пустыми декларациями. При этом в разделах о значении диалектического материализма для политики партии иногда излагаются вопросы, которые следовало бы разобрать в других местах, например, говорится о том, какое значение имеет то или иное положение для естественных наук.

В книге философски обобщаются прежде всего те вопросы общественного развития, которые связаны с задачами строительства коммунизма. В этом отношении книга дает много ценного советскому читателю, а также читателю за рубежом. Недостатком является то, что в ней совсем не разбираются вопросы, связанные со строительством социализма в странах народной демократии. А между тем развитие этих стран поставило ряд таких вопросов. В новом издании учебного пособия по диалектическому материализму следует учесть и опыт развития стран народной демократии, в особенности в главах о переходе количественных изменений в качественные изменения, о развитии как борьбе противоположностей. Обобщение опыта революционных преобразований в этих странах сможет обогатить не только тему о революции, но и ряд проблем диалектического материализма.

Соотношение количественных и качественных изменений в течение революционного периода в этих странах очень поучительно. Первый качественный скачок в развитии европейских стран народной демократии произошел в 1944—45 годах, когда демократическая революция начала перерастать в революцию социалистическую. Результатом этого процесса явился новый скачок, связанный с фактическим переходом власти в руки пролетариата, причем этот скачок в отличие от первого обозначал не ликвидацию существующей власти в целом, а устранение буржуазии от участия во власти.

Неудовлетворительное обобщение исторических событий в странах народной демократии, конечно, не вина одних только авторов данного учебного пособия. Философы и работники других общественных наук в самих европейских странах народной демократии сделали слишком мало для обобщения этих вопросов. В Чехословакии до сих пор недостаточно освещаются теоретические вопросы исторического материализма, непосредственно связанные с созидательной практикой стран народной демократии. Еще хуже обстоит дело с выработкой на основе этой практики философских обобщений, которые служили бы обогащению и развитию диалектического материализма.

В. РУМЛ, Д. СЛЕЙШКА
(Чехословакия)

Обзор рецензий на книгу «Диалектический материализм»

В редакцию журнала «Вопросы философии» поступило свыше тридцати рецензий на книгу «Диалектический материализм», изданную под общей редакцией академика Г. Ф. Александрова.

Все рецензенты, за исключением Л. И. Еричева (Ленинград), считают издание книги положительным фактом, полагая, что она принесет пользу широким кругам нашей общестственности. Рецензенты отмечают, что книга имеет целый ряд достоинств: она содержит яркие иллюстрации, поясняющие законы и категории диалектического материализма, имеет краткие выводы по каждой главе и т. д.

«Книга «Диалектический материализм», — пишет, например, рецензент Л. К., подытоживая обсуждение книги на кафедре марксизма-ленинизма Военной Академии имени М. В. Фрунзе, — является результатом большой коллективной работы. Как по своему содержанию, обогащенному многими данными современной науки, так и по форме изложения, доступной в целом для широких кругов читателей, эта книга представляет собою, бесспорно, шаг вперед к созданию полноценного учебника по марксистской философии».

«Появление книги «Диалектический материализм» — большое событие в нашей философской и научной жизни, — говорит в своей рецензии М. К. Петров (Ростов-на-Дону). — Книга найдет широкое применение у преподавателей и учащихся в системе партийного просвещения, она поможет самостоятельно изучающим философию марксизма-ленинизма ориентироваться в современных философских течениях».

Книга «Диалектический материализм», по мнению С. И. Новикова (Москва), обладает рядом достоинств, позволяющих сказать, что авторский коллектив подготовил нужную работу, которая принесет бесспорную пользу изучающим основы марксистско-ленинской философии — студентам вузов, учащимся университетов марксизма-ленинизма, руководителям и слушателям философских кружков в сети партпросвещения, а также широкому кругу читателей, самостоятельно изучающих марксистско-ленинскую философию.

Авторский коллектив стремился связать изложение основ диалектического материализма с историей естествознания, в особенности с историей русского естествознания, а также с современным естествознанием, с вопросами исторического материализма, историей КПСС, с актуальными вопросами практической деятельности Коммунистической партии и, в частности, с решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС.

Книга в целом написана простым, ясным языком. В ней много ярких иллюстраций, поясняющих законы и категории диалектического материализма. Каждая глава заканчивается краткими выводами. Главы 3—6, 8—10, посвященные изложению основных

черт марксистского диалектического метода и марксистского философского материализма, имеют особые параграфы, в которых говорится о значении соответствующих черт диалектики для практической деятельности партии. Эти параграфы пронизаны принципом партийности философского материализма и имеют большое познавательное и воспитательное значение.

«Учебная книга по диалектическому материализму под редакцией Александрова, — говорит В. Г. Ильинский (Сталинград), — имеет значительное преимущество по сравнению с существовавшими до сих пор пособиями. Этого отрицать ни в коем случае нельзя. Данная книга является шагом вперед. В ней значительно расширен историко-философский раздел, правда, он искусственно расщеплен между диалектическим методом и философским материализмом. Авторы сделали серьезную попытку показать материалистическую диалектику как итог истории человеческого познания. В книге подчеркивается качественная особенность диалектического материализма, отличающая его от домарковского материализма, в ней показаны достижения советской науки, раскрыто превосходство социалистической системы над капиталистической».

Авторы, отмечает С. Я. Коган (Одесса), используют не широко известные, избитые примеры, а новые, свежие примеры из различных областей науки; на новых фактах доказывают они жизненность марксистской диалектики.

Достоинством рецензируемой книги является также сжатость и ясность изложения и высокий научный уровень. Эту же мысль высказывает и тов. Полетаев (Москва).

«Впервые в учебном пособии по диалектическому материализму, — говорит М. Ф. Воробьев (Ленинград), — обстоятельно освещен вопрос о соотношении мышления и языка и показана роль последнего в развитии общества и человеческого познания».

Многие авторы рецензий рассматривают книгу как учебное пособие, потому что она построена в соответствии с ныне действующей программой по диалектическому материализму и фактически в сети партийного просвещения используется в качестве учебника. В рецензиях высказывается целый ряд критических замечаний как научно-теоретического, так и методического характера.

* * *

Некоторые рецензенты — М. К. Петров (Ростов-на-Дону), Н. В. Глубоков (Иваново), А. Стуков (Челябинск), А. Хайкин (Тамбов), И. И. Суд (Кингисепп) и другие — отмечают, что в книге не дано четкого определения понятий «мировоззрение», «философия», не выяснено соотношение между диалектическим материализмом и другими науками.

Авторы рецензий указывают также на от-

существование в книге строгого определения предмета диалектического материализма. «В книге,— пишет А. Стуков,— дано определение диалектического материализма. Это хорошо. Но авторы непоследовательны в определении предмета. В одном случае (стр. 7) пишется, что «диалектический материализм изучает наиболее общие (всегда и всюду действующие) объективные законы изменения и развития природы, общества и познания, дает материалистическое истолкование явлениям объективного мира», в другом случае (стр. 37) указывается, что «предметом диалектического материализма являются наиболее общие законы движения, изменения, развития природы, общества и познания».

Из второго определения выпало положение о том, что диалектический материализм дает материалистическое истолкование явлениям объективного мира. Поэтому оно является определением диалектического метода, а не диалектического материализма в целом. О противоречивости формулировок предмета диалектического материализма говорит также и С. Я. Коган (Одесса). Приведя определения предмета диалектического материализма и предмета марксистской диалектики, данные в книге на стр. 9 и 52, С. Я. Коган замечает: «Выходит, что предметы марксистской диалектики и диалектического материализма совпадают. Но ведь марксистская диалектика есть только часть диалектического материализма, и, соответственно, предмет марксистской диалектики есть только часть предмета марксистской философии».

В рецензируемой книге, пишет М. Ф. Воробьев (Ленинград), «игнорируются многочисленные указания Энгельса о том, что за философией, изгнанной из природы и истории, остается только область мышления и его законов—формальная логика и диалектика».

В книге нет отчетливого определения предмета диалектического материализма и не показана сущность последнего как теории познания марксизма.

На стр. 7 сказано: «Диалектический материализм... представляет собой научное обобщение результатов, достигнутых всеми другими отраслями знаний». Получается, что диалектический материализм не имеет своего, особого предмета изучения. В книге говорится, что диалектический материализм изучает наиболее общие законы изменения и развития природы, общества и познания. Это определение, конечно, правильно, но недостаточно. Следовало бы подчеркнуть, что диалектический материализм есть философская наука об общих законах всякого развития, законах развития познания в особенности, ибо, если диалектический материализм включает в себя гносеологию, то ясно, что общие законы диалектики принимают здесь особую форму движения от субъективной идеи к объективной истине, от незнания к познанию, от ощущения к мысли и т. д.

Короче говоря, диалектика познания, раскрывающая диалектику бытия,— вот что

составляет самостоятельный предмет марксистско-ленинской философии».

Серьезные претензии к авторскому коллективу книги рецензенты предъявляют в связи с тем, что изложению основ диалектического материализма не предшествует историко-философское введение.

И. И. Суд считает крупной ошибкой то, что в книге по диалектическому материализму недостаточно и неточно сказано о социально-экономических, естественно-научных и философских предпосылках возникновения диалектического материализма. «На стр. 13,— пишет он,— лишь мимоходом... затронут вопрос о естественно-научных предпосылках возникновения диалектического материализма. Здесь только названы три великих научных открытия естествознания середины XIX века, и то лишь в связи с тем, что диалектический материализм в период своего возникновения теоретически обобщил их в числе других открытий естествознания».

Не раскрыто и совершенно не показано, в чем же именно заключалось это обобщение. Не приведено высказывание Энгельса о том, что благодаря особенно этим трем открытиям двинулось гигантскими шагами вперед познание взаимной связи процессов, совершающихся в природе, причем не только в отдельных областях природы, но также в общем и целом, то есть познание связей, объединяющих самые эти области.

Ничего не сказано и о том, что именно эти открытия послужили естественно-научной основой диалектического материализма и что обобщение их наряду с обобщением опыта классовой борьбы пролетариата было не чем иным, как возникновением диалектического материализма и вместе с тем концом философии как «науки наук».

А. Хайкин считает неправильным, что вопросы историко-философского характера излагаются попеременно с проблемами марксистской философской теории. «Такой порядок изложения нельзя признать удовлетворительным,— пишет он.— Во-первых, нарушается основное требование марксистского анализа—конкретность подхода к явлениям. Мировоззрение представителей домарксистской философии так же, как и философские идеи основоположников марксизма-ленинизма, определялось конкретно-историческими условиями. Для того, чтобы показать классовую обусловленность мировоззрения того или другого мыслителя, необходимо рассматривать его идеи в связи с конкретно-историческими условиями, породившими их. Во-вторых, не создается цельного представления о философских воззрениях представителей домарксистской философии. Излагая их воззрения попутно с освещением основных проблем марксистской философии, авторы книги отдельно рассматривают метод, которым пользовался тот или иной мыслитель, отдельно его теорию, отдельно вопрос о том, как решал он те или иные проблемы. Так, например, может ли читатель разобраться в отличительных особенностях философских взглядов Аристотеля, если на стр. 42—43 авторы пишут, что Аристотель высказывал диалектические мысли

о развитии природы, а на стр. 197 утверждают, что метафизичность взглядов Аристотеля обусловила его отступления от материализма.

В-третьих, порядок изложения в книге историко-философских проблем служит известной помехой в усвоении основного содержания книги. Читатель вынужден постоянно отвлекаться от проблем диалектического материализма, возвращаться к античному мировоззрению, потом вновь переходить от идей Гераклита или Демокрита к учению марксизма-ленинизма.

Всех этих недостатков, — говорит тов. Хайкин, — можно было бы избежать, если бы изложению основ диалектического материализма предшествовало серьезное историко-философское введение, в котором рассматривались бы основные этапы развития домарксистской философской мысли».

В этой связи рецензенты считают серьезным упущением книги тот факт, что в ней не освещен вопрос об источниках марксизма, вследствие чего книгу пронизывает общая тенденция умаления роли домарксистской философии. «Крупным недостатком первой главы «Диалектического материализма» надо считать, — пишет С. И. Новиков (Москва), — то, что авторы упорно обходят ленинское положение о трех источниках марксизма и известное положение И. В. Сталина, высказанное в работе «Марксизм и вопросы языкознания»: «Маркс и Энгельс... считали, что их диалектический материализм является продуктом развития наук, в том числе философии, за предыдущий период» (стр. 34). Авторы ни в первой, ни в последующих главах не приводят и не комментируют важных положений Энгельса по вопросу об источниках марксизма (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 142—625)».

И. И. Суд также указывает на недопустимость того, что в книге обойден вопрос о трех источниках марксизма, не раскрыто положение о том, что марксизм есть продукт развития предшествующей философии, не раскрыты до конца сущность и содержание революционного переворота, совершенного в философии созданием диалектического материализма.

Развивая эту же мысль, А. Хайкин говорит: «Стараясь показать коренное отличие домарксистских философских систем от идей марксизма-ленинизма, авторы книги сосредоточивают внимание только на отрицательных сторонах философских воззрений домарксистских мыслителей и очень слабо освещают тот вклад, который они внесли в развитие научной теории».

Оценка значения отдельных мыслителей, данная в книге «Диалектический материализм», односторонняя. Это относится, в частности, к такому мыслителю, как Гегель. Известно, что основоположники марксизма-ленинизма, подчеркивая коренное отличие марксистского диалектического метода от гегелевского, всегда отмечали большую заслугу великого немецкого философа, впервые в истории философии изложившего основные законы диалектического мышления.

Авторы рецензируемой книги подробно говорят о недостатках гегелевской диалекти-

ки. Они правильно отмечают, что диалектика Гегеля строилась на неверной, идеалистической основе, что она непоследовательна, обращена только к прошлому, что классик немецкой философии неверно трактовал такие категории диалектики, как количество и качество, с позиций идеализма подходил к закону «отрицания отрицания» и т. д. касаясь же рациональной стороны диалектики Гегеля, они оперируют общими формулировками, повторяя в разных вариантах, что рациональным зерном гегелевской философии была идея развития. Но если бы Гегель ограничился лишь тем, что высказал мысль о развитии, то он ничем не обогатил бы философию.

Мысль о развитии объективного мира и мышления высказывалась рядом мыслителей и до него. Истинная заслуга Гегеля в том, что он не только выдвинул идею развития, но и сформулировал важнейшие законы диалектики, подробно исследовал диалектику понятий, суждений, умозаключений. Именно поэтому В. И. Ленин в статье «О значении воинствующего материализма», которая справедливо может быть названа его философским завещанием, рекомендовал философам-марксистам стать материалистическими друзьями гегелевской диалектики. Ленин писал: «Современные естествоиспытатели найдут (если сумеют искать и если мы научимся помогать им) в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды» (Соч. Т. 33, стр. 208).

Сосредоточивая внимание только на отрицательных сторонах гегелевской диалектики, авторы книги отказываются от материалистического истолкования того ценного, рационального, что содержится в гегелевской диалектике.

С. И. Новиков решительно протестует против оценки гегелевской философии как ненаучной. «Утверждение, что диалектика Гегеля является ненаучной, — пишет он, — принадлежит всецело авторскому коллективу. Это утверждение само является образцом ненаучного, метафизического, антиисторического подхода к истории диалектики. Для своего времени — начала XIX века — диалектика Гегеля, содержащая в себе рациональное зерно, была во многих отношениях прогрессивным, научным, по сравнению с метафизическим, методом».

Тезис авторского коллектива о ненаучности домарксовской диалектики неверен. Авторы должны были вместо общей фразы о ненаучности домарксовской диалектики подчеркнуть научное значение диалектики революционных демократов и показать конкретно как научные, так и ненаучные и даже антинаучные, реакционные моменты в диалектике Гегеля».

По мнению тов. Воробьева (Ленинград), «ничем не оправданным следует считать отсутствие в книге хотя бы беглого описания огромного значения в истории материализма философии Спинозы, оказавшего столь значительное влияние на французских материалистов XVIII века и даже на Фей-

ербах. Учение Спинозы характеризуется только с отрицательной стороны (стр. 243, 259) и притом излагается не всегда достаточно квалифицированно».

«Для большей части книги характерен неисторический подход к философским проблемам,— пишут К. И. Соловьев, В. И. Михайлов и другие из Ярославля.— Предшествующая марксизму философия в целом игнорируется или третируется как ненаучная, вредная; пропагандируется, по существу, нигилистическое отношение к истории философии».

* * *

Другим важнейшим вопросом, затронутым в рецензиях, является вопрос о структуре книги. Целый ряд товарищей высказывает мысль о том, что гораздо целесообразнее было бы начать изложение не с освещения вопросов метода, а с характеристики марксистского философского материализма.

В. Г. Ильинский (Сталинград) пишет: «Книга была бы глубже, если бы она начиналась не с диалектического метода, а с философского материализма. Правда, в «Кратком курсе истории партии», во втором разделе IV главы, сначала излагается диалектический метод, а затем философский материализм. Это допустимо и целесообразно там, где диалектический материализм не является самостоятельным курсом, а лишь вспомогательным к курсу истории партии. Но когда мы читаем отдельный курс диалектического материализма, где каждому из этих двух разделов отведено до 40 и больше часов, то и с методической и с методологической точек зрения целесообразно сначала охарактеризовать философский материализм, а затем диалектический метод. Ибо нельзя освещать способ изучения материального мира, не объяснив предварительно, что представляет собой этот материальный мир, в каких формах он проявляется, не раскрыв источника самого познания».

Подобная структура книги вынуждает авторов вводить в главу, трактующую о диалектическом методе, материал, относящийся к главе, трактующей о философском материализме. Они поставлены перед печальной необходимостью упрощать существо диалектического метода, уходить от более глубокого анализа основных черт диалектического метода, раскрывать содержание метода в отрыве от всей теории познания диалектического материализма и сводить его к сумме примеров, нарушая важнейший принцип тождества теории познания, диалектики и логики».

Попутно заметим, что не только В. Г. Ильинский, но и Н. Н. Харин, Л. И. Еричев, А. Стуков, К. И. Соловьев, В. И. Михайлов и другие рецензенты в качестве одного из основных недостатков рецензируемой книги отмечают то, что в ней диалектика зачастую сводится к сумме примеров и фактически не распространяется на человеческое познание.

Преподаватели кафедры марксизма-ленинизма Военной академии имени М. В. Фрунзе указывают, что принципиальным недостатком данной книги является недостаточное раскрытие в ней богатства фи-

лософского наследства В. И. Ленина. В книге не получили глубокого отражения труды В. И. Ленина — «Философские тетради», «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «О значении воинствующего материализма».

Рецензенты отмечают, что научный уровень книги, несомненно, снижается неудовлетворительным освещением категорий материалистической диалектики. Так, В. Г. Ильинский считает неверным, что изложение вопроса о той или иной категории материалистической диалектики (необходимость и случайность, закон, возможность и действительность, причина и следствие, форма и содержание, сущность и явление) включается в один из разделов, посвященных рассмотрению какой-либо одной определенной черты диалектического метода.

«Авторы учебного пособия по диалектическому материализму,— пишет он,— связанные установившимся обычаем — обязательно излагать категории материалистической диалектики в разделах той или иной черты,— не смогли живо и всесторонне раскрыть эти категории».

Касаясь далее объяснения в книге таких категорий материалистической диалектики, как необходимость и случайность, В. Г. Ильинский считает необходимым отметить, что не все стороны этих категорий раскрываются в разделе, озаглавленном «Закономерность. Необходимость и случайность» (стр. 89—102). «Методологически и методически правильнее было бы показать,— пишет он,— в чем единство необходимости и случайности и в чем их различие, объяснить, чем характеризуется необходимость и чем случайность».

Формальным считает определение необходимости и случайности, данное в книге на стр. 95, и Л. И. Еричев. «Необходимость характеризуется,— говорит он,— как «строго определенный порядок... благодаря которому процесс при данных условиях протекает именно так, а не иначе». Это значит, что необходимость определяется тавтологически. Подобным же образом определяется и случайность».

О недостатках в освещении категорий возможности и действительности пишут Н. Н. Харин, В. Г. Ильинский, В. Верниковский и другие.

«При рассмотрении вопроса о возможности и действительности,— говорит тов. Харин,— следовало бы дать определение этих понятий. Вопрос о роли науки в превращении возможности в действительность излагается неудачно. Роль марксистско-ленинской науки в превращении возможности победы трудящихся над эксплуататорами в действительность исключительно велика. Этот вопрос также должен был найти отражение в данном параграфе. Однако здесь совершенно ничего не говорится о роли советской науки в превращении возможности построения социализма и коммунизма в действительность, об использовании науки в развитии сельского хозяйства, промышленности нашей страны, о задачах развития науки в свете решений XIX съезда КПСС».

Примеры, которые часто приводятся,— изобретение самолета А. Ф. Можайским,

открытие радио А. С. Поповым и другие — мало способствуют выяснению главного содержания данного вопроса».

«Категории возможности и действительности,— пишет В. Г. Ильинский,— излагаются в общей форме с упором на сумму примеров и на привлечение иллюстративного материала. Не дано определения ни возможности, ни действительности. В определениях должно подытоживаться главное, присущее каждой из этих категорий. Авторы же стремятся больше описывать, чем анализировать и раскрывать существенные черты, характеризующие эти категории, не вскрывают всей их глубины».

«Рассматривая вопрос о возможности и действительности,— замечает В. Верниковский,— следовало бы отметить, что возможности бывают реальные и формальные, и указать при этом, что формальная возможность практически не может превратиться в действительность ввиду отсутствия для этого объективных условий».

А. Хайкин считает крайне абстрактными данные в книге определения формы и содержания: «Содержание — это совокупность внутренних процессов в предметах и явлениях», а «форма есть выражение содержания, им обусловленное» (стр. 230). «Понятия формы и содержания,— пишет он,— по существу, не раскрываются, так как нельзя считать раскрытием их следующие формулировки: «Форма связана с содержанием», «Налицо взаимообусловленность формы и содержания на основе определяющей роли содержания» и т. д.»

На абстрактность и неубедительность изложения вопроса о категориях формы и содержания указывают в своих рецензиях также М. К. Петров, К. И. Соловьев и В. И. Михайлов.

Д. Биленкин (Пушкино) считает большим упущением то, что категории свободы и необходимости в книге почти не рассматриваются, сказано о них лишь вскользь и поверхностно.

«В книге не раскрывается своеобразие понятий: причинность, необходимость, закономерность,— пишет Л. К.— Вопрос о закономерности рассматривается до того, как изложена проблема необходимости. Не правильное ли было бы поступить наоборот?»

М. Канцелярский (Красноярск) подвергает критике положения о переходах от старого качества к новому, о характере этих переходов в развитии общественных явлений. «Авторы,— пишет он,— явно смешивают в одну кучу и переходы от одного общества (в целом) к другому, и переходы внутри каждого из них с одной ступени на другую, и переходы от старого качества к новому в развитии отдельных общественных явлений».

А. Полетаев (Москва) в своей рецензии рассматривает, насколько верно изложен в «Диалектическом материализме» вопрос о возможности победы социализма в СССР. «На стр. 212,— отмечает тов. Полетаев,— авторы пишут: «Учет внешних и внутренних противоречий позволил Коммунистической партии правильно решить такой важный вопрос, как вопрос о полной и окончательной победе социализма в СССР». Из этой фор-

мулировки следует, что для авторов книги понятия полная победа и окончательная победа социализма не одно и то же. Что мысль авторов именно такова, видно из дальнейшего текста на стр. 213. Говоря о возможности интервенции империалистов, авторы пишут: «Только ликвидация капиталистического окружения — дело пролетариев большинства стран — окончательно устранит эту опасность и позволит считать победу социализма и коммунизма не просто полной, но и окончательной».

Здесь авторы книги в корне неправы. В ленинизме между понятиями полная победа и окончательная победа социализма различия нет. Ленин писал: «Победить в мировом масштабе полностью, окончательно нельзя в одной России...» (Соч. Т. 29, стр. 40).

Предельно ясно излагая точку зрения Ленина по этому вопросу, И. В. Сталин писал: «Разве партия когда-либо говорила, что *полная* победа, *окончательная* победа социализма в нашей стране возможна и powerful для пролетариата одной страны? Где это было и когда,— пусть укажут нам» (Соч. Т. 8, стр. 328).

«Авторы книги «Диалектический материализм»,— пишет тов. Полетаев,— явно спутали понятие полная победа социализма с понятием полного построения социалистического или коммунистического общества, ибо понятие полная победа социализма — это вопрос не построения социализма, а вопрос о полной гарантии от интервенции империалистов».

Аналогичное замечание по этому поводу делает и тов. Суд.

В своей рецензии Л. И. Еричев подверг резкой критике неправильную формулировку основного закона диалектики — закона единства и борьбы противоположностей,— данную в книге. Авторы, говорит он, выбросили момент «единства» и заменили его термином «взаимосвязь», исказив тем самым существо марксистско-ленинского понимания «ядра» диалектики. На этот недостаток обращают внимание также С. Я. Коган, К. И. Соловьев и В. И. Михайлов.

По мнению И. З. Рабиновича (Златоуст), в главе «Движение и развитие в природе и обществе» совершенно неправомерно опущено рассмотрение мышления как одной из форм движения.

* * *

Некоторые рецензенты (С. Я. Коган, Л. И. Еричев и др.) считают одним из недостатков главы «Материальность мира и объективность закономерностей развития материи» то, что в ней совершенно обойден вопрос о теории относительности. «Почему,— спрашивает тов. Коган,— при рассмотрении вопросов пространства и времени авторы ограничились рассмотрением физической теории пространства и времени Ньютона, то есть теории XVII столетия, и не сочли нужным остановиться на современной теории пространства и времени? Философский анализ геометрии Лобачевского, данный в книге, не может заменить анализа физической теории пространства и времени».

М. Ф. Воробьев считает неверным следующее положение: «Понятие материи охваты-

вает наиболее общие свойства объективной реальности. Оно включает в себя в обобщенном виде все достижения естественных и общественных наук, изучающих отдельные стороны, свойства и проявления материи» (стр. 287). Понятие материи «охватывает» не ее общие свойства, а одно-единственное свойство, с признанием которого связан философский материализм,— свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания. Правда, на 288-й странице авторы подчеркивают, что «представление об отдельных конкретных свойствах материи, изучаемых естествознанием, нельзя отождествлять с философским понятием материи».

Надо было бы сказать проще и отчетливее: философское определение материи, являющееся абсолютным, неизменным, нельзя смешивать с исторически определенным учением о строении материи, выражающим определенный этап развития познания материи.

В девятой главе, продолжает тов. Воробьев, ставится очень интересный и важный вопрос о характере противоположности материи и сознания. Заслуга авторов в том, что они едва ли не впервые в книге, являющейся учебным пособием по философии, обратили внимание на имеющую огромное научное значение мысль В. И. Ленина о том, что противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в области гносеологии при решении основного вопроса философии. За пределами гносеологии оперировать данной противоположностью как абсолютной было бы огромной ошибкой, ибо вне границ теории познания (то есть, очевидно, в естествознании) эта противоположность относительна. Однако в книге не разъяснено, в чем именно выражается абсолютность противоположности материи и сознания в рамках гносеологии.

Ведь тезис об абсолютной противоположности материи и сознания в гносеологии направлен Лениным против махистов, которые рассматривали эту противоположность как относительную.

Для махистов материальное и духовное, физическое и психическое «снимаются» якобы нейтральным по отношению к ним «третьим», которое не является ни физическим, ни психическим. Эти пресловутые «элементы мира» оказываются закамуфлированными ощущениями. Для махистов природа физического и психического всецело относительна в субъективно-релятивистском смысле этого слова. Она сводится к различному пониманию одних и тех же элементов — физических, если мы рассматриваем их по отношению друг к другу, и психических, если мы рассматриваем их по отношению к нашим органам чувств. В обоих случаях общим знаменателем будет «я рассматриваю». Получается, что без субъекта нет объекта. Физическое, оказывается, существует не вне сознания, а в самом сознании. В гносеологии материализма материя, как находящаяся вне сознания, объективно, абсолютно противопоставляется сознанию.

Возникает вопрос, что же это за область, лежащая вне гносеологии, в которой про-

тивоположность материи и сознания выступает как относительная?

А. Хайкин, А. И. Князев (Удмуртия), А. И. Сиртс (Славута), А. П. Стуков (Челябинск) и другие указывают на то, что многие положения в книге декларативны, не обоснованы. Л. И. Еричев пишет: «В книге очень много трескучих фраз. Научность диалектического материализма доказывается путем неоднократных повторений известного положения, что марксистский диалектический метод, диалектический материализм есть «едиственно научный». Подобные утверждения, относящиеся к определению диалектического материализма, встречаются на страницах 5, 8, 25, 26, 31, 35 и др.

Такая система «доказательства» не убеждает читателей.

Научность положений диалектического материализма может быть доказана лишь путем анализа исторического развития философии, показа исторической ограниченности всех предшествующих философских систем».

Та же самая тенденция наблюдается и в тех местах книги, где критикуется идеалистическая философия. А. Хайкин пишет: «Нельзя упрекнуть авторов книги «Диалектический материализм» в том, что они мало уделяют внимания критике современной идеологии империалистической реакции. Но критика их не всегда достаточно обоснована, убедительна. Авторы часто ограничиваются голословным отрицанием критикуемой теории, не заботясь об обосновании своих положений. Таков, например, характер критики теории мутаций Де Фриза. «...Голландский биолог Де Фриз,— сообщается в книге,— считал, что изменения в жизни растений наступают в виде внезапных взрывов, «мутаций», вызванных какой-то «творческой силой».

Сведение развития живой природы к внезапным, беспричинным скачкам есть не что иное, как проявление метафизики и поповщины в науке» (стр. 167).

Подобная критика необедительна. Недостаточно сказать, что теория Де Фриза есть проявление метафизики и поповщины. Надо объяснить это положение, привести соответствующие доказательства.

В некоторых случаях буржуазные теории критикуются в форме, мало понятной неискушенному в философии читателю. Что, например, читатель может понять из такой оценки философских взглядов Ф. Франка, данной в книге «Диалектический материализм»: «Ф. Франк, специализирующийся на извращении физической науки, прямо отрицает материальность мира. Он заявляет, что можно говорить о «физической реальности» только в «операционалистском смысле», утверждая, что содержание «физической реальности» якобы определяется исключительно нашими измерительными операциями» (стр. 277).

В методическом отношении книга «Диалектический материализм» оставляет желать лучшего, пишет А. Хайкин. В ней нет внутреннего, органического единства. Это сказывается прежде всего в том, что крайне нечетко определяются место и значение отдельных черт марксистской диалектики и

философского материализма в марксистском философском учении.

Характеризуя, например, значение первой черты диалектики, авторы пишут: «Все это дает возможность не только правильно, научно познавать, объяснять и обосновывать любое явление (разрядка моя.— А. Х.), но и в зависимости от потребности активно содействовать или препятствовать его происхождению и развитию, или давать ему определенное направление» (стр. 105—106).

Четвертую черту диалектики авторы справедливо называют главной. Но если уж одна первая черта диалектики дает возможность объяснить любое явление, то в чем же проявляется ведущее, коренное значение учения о единстве и борьбе противоположностей, спрашивает А. Хайкин.

Л. И. Еричев, А. Стуков и другие рецензенты также указывают на то, что основные черты материализма и диалектического метода рассматриваются в книге вне их внутренней связи.

Тов. Б. А. Поляков (Рига) говорит, что «хотя авторы с полным основанием указывают на необходимость связывать черты диалектики друг с другом и с чертами материализма, тем не менее требуемого единства и внутренней связи этих черт им не удалось достигнуть».

«Неоправданно,— пишет тов. Воробьев,— раздробление вопроса о роли практики в процессе познания. Он освещается сначала на стр. 384—385, а затем на стр. 399—407. В книге обстоятельно изложен вопрос о практике как основе познания и критерии истины. Однако практика, будучи источником познания, сама является обусловленной познанием. В. И. Ленин писал в «Материализме и эмпириокритицизме», что человек, как биологический индивид, не мог бы приспособиться к среде, если бы его чувства не давали ему правильного представления о действительности. По мере развития общества роль познания законов природы и общества в практике людей все более возрастает. Знание — великая сила. Могущество человека прямо пропорционально степени его знания мира.

Вообще в книге нет обстоятельного анализа активной роли сознания, которое не только правильно отражает мир, но и творит его (разумеется, не по произволу, а в соответствии с его объективными законами). В книге правильно указано, что «...практика выступает не только основой познания и критерием истины, но и целью познания объективного мира... Подлинно научное познание мира имеет целью активное преобразование природы, коммунистическое преобразование общества, внедрение результатов теории в жизнь» (стр. 404—405). Однако эти верные положения не подкреплены фактами и остаются декларативными.

В связи с критикой догматизма в книге приводятся известные слова В. И. Ленина: «...Критерий практики никогда не может по

самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления» (Соч. Т. 14, стр. 130). Эта мысль опять-таки не разъяснена.

В десятой главе дана критика агностицизма, отрывающего познание от практики и служащего интересам реакционных классов. Тем не менее, следовало бы раскрыть гносеологические корни агностицизма, превращающего временно, относительно непознанное в абсолютно непознаваемое.

«Книга не дает единого, цельного изложения основ диалектического материализма,— пишут К. И. Соловьев и В. И. Михайлов.— Все сведено к отдельным чертам диалектики и материализма, не показан диалектический материализм в целом».

Многие товарищи, приславшие рецензии, отмечают, что в учебное пособие неправильно включены дискуссионные вопросы, по которым еще не достигнуто ясного решения. Книга перегружена примерами, в частности из области естествознания, не всегда понятно изложенными. Указывается также на то, что авторы, вторгаясь в сферу специальных вопросов отдельных наук, часто допускают неправильные формулировки. Книга недостаточно тщательно отредактирована: нет органической связи между главами и разделами; по целому ряду вопросов нет единой точки зрения у авторов разных частей книги; отсутствует систематичность в изложении; некоторые примеры и положения повторяются по несколько раз.

«Рецензируемая книга,— отмечает Б. А. Поляков,— написана для всех интересующихся философией марксизма-ленинизма (и в этом ее основной методический недостаток) без учета существенных различий в уровне их образования, как общего, естественно-научного, так и специально-философского, без учета их интересов.

В связи с этим книга «Диалектический материализм» для впервые приступающих к изучению основ философии научного коммунизма громоздка и трудна; для тех же, кто ранее изучал основные черты диалектического метода и философского материализма, она поверхностна и легка. Книга не расширяет и не углубляет имеющихся знаний. Она не отвечает всем требованиям, предъявляемым многочисленными советскими читателями».

В рецензиях подчеркивается, что имеющиеся недостатки книги по диалектическому материализму являются отражением недостатков в преподавании марксистско-ленинской философии, а также серьезных недостатков в научно-исследовательской работе в области диалектического материализма. Рецензенты высказывают глубокое убеждение, что широкое и всестороннее обсуждение книги поможет устранить эти ошибки и создать полноценное пособие по марксистско-ленинской философии.

Н. К.

От редакции

Настоящим заключением редакция журнала «Вопросы философии» заканчивает обсуждение на страницах журнала недавно вышедшей в свет книги «Диалектический материализм», подготовленной авторским коллективом Института философии АН СССР. Организуя это обсуждение, редакция преследовала цель—помочь авторскому коллективу в работе над новым изданием книги. Редакция исходила из того, что в области разработки вопросов диалектического материализма имеются существенные недостатки и что в связи с этим широкий обмен мнениями не только поможет авторскому коллективу создать полноценное учебное пособие по диалектическому материализму, но и активизирует работу философов в области теоретической разработки вопросов диалектического материализма.

Книга «Диалектический материализм» широко обсуждалась на многих философских кафедрах и ученых советах философских учреждений страны. В редакцию журнала поступили многочисленные рецензии и отклики на эту книгу, что свидетельствует об огромном интересе и внимании нашей общественности к давно назревшей задаче создания учебника по диалектическому материализму.

Безусловно, положительным является самый факт появления книги «Диалектический материализм», отражающей опыт преподавания марксистской философии в наших учебных заведениях за последние годы и обладающей рядом достоинств: в ней подробно освещаются основные черты марксистского диалектического метода и марксистского философского материализма, приводится немало удачных и свежих примеров, иллюстрирующих эти черты, авторы стремятся связать общетеоретические философские положения с конкретными проблемами естествознания, общественных наук и показать их значение для практической деятельности Коммунистической партии. Большинство выступавших признало, что книга принесет пользу изучающим основы марксистско-ленинской философии.

Вместе с тем книга, как показало обсуждение, страдает рядом существенных недостатков. Для того, чтобы превратить ее в полноценное пособие по диалектическому материализму, соответствующее уровню современных требований, авторскому коллективу необходимо серьезно поработать над устранением этих недостатков.

Прежде всего нужно точно определить, на какого читателя рассчитано данное пособие. Если оно рассчитано в основном на приступающих к изучению основ марксистско-ленинской философии, то тогда авторам следует предъявить ряд упреков как в отношении методики изложения материала, так и в отношении характера освещения ряда положений. В книге много трудных для усвоения примеров, особенно из области естествознания. Характер изложения ряда проблем предполагает предварительное знакомство читателей с основами философии. Если же книга предназначалась как пособие для студентов высших учебных заведений, то авторскому коллективу следовало значительно расширить круг рассматриваемых проблем и углубить их изложение, в частности, уделить больше внимания вопросам теории познания и категориям материалистической диалектики, что, повидимому, потребовало бы пересмотра структуры книги.

Точное определение круга читателей тем более необходимо, что одной из важнейших задач в настоящее время является создание ряда книг и учебных пособий по диалектическому материализму для читателей самого различного уровня подготовки.

Книга «Диалектический материализм» построена в соответствии с программой для высших учебных заведений, в ней сначала освещаются основные черты диалектического метода, а затем основные черты философского материализма. Однако при этом мало внимания уделяется вопросам теории познания и диалектической логики. Целый ряд товарищей, участвовавших в обсуждении книги, справедливо упрекал авторов в известном отрыве вопросов диалектики от вопросов теории познания, в недостаточном раскрытии диалектики как логики, как теории познания, как метода научного исследования, позволяющего решать сложные вопросы общественных и естественных наук, а также практической деятельности по строительству коммунистического общества.

В главе, посвященной теории познания, нет глубокого анализа процесса развития познания во всей его сложности и противоречивости, в его качественных переходах от одной ступени к другой, анализа, базирующегося на данных естественных и общественных наук. Категории материалистической диалектики не получили цельного, систематического освещения в плане диалектической логики, теории познания, диалектико-материалистического учения о развитии в целом. Различные группы категорий рассматриваются лишь в связи с той или иной чертой диалектики или чертой материализма. В книге оказались опущенными такие существенные проблемы метода и теории познания, как анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрактное и конкретное, логическое и историческое. Это обедняет изложение теории диалектического материализма. Вследствие этого ленинские указания о единстве диалектики, логики, теории познания не раскрыты должным образом.

Не все обстоит благополучно и с определениями ряда основных философских понятий. При подготовке книги к переизданию авторам надо будет точнее определить предмет философской науки и тот круг вопросов, которым занимается диалектический материализм. Некоторые категории в книге или вовсе не определяются или же опреде-

ляются неудовлетворительно. Не могут быть признаны удовлетворительными, например, определения категорий сущности, закона и необходимости. Эти различные категории определяются одинаково. Совсем нет в книге определения категорий возможности и действительности. Некоторые определения носят тавтологический характер. Все эти недостатки не случайны, они являются следствием слабого участия наших философов в разработке вопросов диалектической логики.

Излагая положения диалектического материализма, авторы книги подвергают критике идеализм и подчеркивают партийный характер марксистской философии. Это, безусловно, положительная сторона книги. Однако теоретический уровень критики современной реакционной философии в книге недостаточно высок; прежде всего эта критика не вполне целенаправлена. Не разоблачаются коренные установки наиболее распространенных современных «школ» и «школок» — логического позитивизма, операционализма, семантического идеализма, прагматизма и др. Конечно, всесторонняя критика основных направлений современной реакционной философии должна быть темой специальных работ, однако в книге по диалектическому материализму можно было бы систематизировать такую критику, например, в плане развернутого разоблачения основных аргументов современного идеализма и агностицизма против диалектического материализма.

Критикуя идеализм, авторы почти совершенно не уделили внимания философской критике религии. Сказав несколько фраз о том, что великой заслугой материализма в истории человечества является философское обоснование атеизма, авторы далее не возвращаются к развернутому доказательству этого важного положения. В книге не вскрываются гносеологические корни религиозных воззрений, не показывается на конкретных примерах, как философский идеализм смыкается с мистикой и религиозным мракобесием. В пособии по марксистской философии, предназначенном для самых широких кругов читателей, нельзя не учитывать того обстоятельства, что религиозные пережитки в сознании людей еще сильны и что борьба за их преодоление составляет важнейшую задачу философов.

В процессе обсуждения книги товарищи справедливо указывали на целый ряд неточных и просто ошибочных формулировок. Так, например, на стр. 10 авторы книги утверждают, что якобы все «философские учения эксплуататорских классов понимали философию как истолкование, оправдание коренных основ существующего строя, отрицая возможность или необходимость теоретического обоснования коренного изменения действительности». Такая формулировка противоречит оценке, данной классиками марксизма-ленинизма французскому материализму XVIII века, который вел открытую войну со всей официальной наукой, с церковью, с абсолютистским государством.

В первой главе, посвященной диалектическому материализму как мировоззрению Коммунистической партии, не показано, что марксистская философия создана на базе критической переработки всего того ценного, что создала предшествующая философия.

Следует вообще указать, что авторы книги в ряде своих положений дают неверную оценку домарксистской философии, огульно отрицая ее научное значение. Так, на стр. 9 указывается, что философы господствовавших классов «проповедовали, что человек должен быть «выше» практических, бранных, преходящих интересов, что он должен интересоваться лишь вечным и абсолютным и т. п. Философы утверждали, что те практические цели, которые преследует человек в реальной жизни, ничтожны, мелочны, «конечны» и что философия должна отвлекаться от них». Ясно, что под такую общую характеристику не подходят и многие философы эксплуататорских классов и что она носит нигилистический характер по отношению к домарксистской философии.

Как уже было указано, авторы справедливо уделили много внимания вопросу о значении диалектического материализма для практической деятельности Коммунистической партии. Однако не все, что ими сделано в этом отношении, удачно. В параграфах, трактующих о значении тех или иных положений диалектического материализма для политики партии, иногда затрагиваются вопросы, касающиеся специальных наук. Например, в параграфе о значении положения о всеобщей связи явлений для практической деятельности партии приведены почему-то рассуждения относительно теории люминесцентного свечения тел, учения Павлова об условных рефлексах и т. п.

Существенным недостатком книги является некоторая декларативность изложения: авторы не всегда всесторонне аргументируют и убеждают, нередко они постулируют те или иные положения без доказательства. Недопустимо также, что на страницах книги текстуально приводятся положения из работ классиков марксизма-ленинизма без кавычек и без ссылок на источники. А таких раскавыченных цитат в книге можно насчитать много. Авторский коллектив должен основательно поработать и над литературной формой изложения.

Выше были отмечены лишь некоторые существенные недостатки книги. Значительное количество ценных как общих, так и конкретных критических замечаний было высказано в устных выступлениях при обсуждении книги и в рецензиях. Нет сомнения, что авторский коллектив внимательно прислушается к этим критическим замечаниям и учтет их при переработке настоящего издания. После широкого обсуждения книги есть все возможности подготовить к изданию полноценное учебное пособие по курсу диалектического материализма.

Книга М. Корнфорта об историческом материализме

Maurice Cornforth *Dialectical materialism. An introductory course. Volume two. Historical materialism.* 206 pp. London. 1953.

Имя Мориса Корнфорта, английского философа и публициста, хорошо известно советской общественности. Систематически работая в области критики современного идеализма и пропаганды марксистской теории, М. Корнфорт приобрел в Советском Союзе известность прежде всего как автор книг «Наука против идеализма» и «В защиту философии. Против прагматизма и позитивизма», переведенных на русский язык и изданных Издательством иностранной литературы в 1948 и 1950 годах. Книги эти вызвали положительные отклики советской и передовой зарубежной общественности и ожесточенные нападки реакционеров из империалистического лагеря. Эти работы Корнфорта переведены на языки стран народной демократии. С одобрением встретили их прогрессивные философы капиталистических стран, в том числе США. М. Корнфорт работает также над проблемами истории английской философии и над вопросом о роли науки в общественной жизни.

Новая книга М. Корнфорта, «Исторический материализм», представляет собой вторую часть его трехтомного труда, посвященного изложению основных проблем марксистско-ленинской философии. В первой, ранее вышедшей части рассматривались вопросы диалектического материализма, третья часть будет специально посвящена теории познания.

Рецензируемая книга делится на три части. В первой из них рассмотрены исторические предпосылки возникновения исторического материализма, показаны его значение для создания теории научного коммунизма и неразрывная связь диалектического и исторического материализма. Вторая часть книги посвящена систематическому рассмотрению основных категорий марксистской социологии: производительные силы и производственные отношения, общественное бытие и общественное сознание, базис и надстройка, социальная революция и диктатура пролетариата и другие. Последняя часть книги трактует проблемы социализма и коммунизма. Это вопросы будущего для английской нации.

Книга Корнфорта обращает на себя внимание рядом достоинств. К числу их необходимо отнести продуманное в педагогическом отношении построение книги, которое ведет читателя постепенно от более общих к более детальным и сложным вопросам, простота и доходчивость изложения, ясность и прозрачность языка. Автор опирается на труды классиков марксизма-ленинизма, умело использует имеющуюся марксистскую философскую литературу. Его книга охватывает широкий круг проблем исторического материализма. Большое внимание уделяет он актуальным проблемам современности. Широкие массы в капиталистических странах ищут ответа на вопрос, где

выход из тупика, в который зашел ныне капиталистический мир. Основываясь на достижениях науки исторического материализма, коммунист Корнфорт в своей книге дает ясный ответ на этот вопрос.

Уже в первых разделах книги автор обращает особое внимание на то, чтобы помочь читателю уяснить себе порочность реформистских путей борьбы против капиталистических порядков. Тредьюнионистская борьба, если даже она ставит целью защитить рабочий класс и улучшить его положение, не может привести к освобождению от капитализма. Маркс и Энгельс «показали,— пишет Корнфорт,— что невозможно избавиться от капитализма и установить социализм, пока рабочий класс не завоеует политической власти, пока он не лишит всей власти капиталистов и не подавит их сопротивление. Они показали также, что для того, чтобы победить старый мир и создать новое, бесклассовое общество, рабочий класс должен иметь свою собственную партию, которую Маркс и Энгельс называли Коммунистической партией» (стр. 18).

Изложение материала первой части книги сгруппировано Корнфортом вокруг следующих трех положений, которые он называет главными принципами исторического материализма: 1) Социальные процессы регулируются объективными, не зависящими от произвола людей законами; 2) воззрения и учреждения людей определяются в конечном итоге условиями материальной жизни общества; 3) общественное сознание и теории людей, возникнув на материальной основе, оказывают обратное воздействие на основу, их породившую. Разбирая эти вопросы, автор разъясняет читателям, как глубоко ложны субъективистско-психологические воззрения на ход событий, насколько ошибочны попытки искать причины социальных бедствий в злокозненных намерениях отдельных личностей. Корнфорт показывает, что стремление определенных кругов империалистической буржуазии разжечь войну объясняется не особым психическим складом ума, а их материальными интересами. «Если в настоящее время есть люди, которые преследуют цель разжечь войну, и другие, которые стремятся сохранить мир, то исходная причина этого не в том, что у одних людей воинственный склад ума, а другие более дружелюбны и миролюбивы, но в том, что в теперешних обстоятельствах имеются люди, в интересах которых усилить международную напряженность, в то время, как в интересах других эту напряженность устранить» (стр. 25).

Особое внимание обращает Корнфорт на критику реакционных социологических учений, которые подводят теоретическую базу под пессимистический взгляд на будущее человечества. Он критикует исторический фатализм и фаталистические теории истории, подчеркивая, что они «противоре-

чат марксизму» (стр. 29). Одни из этих теорий, подражающие философии истории Гегеля, приводят к абсурдному выводу о неизбежности конца всякого общественного развития, другие, как, например, бредовые учения О. Шпенглера и А. Тойнби, сводят историю к серии замкнутых циклов, завершающихся гибелью культуры.

Не случайно один из основоположников идеалистической семантики, А. Кожибский, объявил Шпенглера родоначальником «современной социологии» и своим непосредственным предшественником. «Закат Европы» должен рассматриваться, — писал Кожибский, — как подготовительный и предваряющий очерк огромных культурных спазм, обрушившихся на человечество» (А. K o z y b s k i «Science and Sanity», p. 51. 1941). Что касается А. Тойнби, то его циклическая теория получила ныне среди англо-американских социологов довольно широкое распространение. Автора этой теории буржуазные борзописцы прочат даже в «спасители цивилизации».

Жалкую участь сулят простым людям земного шара Шпенглер и Тойнби. Бессилие перед лицом наступающего краха и мучительная агония — таковы, по их мнению, «перспективы» человечества. Единственно, что можно сделать, это несколько отдалить грядущую катастрофу при помощи паллиативов.

М. Корнфорт раскрывает философскую порочность этих концепций. «Идеализм этих теорий заключается в том факте, что они трактуют законы развития общества как «судьбу», воздействующую на общество, так что мужчины и женщины оказываются простыми орудиями судьбы, инструментами внешней необходимости» (стр. 29).

Современные фаталисты из идеалистического лагеря заменили «абсолютную идею» Гегеля мистическими категориями «судьбы», «жизни символа» и т. п. Они выступают как ярые противники материалистического детерминизма. Их социологические идеи, как правило, отмечает Корнфорт, имеют определенную политическую значимость. Они направлены против освободительной борьбы рабочего класса и имеют целью сковать его политическую активность.

В своей книге М. Корнфорт выступает и с критикой субъективистского «культ героев». Культ этот широко распространен среди социологов профашистского толка. Автор разъясняет читателям, что марксизм отнюдь не отрицает роли, которую играют в истории выдающиеся личности. Марксизм, пишет далее М. Корнфорт, «научно доказывает, что и победа рабочего класса и падение капитализма неизбежны. Но к этому приведет не некое роковое предопределение и не воля нескольких индивидуумов, а сознательная активность миллионов мужчин и женщин, объединенных в движении рабочего класса и руководимых партией и вождями, которые основывают свое руководство на научном понимании и коллективном обсуждении проблем, на учете критики, на верности интересам народа» (стр. 33).

Марксистская теория исторического про-

цесса, как неоднократно подчеркивает автор, будучи правильно понята, не ведет ни к субъективизму, ни к фатализму, но раскрывает широкие перспективы для реального воздействия широких народных масс на ход событий. «Как все великие научные открытия, открытие законов развития общества представляет собой великий освобождающий факт, который рождает новые силы и возможности социального действия» (стр. 28).

Во второй части книги материал группируется вокруг рассмотрения следующих трех вопросов, представляющих собой углубление и конкретизацию проблем, поставленных в первой части книги: 1) каков главный фактор, определяющий развитие и смену способов производства; 2) каковы законы развития и смены экономических базисов общества; 3) каковы законы, определяющие развитие и смену общественных надстроек.

Конечным источником развития производительных сил, а под их воздействием и изменения способа производства Корнфорт считает основное противоречие между людьми и природой (см. стр. 67). К сожалению, автор недостаточно раскрыл то важное обстоятельство, что отношение людей к природе преломляется через производственные отношения, через те связи и отношения, в которые люди вступают в процессе производства. Автор недостаточно раскрыл в общетеоретической форме ту активную роль, которую играют производственные отношения, соответствующие характеру производительных сил.

Во второй части книги автор углубляет рассмотрение проблемы объективного характера социальных законов. В этой связи он особо останавливается на вопросе о возможности планирования хозяйственной жизни. Автор подчеркивает, что планирование экономики возможно и реально осуществляется только в условиях социалистической системы хозяйства. Планирование должно опираться на знание объективных тенденций развития экономики, на учет ресурсов сырья и средств, необходимых пропорций между различными отраслями народного хозяйства и т. д. В условиях империализма планирование невозможно. Разглагольствование буржуазных экономистов и вторящих им правых социалистов о возможности «планового капитализма» совершенно антинаучны и абсурдны.

Автор выступает и против другой антинаучной социологической теории — технократической. Технократы утверждают, в частности, что общественный прогресс сводится к прогрессу технологии и не имеет вне его никакого смысла. Корнфорт показывает, что вопреки уверениям технократов их собственное учение не вырастает непосредственно из специфики современной техники, а является порождением гниющего базиса империализма, так что дело отнюдь не сводится к технике как таковой. Корни технократических теорий лежат в том, что «капитализм не может найти мирного и творческого использования этих (технологических.— И. Н.) достижений. Подобные воззрения типичны для капитализма. Их порождает не производство, а базис, одряхлевшие капиталистические производственные

отношения» (стр. 107). Корнфорт опровергает славословия технократов об «индустриальном веке Америки», «веке науки» и т. д. Только в условиях социализма, где имеет место широкое использование достижений науки и индустрии в интересах народа, есть все основания говорить о наступлении действительного «века науки».

Для того, чтобы наиболее эффективно раскритиковать технократическую теорию, автору необходимо было исправить некоторые неточности, допущенные им в ранее изданных книгах при изложении вопроса о роли интеллигенции в капиталистическом обществе. Как видно, Корнфорт учел критические замечания рецензентов. Критикуя в книге «Исторический материализм» технократическую теорию, он подчеркивает, что техническая интеллигенция, как и вообще интеллигенция, не является особым классом. Поэтому строй, в котором она господствовала бы, невозможен. Хотя у нее и есть некоторые свои специфические интересы, однако в конечном итоге она служит интересам господствующего класса данного общества. Корнфорт исправляет, кроме того, ошибку, заключавшуюся в том, что он сам пытался иногда выводить те или иные теории непосредственно из уровня техники (см. его книгу «В защиту философии»). Изменения в производстве и технике, пишет он теперь, влияют, конечно, на интеллектуальную жизнь общества и формы его учреждений. Они воздействуют на них по-разному; глубокое влияние оказывают научные открытия на социальные идеи. «Но природа господствующих взглядов и учреждений общества, — подчеркивает Корнфорт, — всегда зависит от типа экономической структуры. Пути влияния изменений в производстве, технике, а также влияния научных открытий на взгляды общества и общественные учреждения зависят от типа производственных отношений» (стр. 106).

Следует пожалеть, что автор в своей книге не уделил достаточно места вопросу о классовых корнях рассматриваемых им учений в тех разделах, где он показывает неизбежную историческую ограниченность утопического социализма.

Ряд существенных критических высказываний Корнфорт направляет против географических теорий общественного развития. Критикуя географизм, он пишет о том, что не географическая среда определяет ход развития общества: «Мы можем проверить это на истории нашей собственной страны. Британия очень мало изменилась в географическом отношении за последние две тысячи лет. Но за этот период условия материальной жизни людей, живущих в Британии, изменились коренным образом. От древнего британского родового общества мы прошли путь развития до современного капиталистического общества и скоро пойдем дальше, к социализму» (стр. 50).

Экономическую подоплеку политической и идеологической борьбы автор показывает на материале английской истории. «Так в Британии молодая буржуазия во время гражданской войны боролась за суверенность

парламента против короля. Она боролась за установление парламентарных институтов и парламентарного правительства, против роялистских институтов. Гражданская война являлась одновременно войной за парламент, против королевской власти и войной пуритан против церковников. Но реальное содержание войны составляла борьба буржуазии за власть» (стр. 98—99).

Корнфорт бичует порядки, существующие в странах, находящихся под властью современной империалистической буржуазии. Он пишет о том, что в США около половины населения хронически недоедают. В Англии большое количество населения ютится в жилищах, поврежденных во вторую мировую войну и до сих пор не отремонтированных. Он приводит выдержку из книги Тресселя «Филантропы в поношенных брках», в которой говорится о том, что рабочие в капиталистических странах влчат беспросветное, полуголодное существование. Морис Корнфорт с гневом клеймит реакционную политику заправил империалистического мира, их агрессивные приготовления, прикрываемые болтовней о реализации «христианских идеалов», о защите «западных ценностей», «индивидуальной свободы» и т. д. Разоблачая эти лицемерные, ханжеские проповеди, Корнфорт напоминает указание В. И. Ленина: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов. Сторонники реформы и уличений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов, есть только одно средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут — и по своему общественному положению должны — составить силу, способную смести старое и создать новое» (В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 7—8).

При рассмотрении проблем социализма и коммунизма в третьей части своей книги М. Корнфорт опирается на труды Ленина и Сталина и на богатейший опыт борьбы Коммунистической партии Советского Союза за построение социализма. Он характеризует основные черты социализма и коммунизма, законы постепенного перехода от низшей к высшей стадии коммунизма.

Эта часть книги изложена стройно и последовательно. Однако она не свободна от некоторых неудачных формулировок. Так, например, автор определяет социализм как «переход от капитализма к коммунизму» (стр. 138). Подобная формулировка смазывает качественную грань, отделяющую социализм от всего предыдущего развития человечества. Не случайно, повидимому, и в последующих главах третьей части книги не вполне отчетливо проведено различие между движущими силами, действующими

в переходный от капитализма к социализму период, и теми факторами, которые определяют дальнейшее развитие социализма и постепенный переход общества к коммунизму. Однако в других местах своей книги автор вполне правильно определяет социализм как качественно новую социально-экономическую формацию, характеризующуюся общественной собственностью на средства производства и отсутствием эксплуатации человека человеком.

Свой труд Морис Корнфорт заключает следующими выводами: 1) человечество может обрести счастье только на путях социализма; 2) пути эти идут только через освободительную борьбу трудящихся под гегемонией рабочего класса; 3) для достижения победы пролетариат должен возглавляться боевой и сплоченной революционной партией и руководствоваться марксистско-ленинской теорией.

Последний вывод автора говорит о задачах и перспективах борьбы простых людей земного шара. «Эпоха, в которую мы живем,— пишет Корнфорт,— это эпоха, когда человечество совершает решающий шаг на пути к достижению подлинно человеческих условий существования. Исторический материализм освещает замечательные перспективы, раскрывшиеся перед современным поколением» (стр. 196).

Труд М. Корнфорта окажет большую помощь прогрессивным общественным силам Англии, рабочим и передовой интеллигенции в изучении начал исторического материализма. Рецензии, появившиеся в прогрессивной английской печати, отмечают бодрость и глубокую уверенность в буду-

щем, пронизывающие всю книгу и особенно ярко ощущаемые на фоне того безысходного пессимизма, которым проникнута современная буржуазная социологическая литература. Книга Корнфорта, пишет «Дейли уоркер», «показывает, что простые люди имеют все основания для оптимизма. Ибо у них есть альтернативный выход перед лицом несостоятельного, звериного и одержимого манией войны капитализма. Они могут положить конец хаосу, бурям и ужасным войнам. И Корнфорт показывает, почему это возможно. Корнфорт разъясняет, в чем заключается этот альтернативный выход для рабочего класса. Это — социализм, из которого вырастает коммунизм. Он показывает, что социализм и коммунизм означают свободную, полную жизнь для всех в самом широком смысле этого слова: больше и лучшей пищи, больше и лучшей одежды и жилья, культурное и социальное равенство» (Michael Mac Alpin «Cause for optimism». «Daily Worker». 10. XII. 1953. London).

Книга, написанная М. Корнфортом, по мнению другого рецензента, представляет собой весьма популярное и увлекательное изложение принципов исторического материализма (J. Hill «The perspectives before us». «World news». Vol. 1, № 3, p. 57. 16. I. 1954. London).

Книгу Корнфорта «Исторический материализм» целесообразно издать в русском переводе, так как она представляет интерес для широкого круга советских читателей, изучающих марксистско-ленинскую теорию.

И. С. НАРСКИЙ

Глубже разоблачать неомальтузианство

А. Я. ПОПОВ «Современное мальтузианство — человеконенавистническая идеология империалистов». 192 стр. Госполитиздат. М. 1953.

Одной из самых распространенных реакционных теорий, используемых империалистами с целью идеологического одурманивания народных масс, является мальтузианство, пропагандирующее пресловутый «закон» Мальтуса, его реакционные идеи о «перенаселенности» земного шара.

При помощи мальтузианских «концепций» империалисты стремятся оправдать чудовищную эксплуатацию народов (в особенности народов колониальных и зависимых стран), убедить их в бесплодности борьбы за освобождение от империалистического рабства. Пропаганда мальтузианства используется и для фашизации капиталистических государств в целях подготовки новых войн. Наконец, изуверский призыв мальтузианцев к уничтожению «лишних людей» используется империалистами и для непосредственного «обоснования» новой мировой войны.

Разоблачение человеконенавистнических мальтузианских теорий — одна из важнейших задач советских ученых: философов, экономистов, биологов, географов. Вот почему выход в свет книги А. Я. Попова, по-

священной этой актуальной теме, — весьма положительное явление. Разумеется, издание этой книги, имеющей характер популярного очерка, не устраняет необходимости в серьезных научных работах, монографиях, посвященных критике современного мальтузианства в различных его проявлениях.

Автор в целом правильно решает поставленные в книге вопросы. Он показывает, что мальтузианство, усматривающее главную причину социальных бедствий в «избыточном» росте народонаселения и возводящее относительно капиталистическое перенаселение в вечный, чисто биологический абстрактный закон природы, абсолютно несостоятельно с научной точки зрения. С помощью цифр и фактов автор доказывает, что утверждения мальтузианцев об истощении продовольственных ресурсов на земле, о неизбежной эрозии почв, об исчерпании на земном шаре пригодных для обработки целинных земель являются сплошным вымыслом. Человечество обладает громадными резервами увеличения производ-

ства продовольствия как за счет расширения пахотных земель, так и за счет повышения плодородия почвы, возможности которого неисчерпаемы. Если же в капиталистических странах имеет место катастрофическое падение плодородия почвы, хищническое разрушение естественных ресурсов, то причиной этого, как справедливо отмечает автор, являются не «вечные естественные законы», не мифический «закон убывающего плодородия почвы», а капиталистические производственные отношения, несовместимые с разумным, планомерным использованием природных богатств.

В то время как мальтузианцы кричат о «катастрофическом росте» населения, в ряде капиталистических стран в период общего кризиса капитализма, как показывают приводимые в книге данные, наблюдается падение прироста населения и даже сокращение населения, что является наглядным свидетельством загнивания современного капитализма, ставшего тормозом на пути развития человеческого общества.

«Современное мальтузианство, — пишет автор, — теория воинствующей, беснующейся реакции» (стр. 97). В книге показано, как мальтузианские идейки о «лишних людях» переплетаются с расистскими бреднями о «полноценных» и «неполноценных» народах, с фальшивыми рассуждениями социальных дарвинистов, евгеников и т. п. Назначение всех этих псевдонаучных теорий — отвлечь трудящихся от борьбы за мир, демократию и социализм, превратить их в послушное мясо, идеологически подготовить тыл для новой мировой войны.

Автор вскрывает связь неомальтузианства с агрессивными империалистическими доктринами — геополитикой и космополитизмом, — разоблачает современных мальтузианцев как проповедников новой мировой войны, рекомендуемой ими в качестве одного из наиболее «радикальных» средств для разрешения проблемы «перенаселенности».

Достоинством книги является также то, что в нее включены специальные разделы, посвященные разоблачению мальтузианства русскими революционными демократами и передовыми учеными, а также борьбе против неомальтузианских теорий прогрессивных сил в различных странах в современный период.

Положительные стороны книги, однако, не могут заслонить существенных ее недостатков.

Вызывает возражение структура книги. Автор не счел нужным выделить в особый раздел вопрос об использовании империалистами неомальтузианства для оправдания и обоснования грабительской колониальной политики. Между тем в подтверждение своих фальшивых концепций о «перенаселении» земного шара неомальтузианцы чаще всего ссылаются именно на колониальные и зависимые страны, спекулятивно используя в своих целях потрясающую нищету народов отсталых стран. Две стороны одного и того же вопроса — разоблачение мальтузианской теории о «перенаселенности» земли и рассуждений мальтузиан-

цев об истощении продовольственных ресурсов — автор рассматривает в двух различных разделах. В результате разоблачение научной несостоятельности мальтузианства лишается целестремленности, не говоря уже о том, что такая структура приводит автора к ошибочной трактовке понятия «перенаселение», о чем будет сказано ниже.

Современное мальтузианство наряду с другими агрессивными империалистическими теориями — геополитикой, расизмом и космополитизмом — теснейшим образом связано с реакционной внутренней и внешней политикой империалистических государств, поставленной на службу извлечения максимальных прибылей. Поэтому для разоблачения неомальтузианства необходимо вскрыть его реакционную сущность как идеологического оправдания современного капитализма, показать, как оно используется империалистами для оправдания эксплуатации большинства населения данной страны, закабаления и систематического ограбления народов других стран, особенно отсталых, для оправдания и обоснования войн, организуемых империалистами в целях обеспечения наивысших прибылей.

Далеко не все вопросы в книге изложены с достаточной теоретической глубиной; целый ряд важных вопросов автор не осветил вовсе.

Несколько упрощенно, поверхностно трактует автор вопрос о перенаселении в период капитализма. Из относительного характера капиталистического перенаселения следует, что оно создается независимо от естественного прироста населения, за счет сокращения занятых в промышленности рабочих и разорения мелких производителей.

Темпы роста населения никогда не могут быть приспособлены, как это рекомендуют рабочему классу ученые лакеи буржуазии, к потребностям капитала в рабочей силе. Каков бы ни был сложившийся под влиянием условий материальной жизни общества темп воспроизводства рабочего населения, последнее в условиях капитализма неизбежно оказывается излишним в силу того, что капитал в своем самовозрастании предъявляет относительно все меньший спрос на рабочую силу. Капиталисты, выталкивая рабочих из производства, создают добавочное предложение рабочей силы.

Этого чрезвычайно важного вывода автор не делает, хотя сделать его было необходимо, так как внешне положение вещей представляется совсем в ином, искаженном виде, «...как будто, наоборот, абсолютное возрастание рабочего населения совершается быстрее, чем возрастание переменного капитала, или средств для занятия этого населения» (К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 635—636). Именно на этом обстоятельстве и спекулируют мальтузианцы, усматривающие причину всех зол в «абсолютном перенаселении».

Критику мальтузианского тезиса о «перенаселении» земли, которой в книге посвящен специальный раздел, автор сводит к разоблачению мальтузианских утверждений о «катастрофическом росте» населения.

Между тем дело не столько в росте населения, сколько в соотношении между абсолютным количеством населения и количеством находящихся в его распоряжении средств к существованию.

Автор пишет, что абсолютного перенаселения нет ни при каком общественном строе. С этим положением нельзя согласиться. Маркс указывал, что в древней Греции и Риме производительные силы были развиты настолько слабо, что не могли прокормить образующийся избыток населения. Единственным выходом из положения была принудительная эмиграция.

«То же давление избытка населения на производительные силы, — писал Маркс, — заставило варваров с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 278).

Таким образом, в известные исторические периоды в отдельных странах или районах земного шара вследствие слабого развития производительных сил могло иметь место и абсолютное перенаселение, когда уровень развития производительных сил был недостаточен для того, чтобы прокормить все население.

Иначе обстоит дело при капитализме, когда производительные силы развиты более чем достаточно для того, чтобы прокормить все население, когда, как указывал Маркс, «избыток народонаселения создается не недостатком производительных сил, а их ростом, который требует уменьшения производящего населения», когда «не население давит на производительные силы, а последние давят на население» (там же, стр. 279).

Опыт истории показывает, что смена старого способа производства новым, более прогрессивным приводит в соответствие производственные отношения с достигнутым уровнем развития производительных сил. В этих условиях рост производительных сил обгоняет самый высокий прирост населения.

Разоблачить мальтузианский миф о «перенаселении» земли — значит доказать, что современные производительные силы при рациональном их использовании вполне достаточны для того, чтобы прокормить нынешнее население земного шара. Автор не делает этого в том разделе, где это абсолютно необходимо, вследствие чего создается впечатление, что само понятие перенаселения он представляет ошибочно.

Акцентируя внимание на том, что в отдельных капиталистических странах наблюдается падение прироста населения, автор совершенно обходит вопрос о росте населения в капиталистическом мире в целом. Между тем вопрос этот заслуживает внимания. Несмотря на задержку в развитии производительных сил в капиталистических странах (в результате военизирования экономики, усиления роли монополий и т. д.), даже и там темпы роста производительных сил выше темпов роста народонаселения. Последние переписи показывают, что население земного шара возрастает в среднем на 22 миллиона человек ежегодно, т. е.

на 1%, что ниже даже минимальных темпов роста производительных сил, которые существуют в капиталистическом мире. Причина бедствий трудящихся в капиталистических странах коренится, разумеется, не в росте населения, а в самом капиталистическом строе с присущими ему беспощадной эксплуатацией, нищетой, безработицей, гонимой вооружений, войнами и т. д.

Автор упрощенно понимает связь неомальтузианства с социальным дарвинизмом и расизмом. «Современные мальтузианцы, — пишет он, — проповедают уничтожение «лишних людей», а социальные дарвинисты, вейсманисты-морганисты и расисты «научно обосновывают», кто эти «лишние люди», которых нужно уничтожить в первую очередь» (стр. 108).

В действительности такого «разделения труда», на которое указывает автор, не существует. Неомальтузианцы не только призывают к уничтожению «лишних людей», но и «обосновывают», кто эти «лишние люди», используя довод евгеников о «генетической эрозии» трудящихся, социал-дарвинистские аргументы о «выживании сильнейших» и расистские рассуждения о «полноценных» и «неполноценных» народах. Иными словами, неомальтузианцы являются одновременно социальными дарвинистами и расистами, в то время как последние часто оперируют мальтузианским доводом о «перенаселенности» земного шара.

Автору не удалось показать, в чем конкретно проявляется ограниченность, непоследовательность критики мальтузианства буржуазными либеральными учеными. Так, квалифицируя вышедший в Англии в 1951 году сборник «Четыре миллиарда ртов» как книгу, «направленную против неомальтузианских вымыслов о близком мировом голоде», А. Я. Попов умалчивает о том, что авторы некоторых статей, помещенных в сборнике, предлагая различные способы увеличения производства продуктов питания, в то же время утверждают, что разрешить продовольственную проблему невозможно без проведения в той или иной форме политики «контроля над рождаемостью».

Указав, что классики марксизма-ленинизма дали сокрушительную критику мальтузианства, автор пишет, что «классики марксизма-ленинизма полностью (разрядка моя.—Л. Б.) разгромили также и другие виды реакционной буржуазной идеологии, связанные с мальтузианством» (стр. 23).

Это утверждение, высказанное в общей форме, безусловно правильно. Классики марксизма-ленинизма действительно создали стройную систему взглядов — исторический материализм — и разгромили теоретические основы буржуазных социологических теорий. Однако автору следовало сильнее подчеркнуть, что современные идеологи империализма изобретают все новые и новые псевдонаучные теории, прибегают все к новым софизмам, и потому задача борьбы против мальтузианства во всех его проявлениях не может быть снята с повестки дня.

Для разоблачения всех этих новейших попыток оправдания агрессивной политики

империализма необходимо всемерно использовать труды классиков марксизма-ленинизма, но при этом задачи советских философов и экономистов не должны сводиться только к комментированию высказываний классиков марксизма по этим вопросам. В борьбе против идеологии империализма должны быть использованы и новые факты и новейшие научные данные, вскрывающие реакционный, псевдонаучный характер современных буржуазных социологических теорий.

Разоблачение буржуазной идеологии в конкретных ее проявлениях остается одной из важнейших задач советских ученых.

Выше уже говорилось о том, что книга А. Я. Попова носит популярный характер. Однако популярность, доходчивость изложения ни в коем случае не должны достигаться путем снижения научного уровня критики реакционной идеологии.

Между тем книга изобилует эпитетами,

свидетельствующими о законном возмущении автора человеконенавистническими «теориями» мальтузианцев, но отнюдь не способствующими глубине его научной аргументации.

Автору следовало глубже и обстоятельнее разоблачить неомальтузианство на основе обобщения новых достижений науки и анализа реакционной сущности мальтузианских теорий, используемых империалистами для оправдания колониального разбоя и подготовки новой мировой войны.

Указанные недостатки значительно снижают ценность книги А. Я. Попова. Тем не менее она может принести известную пользу читателю, ибо в целом поставленная в книге проблема освещена правильно, а фактический материал, приводимый автором в подтверждение теоретических положений, интересен и убедителен.

Л. А. БАГРАМОВ

Голос бразильского ученого

ЖОЗУЭ де КАСТРО. География голода.
Издательство иностранной литературы. М. 1954.

Крупный исследователь в области питания, бразильский ученый Жозуэ де Кастро известен советскому читателю по интересной книге «География голода» — о продовольственной проблеме в Бразилии. В 1952 году Жозуэ де Кастро издал в Бостоне новую книгу под тем же названием, в которой рассматривает главные районы хронического голода во всех странах капиталистического мира (кроме Австралии).

Книга состоит из трех частей. В первой части автор излагает общую теорию питания, характеризует виды голодания и приходит к выводу, что истинным бедствием, от которого страдает человечество, является не только катастрофический голод, вызванный стихийными бедствиями, но и систематическое скрытое голодание, состоящее в нехватке определенных продуктов питания. В этой же части книги де Кастро разоблачает империалистические теории голода.

Вторая часть, наибольшая по объему, рисует картину продовольственного положения в Америке, Азии, Африке и Европе. Третья посвящена рассмотрению возможностей ликвидации голода и создания «географии изобилия».

Для философов значительный интерес представляют разделы книги, содержащие критику империалистических теорий голода, в частности неомальтузианства.

Проблема бедствий трудящегося населения, и в первую очередь проблема голода, занимает в современном капиталистическом мире столь значительное место, что обойти ее невозможно ни при каком социальном исследовании. Империалистическая реакция изобретает все новые и новые «теории», обновляет и подкрашивает старые, стараясь убедить трудящихся в неизбежности этих бедствий, якобы связанных с «естественным

ходом событий», наконец, с биологией, но только не с капиталистическим порядком.

«Утверждение, будто голод является результатом действия некоего закона природы, — пишет де Кастро, — лишено всякого научного обоснования» (стр. 40). Если исходить из установленного наукой наличия 6,5 миллиарда гектаров земли, годной для обработки, указывает он, то, по самым скромным подсчетам, при распределении на душу населения получается свыше трех гектаров. Известно, что для производства всех необходимых продуктов питания на одного человека нужен лишь один гектар. Таким образом, версия неомальтузианцев о перенаселении оказывается несостоятельной при первом соприкосновении с данными науки. Если же учесть, что из существующих пахотных земель обрабатывается менее 800 миллионов гектаров, то есть в 8 раз меньше возможностей земли, то неизбежно придется сделать вывод, говорит автор, что неомальтузианец Уильям Фогт «защищает экономику империалистического типа, извлекающую выгоду из голода».

С возмущением говорит прогрессивный бразильский ученый о теории неомальтузианцев: «Когда неомальтузианцы заявляют, что человечество голодает и осуждено погибнуть от всеобщего голода вследствие недостаточного контроля над рождаемостью, они просто напросто обвиняют голодных в том, что существует голод» (стр. 44).

Жозуэ де Кастро ясно видит те социальные цели, которые преследует пропаганда этой антинаучной теории. В своем выступлении в поддержку Международной конференции по ослаблению международной напряженности (лето 1954 года) он заявил, что неомальтузианство «является не чем иным, как одной из форм порабощения,

причем порабощения не только индивидов, но целых рас» (журнал «В защиту мира» № 39, август 1954 года, стр. 25).

Но, может быть, распределение годных для обработки земель и плотность их населения находятся в таком несоответствии, что неизбежно вызывают голод? Так утверждают геополитики, пытаясь обосновать таким образом неизбежность войн. Жозуэ де Кастро показывает в своей книге, что районы хронического голода на мировой карте ни в какой степени не связаны с перенаселением. Да и само понятие перенаселения он отвергает, считая его абсолютно ненаучным.

Разоблачение империалистических теорий голода не исчерпывается специальными раздѣлами книги. Труд бразильского ученого в целом служит убедительным опровержением этих лживых измышлений империалистических идеологов. На большом материале он показывает, что истинные причины страданий и преждевременной смерти сотен миллионов людей коренятся в социальном устройстве и являются делом рук человека, а поэтому могут и должны быть устранены его же руками.

Такой ответ на вопрос о причинах голода свидетельствует о том, что перед нами труд честного, добросовестного исследователя. Несмотря на то, что де Кастро, как он сам говорит, не является «сторонником исторического материализма», материалы его книги служат блестящим подтверждением марксистской теории абсолютного и относительного обнищания трудящихся классов в капиталистическом мире.

В общетеоретических представлениях де Кастро нет ясности; он часто непоследователен, мы не можем согласиться с ним в оценке многих авторитетов современной буржуазной философии. Но как честный ученый он с помощью научных данных беспощадно разоблачает фальсификаторские империалистические теории голода и показывает истинных виновников этого народного бедствия.

Свой анализ географии голода в различных частях света Жозуэ де Кастро начинает с Латинской Америки — одного из наиболее голодающих континентов мира.

Благодатные природные условия — климат, плодородные почвы, — указывает де Кастро, делают Южную Америку одним из потенциально наиболее богатых районов на земле. Плотность населения на этом континенте очень низка.

А между тем в Латинской Америке нет ни одной страны, где не свирепствовало бы голодание разнообразных видов, начиная от нехватки различных элементов питания, результатом чего являются губительные болезни, и кончая простым недоеданием (нехватка в среднем 50 процентов необходимых человеку калорий). Иными словами, отмечает автор, режим питания трудящегося населения латиноамериканских стран приближается к режиму, существовавшему в гитлеровских концентрационных лагерях.

Последовательно анализируя продовольственное положение в различных странах Латинской Америки, де Кастро рисует страшную картину специфических голода-

ний и хронического голода народов этого континента.

Центральная Америка, известная под названием «американского средиземноморья», отмечает де Кастро, — один из самых благодатных в смысле климата и плодородия почвы районов мира. Средняя плотность населения здесь составляет 12 человек на 1 квадратный километр. И, тем не менее, район этот «славится» самым низким уровнем жизни. От Панамы до Мексики население питается исключительно кукурузой, ни мясо, ни овощи, ни молоко не входят в его рацион.

Изумрудное ожерелье Антильских островов — земной рай по климату, разнообразию и богатству растительного мира — населено самыми голодными и истощенными людьми в Западном полушарии. Суточный рацион кубинской рабочей семьи, состоящей из 5 человек, говорит Жозуэ де Кастро, может удовлетворить по своей калорийности одного человека.

В чем же видит де Кастро причины голода в этих плодородных районах?

Их, по мнению автора, следует искать отнюдь не в перенаселенности. Можно ли называть Южную Америку перенаселенным континентом, пишет он, если плотность населения ее составляет 5 человек на 1 квадратный километр?

Истинную причину голода в богатой и плодородной Латинской Америке де Кастро совершенно правильно усматривает в хищнической колониальной эксплуатации, в первую очередь со стороны империалистов США.

Система плантационного хозяйства, утвердившаяся в колониальный период, нанесла странам Латинской Америки огромный ущерб, а экономическая экспансия США, или, как называли ее на заре XX века, «долларовая дипломатия», довершила разрушение хозяйства и ограбление ее народов.

Достаточно сказать, что, согласно данным, приведенным в книге, ежегодный доход всех латиноамериканских республик, вместе взятых, едва достигает 10—15 миллиардов долларов, в то время как доход США достигает 150 миллиардов долларов, что в переводе на душу населения составляет в Латинской Америке менее 100 долларов, а в США — 1 000 долларов в год!

Не надо, однако, думать, что сами США представляют собой «белое пятно» на карте мирового голода. Как показывает де Кастро, в США имеются такие огромные районы голода, на территории которых могли бы разместиться целые страны. А по масштабам голодания эти районы не только не отстают, но идут впереди других стран американского континента. Таково положение в 11 южных штатах США с населением в 30 миллионов человек. Не многие районы мира обладают такими потенциальными возможностями производства сельскохозяйственных продуктов, таким обилием естественных богатств, как южные штаты США. Но и не многие районы мира столь безжалостно разграблены, столь хищнически эксплуатируются. «В условиях колониальной экономической политики, — пишет автор книги, — все эти благоприятные факторы оказались не в состоянии предотвратить го-

лод» (стр. 177). Южные штаты получили печальную известность «долины бедствий»: 73 процента населения этих штатов испытывают хронический голод. «В результате господства капиталистов Севера,— свидетельствует Жозуэ де Кастро,— условия жизни населения стали тяжелее, чем когда-либо, а питание ухудшилось даже по сравнению с питанием рабов в колониальный период» (стр. 187). Но голод в США вовсе не является уделом одной лишь «долины бедствий». Даже в штате Нью-Йорк значительная часть трудящегося населения живет, по утверждению автора, в условиях постоянного недоедания, свидетельством чего является широко распространенный среди детей рахит, среди взрослого населения — туберкулез и другие болезни.

По мнению У. Фогта, В. Энста, Л. Ноулза, Пенделла и других неомальтузианцев, страны Азии — Индия, Япония и Китай — прямо-таки призваны служить живой иллюстрацией «теории» Мальтуса. Жозуэ де Кастро с цифрами в руках неопровержимо доказывает, что неомальтузианские выводы относительно этих стран лишены всякого научного основания и являются апологетическими, непосредственно служат интересам империализма.

Анализируя природные факторы, Жозуэ де Кастро приходит к заключению, что в дореволюционном Китае, как и в других переработанных империализмом странах, голод — результат не природных условий, а хищнической империалистической экономики, пагубной организации хозяйства.

В старом Китае, на который мальтузианцы всегда ссылались в подтверждение своей «теории перенаселения», две трети земли, годной для сельского хозяйства, не обрабатывалось. Причину хронического голода, являвшегося уделом трудящегося населения Китая, Жозуэ де Кастро видит в колониальной политике империалистических держав, которые препятствовали ликвидации феодализма и задерживали индустриализацию страны:

«В соответствии с политикой колониальной эксплуатации великие западные державы, к которым в 1895 году присоединилась и империалистическая Япония, стремились держать Китай на положении полуфеодальной, отсталой, аграрной страны, что вполне благоприятствовало осуществлению их колониальных планов. На протяжении последних ста лет империалистические державы неизменно препятствовали проведению в Китае аграрной реформы, которая увеличила бы производство продуктов питания, и всячески противились индустриализации, которая модернизировала бы китайскую экономику» (стр. 212).

Рассматривая положение в Индии (в границах 1947 года, то есть вместе с Пакистаном), этой классической стране вечного голода, служащей для неомальтузианцев излюбленным примером, якобы подтверждающим их вымыслы о перенаселении, Жозуэ де Кастро приходит к выводу, что и здесь причины голода уходят корнями «в сложную социально-экономическую жизнь народа» (стр. 218).

Плотность населения в Индии, говорит де Кастро, не может быть отнесена к низким, но есть немало стран с более высокой плотностью населения — Голландия, Бельгия, Англия. Индекс рождаемости в Индии значительно ниже, чем во многих странах, а смертность очень высокая: достаточно сказать, что 25 процентов детей умирает в возрасте до 1 года, 40 процентов — до 5 лет, а средняя продолжительность жизни индийцев — 26 лет. На большом фактическом материале автор книги показывает, что земельные ресурсы Индии не только не истощены, но в значительной степени не разрабатаны. Попытки неомальтузианцев отнести бедствия индийцев за счет самих же индийцев, которые, по уверениям У. Фогта, «размножаются с безответственностью трески», разоблачаются при первом знакомстве с фактами. Жозуэ де Кастро указывает, что в Индии бедственное положение населения является последствием колониального империалистического господства, которое привело к расхищению естественных богатств страны, к сохранению феодальных пережитков в ее экономике и к хроническому голоду населения. «Нищета существует в Индии не потому, что страна слишком перенаселена, и не потому, что истощены ее земли. Истинная причина ее кроется в неправильном использовании как природных, так и человеческих ресурсов, а также в исключительно вредных последствиях английской колониальной системы» (стр. 228).

Не менее страшную картину разрушения экономики и бедствий народных масс рисует Жозуэ де Кастро по материалам о положении африканского континента. Неомальтузианцы, не имея никаких оснований говорить о перенаселении на этом слабо населенном континенте земного шара, придумали новый трюк, объявив, что почти все земли Африки непригодны для сельского хозяйства. Сторонники так называемой климатической теории, тесно сотрудничающие с неомальтузианцами, также пытаются объяснить бедствия африканцев природными условиями.

Жозуэ де Кастро показывает, что хроническое голодание и вымирание африканского населения есть прямое следствие того, что африканский континент «стал крупнейшей ареной для колониальных пиратов, допускаящих любые эксцессы против беззащитного населения и чинивших всяческие беззакония и злодеяния... Прав Джордж Реннер, когда он заявляет, что «Африка в наши дни — это благодатное поле для изучения империализма» (стр. 265).

Жозуэ де Кастро утверждает, что даже первобытные африканские племена, живущие и ныне в лесах и не имеющие соприкосновения с колониальной «цивилизацией», находятся в неизмеримо лучшем положении, чем негритянский пролетариат «цивилизированных» районов. Обследования показали, что среди этих первобытных племен не имеют распространения страшные болезни, являющиеся бичом негритянского пролетариата и прямым следствием империалистических методов хозяйничанья.

Главу, посвященную анализу проблемы

голода в Европе, де Кастро назвал «Голодающая Европа». В этой главе автор, рассматривая положение во всех странах Европы, кроме СССР, приходит к выводу, что в прошлом «система монопольных землевладений была залогом сохранения голода на европейском континенте». Но и период капитализма, как показывают материалы, приведенные в книге, мало изменил режим хронического голодания, который остался нормой жизни трудящегося населения всех капиталистических стран Европы.

По заключениям крупнейших специалистов в области питания, приводимым де Кастро, в 30-х годах в Европе около 50 процентов населения страдало от недоедания. В числе остро голодающих стран были аграрные в то время страны — Польша и Венгрия, — имеющие огромные площади годной для обработки земли. Но земля эта принадлежала помещикам, а безземельные крестьяне были обречены на голод.

Вторая мировая война произвела огромные разрушения в первую очередь на территории стран Восточной Европы. Но, как отмечает де Кастро, продовольственную проблему оказалось труднее решить в странах Западной Европы.

«Восточная Европа, — пишет де Кастро, — всегда была более бедной и менее развитой в промышленном отношении, чем Западная. В ней продолжали существовать значительные феодальные пережитки, в результате чего крестьянские массы находились в положении, весьма похожем на крепостное право времен средневековья» (стр. 338).

Во второй мировой войне Восточная Европа понесла вдвое больший ущерб, чем Западная. Жителям Восточной Европы угрожала голодная смерть. Но, оказавшись перед угрозой вымирания, говорит де Кастро, эти страны «приступили к составлению планов экономического восстановления. В этих планах предусматривалось проведение аграрной реформы, расширение производства, широкая индустриализация и повышение жизненного уровня» (стр. 339—340).

Оценивая результаты экономических и социальных преобразований, осуществленных в странах народной демократии, подвергшихся наибольшему разрушению во время войны, Жозуэ де Кастро подчеркивает, что в 1947—1948 годах, когда в Западной Европе продолжался глубокий продовольственный кризис, Организация по вопросам продовольствия и сельского хозяйства при ООН отмечала в своих докладах серьезное повышение уровня производства различных видов продовольствия в странах Восточной Европы. Де Кастро находит правильным, эффективным разрешение продовольственной проблемы революционным путем — путем отмены частной собственности на землю и важнейшие, имеющие народнохозяйственное значение промышленные предприятия. Он с сочувствием приводит слова Говарда Смита, известного американского журналиста, автора нашедшей книги «Положение в Европе», который, «наблюдая резкий контраст между экономическим процветанием и социальным возрождением дунайских и балканских стран, с одной стороны,

и переживающей трудности неустойчивой экономикой Западной Европы — с другой, пришел к следующему беспристрастному заключению, несомненно, имеющему перво-степенное политическое значение: «Западная Европа переживает сейчас период социального регресса; Восточная Европа, наоборот, — период социального прогресса. Оба эти процесса находятся в начальной стадии, но есть все основания утверждать, что они будут развиваться в течение продолжительного времени. Силы, порождающие оба эти процесса, превосходят те силы, которые движут нынешней политикой холодной войны. Эти силы накапливались на протяжении столетий и стали теперь поистине неодолимыми» (стр. 343). Причины того, что на Востоке «дуют хорошие экономические ветры», де Кастро справедливо усматривает в том, что народы Восточной Европы осуществили «коренную реформу своей социальной структуры». Выражая одобрение действиям этих демократических народов, он пишет: «Эти народы уничтожили бесчисленные привилегии и предрассудки, являвшиеся главными препятствиями на пути экономического обновления. Западная Европа, наоборот, отказывается смотреть правде в глаза и признать, что опустошившие ее войны и кризисы являются результатом грубых ошибок ее явно абсурдной политики» (стр. 344).

Де Кастро принадлежит к числу тех, кто понимает пагубность для стран Западной Европы попыток американских империалистов расколоть Европу на два враждующих лагеря. Он считает, что путь для выхода из экономического тупика, в который зашла Западная Европа, только один — это «путь объединения двух Европ в одну».

Приводя примеры положительного решения проблемы голода, де Кастро черпает их только из практики революционных партий, отражающих нужды трудящихся масс. Так, он утверждает, что из всех стран Латинской Америки только Мексика «благодаря усилиям ее революционных вождей сумела осуществить аграрную реформу» и не вина революционных вождей, пишет он, если правящие классы задушили полное осуществление этой реформы. Он отмечает благородные усилия испанских республиканцев, приступивших к перераспределению земель, и видит в контрреволюционных действиях реакции, возглавляемой Франко, причину того, что и ныне в Испании привилегии земельной аристократии стоят так же высоко, как во времена Фердинанда и Изабеллы. Он понимает, что поражение китайской контрреволюции было неизбежным именно потому, что китайский народ боролся за землю и жизнь, а «войска Чан Кай-ши потерпели поражение потому, что они сражались на стороне Вечного Голода и против интересов собственного народа, тогда как Мао Цзэ-дун стремился повести свой народ на борьбу за уничтожение голода» (стр. 216).

Опровергая реакционные легенды о «пропаганде Москвы», якобы повлиявшей на китайский народ, Жозуэ де Кастро пишет: «По моему мнению, успехи коммунизма в

Китае стали возможны потому, что коммунисты обещали освободить людей от угрозы голода. А голод, в свою очередь, является результатом империалистической эксплуатации человека и земли...» (там же). Жозуэ де Кастро подчеркивает, что коммунисты Китая не только обещали освободить население Китая от голода, но и выполнили обещание, чего не делают другие партии. «С самого начала,— пишет он,— наиболее ревностными сторонниками Мао Цзэ-дуна были 50 миллионов крестьян, которые получили от него землю. Это бывшие издолщики, отдававшие обычно от 40 до 60% своего урожая помещикам» (там же).

Аграрная революция, осуществленная в Китае под руководством Коммунистической партии, полностью подтверждает этот правильный вывод, к которому пришел на основе трезвого анализа фактов объективный ученый. В результате аграрной реформы лишь за три года (1949—1952) был превышен максимальный довоенный уровень сельскохозяйственного производства, что дало народному Китаю возможность не только покрыть свои внутренние потребности продовольствия, обходясь без его импорта, но и вывозить продовольствие в другие страны.

Средства ликвидации голода, примененные различными странами лагеря демократии, де Кастро находит вполне оправдавшими себя, результаты приводят его в восхищение.

Но, проявив себя честным, объективным исследователем, активным борцом против империалистических теорий, Жозуэ де Кастро оказался непоследовательным в своих конечных выводах.

Он убедительно показал не только неспособность, но и незаинтересованность, органическую невозможность для капиталистической системы уничтожить хищнический, эксплуататорский режим, обрекающий человечество на голод и вымирание, и признал, что «голод — явление социальное», что «все известные нам цивилизации, включая и нашу (капиталистическую.— Н. З.), созданы на основе экономического неравенства» (стр. 347). Он понимает, что не недостаток продуктов питания является причиной голода, что голод и избыточное производство сосуществуют в капиталистическом мире. Но, придя к выводу, что «нельзя ни-

чего сделать частными мерами», де Кастро сводит все свои рекомендации в социальной области к ликвидации «крайностей» империализма, в частности, особенно гнусных форм колониального гнета.

Позитивная часть книги де Кастро посвящается доказательству неисчерпаемости питательных ресурсов на земле, грандиозных возможностей науки открывать и создавать все новые и новые продукты питания. В этой части много интересных научных гипотез, она дает разящие аргументы против неомальтузианцев. Однако в рамках капиталистической системы эти средства борьбы с голодом являются явной утопией. Это, по-видимому, смутно понимает и де Кастро, сетующий на «эгоистические чувства бесчеловечных состоятельных людей», которых невозможно заставить отказаться от прибылей в интересах общего благополучия.

Книге «География голода» предпослана вступительная статья Э. А. Араб-Оглы, в которой показано абсолютное и относительное обнищание трудящихся классов капиталистических стран как следствие общего кризиса капитализма. Автор статьи дает содержательную критику буржуазных теорий, направленных на объяснение явлений кризиса при помощи «естественных причин».

Жаль, что вступительная статья, в которой обстоятельно анализируется книга Жозуэ де Кастро, не содержит новейших сведений об изменении продовольственного положения в странах Восточной Европы и Китайской Народной Республике. Материал, собранный в книге де Кастро, завершается 1949 годом; естественно было бы во вступительной статье дать более поздние сведения.

Правильным было бы, на наш взгляд, дать также сведения о решении вопросов, связанных с продовольствием, в СССР, где под руководством Коммунистической партии осуществляются колоссальные мероприятия, направленные на создание изобилия продовольствия.

В рецензируемой книге приводится более двухсот ссылок на работы буржуазных ученых различных стран. Следовало бы поместить в конце книги именной указатель с краткой характеристикой этих ученых. Это подняло бы научное значение издания.

Н. К. ЗЕЛИНСКАЯ

Краткое сообщение о защите докторской диссертации

В мае текущего года в Институте философии АН СССР состоялась защита диссертации на тему «Проблема свободы и необходимости в свете марксизма», представленной профессором Роже Гароди (Франция) на соискание ученой степени доктора философских наук.

Роже Гароди — активный деятель Французской коммунистической партии.

В 1953 году профессор Гароди защитил в Сорбонне диссертацию на тему «Материалистическая теория познания», за которую ему присуждена докторская степень с оценкой «отлично».

Профессором Гароди написан ряд книг: «Коммунизм и мораль», «Литература могильщиков», «Церковь, коммунизм и христианство», «Французские источники научного социализма», «Грамматика свободы», «Материалистическая теория познания» и другие. Многие работы профессора Гароди переведены на иностранные языки (русский, польский, чешский, венгерский, итальянский, испанский, английский и другие). Советские читатели хорошо знают книгу профессора Гароди «Грамматика свободы», его работы, опубликованные в сборнике «Французские коммунисты в борьбе за прогрессивную идеологию» и в журнале «Вопросы философии», в которых разоблачаются реакционные течения современной буржуазной философии во Франции.

Диссертация профессора Гароди «Проблема свободы и необходимости в свете марксизма» представляет собой солидный труд, объемом свыше 30 авторских листов.

Профессор Гароди в своем выступлении рассказал о том, почему он избрал проблему свободы и необходимости темой своей докторской диссертации.

«Вопрос о свободе, — сказал профессор Гароди, — стоит в настоящее время во всем мире и в особенности во Франции в центре всей нашей идеологической борьбы против классового врага — империалистической буржуазии и ее прислужников из лагеря правых социалистов.

Никогда еще политики капиталистического мира не говорили столько о «свободе», как с того времени, когда империалистическая буржуазия, действуя в соответствии с основным законом империализма, выбросила за борт все демократические свободы, уничтожила и растоптала самые элементарные права трудящихся.

Известно, что империалистическая буржуазия осуществляет политику угнетения трудящихся, порабощения народов и развязывания мировой войны. Но осуществлять эту политику в современных условиях, когда во всем мире растет и ширится движение народных масс за мир, демократию, независимость народов, за социализм, невозможно без лживой социальной демагогии, без обмана масс. Именно в целях обмана масс идеологи империалистической буржуазии окрестили капиталистический мир «свободным миром», а Маккарти, Франко, Ли Сын Мана и Кессельринга — «рыцарями свободы». Именно с этой целью правители США выступили с заявлением о том, что США, Англия, Франция, Турция, Греция представляют «сообщество свободных стран».

Вот почему в настоящее время одной из важнейших наших задач в борьбе против империализма, в борьбе за мир является разоблачение лжи в вопросе о том, что такое свобода.

Ключом для теоретического и практического решения проблемы свободы служит основное положение исторического материализма: «Не сознание людей определяет бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Только марксизм дает возможность понять теоретически и практически разрешить проблему свободы в свете закона необходимого соответствия между производительными силами и производственными отношениями. Только марксизм дает возможность понять, почему в тех странах, где господствует основной закон современного капитализма, империалистическая буржуазия проводит фашизацию буржуазной «демократии», а в СССР основной закон социализма обуславливает расцвет подлинной демократии и гуманизма».

Задачи, поставленные диссертантом, определили структуру его работы. Она состоит из 4-х частей: 1) необходимость и свобода до Маркса; 2) марксистско-ленинское решение проблемы необходимости и свободы; 3) буржуазная демократия; 4) советская демократия.

В первой части, сказал профессор Гароди, дается исторический очерк борьбы материализма и идеализма в понимании проблемы свободы и необходимости в рабовладельческом и феодальном обществах. В этой части рассматриваются объективные условия, подготовившие переворот в философии. Таким

образом, в первой главе исследуется генезис диалектического материализма и показана историческая необходимость возникновения марксизма.

Маркс в своих трудах дал не только теоретическое решение проблемы свободы и необходимости в гносеологическом плане, но и указал человечеству практический путь к свободе в соответствии с объективным ходом истории. Исторический материализм, применяя к социальной действительности, к деятельности людей анализ отношений между необходимостью и свободой, позволяет определить роль личности и роль идей в развитии общества.

«Проблема необходимости и свободы,— говорит профессор Гароди,— может быть рассмотрена в двух аспектах: 1) каким образом идеи и стремления людей рождаются из исторической необходимости и 2) каким образом идеи и воля людей воздействуют на историческую необходимость.

Истинное разрешение этой проблемы состоит в определении условий, при которых результаты деятельности людей будут соответствовать поставленным ими целям.

Марксизм-ленинизм дает нам это знание и тем самым дает орудие нашего освобождения. На основе знания законов общественного развития люди могут создавать условия для перехода от реальной возможности к действительности.

Эксплуататорские классы в эпоху своего упадка пытаются внушить трудящимся различные иллюзии, чтобы помешать им бороться за создание условий, необходимых для осуществления перехода от возможности к действительности. Такова основная задача всех правосоциалистических теорий — от теории Каутского об «ультраимпериализме» до новейших теорий о «технике — двигателе истории».

Профессор Роже Гароди говорит далее о том, что он ставил своей задачей исследовать сущность буржуазной демократии. Это исследование идет, во-первых, по линии анализа формального характера буржуазной демократии и, во-вторых, по линии анализа процесса фашизации буржуазного государства в эпоху загнивания капитализма.

Основной закон современного капитализма — погоня за максимальной прибылью. Знание этого закона дает ключ к объяснению не только проблемы мира и войны, но и проблемы свободы. В эпоху империализма буржуазия выбрасывает за борт даже формальные демократические свободы. Не имея больше возможности господствовать посредством обмана, она стремится сохранить свое господство посредством террора. Основной экономический закон капитализма привел к тому, что война стала внутренней необходимостью развития империализма, а война есть уничтожение всех видов свободы.

В диссертации приведен обширный материал, рисующий процесс фашизации США. Этот процесс выражается в уничтожении даже формальных свобод, усилении репрессий и дискриминации во всех областях общественной жизни, усилении государственной машины путем централизации и увеличения численности полиции и вооруженных

сил, наконец, в ликвидации конституционных принципов.

Путь к свободе, говорит профессор Гароди, пролегает через диктатуру пролетариата, историческая необходимость которой вытекает из закона необходимого соответствия производственных отношений достигнутому уровню развития производительных сил.

В странах социализма господствует основной закон социализма, суть которого заключается в том, что человек с его потребностями является целью социалистического производства, а социалистическое производство, техника — средством для достижения этой цели.

Социализм создает для индивидуума новую среду, изменяющую его способы жить и мыслить, создает между ним и обществом новые отношения, предоставляющие неограниченные возможности для расцвета личности.

Официальный оппонент профессор Ф. В. Константинов подчеркнул в своем выступлении, что избранная профессором Роже Гароди тема о свободе и необходимости представляет огромный теоретический и политический интерес. Проблема политической, социальной и национальной свободы стоит в центре революционной борьбы рабочего класса и угнетенных народов всего капиталистического мира, проблема детерминизма и индетерминизма занимает важное место не только в философии, но и в социологии, историографии, политической экономии и даже в естествознании (например, в физике).

Буржуазная философская мысль не смогла дать правильного решения этой проблемы ни в прошлом, ни тем более в настоящее время, сказал профессор Константинов. Только марксизм дал единственно истинное теоретическое решение этой проблемы и указал верный путь к завоеванию народными массами реальной, фактической свободы, к установлению господства общества над природой, над своими общественными отношениями, к достижению свободы политической, социальной и национальной.

У нас еще не создано монографии, сказал профессор Константинов, в которой было бы обобщено самое главное, что дано марксистской наукой по этому вопросу, в которой были бы подвергнуты критике современные буржуазные теории свободы.

Профессор Гароди выполнил эту работу и представил на обсуждение марксистское исследование о свободе и необходимости, в котором дано историческое рассмотрение проблемы свободы от античности до наших дней. Автор в критическом обзоре показывает, как впервые ставилась проблема свободы в эпоху античности в древней Греции и других странах (в том числе в древнем Китае), а также в эпоху феодализма.

Значительный научный интерес представляет раздел, в котором рассматриваются воззрения на свободу и необходимость Декарта и Спинозы, французских и английских материалистов XVII и XVIII веков, а затем Канта, Фихте и Гегеля.

Заслугой автора диссертации является также и то, что он шаг за шагом проследил

вает поступательное развитие философской мысли и постепенный подход к правильной постановке проблемы. В диссертации показано, что прогресс в разработке этой проблемы всегда находился в тесной связи с развитием общественной практики человека, с борьбой прогрессивных сил против реакционных.

Профессор Гароди дал убедительную и острую критику идеалистических воззрений на свободу и необходимость. Он строго научно подходит и к оценке освещения проблемы свободы и необходимости в философии Гегеля.

В диссертации дан всесторонний и глубокий теоретический анализ этой проблемы в свете марксизма-ленинизма. Проблема свободы и необходимости рассмотрена в различных аспектах. Показывая объективность необходимости, автор дает анализ диалектических переходов, превращений необходимости в свободу, случайности в необходимость и наоборот. Он рассматривает следующие вопросы: объективность и необходимость, необходимость и причинность, общественная практика, необходимость и случайность, детерминизм и индетерминизм в физике, внутренняя и внешняя необходимость, появление нового, формы движения в природе и общественной жизни и другие.

Наибольший теоретический и политический интерес представляет основная часть работы профессора Гароди, посвященная характеристике марксистского учения о свободе и необходимости, а также главы, посвященные критике буржуазной демократии Англии, Франции и в особенности США.

Профессору Роже Гароди удалось в своей диссертации убедительно показать, как используется механизм государственного аппарата США для отстранения масс от участия в политической жизни.

Центральная идея работы заключается в следующем: общественный человек становится господином, повелителем сил природы лишь тогда, когда он становится господином общественных отношений. Это достигается лишь при социализме. Путь к завоеванию подлинной политической свободы — диктатура рабочего класса. Эта центральная идея работы профессора Гароди убедительно доказана им на основе анализа и обобщения многочисленных фактов.

Осветив достоинства диссертации, профессор Константинов отметил в ней и некоторые спорные и недостаточно четкие места. Справедливо критикуя правых социалистов за преувеличение роли техники в общественном развитии, за то, что, отрывая технику от людей, они превращают технику в самодовлеющую силу, профессор Гароди недостаточно подчеркнул, что технику нельзя противопоставлять классовой борьбе. Техника вместе с людьми, владеющими техникой, составляют производительные силы, которые в последнем счете определяют ход исторического развития. Подобно тому, как по найденным костям вымерших животных судят о видах животных, существовавших в ту или иную эпоху, по орудиям труда мы можем судить об эпохах всемирной истории.

Труд профессора Гароди, блестящий по форме, глубокий по содержанию, сказал в заключение профессор Константинов, является произведением творческого марксизма. Этот труд, безусловно, заслуживает того, чтобы присвоить его автору степень доктора философских наук.

Второй официальный оппонент, доктор философских наук профессор М. А. Дынник, отмечает, что достоинством диссертации является убедительный показ неразрывной связи теории и практики. Научный анализ теоретических вопросов, связанных с проблемой свободы и необходимости, автор диссертации тесно связывает с разоблачением классовой сущности идеалистических теорий, дающих извращенное истолкование проблемы свободы. Так, например, в диссертации дана обстоятельная и аргументированная характеристика классовой сущности и реакционной общественной роли идей католицизма.

Анализируя специфические особенности капиталистического способа производства, диссертант раскрывает объективные закономерности, определяющие и слепую необходимость, господствующую в буржуазном обществе, и ее искаженное отражение в буржуазных теориях.

Блестящий и глубокий анализ общественной практики позволяет диссертанту охарактеризовать исторические условия, породившие буржуазные теории свободы и необходимости, и выснить их действительную классовую основу.

В большую заслугу диссертанту следует поставить, говорит профессор Дынник, конкретное раскрытие великого значения исторического материализма для разрешения одной из самых сложных и существенных проблем философии — проблемы свободы и необходимости. Профессор Гароди убедительно показывает, что проблемы свободы и необходимости, необходимости и случайности, возможности и действительности могут быть научно разрешены только марксизмом-ленинизмом, потому что только марксизм-ленинизм поставил эти проблемы в тесную связь с практической деятельностью людей, с революционной борьбой за преобразование мира, за коммунизм.

Диссертация профессора Гароди, сказал профессор Дынник, является ценным марксистским исследованием. Глубокий теоретический анализ сочетается в ней с острой критикой враждебных марксизму теорий. Диссертант удачно разрешил целый ряд проблем, входящих в предмет изучения, аргументированно показал качественное отличие марксистской теории свободы и необходимости от всех прежних, даже самых передовых теорий, подверг критике антинаучные теории идеологов империалистической реакции и показал всепобеждающее значение марксистско-ленинского мировоззрения.

Высокий теоретический уровень диссертации, сказал профессор Дынник, свидетельствует о том, что работа Роже Гароди вполне удовлетворяет требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям.

В заключение официальный оппонент профессор Дынник отметил некоторые недостатки и пробелы в рукописи и высказал

ряд пожеланий относительно дополнений. Так, к недостаткам диссертации, по его мнению, следует отнести слабое освещение вопроса о том, как решалась проблема свободы в философии народов древнего Востока, что отражает неисследованность этого вопроса в марксистской истории философии. В диссертации нет также анализа взглядов Эпикура на свободу и необходимость, хотя позиция Эпикура в этом вопросе заслуживает особого внимания.

По мнению профессора Дынника, спорной является в диссертации характеристика взглядов Демокрита на свободу и необходимость, а в характеристике взглядов Канта и Гегеля на эту проблему автор недостаточно подчеркнул их противоречивость.

Профессор Дынник считает также желательным, чтобы автор расширил критику буржуазного индивидуализма и в особенности культ личности в современной американской и французской философии империалистической реакции.

Отмеченные недостатки, сказал в заключение профессор Дынник, легко могут быть устранены при подготовке книги к печати. Диссертация Роже Гароди является ценной марксистской работой, и ее автор вполне заслуживает присуждения ему искомой ученой степени доктора философских наук.

Официальный оппонент профессор Ц. А. Степанян отметил важность и актуальность темы, избранной диссертантом. Проблема свободы и необходимости всегда занимала умы передовых людей всех времен и народов. Однако никогда эта проблема не имела такого жизненно важного значения, как в нашу эпоху, когда идет борьба между миром свободы и отжившим миром угнетения. Человечество достигло такой ступени развития, когда практически близка реальная возможность перехода из царства необходимости в царство свободы.

Заслуга профессора Гароди состоит в том, что он в широком плане, с привлечением огромного историко-философского материала, на основе анализа борьбы классов и борьбы материализма против идеализма показывает сложный процесс исторического подхода к диалектико-материалистическому решению проблемы свободы и необходимости.

В диссертации профессора Гароди с исключительной силой логики и страстной убежденностью, глубоко и всесторонне раскрывается марксистско-ленинское положение о том, что только с появлением пролетариата создается возможность теоретического и практического решения проблемы свободы и необходимости.

Исключительно ценной стороной диссертации является всестороннее диалектико-материалистическое рассмотрение гносеологических основ проблемы свободы и необходимости и показ связи между гносеологией марксизма-ленинизма и практикой борьбы рабочего класса и его авангарда — коммунистической партии — за социализм, за подлинную свободу.

В диссертации профессора Гароди убедительно раскрываются лживость и иллюзор-

ность буржуазной демократии и все усиливающийся процесс подавления свободы, фашизации государственного аппарата в США и других капиталистических странах.

Особый интерес представляет глава «Необходимость и свобода в Советском Союзе», в которой показано, как с первых дней своего рождения Советская власть как государственная форма диктатуры пролетариата стала осуществлять такие экономические, политические и культурные мероприятия, которые создали прочный фундамент для реального осуществления свободы. В диссертации дан анализ советской Конституции и ее значения и показано, что в СССР всем гражданам гарантирована экономическая, социальная и политическая свобода, и это неизмеримо расширяет сферу духовной жизни советских людей и создает неограниченные возможности для расцвета личности.

В полном соответствии с марксизмом-ленинизмом автор начинает изложение с определения условий завоевания свободы, с показа значения диктатуры пролетариата, историческая необходимость которой вытекает из действия объективного закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Недостатком диссертации, по мнению тов. Степаняна, является то, что автор, поставив себе слишком широкую задачу, местами отходит от темы. Недостаточно освещена в диссертации разработка проблемы свободы и необходимости в трудах русских философов — революционеров-демократов.

В целом диссертация профессора Гароди — ценный вклад в марксистскую философскую литературу.

Отрадно, что диссертация на эту актуальную тему написана активным деятелем братской Коммунистической партии Франции — страны, которая в лице смелых разведчиков коммунизма, парижских коммунаров, еще в XIX веке подняла знамя коммунистической свободы. Знаменателен также тот факт, что первая докторская диссертация о свободе защищается в Советском Союзе, в стране, где благодаря героической революционной борьбе народов СССР под руководством Коммунистической партии возрождалась истинная свобода.

«Вот почему мы, члены Ученого совета, — сказал в заключение профессор Степанян, — будем с огромным удовлетворением голосовать за присуждение профессору Роже Гароди ученой степени доктора философских наук».

После официальных оппонентов выступили профессор Т. И. Ойзерман, профессор Г. М. Гак и Г. Б. Пузис.

Т. И. Ойзерман отметил, что в диссертации сочетается строгая научность с яркой публицистичностью. Профессору Гароди удалось всесторонне рассмотреть проблему свободы и необходимости и показать ее многогранность.

Г. М. Гак считает, что формула «свобода есть познанная необходимость», которая часто приводится в философских работах без пояснения, требует раскрытия, и в диссертации она раскрывается. Диссертация профессора Гароди — серьезное научное ис-

следование и вместе с тем боевое оружие для разоблачения реакционной идеологии.

Профессор Гароди поблагодарил эпонимов за критические замечания и разъяснил, что в своей книге он подверг рассмотрению три течения буржуазной философии, критика которых, по его мнению, имеет наибольшее общественное значение. Это, во-первых, католическое, неомистическое течение, опасность которого нельзя недооценивать, поскольку во Франции церковь является главной идеологической опорой реакции. Это, во-вторых, индетерминистское течение в естествознании и, в-третьих, правосocialистическое течение, трактующее проблему свободы и необходимости в интересах империализма.

Представители других новейших течений (неокантианства и неогегельянства нашего времени) не критикуются в диссертации потому, что это, в сущности, эпигоны и все их «теории» не что иное, как плагиат, беспринципная эклектика. Марксизм не ставит их на одну доску с представителями классической немецкой философии. Эта буржуазная философия, сказал профессор Гароди, вынуждена теперь занимать оборонительные позиции; она провозглашает возврат к Канту, Гегелю, Фоме Аквинскому и прежде всего к своему «я», она призывает к «внутренней свободе», пытается сохранить этот маленький колеблющийся огонек, которому угрожают веяния гроз общественной жизни.

В заключение профессор Гароди сообщил,

что один французский журналист из газеты «Фигаро» выразил удивление, что для изучения проблемы свободы автор диссертации приехал в Советский Союз.

«Диалектический материализм учит нас, — сказал профессор Гароди, — что лучше всего можно изучить какое-либо явление, если наблюдать его там, где это явление существует и развивается. Для изучения, например, детской преступности можно было бы избрать США. Исследование проблемы свободы могло быть успешнее всего осуществлено в той стране, где впервые в мировой истории расцветает истинная свобода».

* * *

В результате тайного голосования профессору Роже Гароди была единогласно присуждена ученая степень доктора философских наук.

А. Ф. Окулов, заместитель директора Института философии, от лица Ученого совета и всех присутствовавших поздравил профессора Гароди с успешной защитой диссертации.

Защита докторской диссертации профессором Роже Гароди в советском философском учреждении является одним из ярких проявлений растущих и крепнущих связей нашей страны с зарубежными странами, растущей и крепнущей дружбы между советским и французским народами.

Н. В. ЕРМОЛОВА

В философских учреждениях Армении

Коллектив сектора философии Академии наук Армянской ССР в научно-исследовательской работе сосредоточил основное внимание на разработке коренных проблем марксистско-ленинской философии и вопросов истории философской и общественно-политической мысли армянского народа.

Тематический план научно-исследовательских работ сектора на 1953 год был составлен в соответствии с решениями и директивами исторического XIX съезда КПСС. В процессе работы над темами в 1954 году как сектор в целом, так и отдельные научные сотрудники перестроили свои планы, исходя из решений июльского и сентябрьского Пленумов ЦК КПСС и тезисов о пятидесятилетии КПСС.

В 1953—1954 годах научные работники сектора разрабатывали следующие проблемы марксистско-ленинской философии. Кандидат философских наук М. С. Даниелян подготовила монографию «О ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом и уничтожении существенных различий между ними» (объем — 5 авторских листов). В процессе анализа теоретических проблем автор привлекает исторический и местный материал. Работа

М. С. Даниелян намечена к изданию. Кандидат филологических наук В. В. Казанджан закончил монографию «О пролетарском интернационализме» (объем — 6 авторских листов). Кандидат философских наук С. С. Товмасян закончил работу на тему «К вопросу об объективных критериях идейно-художественной оценки произведений искусства» (объем — 8 авторских листов).

Значительно больше места в плане научно-исследовательской работы было уделено вопросам истории армянской философии.

Доктор философских наук В. К. Чалоян в работе «Мировоззренческие основы армянского народного эпоса «Давид Сасунский» (объем — 10 авторских листов) ставит себе целью раскрыть идейную основу армянского народного эпоса «Давид Сасунский», показать, как отразились в эпосе идеи патриотизма, дружбы и мира между народами. Эта работа имеет большое значение для понимания истории средневековой армянской философской мысли. Наличие в сокровищнице культуры армянского народа этого великого творения дает возможность изучить мировоззрение народа той эпохи. Работа также должна быть завершена к началу 1955 года.

Работа старшего научного сотрудника сектора Т. А. Алексаняна «Распространение марксизма в Армении» (объем — 10 авторских листов) представляет собою монографическое исследование о распространении идей марксизма в Армении, о решающем влиянии общероссийского рабочего движения на формирование передовой общественной мысли в Армении, о борьбе армянских марксистов конца XIX и первой четверти XX века против идеалистических и контрреволюционных буржуазно-националистических идей и течений.

Работа младшего научного сотрудника сектора Г. Н. Гаспаряна «Демократическая общественно-политическая мысль в Западной Армении в 60—80-х гг. XIX в.» (объем — 10 авторских листов) посвящена изучению развития демократической общественно-политической мысли в Западной Армении в 60—80-х годах XIX века, в частности, изучению мировоззрения и общественно-политической деятельности выдающегося представителя демократической мысли в Западной Армении Арутюна Свацяна и группы его единомышленников.

Основная задача автора — показать влияние революционно-демократических идей Налбандяна на формирование общественно-политических воззрений Свацяна и его группы.

В секторе философии ведется подготовка к изданию текстов сочинений армянских философов средневековья (составление сводных текстов, переводы на современный армянский и русский языки, подготовка комментариев, предисловий и т. д.). Уже закончен перевод с древнеармянского на русский (переводчики — В. К. Чалоян и А. А. Адамян) и современный армянский языки (переводчик — В. Аракелян) сочинений выдающегося армянского философа-номиналиста Иоанна Воротнеци (XIV в.). Текст сочинений, а также предисловие и комментарии к ним В. К. Чалояна подготавливаются к изданию. Доктором философских наук В. К. Чалояном и младшим научным сотрудником сектора Г. О. Григоряном подготавливается к изданию сводный текст сочинений армянского философа Ваграма Рабуни (XIII в.). В собрание сочинений будут включены разночтения, предисловие и комментарии.

По поручению Института философии Академии наук СССР заново переработан и окончательно отредактирован коллективный труд «Очерк истории армянской философии со времени ее возникновения до XIX в.» объемом в три авторских листа. Работа предназначена для двухтомника по истории философии народов СССР, издаваемого Институтом философии АН СССР.

В 1954 году вышли две работы доктора философских наук Х. Н. Момджяна: «Лафарг и некоторые вопросы марксистской

теории» (15 авторских листов) и «Социалистическое общество и творческая активность народных масс» (12 авторских листов). В издательстве Академии наук СССР находится в печати его докторская диссертация «Философия Гельвеция». В издательстве «Айпетрат» готовится к изданию работа Х. Н. Момджяна, посвященная разоблачению реакционной идеологии злейших врагов армянского народа — дашнаков. Кроме того, сектор готовит к печати научно-популярную работу М. Игитханяна «Народ — творец истории» (объем — 4 авторских листа).

Сотрудники сектора опубликовали также ряд статей в республиканских журналах и газетах, в «Известиях» АН Армянской ССР.

В конце 1953 года старший научный сотрудник сектора Т. А. Алексанян защитил в Москве докторскую диссертацию на тему «Борьба В. И. Ленина против махизма в России и ее значение для разоблачения современной буржуазной философии». Ныне автор диссертации работает над подготовкой монографии к изданию (объем — 24 авторских листа).

Над подготовкой к изданию своей кандидатской диссертации «Роль географической среды в развитии общества» (объем — 9 авторских листов) работает также старший научный сотрудник сектора А. М. Восканян.

Научные сотрудники сектора философии выступали с теоретическими докладами на юбилейных научных сессиях, организованных Академией наук Армянской ССР и посвященных: 125-летию присоединения Армении к России, великому русскому революционеру-демократу Н. Г. Чернышевскому и выдающемуся азербайджанскому мыслителю Мирзе Фатали Ахундову.

Сектором философии в 1953 году была организована дискуссия, посвященная обсуждению вопроса о социально-экономических основах так называемого Возрождения в Армении. Целью дискуссии являлось выяснение специфических особенностей эпохи расцвета феодализма в Армении (X—XIV вв.). В дискуссии приняли участие 28 специалистов — историки, философы, литературоведы, экономисты — представителей ряда институтов Отделения общественных наук АН Армянской ССР, а также высших учебных заведений Еревана.

Сектор философии периодически организует теоретические семинары, посвященные обсуждению ряда важнейших философских проблем. Эти семинары имеют целью, с одной стороны, способствовать повышению идейно-теоретического уровня сотрудников сектора и, с другой стороны, поставить на коллективное обсуждение узловые проблемы марксистско-ленинской теории, имеющие важное значение для правильного решения

вопросов, связанных с плановыми темами сотрудников сектора.

Так, например, в целях повышения теоретического уровня сотрудников сектора был проведен семинар, посвященный философским проблемам, связанным с новейшими достижениями звездной космогонии. Семинар был проведен под руководством президента АН Армянской ССР академика В. А. Амбарцумяна.

В текущем году, помимо переходящих тем, разработка которых рассчитана на 1953 и 1954 годы, сотрудники сектора работают также над новыми темами.

Плановой темой М. С. Даниелян на 1954—1955 годы является тема «О сочетании личного и общественного при социализме».

В. В. Казанджан работает над темой «К вопросу о формировании идеологии социалистических наций» (на материале истории Армянской ССР).

Работа кандидата философских наук Я. И. Хачикяна посвящена исследованию вопроса о том, как трактуются в трудах С. Г. Шаумяна проблема роли народных масс и основные закономерности общественного развития.

Кандидат философских наук С. С. Товмашян составил монографию «М. Налбандян и русская материалистическая эстетика».

Изучению общественно-политической и философской мысли армянского народа конца XVIII и первой трети XIX века — периода подготовки условий присоединения Армении к России — посвящается работа младшего научного сотрудника Г. О. Григоряна «Из истории общественно-политической и философской мысли Армении в период ее присоединения к России».

В план научно-исследовательских работ сектора на 1954 год включена также диссертационная тема аспиранта сектора С. С. Аревшатяна «Философия Григория Татеваци», посвященная изучению мировоззрения этого выдающегося армянского философа XIV века.

Преподавание марксизма-ленинизма аспирантам АН Армянской ССР возложено на сектор философии. Однако ввиду отсутствия штатов преподавателей дело преподавания философии аспирантам академии до последнего времени было организовано плохо.

Для повышения идейно-политического уровня преподавания философии аспирантам необходимо создание кафедры философии при Президиуме АН Армянской ССР.

* * *

В Армянском филиале Института Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина наряду с основными темами, посвященными изучению истории революционного рабочего движения в Армении, разрабатывались также философские темы.

Научный сотрудник филиала кандидат философских наук Г. Г. Асланян работал над темой «Проблема свободы и необходимости и борьба материализма с идеализмом». Часть монографии, посвященная трактовке этой проблемы в трудах классиков русской философии, готовится автором к печати.

Другой научный сотрудник филиала, Л. А. Абрамян, в 1953 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «С. Спандарян как пропагандист идей пролетарского интернационализма». Л. А. Абрамяном написан также теоретический доклад на тему «Вопросы марксистской философии в трудах С. Г. Шаумяна», который был прочитан на объединенной научной сессии Армянского филиала ИМЭЛСа и Института истории АН Армянской ССР, посвященной 75-летию со дня рождения пламенного пропагандиста идей марксизма-ленинизма С. Г. Шаумяна.

* * *

Значительно оживилась научная работа на кафедре философии Ереванского государственного университета имени В. М. Молотова. За последние два года опубликован ряд плановых и внеплановых работ членов кафедры: брошюры Г. А. Брутяна «Коренная противоположность марксистской диалектики софистике» и «Семантизм — новейший вариант махизма», статья А. К. Минасяна «Об объективном характере законов» и другие работы. Статьи членов кафедры публиковались также в республиканских газетах.

Находятся в печати следующие работы: А. К. Минасяна «Ленинская критика «физического» идеализма; философское обобщение Лениным великих открытий физики конца XIX — начала XX вв.» и «Диалектика природы» Ф. Энгельса и некоторые вопросы современного естествознания», К. Б. Вардапетяна «Марксизм-ленинизм о роли народных масс и личности в истории», К. Ананикяна «Марксизм-ленинизм о неодолимости нового, прогрессивного».

В план научно-исследовательских работ кафедры философии университета на 1954 год включены следующие темы: «Классики марксизма-ленинизма о переходе количественных изменений в коренные качественные» (исполнитель — кандидат философских наук А. К. Минасян), монография кандидата философских наук К. Б. Вардапетяна «Преобразующая роль передовых идей и теорий в развитии общества» (объем — 8 авторских листов).

Кандидат философских наук Г. А. Брутян работает над темой «Классовые корни «теоретического» оправдания софистики в современной буржуазной философии».

Перерабатывает и подготавливает к изданию свою диссертационную работу «О характере превращения возможности в дей-

ствительность при социализме» (объем — 10 авторских листов) кандидат философских наук К. Ананикян.

Исследованию некоторых вопросов исторического материализма в трудах Степана Шаумяна посвящена кандидатская диссертация члена кафедры А. Бабаханяна.

В план работ кафедры включены также темы кандидатов философских наук Н. М. Гаспаряна «Об обязательном соответствии производственных отношений характеру производительных сил» и С. О. Казаряна «Роль народных масс в строительстве социалистической экономики».

* * *

Несмотря на небольшой срок со дня организации (сентябрь 1953 года), кафедра философии Армянского государственного педагогического института имени Х. Абовяна добилась некоторых успехов в разработке ряда актуальных тем и подготовке к печати научных работ членов кафедры.

В издательский план института включена работа кандидата философских наук К. М. Бостанджяна «Советский строй — лучшая форма организации общества» (объем — 12 авторских листов), являющаяся переработкой кандидатской диссертации автора. Работа посвящена рассмотрению следующих вопросов: марксистско-ленинское понимание общественного строя, основные особенности и преимущества социалистического базиса и основные особенности и преимущества политической надстройки советского общественного строя. Им же подготовлены к печати работы «Способ производства — определяющая сила общественного развития» и «Общие и специфические законы развития общественно-экономических формаций».

Кандидаты философских наук Г. А. Тоноян и Г. Мкртчян в 1954 году работают над темами «Диалектический способ мышления и формально-логические законы» и «Роль практики в развитии передовой советской науки».

Преподаватель кафедры философии института М. К. Мартикян защитил диссертацию на тему «Теоретико-познавательные взгляды Герцена». Кроме того, членом кафедры марксизма-ленинизма института Р. Карапетяном защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук на тему «Этические взгляды Н. Г. Чернышевского».

Кафедра философии института имеет трех аспирантов. В 1953 году диссертацию на тему «Предмет логики» защитил бывший аспирант Г. А. Тоноян, ныне работающий преподавателем кафедры философии института.

* * *

Исследовательская работа по вопросам философии велась также работниками ка-

федр марксизма-ленинизма ряда вузов города Еревана.

Кандидат философских наук Г. М. Вартанян (Ереванский русский педагогический институт имени А. А. Жданова) закончил в 1953 году докторскую диссертацию на тему «Развитие Лениным и Сталиным марксистской теории отражения» (20 авторских листов). В работе широко используются новейшие достижения советской науки. Кроме того, Г. М. Вартаняном сдана в печать работа «К вопросу о переходе от неживой материи к живой».

Докторскую диссертацию на тему «Марксистско-ленинская критика философии Канта» (объем — 25 авторских листов) защитил в 1953 году кандидат философских наук А. А. Карапетян (Армянский заочный педагогический институт). Издательством «Айпетрат» принят к изданию первый том работы А. А. Карапетяна «Иррационализм в искусствоведении и философии» (20 авторских листов). Над вторым томом автор работает в текущем году. А. А. Карапетян подготовил также к печати работу, посвященную рассмотрению вопроса о понимании закономерности развития общественной жизни в истории социологии (объем — 6 авторских листов).

Кандидат философских наук М. И. Петросян (Ереванский педагогический институт иностранных языков) заканчивает докторскую диссертацию о социалистическом гуманизме.

Член кафедры марксизма-ленинизма того же института кандидат философских наук Г. С. Агаджанян работает над докторской диссертацией, посвященной проблеме распространения марксистской философской мысли в Армении.

* * *

Наряду с определенными успехами в деятельности философских учреждений республики все еще имеют место и существенные недостатки.

Прежде всего следует указать на плохую координацию работы философских учреждений внутри республики и на почти полное отсутствие координации работы с философскими учреждениями, находящимися вне республики.

Это приводит, с одной стороны, к ненужному дублированию тем в разных научных учреждениях, а с другой стороны, к столь же ненужной пестроте тем в одном и том же учреждении. Распыленность тематики и отсутствие кардинальных проблем, определяющих общее направление научно-исследовательской работы философских учреждений, их специфику, конечно, должны рассматриваться как отрицательные явления, которые могут быть преодолены при наличии координации.

Такая координация научно-исследовательской работы по ряду проблем и, в частности, по вопросам, касающимся распространения марксизма в Армении и в Закавказье, совершенно необходима. То обстоятельство, что над этой темой работают во всех трех республиках Закавказья, диктует необходимость самой тесной координации, а возможно, и комплексной разработки этой проблемы.

Другим крупным недостатком в работе философских учреждений республики является отсутствие в их планах в продолжение ряда лет важнейших проблем диалектического и исторического материализма и некоторых других весьма актуальных и необходимых тем.

Очень мало внимания уделяется критике реакционной идеологии презренных наймитов американского империализма — дашнаков.

Сектором философии Академии наук Армянской ССР преданы полному забвению вопросы логики и философские проблемы современного естествознания. Это тем более непростительно, что в Академии наук Армянской ССР работает школа астрофизиков во главе с академиком В. А. Амбарцумяном, открытия и исследования которого в области звездной космогонии имеют большое мировоззренческое значение и непосредственно связаны с рядом интереснейших философских проблем.

Следует также отметить, что идейно-теоретический уровень некоторых работ нельзя признать удовлетворительным. Далеко не все работы, завершённые по плану, оказываются пригодными для печати.

* * *

Перед философской общественностью Армении стоят серьёзные задачи по изучению и разработке актуальных вопросов диалек-

тического и исторического материализма, проблем перехода от социализма к коммунизму, развития науки и культуры в Советской Армении и богатейшей истории философской и общественно-политической мысли армянского народа.

В крупнейшей сокровищнице культуры армянского народа Матенадаране — хранителе древних рукописей — имеются тысячи работ: уникальные рукописи армянских философов, а также переводы произведений классиков античной философии, подлинники которых не сохранились до наших дней. Изучение этого огромного материала и публикация отдельных работ имели бы большое значение для понимания многих вопросов истории философии, касающихся не только армянской, но и мировой философии в целом.

В республике имеется значительное число подготовленных специалистов по философии. Кроме того, в аспирантуре сектора философии АН Армянской ССР и ряда вузов республики учится способная, творческая молодежь, которая в ближайшем будущем пополнит ряды работающих в Армении философов (в 1954 году должно быть представлено к защите около 15 кандидатских диссертаций).

Таким образом, можно говорить не только о необходимости разработки ряда важных проблем, но и о наличии кадров, которые эту задачу могут выполнить. Глубокая разработка этих важных проблем могла бы быть выполнена более успешно при реорганизации существующего сейчас сектора философии в Институт философии АН Армянской ССР, который объединил бы в едином коллективе специалистов по философии, занимающихся научно-исследовательской работой.

Я. И. ХАЧИКЯН (Ереван)

Краткие заметки

НОВЫЙ ЖУРНАЛ ПРОГРЕССИВНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИТАЛИИ

В конце марта этого года в Риме начал выходить новый еженедельный журнал по вопросам культуры — «Иль Контемпоранео» («Современник»), ставящий перед собой задачу борьбы за передовую, прогрессивную культуру, тесно связанную с тем широчайшим движением за политическое и социальное преобразование страны, главным действующим лицом которого являются итальянские народные массы.

«Это неоспоримый факт, — говорится в редакционной статье первого номера «Иль Контемпоранео», в которой определяются общая направленность и задачи журнала, — что начиная с освобождения и в последующие годы народ стал главным героем событий национальной истории, — будь то в самоотверженной борьбе за свободу, будь то в деле восстановления страны или же в ходе той политической битвы, которая ведется против новых, угрожающих и угрожающих итальянскому обществу попыток реакции повернуть историю вспять. Ведущая роль народных масс, нравится это кое-кому или не нравится, является неопровержимым фактом, который все должны принять как историческую закономерность — все, в том числе и интеллигенция».

Борьба итальянского народа, его стремительное движение вперед, видное место, которое он, едва сбросив с себя оковы фашизма, стал занимать в политической жизни страны, — таковы новые явления, без учета которых не может развиваться подлинная культура. И кто стремится к серьезному и плодотворному творчеству на культурном поприще, тот должен исходить в своей деятельности из всей совокупности процессов, составляющих современную жизнь страны. «Иль Контемпоранео» отнюдь не первым в Италии поднял этот вопрос, но заслуга нового журнала в том, что он ставит своей целью объединить усилия всех тех, кто смело и последовательно выступает именно с этих позиций, горячо поддерживаемых прежде всего Итальянской коммунистической партией.

Как в искусстве, так и в литературе Италии, говорится в этой статье, назревает потребность в утверждении реалистического направления, свидетельством чего могут служить произведения киноискусства, литературы и живописи, созданные сразу же после окончания войны и после освобождения Италии. Авторы их стремились отразить наиболее значительные исторические события тех лет и наиболее знаменательные явления национальной жизни: сопротивление фашизму, партизанскую борьбу, нищету народных масс, противоречия существующего строя.

Журнал призывает бороться за активный, действенный реализм, которому чужды пассивное, проникнутое фатализмом смирение, бегство в фольклор, за искусство, «способное увидеть и передать рождение нового мира, подметить и воспеть то прекрасное, что, рождаясь в муках, требует поддержки».

В более широком плане, как это отчетливо доказывает вся направленность журнала с первых же номеров, «Иль Контемпоранео» ставит своей задачей противостоять всяческому проявлению мракобесия и декадентщины, столь характерным для упадочной буржуазной культуры Италии и других стран, бороться с идеализмом во всех его видах и под каким бы флагом он ни выступал — под флагом ли трансцендентализма или же под флагом индивидуализма.

Борьба идет, говорится в журнале, против культа абстрактной личности, вырванной из всех связей с обществом. Иначе говоря, борьба идет против всяческого мистицизма, против ухода от реальной действительности, против пессимизма как программной установки, против неверия в человека и в его борьбу за прогресс.

В понятие «реализм» в современной Италии, да и в других капиталистических странах вкладывается зачастую различное содержание. Теоретическое определение этого понятия дается в статье философа Чезаре Лупорини, опубликованной в № 3 «Иль Контемпоранео». Лупорини характеризует реализм как метод, прежде всего требующий правильного отражения действительности и активного отношения человека к общественной жизни, как орудие борьбы за прогресс. «Реалистическое искусство, — говорит он, — это такое искусство, которое в каждой эпохе способно увидеть и отразить главное и типическое, отразить типические особенности конкретной исторической действительности и человеческого общества и трудное, противоречивое движение этого обще-

ства вперед. Иначе говоря, реалистическое искусство отражает и истолковывает это движение в его истинном смысле и одновременно оно предвосхищает его и помогает его возникновению».

И, наоборот, искусство, оторванное от народного движения, от живых сил общества, неспособное содействовать их развитию, становясь абстрактным и формалистическим, лишается ценности и обречено на вырождение. «Вести борьбу против подобного искусства насущно необходимо. Больше того, эта борьба является первейшим условием развития нового, реалистического искусства как в отношении его содержания, так и в отношении формы. Впрочем, — отмечает Лупорини, — борьба против мертвечины всегда, на протяжении всей истории, была насущно необходимой».

Таковы творческие установки «Иль Контемпоранео». В журнале имеются три основных отдела: художественной прозы и очерков, освещающих различные стороны итальянской жизни; критический отдел, в котором печатаются статьи и рецензии общетеоретического характера, а также отклики на важнейшие события в различных областях культуры; отдел информации, статьи которого зачастую носят полемический характер или знакомят читателя с тем, что происходит в области культуры в Италии и за рубежом.

На страницах «Иль Контемпоранео» опубликован ряд очерков о жизни и борьбе итальянских трудящихся, работающих в различных отраслях народного хозяйства, — о сборщиках риса в Северной Италии, о горняках Ниччиолетта и Риболла, о рабочих текстильных фабрик Марцотто. В этих очерках о тяжелых условиях существования народных масс, живущих под гнетом монополий, показывается, как эксплуатация рабочих прикрывается лицемерной патерналистской политикой.

Один из очерков посвящен Флорентийскому университету, который является крупным культурным центром Италии. Журнал отмечает, что за последние годы наблюдается постепенное сокращение количества студентов, обучающихся в нем. Причина этого — главным образом в трудностях материального порядка. Так, если пять лет тому назад университет насчитывал 8921 студента, то в этом году он насчитывает их всего 6899.

В той битве, которую ведут итальянские трудящиеся массы за свободу и прогресс своей родины, существеннейшее место занимала и занимает борьба за свободное развитие и независимость итальянской культуры. «Иль Контемпоранео» оказывает своему народу в этой борьбе большую помощь и поддержку. Итальянские реакционные круги, стремящиеся к тому, чтобы заглушить голос свободной культуры, прибегают к политике кнута и пряника: лестью и разными приманками они пытаются подкупить и совратить деятелей культуры, а когда эти приманки не оказывают нужного действия, прибегают к репрессиям. Журнал разоблачает эти старые методы реакции, стремящейся задуть передовое искусство, прогрессивную мысль.

Особенно большое место уделяет журнал с первых же его номеров широкому освещению актуальных вопросов итальянского киноискусства. Интерес, который оно вызывает, объясняется следующим образом в статье, напечатанной в № 7 журнала:

«Итальянское кино, как ни один другой вид искусства, продвинулось далеко вперед по пути реализма, по пути создания произведений, насыщенных богатым содержанием, проникнутых подлинно национальным, народным духом, новаторских и ясных по идее, по изложению и по языку. Иными словами, это — революционное явление в итальянской культуре... Киноискусство стоит во главе всего культурного движения, перед которым поставлена историческая задача: отразить и осмыслить средствами искусства чаяния народа».

Но как раз против этих достоинств итальянского кино, привлекавших к нему внимание всего мира именно потому, что «героями его произведений являются герои повседневной жизни — простые люди», и ополчилась реакция. Против прогрессивного итальянского кино сейчас ведется тройное наступление: со стороны цензуры, со стороны правительства, открыто выражающего свое недовольство, и со стороны американских фирм, наводняющих Италию своей продукцией.

«Злоключения кино» — так называется статья, напечатанная в № 5 «Иль Контемпоранео». В ней анализируются трудности, которые переживает ныне итальянская кинематография. Хотя отечественные фильмы пользуются бесспорным успехом, все же из 90 миллиардов лир, которые зрители тратят ежегодно на кинотеатры, всего лишь 6 миллиардов приходится на долю итальянских постановщиков, в то время как американским кинофирмам, располагающим более мощными материальными возможностями, достается до 15 миллиардов лир.

Казалось бы, правительству следовало учесть то обстоятельство, что итальянское кинопроизводство, облагаемое большими налогами, переживает большие трудности, и поддерживать его, применив закон от 1949 года, предусматривающий частичное возмещение налогов в виде дотаций, уплачиваемых постановщикам. Но в действительности, говорится в журнале, «этот закон поддерживает итальянское кино, как веревка поддерживает повешенного», ибо механизм его таков, что льготы предоставляются лишь тем фильмам, политическое содержание которых устраивает итальянские руководящие круги.

Недавно итальянское правительство предприняло наступление в маккартистском стиле против реалистического кино, обвиняя его в том, что оно «находится на службе у коммунистов». Ввиду того, что срок действия вышеуказанного закона истекает в этом

году, в качестве условия для его возобновления выставляется требование «устранить из кино неугодные правительству и не желающие приспособиться к предъявляемым им требованиям элементы». Принять это условие означало бы приговорить к смерти итальянское реалистическое кино.

В результате этого, отмечает журнал, для итальянских кинематографистов создавалась очень трудная обстановка. Несмотря на успех, которым пользуется прогрессивное итальянское киноискусство как внутри страны, так и за рубежом, количество сделанных или находящихся в производстве фильмов резко сократилось по сравнению с прошлым годом. В то же время, несмотря на растущее недовольство зрителей американскими фильмами, итальянское правительство разрешило увеличить количество импортируемых из США фильмов на текущий год до рекордной цифры — 350 картин.

«Нынешняя политика правительства,— предостерегает «Иль Контемпоранео»,— может привести не только к художественному упадку итальянского кино, но и к его экономическому и коммерческому краху, как это уже произошло в результате подобной политики, проводимой в угоду американцам, в других областях народного хозяйства нашей страны».

Другим средством, используемым для удушения национальной кинематографии, является цензура. Она осуществляется двумя правительственными комиссиями, руководствующимися фашистским уставом от 1923 года. Цензура дамокловым мечом висит над каждым произведением и парализует лучшие начинания нового итальянского киноискусства. Недавно один уже законченный фильм был запрещен только потому, что в нем имелся кадр, в котором высмеивался «челере» — агент полиции, специализирующийся на расправах, подавлении забастовок и демократических демонстраций.

С особым рвением цензура запрещает показ в Италии фильмов, выпущенных в Советском Союзе или в странах народной демократии, всегда ожидаемых итальянскими зрителями с живым интересом и нетерпением. В то время как с 1949 по 1953 год было разрешено везти в Италию более тысячи американских фильмов, лишь семь советских картин получили разрешение демонстрироваться на итальянских экранах. В числе других советских картин были запрещены такие фильмы, как «Александр Невский», «Падение Берлина», «Кавалер Золотой Звезды», «Освобожденный Китай». Дело дошло до такого абсурда, что был запрещен венгерский документальный фильм о футбольном матче «Венгрия — Великобритания».

«Иль Контемпоранео» выступает за расширение культурных связей с СССР и со странами народной демократии. В передовой статье первого номера журнал резко заклеймил позицию правительства, опубликовавшего решение, направленное на строгое ограничение всяких связей между представителями интеллигенции Италии и СССР. «Мы, итальянцы, испытываем большую тревогу, когда обнаруживаем в явлениях нашей действительности подобные следы фашизма»,— пишет журнал, напоминая о том, что именно фашисты поспешили разорвать всякого рода культурные отношения со страной социализма, чем нанесли огромный вред прежде всего итальянской культуре.

«Мы не желаем, чтобы нас лишили одного из самых драгоценных благ, завоеванных в борьбе против фашизма: возможности свободного обмена мыслями с деятелями культуры различных стран мира»,— заявляет Карло Салинари в статье, посвященной разбору происходивших в Советском Союзе дискуссий по вопросам искусства и литературы. Он подчеркивает, насколько полезны и плодотворны эти дискуссии для итальянских деятелей культуры.

Учитывая пожелания огромного большинства итальянцев, которые стремятся как можно больше узнать о Советском Союзе, «Иль Контемпоранео» уделяет много внимания вопросам советской культуры. На страницах журнала можно часто встретить статьи и информационные сообщения о деятельности советских ученых и работников искусств. В первом номере «Иль Контемпоранео» была опубликована рецензия на только что вышедшую в Италии книгу академика С. И. Вавилова, посвященную жизни и деятельности Ньютона. В четвертом номере журнала опубликована статья Феличе Ланца об организации научно-исследовательской работы в Советском Союзе, где автор побывал вместе с группой биологов. Статья завершается словами:

«Наука в СССР не отгорожена от народа стеной, а, наоборот, связана с ним плодотворными узами. Это выражается в росте культурного уровня масс (даже в тех областях культуры, которые обычно считаются менее доступными), в активном вмешательстве науки в насущные проблемы страны и в саму жизнь народа».

Журнал указывает, что на деятелей культуры ложится особая ответственность в деле борьбы за мир, против военной опасности, угрожающей человечеству. Борьба с этой угрозой лежит в основе всей деятельности «Иль Контемпоранео». Журнал принял активное участие в широкой национальной и международной кампании по предотвращению самой тяжелой катастрофы, которая только может грозить миру,— применения атомной и термоядерной бомб.

В статье «Атомный геноцид» (№ 6) говорится, к каким страшным последствиям привело бы использование этого чудовищного оружия, которым угрожают миру агрессивные круги США. «Общество,— пишет автор этой статьи, ученый Массимо Алоизи,— строй которого позволяет, чтобы достижениями науки распоряжалась кучка людей и чтобы достижения эти были направлены на разрушительные цели,— такое общество предстает перед глазами всего мира как глубоко нездоровое и даже чудовищно уродливое».

Вскоре после опубликования этой статьи на страницах «Иль Контемпоранео» выступил один из крупнейших итальянских врачей — профессор Омодео Зорини, заявивший: «Слишком много раз на протяжении истории мы являлись свидетелями раздела мира, гонки вооружений, неизбежных войн. Новая война в настоящее время означала бы разрушение и уничтожение для всех».

Дважды в своих передовых журнал обращался к деятелям культуры с призывом, чтобы они, оставив в стороне разногласия, присоединили свои усилия к усилиям тех, кто стремится отдалить катастрофу, в которую поджигатели угрожают вовлечь все человечество. В одном из этих призывов говорится: «Настал момент, когда можно будет проверить, сумела ли интеллигенция Европы остаться интеллигенцией, или же она превратилась в равнодушных чиновников».

В настоящее время, когда на итальянскую культуру пытаются надеть ярмо клерикального мракобесия, когда над ней нависла угроза насаждаемого из-за океана фашизма, ясные идеологические позиции нового журнала «Иль Контемпоранео» являются залогом того, что он выполнит важную роль в борьбе за свободную прогрессивную итальянскую культуру.

Джузеппе БОФФА (Италия)

ЖУРНАЛ «НУВЕЛЬ КРИТИК» (1953—1954 гг.)

Среди французских прогрессивных журналов видное место занимает «Нувель критик», организованный в 1948 году группой коммунистов-интеллигентов, в которую входили Фрэнсис Коэн, Жан Десанти, писатель Жан Фревилль, художник Таслицкий, философ Анри Лефевр, Жан Канапа (главный редактор) и другие; журнал выходит десять раз в год.

Наряду с вопросами философии, науки и искусства в «Нувель критик» обсуждаются актуальные вопросы экономической политики. Журнал быстро реагирует на самые разнообразные явления французской и международной жизни, стремясь помочь широким кругам интеллигенции найти ответ на наиболее острые вопросы. В журнале публикуются статьи о тяжелом положении различных групп французской интеллигенции, о бедствиях французского студенчества, о внутренних противоречиях в католической церкви и т. д.

На страницах журнала ведутся дискуссии на актуальные темы, в которых принимает участие все большее число представителей художественной интеллигенции — поэтов, художников, театральных деятелей. «Нувель критик» организует и теоретические конференции, привлекающие широкие круги передовой интеллигенции. Так, журнал принял активное участие в создании Нового университета в Париже, где читаются специальные курсы и циклы лекций по общетеоретическим вопросам.

Большое место уделяет «Нувель критик» освещению культурной жизни Советского Союза и стран народной демократии. Задачи и цели, преследуемые журналом, ясно сформулированы в приветствии, с которым Морис Торез обратился к «Нувель критик» в декабре 1953 года по случаю его пятилетнего юбилея: «Призывая писателей и художников занять подобающее им место в великой борьбе за освобождение человека, мы сознаем, что защищаем будущее культуры и свободу художника. Мы отдаем себе отчет в том, что в этой области, как и в других, мы отстаиваем дело Франции, которую хотим спасти от экономического, политического и культурного упадка, дабы она воссияла новым светом на весь мир» («Нувель критик», № 50).

Для достижения этой благородной цели, сочетающей демократический патриотизм с подлинным интернационализмом, для защиты культуры во всех ее областях — науке, литературе и искусстве — необходимо, как сказал Бийу в своем выступлении 23 октября 1953 года на пленуме ЦК КПФ, «двигать вперед дело объединения французской интеллигенции для защиты культуры». Обзор последних десяти номеров «Нувель критик» может нам дать представление о его практической работе.

В № 45 журнала опубликованы материалы теоретической конференции, состоявшейся 29—30 марта 1953 года в Париже, посвященной проблемам объективности законов природы и социалистического гуманизма. На этой конференции, организованной научными работниками-коммунистами, выступил ряд исследователей и представителей специальных кружков: философов, физиков и др. Эжен Коттон, говоря от имени кружка физиков, отметил факты, свидетельствующие о том, что честные буржуазные ученые начинают искать выход из тупика, в который заведят науку идеалистические «теории». В частности, он привел высказывания Луи де Бройля, одного из крупнейших современных физиков, против идеалистической теории индетерминизма Бора — Гейзенберга. Характерно, что де Бройль выступил и против инспирированного Вашингтоном проекта образования «Европейского центра ядерных исследований», задача которого заключалась в установлении американского контроля над исследовательской работой западно-европейских ученых и использовании ее в интересах американского империализма. Вместе с крупнейшими современными учеными Фредериком и Ирен Жолио-Кюри Луи де Бройль подписал петицию о создании во Франции Института теоретической физики.

В № 54 под заголовком «Влияние компартии на круги интеллигенции» помещено большое извлечение из доклада Жака Дюкло на пленуме ЦК КПФ в марте 1954 года. Дюкло отмечает следующие факты, говорящие о росте активности прогрессивных элементов интеллигенции: заметное расширение фронта борьбы против ратификации

боннского и парижского договоров; рост участия в борьбе интеллигентов-социалистов, в частности в университетских кругах и среди преподавателей средней школы; рост движения единства в борьбе за демократические свободы, против импорта маккартизма; размах движения французской интеллигенции, все теснее объединяющейся в борьбе за удовлетворение своих законных требований, в защиту своих материальных и творческих интересов, в защиту французской культуры.

Это движение уже дало определенные результаты. Под давлением общественного мнения парламент был вынужден трижды отвергнуть предложенный правительством скандально урезанный бюджет народного просвещения.

В феврале 1954 года профессора университетов, преподаватели лицеев, техникумов и других высших и средних учебных заведений провели во всей стране забастовку, поддержанную студентами, под лозунгом увеличения бюджета народного просвещения. Все более широкие круги интеллигенции уясняют себе связь этих требований с общей реакционной политикой.

Дюкло отмечает, что распространением идей марксизма-ленинизма среди французской интеллигенции объясняется успех лекций, организованных в Латинском квартале Новым университетом, успех теоретических конференций, созывавшихся по почину журналов «Пансэ» и «Нувель критик». Он подчеркнул необходимость дальнейшего усиления контакта с интеллигенцией и широких дискуссий как лучшего средства борьбы против обскурантистской идеологии, насаждаемой реакцией.

В том же № 54 статья Артура Жиовини о тяжелом положении профессуры и студенчества вскрывает связь этого факта с общей ликвидаторской политикой французского правительства. Автор напоминает реакционерам, утверждающим, что «Франция — конченная страна», отповедь М. Тореза: «Франция может действовать, как великая суверенная нация, используя свои ресурсы, свою промышленность и свое сельское хозяйство, опираясь на своих искусных рабочих и трудолюбивых крестьян, на всемирно признанные дарования своей интеллигенции».

Вопросу о положении студенчества посвящена статья в № 51 журнала за 1954 год, автор которой отмечает, что студенты начинают понимать тесную связь своего положения с общими вопросами политики и все лучше уясняют себе, что самое важное — изменить направление внешней политики Франции, сделать ее независимой от американской политики военных авантюр.

Сопrotивление распространению реакционной идеологии охватывает все более широкие круги французской интеллигенции. Среди поэтов, художников, артистов это выражается, в частности, в повороте к реалистическому искусству, в стремлении передовых художников сблизиться с народными массами, с рабочим классом, борющимся за мир и свободу. Общеизвестно, что крупнейшие художники Франции активно участвуют в политической жизни, борются в рядах Коммунистической партии. Жан Канапа в статье, помещенной в № 50 журнала, обращает внимание на то, что многие полотна осеннего Салона 1953 года, написанные в разных манерах и различной ценности, отражают интерес к родной природе, к жизни окраинных районов с их хижинами и карликовыми садиками. Еще недавно господствовавшие на выставках «абстрактные» художники на сей раз заняли лишь два зала из тридцати пяти.

Статья Жана Канапа, открывшая дискуссию по вопросам живописи, развернувшуюся в последующих номерах «Нувель критик», отмечает ценные достижения таких художников, как Бюффэ, Галлар, Мари-Анн Лансио, Леа Люблен, Женестьева Зондерван и другие. Жерар Сэнже в своем пейзаже выразил любовь к родной земле, ныне попираемой и раздираемой бульдозерами американских войск, строящих для себя аэродромы.

Подчеркивая важность поворота художников к действительности, повышения общественной роли художника, автор предостерегает против узкосектантской тенденции делить всех на две категории: «мы» и «другие», коммунисты, наделенные всеми добродетелями и знаниями, и некоммунисты, не обладающие-де этими качествами.

Дискуссия на страницах «Нувель критик», в которой приняли участие многие известные художники, показала, что реализм оказывает все более сильное влияние на широкие массы. В то же время успех реалистического направления порождает много новых вопросов. В № 55 (май 1954 года) Женестьева Зондерван, говоря о его влиянии на буржуазную художественную критику, приводит в качестве примера высказывания известного критика Шармэ в художественном журнале «Ар». По поводу двух больших полотен, выставленных Фужероном в осеннем Салоне 1953 года, Шармэ писал: «Идея большого сюжета, в прошлом дискредитированная мазней высокопарных бездарностей, имеет, однако, и сильных защитников, от Веласкеза до Делакруа. Об этом следует думать и художникам-некоммунистам».

В том же номере известный художник Таслицкий подчеркивает большую ответственность, которую возлагает на художников-коммунистов бесспорный успех реалистического направления. Анализируя это явление, он останавливает внимание на том, что реализм отвечает национальной традиции французского искусства, которому всегда был присущ «вкус к реальному», не исчезавший даже в пору самого крикливого господства «абстрактного искусства». Выступления передовых художников значительно усилили стремление к отражению действительности, дав ему определенное и ясное направление. Чтобы убеждать и побеждать, реалистическая живопись должна сочетать высокое и постоянно совершенствуемое мастерство с актуальным и социально важным

сюжетом, должна будить и укреплять «стремление к возвышенным целям национального освобождения».

В ряде статей журнала разоблачаются маневры американских монополий, направленные к установлению американского контроля над различными областями французской культурной жизни. Жанна Гайар, например (№ 50), пишет о попытках создать «европейское» учебное пособие по истории; эта книга для преподавателей, которая должна быть положена в основу преподавания истории в младших классах средней школы, отличается тем, что из нее совершенно исключается понятие нации, заменяемое раскольническим термином «европейской солидарности» в его американском истолковании в духе «европейского оборонительного сообщества».

Ив Кашен рассказывает о проекте «европейского сообщества здравоохранения» и о том сопротивлении, которое эта затея встретила со стороны медицинских работников.

Франсис Коэн и Клод Сузф отмечают поражение длительного наступления Голливуда на французское кино. За последние пять лет число зрителей американских фильмов с 62% упало до 40%. Американские монополии стремятся раздавить французское кинопроизводство, чтобы завладеть французским рынком и обеспечить там господство американских «идей». Потерпев поражение в лобовой атаке, американцы пытаются добиться своей цели обходным маневром, путем создания «европейского объединения кинопромышленности», которое «должно стать для кино тем, чем является план Шумана для тяжелой промышленности». Предостерегая против грозящих французскому киноискусству опасностей, статья мобилизует деятелей кино на борьбу за независимое национальное искусство.

Статья Жана Диенна (№ 55) о последних испытаниях водородной бомбы на островах Тихого океана раскрывает значение этих испытаний как акта упорно проводимой правительством США политики запугивания. Автор отмечает, что даже ученые, работающие над изготовлением атомного и водородного оружия, высказываются против этих испытаний, совершенно бесполезных и с научной и с технической точки зрения и в то же время вредных и опасных, как это испытали на себе, в частности, японские рыбаки. Против повторения подобных испытаний выступил, как известно, и «отец атомной бомбы» Роберт Оппенгеймер, за что он был уволен, обвиненный в... «коммунистических тенденциях». Репрессии против Оппенгеймера рассматриваются американскими комментаторами как начало широкого выступления властей США против всех ученых, которые не склонны мириться с превращением их работ в оружие террора и перманентной войны.

В № 49 «Нувель критик» помещена статья о проекте создания «европейского атомного пула», вызвавшем серьезное сопротивление со стороны французских физиков, которые видят в этом попытку поставить французскую науку на службу американскому капиталу под контролем аденауэровской Германии. Автор разоблачает политику французского правительства, сокращающего и без того скудные кредиты на исследовательскую работу в угоду «европейским» комбинациям, ведущим к «колонизации французской науки».

Борьба за культуру неразрывно связана с борьбой за свободу. Этой теме посвящена статья «Юристы и защита демократических свобод» Анри Ж. Дюзона в № 50 журнала. Автор показывает, как в течение нескольких лет во Франции нарастает угроза уничтожения демократических свобод: учащаются нарушения конституции, нарушения свободы забастовок, свободы союзов, свободы печати, производятся аресты руководителей профсоюзов, Союза республиканской молодежи, компартии. Делаются попытки пересмотра конституции 1946 года в реакционном духе, импорта маккартизма, дискриминации граждан. Находятся юристы, пытающиеся подвести «теоретическое» обоснование под все расширяющуюся практику административного произвола. Они силятся доказать, что судебные органы при истолковании законов должны исходить не из воли законодателя, как это до сих пор считалось единственно правильным, а обязаны руководствоваться «объективными требованиями, вытекающими из данной ситуации». Автор правильно усматривает, что эта «теория» целиком заимствована у нацистского юриста, профессора Берлинского университета Карла Шмидта, который 20 лет тому назад провозгласил, что «всякое право есть конъюнктурное право» («Alles Recht ist Situationsrecht»).

Прогрессивные французские юристы энергично борются с этой проповедью беззакония, против тенденции фашизации государства, составляющей один из элементов политики разжигания войны, навязываемой американскими монополиями.

Отмечая, что буржуазная демократия предоставляет лишь минимум свобод, к тому же неустойчивых и постоянно урезаемых, Дюзон подчеркивает, что необходимо объяснить, почему коммунисты стоят на страже демократических свобод, хотя бы и неустойчивых и ограниченных, показать, что они являются верными и могущественными союзниками всех, кто борется за демократические свободы, и что без коммунистов эта борьба не может быть успешной.

Шарль Арош анализирует в своей статье (№ 55) маневры, направленные к созданию так называемого «европейского оборонительного сообщества», идея которого столь дорога Жоржу Бидо и Ги Молле, но вызывает отвращение и гнев большинства французов из самых различных слоев общества.

Любопытный пример того, как прогрессивные идеи проникают даже в те круги, которые реакция считает наиболее надежными, проиллюстрирован в статьях Поля

Гайара (№ 50) и Анни Бесс (№ 54). Речь идет о попытке Ватикана вести борьбу с колоссально возросшим влиянием компартии в рабочем классе при помощи «рабочих-священников». Для этой цели в 1942 году в Лизье (Нормандия) была создана так называемая Французская миссия под эгидой Доминиканского ордена, выполняющего в системе Ватикана функцию главного проводника социальной демагогии, организатора католических профсоюзов, задача которых — отвлечение рабочих от классовой борьбы, раскол рабочего движения. Это очередное предприятие Ватикана привело к неожиданному конфузу. Став рабочими, священники начали рассуждать, как рабочие. И не только рассуждать, но и действовать.

Главный редактор органа католической церкви «Ви католик», объективность которого в данном случае вне подозрений, писал по этому поводу: «Людям, живущим в хороших квартирах, хорошо одетым и с деньгами, современное общество представляется гармоническим механизмом, в котором общественные классы могут с идеальной легкостью сотрудничать. Но когда по-настоящему живешь с бедными и униженными, когда переходишь, не скажу на ту сторону баррикады, а просто на ту сторону барьера, когда по-настоящему узнаешь голод, холод и необеспеченность жилищем, когда страдаешь от несправедливости, картина сразу меняется. Тогда кажется, что испытываешь на себе борьбу классов, что она реальна и неизбежна, что ты угнетен и что необходимо сначала прекратить этот гнет для того, чтобы люди получили возможность действительно стать братьями».

Поведение «рабочих-священников» доставило большие неприятности Ватикану. В мае 1952 года двое из них приняли участие в манифестации против Риджуэя. Они были арестованы и избиты. В апреле 1953 года 16 «рабочих-священников» выступили в защиту незаконно арестованных руководителей Всеобщей конфедерации труда и заклеили поведение лидеров католических профсоюзов, занявших в этом вопросе нейтральную позицию. А в августе пять «рабочих-священников», солидаризируясь с забастовщиками в Лиможе, среди которых были и католики, публично разоблачили раскольническую политику католических профсоюзных лидеров и подчеркнули «верность ВКТ подлинным интересам пролетариата».

Такие крамольные выступления вызвали ярый гнев Ватикана. Решив вырвать зло с корнем, Ватикан объявил об упразднении этой разновидности священников. Вместо них под прямым руководством Рима формируются специальные «миссионеры для марксистских масс». Провинившихся «рабочих-священников» ожидают суровые дисциплинарные наказания. Грубое вмешательство Ватикана в дела французской церкви вызвало возмущение и в кругах верующих. Даже ревностный католик академик Франсуа Мориак заявил, что репрессии по отношению к «рабочим-священникам» были бы равнозначны взрыву динамитом одного из соборов Франции.

В № 55 напечатаны две главы из новой поэмы Луи Арагона «Глазами памяти», представляющей своего рода творческую исповедь поэта. Первая из опубликованных глав — простая история молодого человека, пережившего драму первой мировой войны и нашедшего с помощью Коммунистической партии свой путь в жизни. Вторая глава — подлинный гимн Коммунистической партии, в которой поэт обрел семью. Арагон рисует трудный и славный путь Французской компартии от Турского конгресса 1920 года до наших дней.

«Нувель критик» широко освещает все новое в науке, литературе и искусстве Советского Союза, часто помещает переводы статей из советских журналов. Материалы теоретических дискуссий, печатаемые в журнале, позволяют судить о все возрастающем интересе французской общественности к культурной жизни СССР, о напряженном внимании, с которым французская интеллигенция следит за советской наукой и советской литературой. Ведя борьбу против сил реакции, защищая национальные демократические традиции французского народа, журнал «Нувель критик» делает полезное и благородное дело.

Е. В. РУБИН

ПОД ВЫВЕСКОЙ ЗАЩИТЫ «СВОБОДЫ КУЛЬТУРЫ»

Едва ли найдется какой-либо другой лозунг, служащий объектом столь бессовестной и злостной демагогии со стороны империалистических идеологов, как лозунг свободы. «Свободный мир», «свободная экономика», «свобода культуры и науки» — таковы ходкие фразы империалистической пропаганды, пытающейся всеми способами прикрыть оголтелое наступление реакции, режим свирепых репрессий и террора, царящий в капиталистических странах, и в первую очередь в США. Идеологи империалистической буржуазии стремятся убедить широкие массы в том, что подлинная свобода может произрастать только на почве капитализма, всячески стараются разжечь с помощью клеветы вражду и ненависть к СССР и странам народной демократии.

С целью подобной спекуляции на лозунгах «свободы» и «демократии» американскими империалистами в последние годы был создан целый ряд специальных пропагандистских организаций, видное место среди которых занимает «Конгресс свободы культуры». На эту организацию ее американскими хозяевами возлагается задача идеологической обработки работников науки и культуры, объединения вокруг империалистических лозунгов буржуазной интеллигенции, в среде которой в последнее время

усиливаются настроения, отнюдь не устраивающие вашингтонских стратегов «психологической войны».

«Конгресс свободы культуры» замаскирован под «независимую» и «международную» организацию (даже его штаб-квартира расположена в Париже, а не в Вашингтоне или Нью-Йорке). Согласно официальным заявлениям, цель этой организации — «обеспечить и защитить свободу культуры везде, где она существует в настоящее время, и помогать тем, у кого она отнята», объединить интеллигенцию различных стран мира для борьбы «за свободу культуры».

Однако уже «тайна» рождения этой организации в достаточной степени разоблачает ее истинный характер. Дело в том, что конгресс был создан по инициативе группы американских реакционеров, вроде одного из главных американских «опровергателей» марксизма, фашиствующего социолога, в прошлом троцкиста, Джеймса Бернхэма, философа-клеветника Сиднея Хука, такого представителя клики продажных профсоюзных лидеров, как Ирвинг Браун, или автора грязных антисоветских книжек, активного деятеля американской пропаганды, издателя выходящего в Западной Германии американского журнала «Дер Монат» Артура Кестлера, и других. Если к тому же учесть, что среди европейских участников этой организации господствующее положение занимают «деятели культуры» из числа преступных элементов, сбежавших из демократических стран, а также ряд космополитствующих, проамерикански настроенных представителей западноевропейской интеллигенции, то станет ясно, что «Конгресс свободы культуры» представляет собою на деле одно из звеньев американского аппарата «холодной войны». Неоспоримые доказательства этому дает в первую очередь сама деятельность «Конгресса».

Уже организационная конференция «Конгресса свободы культуры», состоявшаяся в июне 1950 года в Западном Берлине под покровительством американских оккупационных властей, показала, что в основу деятельности этой организации положена оголтелая антисоветская пропаганда среди интеллигенции всех стран. Как сообщала газета «Нью-Йорк таймс», «на конференции была высказана решимость использовать радио и газеты, чтобы донести свой голос... на территории, подвластную Советам», а также принято так называемое «обращение» к ученым СССР, состряпанное по самым избитым рецептам американской империалистической пропаганды. Уже первая конференция показала, что, вопреки всем официальным заявлениям, «Конгресс» отнюдь не ставит перед собой цели установления дружеского контакта между деятелями науки и культуры различных стран и защиты свободы культуры, грубо попираемой в империалистических государствах.

В этом же году постоянный комитет «Конгресса» объявил через печать о создании фонда помощи «беженцам» из стран народной демократии, то есть, попросту говоря, профашистскому отребью, шпионам, диверсантам и прочим преступным элементам, нашедшим убежище в империалистических странах.

С первых дней своего существования «Конгресс» всеми силами старался воспрепятствовать все возрастающей тяге представителей интеллигенции всех стран к всемирному движению сторонников мира, противопоставить великой идее борьбы за мир демагогические рассуждения о «свободе культуры».

Откровенно политические цели преследовал, в частности, широко разрекламированный «фестиваль искусства двадцатого века», организованный «Конгрессом» в 1952 году в Париже. Задача этого «фестиваля», как указывала американская печать, состояла в том, чтобы как-то сгладить огромное впечатление, произведенное искусством демократических стран на целом ряде международных фестивалей.

Особенно пышно было обставлено одно из последних мероприятий «Конгресса» — состоявшаяся летом прошлого года в Гамбурге международная конференция, прошедшая под лозунгом «наука и свобода». На эту конференцию съехалось более ста ученых и общественных деятелей из 19 стран мира, часть из них под влиянием демагогических заявлений ее устроителей, остальные по своим «научным» или политическим «склонностям».

Едва ли следует удивляться, что в почетном комитете конференции оказались такие известные философы-мракобесы, как Карл Ясперс, Жак Маритэн, Бертран Рассел. Видимо, сочтя подобный «набор» «светил науки» несколько одиозным, устроители ввели туда ряд видных физиков, в первую очередь атомников, вроде Д. Фрэнка, Лизы Мейтнер и других.

Конечно, сама проблема «наука и свобода» не могла не заинтересовать многих ученых буржуазных стран, на своем собственном опыте познавших зависимость науки от монополий, преследование деятелей науки за их политические убеждения, извращение науки на потребу империалистической политике. Однако в центр внимания конференции были поставлены отнюдь не эти животрепещущие вопросы, кровно затрагивающие каждого ученого, работающего в условиях буржуазной «демократии».

Как показывает ход дискуссии, усилиями организаторов конференции ее работе было дано совсем иное направление. Прежде всего на конференции была сделана попытка подорвать растущее влияние марксизма на ученых и в первую очередь на естествоиспытателей.

Центральное место в «дискуссии» занимал доклад западногерманского делегата Снелля, пытавшегося доказать, что главная угроза «свободе» науки кроется в «подчинении» ее «влиянию какой-либо идеологии» (речь, разумеется, шла исключительно

о марксизме). «Спасая» науку от этой «угрозы», Снелль пустился в проповедь самой откровенной метафизики. Он пытался доказать, что всестороннее изучение и понимание действительности противоречит «структуре человеческого духа», а посему невозможно. Отсюда он сделал вывод о «ненаучности» любого цельного мировоззрения, а следовательно, и «губительности» его для науки. При этом Снелль, как и другие ораторы, разумеется, умолчал о том, что марксизм-ленинизм, против которого они ведут борьбу, отличается как мировоззрение именно тем, что оно не априорно, а построено на точных и неопровержимых данных науки, позволяющих найти те общие законы, которые освещают путь научного исследования. От науки, от изучения объективной реальности многие наиболее честные и передовые ученые приходят к материалистическому мировоззрению, несущему науке подлинную свободу, освобождающему ее от шор идеализма и метафизики.

Французский экономист профессор Морис Бувье-Ажам в предисловии к книге «Циклическое движение цен и его объяснение буржуазными теоретиками» писал: «Я пришел к выводу, что марксистская теория, утверждающая, что капитализм вызывает расстройство экономической жизни общества и что человечество идет к новому строю, является наиболее правильной.

Положительные факты и теоретические соображения, которые я собрал и основные из которых здесь излагаю, сыграли большую роль в том, что я примкнул к экономическим выводам марксистов».

Об ученых, которых сама наука заставляет отказаться от идеализма и метафизики, о таких, как Бувье-Ажам, Луи де Бройль и многие другие, конечно, с трибуны конференции предпочитали не говорить. Но именно увеличение числа таких ученых и заставляет империалистических идеологов с яростью обрушиваться на марксизм.

В тщетных попытках доказать «несовместимость» науки с марксистским мировоззрением некоторые ораторы, выступавшие на конференции (С. Хук и другие), побили все рекорды клеветы на советскую науку. Однако едва ли это смогло произвести сильное впечатление на ученых Запада, многие из которых отлично знакомы с достижениями советской науки в области физики, астрономии, математики, химии, биологии и других областей знания.

Этим ученым известно, что свободе их научного творчества угрожает отнюдь не диалектический материализм, а в первую очередь «охота за ведьмами», ставшая, в частности в США, неотъемлемой частью всего образа жизни. Проверка лояльности ученых, изгнание их из университетов, травля и преследование честных деятелей науки — вот реальная угроза свободе науки в США, а также в других империалистических странах. Не случайно знаменитый физик А. Эйнштейн вынужден был в знак протеста против маккартизма в науке отказаться от участия в праздновании своего 75-летия, отмечавшегося в этом году. «Вы можете принести к моей двери цветы, — заявил он, — лишь тогда, когда заставят замолчать последнего охотника за ведьмами».

Другой задачей, поставленной перед конференцией ее устроителями, была дальнейшая мобилизация буржуазных ученых на обслуживание военной машины империалистов. Пытаясь мобилизовать всех ученых на службу поджигателям войны, заставить их разрабатывать новые виды оружия массового уничтожения, империалисты сталкиваются с растущим в среде наиболее честных представителей буржуазной науки сопротивлением этим попыткам вовлечь их в дело подготовки новой мировой бойни. Неблагодарным делом «успокоения совести» этих ученых и занялись на Гамбургской конференции агенты поджигателей войны из «Конгресса» свободы культуры».

Об этой стороне деятельности конференции достаточно откровенно сообщает один из ее участников и главных докладчиков, реакционный английский психолог Арчибалд Хилл. Свою статью, носящую в известной мере инструктивный характер и помещенную накануне открытия конференции в органе американских оккупационных властей в Германии «Ди нейе цейтунг», Хилл начинает с призыва ко всем ученым — работать над созданием новых видов оружия, прежде всего оружия массового уничтожения, — назвав это «почетным и неизбежным долгом доброго гражданина». Суть же как его статьи, так и выступления на конференции сводится к попытке доказать, что совесть и мораль несовместимы... с развитием науки.

«Теперь большинство ученых знает, — не обременяя себя доказательствами, заявил Хилл, — что они обесценят свою исследовательскую работу, если внесут в нее моральные критерии».

Что может дать науке и ее свободе конференция вроде Гамбургской, само собой очевидно. Цель подобных конференций — привязать буржуазных ученых еще прочнее к колеснице поджигателей войны, оклеветать и опорочить передовую науку и идеологию.

Факты свидетельствуют о том, что «Конгресс свободы культуры» ведет деятельность, не имеющую ничего общего с защитой свободы или защитой культуры. Защищая агрессивную, антинародную политику американских империалистов, он неминуемо будет все в большей степени разоблачать себя в глазах честных деятелей культуры и науки всех стран.

В. А. ПИЧУГИН

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

В чем заключается атеистическое значение учения И. П. Павлова?

(Ответ Смирнову. Москва)

Материалистическое учение академика И. П. Павлова о работе мозга непримиримо противоположно религиозным представлениям о душе.

Религиозное, идеалистическое мировоззрение утверждает, будто в человеке имеются две абсолютно различные сущности: бессмертная душа и бренное тело. При этом душа представляется как нечто чуждое материи, вложенное в человека самим богом, не подчиняющееся законам природы. В противоположность этому идеалистическому представлению о психической деятельности человека академик Павлов сознательно исходил из материалистического принципа, согласно которому ощущение, мысль, психическое есть функция мозга. На протяжении многих лет И. П. Павлов в своих исследованиях стремился раскрыть законы работы мозга, конкретные механизмы высшей нервной деятельности животных и человека. И он достиг на этом поприще замечательных успехов. Историческое значение Павлова как ученого в том именно и состоит, что в его лице естествознание пошло по единственно верному пути изучения психической деятельности человека, указанному материалистической философией. В. И. Ленин писал: «Нельзя рассуждать о душе, не объяснив в частности психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы» (Соч. Т. I, стр. 126—127).

Павлов самым решительным образом выступал против идеалистических, религиозных рассуждений о душе, о полной противоположности тела и духа, он видел в этих взглядах помеху для развития науки, оковы для исследователя. Объясняя свой подход к явлениям высшей нервной деятельности, он писал: «Для натуралиста все — в методе, в шансах добыть непоколебимую, прочную истину, и с этой только, обязательной для него, точки зрения душа, как натуралистический принцип, не только не нужна ему,

а даже вредно давала бы себя знать на его работе, напрасно ограничивая смелость и глубину его анализа» (Полное собрание трудов. Т. III, стр. 37. 1949).

В противоположность идеалистическому, религиозному мировоззрению Павлов последовательно отстаивал принцип детерминизма как важнейшую, решающую основу точного исследования во всех науках, в том числе и в физиологии высшей нервной деятельности. Лагерю материализма, в котором находится Павлов, в вопросах причинности противостоит скопище «дипломированных лакеев поповщины», начиная от защитников «свободы воли» электронов и «индетерминированности» поведения молекул катализаторов, частиц вирусных белков и хромосом до идеалистически настроенных физиологов и психологов, нападающих на учение об условных рефлексах с его краеугольным принципом детерминизма. Реакционный немецкий физик П. Иордан открыто требует пересмотреть исторически сложившееся отрицательное отношение естествознания к религии, апеллируя при этом к известному соотношению неопределенностей в квантовой механике и выводя из него индетерминизм в поведении высших индивидуумов.

И. П. Павлов последовательно критиковал не только открытых сторонников примитивно-религиозных взглядов, но и тех ученых, которые, несомненно, возмущались бы, если бы их заподозрили в религиозности, хотя, по существу, они далеко не освободились от религиозных пережитков и все еще полагают, что невозможно полностью объяснить с позиций детерминизма поведение живых существ, так как в нем есть якобы «что-то», не поддающееся строго объективному, научному методу исследования. «Я постоянно встречал и встречаю, — говорил Павлов, — немало образованных и умных людей, которые никак не могут понять, каким образом можно было бы когда-нибудь целиком изучить поведение, например, собаки вполне объективно, т. е. только сопоставляя падающие на

животное раздражения с ответами на них, следовательно, не принимая во внимание ее предполагаемого по аналогии с нами самими субъективного мира. Конечно, здесь разумеется не временная, пусть грандиозная трудность исследования, а принципиальная невозможность полного детерминирования. Само собой разумеется, что то же самое, только с гораздо большей убежденностью, принимается и относительно человека. Не будет большим грехом с моей стороны, если я допущу, что это убеждение живет и в части психологов, замаскированное утверждением *своеобразности психических явлений*, под которым чувствуется, несмотря на все научно-приличные оговорки, все тот же дуализм с анимизмом, непосредственно разделяемый еще массой думающих людей, не говоря о верующих» (Полное собрание трудов. Т. III, стр. 436—437. 1949. Разрядка моя.— Ю. Ж.).

Религия долго спекулировала на невежестве народа, на незнании причин таких явлений, как сон и сновидения, различные нервные и психические расстройства и т. д. Кликуш и одержимых попы называли «божьими людьми», их бред объявляли откровением, заставляли верующих почитать их как «проводцев», «праведников», «святых» и т. д. Они объявляли грехом попытки лечить от истерии, эпилепсии и других болезней. Физиологические исследования академика Павлова и его школы раскрыли механизмы многих не изученных ранее явлений в области высшей нервной деятельности и дали в руки врачей научно обоснованные средства лечения ряда недугов.

В деле борьбы за утверждение материалистического принципа детерминизма исключительное значение имеет данное Павловым физиологическое объяснение тех чрезвычайно сложных явлений, которые именуются произвольными движениями.

Одним из источников идеалистических и в конечном итоге религиозных взглядов является непонимание процесса познания человеком окружающей природы, то есть взаимоотношения мира вещей и мира идей, непосредственных ощущений и слова, речи, понятий. В конспекте книги Аристотеля «Метафизика» В. И. Ленин подчеркивает, что «раздвоение познания человека и *возможность идеализма (=религии) даны уже в первой, элементарной абстракции* [«дом» вообще и отдельные дома]» («Философские тетради», стр. 308. 1947).

Заслуга Павлова перед материализмом заключается в том, что он открыл законы высшей нервной деятельности и первый среди естествоиспытателей поставил на прочную научную основу изучение нервных механизмов, связанных с речевой деятельностью человека. Павлов создал учение о двух сигнальных системах, первая из кото-

рых воспринимает и перерабатывает непосредственные впечатления внешнего мира, а вторая имеет дело со словом, понятием. Великий физиолог подчеркивал, что возникновение речи означало появление качественно нового свойства в работе мозга: способности обобщения и отвлечения. Вместе с тем Павлов неустанно отмечал тесное взаимодействие обеих сигнальных систем, настоятельно указывал на то, что вторая сигнальная система имеет значение только через первую, и в связи с ней предупреждал, что отрыв их друг от друга, разрыв между ощущением и мыслью, словом и делом может иметь лишь самые печальные последствия для человека. «Если ты хочешь употреблять слова,—говорил Павлов,—то каждую минуту за своими словами разумей действительность» (Павловские среды. Т. III, стр. 163. 1949).

Глубокие идеи Павлова, направленные на раскрытие механизмов мышления, настоятельно требуют дальнейшей всесторонней разработки на основе новых экспериментальных исследований. Однако и тот материал, который был накоплен великим русским ученым, камня на камне не оставил от религиозных догм, провозглашающих полную противоположность тела и духа, божественное, потустороннее происхождение слова, превращающих продукты деятельности человеческого мозга — мысли, идеи — в фантастические, оторванные от него и противопоставленные ему сущности.

В повседневной научной работе Павлов никогда не забывал о том, что он называл своими «военными делами». Он вел борьбу с идеалистическими взглядами, религиозными предрассудками, которые обычно называл дуализмом и анимизмом. Своего идейного противника, немецкого психолога Келера Павлов клеймил как заядлого анимиста, который не может примириться с тем, что так называемую «душу» можно исследовать в лаборатории и «на собаках разъяснить законы ее деятельности». Враждебное отношение Келера к теории условных рефлексов Павлов объяснял тем, что тот преподавал психологию на богословском факультете, где, как говорил великий физиолог, «не встанешь на нашу точку зрения». Павлов неоднократно с иронией отзывался о взглядах физиолога Шеррингтона, отвергавшего опыты по условным рефлексам на том основании, что они материалистичны.

Другой английский физиолог, Дж. Джефферсон, высказался относительно павловского учения еще более определенно: «...Эта теория,—писал он,—подорвет религиозную веру, которая лежит в основе социального поведения». В этом высказывании вполне наглядно выявляется мера «объективности» некоторых современных буржуазных ученых,

звучит их «здравомыслящий» призыв держать нос по ветру и защищать поповщину.

Таким образом, для всех очевидно, что основные положения учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности противоположны религиозным воззрениям. Тем не менее нередко приходится слышать, будто творец учения о высшей нервной деятельности академик И. П. Павлов был религиозным человеком. При этом у многих возникает недоуменный вопрос: как могли сочетаться в мировоззрении И. П. Павлова столь противоречивые черты? Ведь каждому, кто знает учение Павлова, ясно, что оно нанесло сокрушительный удар идеализму и религии. В данном случае нет никакого противоречия, а имеет место довольно широко распространенное заблуждение.

В истории науки известны некоторые ученые, которые были материалистами в научной деятельности, но разделяли религиозные убеждения своих близких, были верующими, так сказать, в домашней обстановке. Не принадлежал ли к таким ученым И. П. Павлов? Факты говорят, что академик Павлов был последовательным атеистом.

В своих автобиографических заметках Павлов сообщает, как он, сын священника, выросший в религиозной среде, порвал со сложившимися в семье взглядами и под влиянием литературы шестидесятых годов, в особенности Писарева, все свои умственные интересы обратил в сторону естествознания. Впоследствии Павлов заявлял: «Я сам рационалист до мозга костей и с религией покончил». В письме к священнику Е. Кондратьеву (1928 год) Павлов

вполне определенно писал: «Я сам неверующий» — и далее приводил следующий эпизод: «Вы спрашиваете: есть ли большие ученые верующие? Конечно, были и есть. Я хорошо помню, в каком неловком положении я оказался, когда несколько лет тому назад, стоя рядом с знаменитым английским химиком Рамзеем во время службы в Вестминстерском аббатстве по случаю 250-летнего юбилея Лондонского Королевского общества, вздумал развлекать его какими-то посторонними замечаниями, а он так молитвенно был настроен».

Сотрудники Павлова, связанные с ним многолетней совместной работой, неоднократно слышали его суждения о религии. Одна из ближайших его учениц, профессор Мария Капитоновна Петрова, в своих воспоминаниях пишет: «Я в течение почти 25 лет находясь в постоянном контакте с ним, много раз слышала его высказывания по этому вопросу. Он, конечно, был полный атеист, и никаким иным быть не мог».

Приведенный материал вполне определенно показывает отношение академика Павлова к религии. И. П. Павлов был убежденным атеистом. Его материалистическое учение в физиологии было выражением его мировоззрения — мировоззрения материалиста.

Учение о высшей нервной деятельности, созданное Павловым и его школой, является острым, боевым оружием против всякого религиозного дурмана, против мистики и мракобесия, против самых замаскированных попыток проташить поповщину в науку.

Ю. А. ЖДАНОВ
(Ростов-на-Дону)

Правильно ли выделять движение микрочастиц как особую форму движения?

(Ответ тов. В. В. Скобееву. Вологда)

На вопрос, правильно ли выделять движение микрочастиц материи как особую форму движения (как это, например, делается в «Кратком философском словаре», стр. 123. 1954), следует ответить утвердительно.

С тех пор, как Ф. Энгельс написал свою знаменитую статью «Основные формы движения», прошло свыше 70 лет. За эти годы в физике произошла подлинная революция. Начиная с 1895 года, с открытия электрона, лучей Рентгена, радиоактивных веществ, перед нами предстал новый атомный мир, неведомый науке 1880—1881 годов, когда Энгельс писал свою статью о формах движения. Поэтому понятно, что,

перечисляя эти формы, начиная от низших, простейших до высших и более сложных, Энгельс не мог включить в этот перечень не открытую еще тогда форму (или формы) движения микромира.

В полном соответствии с исторически достигнутым в его время уровнем науки Энгельс ставит в начале перечисленных им форм движения механическое движение, затем — движение молекулярное, изучаемое физикой, далее — движение атомов, которое изучает химия, после чего следуют биологические формы движения. Энгельс рассматривает механическое движение как присущее всем высшим формам движения, показывая вместе с тем, что эти высшие формы движе-

ния отнюдь нельзя свести к механическому. Однако было бы несовместимым с духом диалектического материализма, если бы мы, не учитывая происшедших исторических перемен, продолжали придерживаться буквы высказываний Энгельса.

В самом деле, по какому признаку Энгельс отличает одну форму движения от другой? Почему, например, он рассматривает механику небесных тел и земных масс как простое перемещение, а тепловое движение включает в следующую, высшую форму?

Признак, по которому Энгельс классифицирует формы движения, — это их объективные закономерности. Так, например, прямолинейное равномерное движение поезда, равномерное вращательное движение маховика и криволинейное неравномерное движение артиллерийского снаряда принадлежат к одной и той же форме движения потому, что все они повинуются законам ньютоновской механики и никаким другим. Знания этих законов вполне достаточно, чтобы изучить указанные явления. Однако молекулярное движение не может быть изучено с помощью одних только законов ньютоновской механики, хотя молекулы газа повинуются им столь же строго, как брошенный мяч или Луна, вращающаяся вокруг Земли. Но этих молекул в небольшом объеме (в объеме одного литра) насчитываются триллионы, и потому у них наряду с механическими имеются еще и свои особые, «коллективные» закономерности. Именно эти закономерности и характеризуют тепловую форму движения. Математически они выражаются в виде статистических законов.

Применение статистики вызвано не тем, что закон движения отдельных молекул нам не известен. Нет, мы знаем этот закон и можем написать систему уравнений для всей совокупности молекул. Правда, даже при современном состоянии машинной математики мы пока еще не можем решить эту систему уравнений, однако и не этим объясняется применение статистики, оно обусловлено самым существом данной формы движения, ее спецификой.

Все сказанное ясно свидетельствует о том, что движение микрочастиц надо считать особой формой движения, отличной от механического перемещения макротел, равно как и от теплового и других, высших форм движения.

Движение микрочастиц подчиняется законам не ньютоновской, а квантовой механики. Основной характерной чертой этой формы движения является то, что энергия в микропроцессах передается (испускается и поглощается) прерывными порциями — квантами, составляющими целые кратные наименьшей, далее неделимой доли действия

энергии. Микрочастицы (электроны, протоны, нейтроны, позитроны, мезоны разных видов, нейтрино) — это частицы вещества, но они не являются просто уменьшенными копиями макротел (скажем, дробинки, молекул или атомов), а отличаются от них качественно, и движение их нельзя считать механическим.

Отношение микродвижения к механическому иное, чем отношение механического движения к тепловому. Как уже сказано, тепловое движение отличается от механического тем, что оно подчиняется не только механическим законам, но вдобавок еще своим (статистическим). Между тем мы можем уяснить себе переход от микродвижений к механическому движению только тогда, когда мы в первом приближении предположим, будто в микропроцессах энергия передается непрерывно, то есть так, как это происходит в макропроцессах. Это значит, что мы крайне малую, но все же конечную величину кванта действия приравняем к нулю. Следовательно, макропроцессы являются предельным случаем микропроцессов.

Микрочастицы принято называть «элементарными частицами». Ставя этот термин в кавычки, желают подчеркнуть его условность, причем в двух смыслах. Во-первых, отметить, что микрочастицы коренным образом отличаются от макротел; во-вторых, показать, что их элементарность не следует понимать в том смысле, будто они в самом деле последние, неделимые «кирпичики», из которых построено все вещество.

При современном состоянии физики мы пока еще не знаем, как именно построены «элементарные частицы». Для того, чтобы узнать это, потребуются дальнейшее развитие науки и прежде всего экспериментальной физики. Однако мы все же знаем о них достаточно, чтобы иметь право утверждать, что они крайне сложны, неисчерпаемы. «Элементарные частицы» характеризуются не только массой, но и спином (явлением, связанным с вращением частицы вокруг своей оси). При этом одни частицы обладают положительным зарядом, другие — отрицательным, третьи совсем нейтральны, однако все они неразрывно связаны со своим полем. Наконец, они обладают превращаемостью — могут при известных условиях порождать друг друга, могут превращаться из вещества в иную качественную разновидность материи, в электромагнитное поле, неразрывно связанное с другой разновидностью материальных частиц, с фотонами (частицами света), имеющими свои особые закономерности.

Таким образом, теперь установлено, что механическое движение уже не может сохранить прежнее, начальное место в ряду форм движения. Разумеется, оно попреж-

нему остается наиболее простой для понимания формой движения. Объясняется это тем, что наши органы чувств благодаря своему устройству непосредственно воспринимают макродвижения, весь мир, соизмеримый по своим масштабам с нашим телом. Поэтому, с точки зрения познания, логики и исторического развития науки, механическое движение стояло и стоит на первом месте. Но если рассматривать само историческое развитие форм движения материи, как оно происходит объективно, в природе, то приходится признать, что механическое движение, простое перемещение макротел в пространстве и во времени нельзя считать первичной, и в этом смысле низшей, формой движения. Движение микрочастиц вещества исторически предшествует ему. Кроме того, современной физике известны еще более ранние состояния материи, когда нет вещества, нет его «элементарных частиц», а имеется лишь электромагнитное поле с фотонами — так называемый «фотонный газ». А начиная с 1947 года новые открытия в области физики дают основание полагать, что пространство, рассматривавшееся до сих пор как «пустое» («вакуум»), в действительности не является пустым, оно неустанно взаимодействует с веществом, и это взаимодействие следует отнести к еще более «низшим» формам движения материи. Таким образом, следует, собственно, говорить о различных формах микродвижения. В отличие от высших форм движения, всегда включающих простое перемещение тел, микродвижения не обязательно включают в себя такие пере-

мещения в пространстве, подчиняющиеся законам классической механики.

Подытоживая, можно сказать, что материя неисчерпаема не только в смысле бесконечного разнообразия своих структурных форм, но и в смысле бесконечного разнообразия форм движения. Так же как не существует последней, самой простой частицы, к которой сводились бы все остальные, не существует и самой простой, последней формы движения. Все формы движения неразрывно связаны, взаимно превращаются. И мощь человеческого труда и абстрагирующей силы мысли состоит в постепенном раскрытии этих форм для подчинения их целесообразной деятельности человека.

Необычность законов движения микромира не только с точки зрения «здорового смысла», повседневной жизни, но и с точки зрения прежних, укоренившихся в науке понятий привела в условиях антагонистического классового общества, как это показал в «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин, к кризису физики, к отрицанию физиками-идеалистами и метафизиками объективной реальности и закономерности микромира, к утверждениям о «свободе воли» электрона и т. п. Однако те реакционные «выводы», которые делает определенная часть физиков капиталистических стран из величайших достижений науки, не в состоянии ни приостановить ее прогресс, ни опровергнуть непреложный факт триумфа марксистско-ленинского мировоззрения, полностью подтверждаемого этими научными достижениями.

Э. К.

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — За творческую разработку вопросов диалектического материализма . . .	3
Научное и религиозное мировоззрение . . .	20
А. И. Соболев — Великая созидательная роль Советского государства	28
А. Н. Наумов — Китайская Народная Республика на путях к социализму	43

А. Г. Спиркин — Формирование абстрактного мышления на ранних ступенях развития человека	62
В. М. Подосетник — К вопросу о ступенях процесса познания истины	77

М. М. Григорьян — Людвиг Фейербах . . .	82
В. Ф. Асмус — Иммануил Кант	92

Г. М. Фридлендер (Ленинград) — Эстетические взгляды Лессинга	109
--	-----

ЛЕКЦИИ И КОНСУЛЬТАЦИИ

П. К. Фигурнов — О двух этапах развития народно-демократического строя в европейских странах народной демократии	124
--	-----

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Д. И. Заславский — Юродство и юродивые в современной буржуазной философии . . .	138
Ю. К. Мельвиль — Человек разрывает цепи . .	152

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Публикация статьи Канта о приливном тении	162
---	-----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

К итогам дискуссии по вопросам физической и экономической географии	167
Леопольд Инфельд (Польша) — Несколько замечаний о теории относительности	173
Э. Кольман — К спорам о теории относительности	178

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- М. М. Карпов, А. М. Минасян** (Ростов-на-Дону) — За создание полноценного пособия по диалектическому материализму 190
- В. Румл, Д. Слейшка** (Чехословакия) — По поводу новой советской книги по диалектическому материализму 193
- Н. К.** — Обзор рецензий на книгу «Диалектический материализм» 196
- От редакции** 203
- И. С. Нарский** — Книга М. Корнфорта об историческом материализме 205
- Л. А. Баграмов** — Глубже разоблачать неомальтузианство 208
- Н. К. Зелинская** — Голос бразильского ученого 211

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Н. В. Ермолова** — Краткос сообщение о защите докторской диссертации 216
- Я. И. Хачикян** (Ереван) — В философских учреждениях Армении 220

ЗА РУБЕЖОМ

Краткие заметки

- Джузеппе Боффа** (Италия) — Новый журнал прогрессивной интеллигенции Италии . . . 225
- Е. В. Рубинин** — Журнал «Нувель критик» . . 228
- В. А. Пичугин** — Под вывеской защиты «Свободы культуры» 231

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

- Ю. А. Жданов** (Ростов-на-Дону) — В чем заключается атеистическое значение учения И. П. Павлова? 234
- Э. К.** — Правильно ли выделять движение микрочастиц как особую форму движения? . . 236

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Д. Каммари (главный редактор), **Б. М. Кедров, В. С. Кеменов, Ф. В. Константинов, А. А. Максимов, М. Б. Митин, В. С. Молодцов, М. М. Розенталь** (зам. главного редактора), **М. И. Сидоров, Ц. А. Степанян, В. Н. Столетов, Я. П. Терлецкий, Ю. П. Францев.**

Адрес редакции: Москва, Г-19. Волхонка, 14, комн. 418. Телефоны: Б 8-76-32, Д 3-35-40.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 06255. Изд. № 884. Заказ № 2482. Подписано к печ. 29/X 1954 г.

Формат бумаги 70/108¹/₁₆. 7,5 бум. л. — 20,55 печ. л. Тираж 47 400.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1955 год

на ежемесячный журнал

„ВОПРОСЫ ИСТОРИИ“

орган Института истории
Академии наук СССР

•

Подписная цена:

на 12 месяцев—72 руб.

на 6 месяцев—36 руб.

•

Подписка принимается в отделах «Союзпечати», конторах, отделениях и агентствах связи, пунктами подписки на предприятиях, МТС, колхозах и совхозах, в учебных заведениях и учреждениях, а также их общественными уполномоченными.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»